

АНТИСУВОРОВ

ГЛАВА 1.

КОНКУРС НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ПЛАНОВ

«...оперативный план войны против Германии в наших Вооруженных силах существовал и был отработан не только в Генеральном штабе, но и детализирован командующими войсками».

А.М. Василевский

Одна из главных претензий поклонников В. Суворова к его критикам — недостаточное внимание к общим вопросам. Якобы он может ошибаться в деталях: километрах в час и миллиметрах брони, будучи прав в «главном». Поэтому давайте сразу займемся одним из «основных тезисов» Владимира Богдановича. Он утверждает, что у СССР наличествовал только наступательный план «освободительного похода»:

«На прямой вопрос, были ли планы войны у советского командования, Жуков отвечает категорически: да, были. Тогда возникает вопрос: если планы были, почему Красная Армия действовала стихийной массой без всяких планов? На этот вопрос Жуков ответа не дал. А ответ тут сам собой напрашивается. Если советские штабы работали очень интенсивно, разрабатывая планы войны, но это были не оборонительные и не контрнаступательные планы, то — какие тогда? Ответ: чисто наступательные».

Однако за кадром остался вопрос, у кого они были оборонительные. Все планы войны крупных держав — участников двух мировых войн двадцатого столетия были наступательными. Причем наступательный характер не зависел от того, кто явится инициатором войны. Для военного планирования это было абсолютно безразлично, планы вопрос очередности объявления войны не рассматривали. Оборонительными были только планы мелких стран, основной линией планирования в этом случае была упорная оборона в надежде на то, что могущественные союзники сокрушат напавших на страну-карлик противников. У читателя сразу возникнет два вопроса: «Почему планы наступательные и почему РККА не помогли планы в 1941 г.?»

Для начала давайте оглянемся назад: как планировали войну и ее начальные операции в 1914 году. Многие тактические и стратегические решения войны последующей проистекают из войны предыдущей. Поэтому без понимания событий 1914 г. трудно разобраться в событиях рокового 1939-го и трагического 1941-го. Начнем с Антанты, про Германию и план Шлиффена читатели, скорее всего, слышали, и я лишь напомним несколько позже его основные моменты. На мой взгляд, ярче всего суть военного планирования Франции и России отражают слова, записанные в протоколе совещания начальников штабов от 13 июля 1912 года: «Оба начальника Генеральных штабов объявляют с обоюдного согласия, что слова «оборонительная война» не могут быть поняты в том смысле, что «война будет вестись оборонительно». Они, наоборот, подтверждают абсолютную необходимость для русской и французской армий начать решительное и, поскольку возможно, одновременное наступление...». (Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов. М.: 1922. С. 708). Слова эти повторяются и в протоколе совещания августа 1913 г., и августа 1911 г. в практически неизменном виде.

Итак, Франция вступила в войну с так называемым планом № 17 Жоффра. Он предусматривал наступление германских армий по двум направлениям, первое на восток из района южнее крепости Туль, между лесистыми массивами Вогезов и р. Мозель, второе на северо-восток из районов к северу от линии Верден — Мец. План предполагал, что главная масса германских сил будет стремиться во Францию через Люксембург и Южную Бельгию. Удар французских войск, соответственно, наносился по левому флангу предполагаемой германской ударной группировки. То есть объяснение наступательной направленности плана вполне очевидно — вместо того чтобы принимать удар в лоб, наносим свой удар во фланг, вынуждая противника отказаться от наступления под угрозой флангового обхода. Считаю необходимым также сказать несколько слов о французской армии тех лет, очень много интересных параллелей намечается. Основу военной доктрины составлял «элан» (порыв), проще говоря, стратегия и тактика были наступательными. Французский устав 1913 года начинался с высокопарного заявления: «Французская армия, возвращаясь к своей традиции, не признает никакого другого закона, кроме закона наступления». Далее следовали заповеди, составленные из говорящих сами за себя тезисов: «наступление без колебаний», «неистовость и упорство», «сломить волю противника», «безжалостное и неустанное преследование». «Только наступление, — возвещал устав, — приводит к положительным результатам». В том же духе было настроено высшее руководство страны. Президент республики Фальер заявил в 1913 году: «Только наступление соответствует темпераменту французского солдата. Мы полны решимости выступить против противника без колебаний». Желаящие могут смело искать 10 различий с тем, что наблюдалось у нас перед 1941-м, а мы продолжим наше повествование, обратившись к военным планам России образца 1914 года.

Как и предполагалось на совместных совещаниях начальников генеральных штабов Франции и России, планы русского командования тоже были наступательными. Позволю себе дать слово документам. По плану 1912 г., утвержденному Николаем II 1 мая 1914 г., общей задачей был «переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы». (История военной стратегии России. М.: Кучково поле, 2000. С. 101. Со ссылкой на РГВИА, Ф. 2000, Оп. 1. Д. 459, Л. 7). Предполагалось достигнуть целей войны в течение 1,5–2 месяцев. В 1914 г. тоже все было в порядке с «малой кровью, на чужой территории». Говоря о военных планах России, хотелось бы отметить следующее. Наступательный характер действий русской армии объяснялся не только союзническим долгом. Обязательствами перед Францией определялось направление главного удара — Германия, так называемый план «Г». Поскольку Восточная Пруссия была крепким орешком, более целесообразным русское высшее военное руководство считало нанесение основного удара по Австро-Венгрии, так называемый план «А», но пассивная стратегия не предусматривалась ни в каком случае. Окончательный вариант плана, принятый под давлением Жоффра, реализовывал стратегию воздействия на немцев с целью заставить их распылить силы. Предполагалось, что основным удар Германия нанесет по Франции. Если русские войска будут проводить пассивную, оборонительную стратегию, то немцы могут оставить в Восточной Пруссии минимум сил, сосредоточив максимально сильную группировку против Франции. Затем, разгромив Францию, повернутся всеми силами к России. Напротив, если русская армия начинает наступление против Восточной Пруссии, то немцам придется ослабить группировку войск, действующую против Франции, усилив оборону этой области. Более того (как это реально и случилось), в случае сильного давления русских войск на колыбель прусского духа придется снимать наступающие во Франции войска, сажать их в поезд и везти на Восток. Эти закономерности, относящиеся к разным театрам военных действий, применимы и для большого по своей протяженности фронта двух воюющих армий. Если мы наступаем на одном участке фронта, то целесообразно проводить активные наступательные действия и на другом с целью не допустить рокировки противником резервов на выручку своим войскам.

Теперь на очереди планы стран Оси. Начнем с Австро-Венгрии. Концептуально, разумеется, ничего нового — план войны наступательный. Но позволю себе процитировать слово в слово написанное по поводу мотивировки наступательных планов Австро-Венгрии генералом русской армии Андреем Медардовичем Зайончковским, учившим будущих красных командиров тяжелому опыту Первой мировой войны. Итак: «Конрад в своих мемуарах пишет, что его руководящей идеей операций против России было наступление невзирая на риск, так как оборона при первых же столкновениях повлекла бы катастрофу для австро-венгерской армии. 40 дивизий, собранных в Галиции (эшелоны «А» и «С»), не могли оставаться пассивными в то время, когда численно превосходные русские силы теснили бы союзников в Восточной Пруссии и Румынии, а затем после легкой победы над ними обрушились бы всеми силами на Австро-Венгрию. Перейдя Верхнюю Вислу, близ впадения в нее р. Сана, и сковав австро-венгерские армии в Галиции, русские открыли бы свободный путь на Берлин или Вену. «Прежде всего возможно крупными силами дать генеральное сражение русским войскам, сосредоточенным между рр. Вислой и Бугом, при содействии с севера удара на Седлец большей частью собранных в Восточной Пруссии германских сил, — такова была ближайшая цель моего плана», — пишет Конрад (Feltlmarschall Conrad. Aus meiner Dienstzeit, IV. 1923. С. 286)» (Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР. 1938. С. 67–68). Известный советский военный теоретик А. Свечин рисует обстановку даже более прозаически: «Австрийский генеральный штаб, с Конрадом во главе, рассуждал перед мировой войной так: Россия может выставить против нас на 20-й день мобилизации 35 дивизий, на 30-й день — 60 дивизий; Австрия может на 20-й день располагать четырьмя десятками дивизий. Значит, австрийцы должны наступать: при обороне австрийцы будут раздавлены, при наступлении они могут рассчитывать даже на некоторый численный перевес». (Свечин А. Постигание военного искусства. М.: Русский путь. 2000. С. 370). Побудительные мотивы Австро-Венгерского штаба вполне очевидны. Если начать наступать, то есть шанс перемолоть некоторое количество русских дивизий, пользуясь первоначальным превосходством. Прибывающие по мобилизации русские дивизии уже не будут иметь такого подавляющего преимущества, из 60 дивизий на 30-й день мобилизации будет вычтено некоторое количество перебитых австрийцами при ударе 40 австрийских против 35 русских. Мы видим практически одинаковые побудительные мотивы, по сути, вынуждавшие руководителей генеральных штабов разных стран рисовать на картах стрелочки, направленные на территорию сопредельных государств, с которыми может случиться война. Альтернативы этому нет, или мы отдаем противнику инициативу, и он наваливается превосходящими силами на нашего союзника или на выгодный ему участок общего фронта, достигает там успеха, а потом всеми силами обрушивается на нас или другой участок фронта. Армия, выбравшая пассивную стратегию, будет просто разгромлена по частям. Напротив, если планы наступательные, стратегия активная, то противник не будет спокоен за оборону на тех участках фронта, где он не планирует активных действий. Вместо максимальной концентрации всех возможных сил на направлении главного удара противник будет вынужден ослаблять ударную группировку за счет войск, усиливающих оборону пассивного участка, которому грозит наш удар. Исходя из этих общестратегических соображений, в штабах армий, готовящихся к очередной войне, разрабатываются наступательные планы. Последний из рассматриваемых нами планов — это план Германии, базирующийся на идеях Шлиффена. В нашу задачу не входит детальное описание этого плана, отмечу только один важный аспект. Несмотря на общую наступательную направленность, план предусматривал оборонительные действия в Восточной Пруссии, с опорой на развитую железнодорожную сеть и легендарные укрепления этой области, ставшие крепким орешком для русской армии в двух мировых войнах. Это важная особенность наступательных планов, о которой ни в коем случае нельзя забывать. Фронт соприкосновения армий большой, и нельзя всюду наступать: неизбежно будут участки,

где придется строить оборону. В случае с планом Шлиффена такими участками должны были стать Восточная Пруссия и левый фланг германской армии, опиравшийся на крепость Мец. Какой из этого можно сделать общий вывод? Планирование наступательной операции не исключает возможности построения на определенных участках фронта оборонительных сооружений и занятия прочной обороны, задача которой — сковать возможно большие силы противника, пока наши ударные крылья делают свое дело. Чисто оборонительные планы — это удел государств-карликов, чья задача или продержаться до тех пор, пока могущественный союзник не задавит их противника, или дорого продать свою жизнь. Примером подобной стратегии могут служить действия Сербии, Бельгии в Первой мировой войне.

Итак, мы постепенно переходим к событиям Второй мировой войны. «Может быть, что-то изменилось?» — спросит читатель. Нет, указанные выше базовые принципы стратегии никуда не делись.

Польский план войны с Германией базировался на тех же самых представлениях о роли и месте обороны в войне, которые заставляли писать наступательные планы 20 годами ранее. Главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы, несмотря на очевидный факт, что Германия сильнее Польши и, возможно, нанесет основной удар не по союзнику Польши Франции, а по самой Польше, заложил в план не только оборонительный элемент, удержание всей территории Польши, но и наступательный элемент, удар по немецкой группировке в Восточной Пруссии. На границе с Восточной Пруссией одна небольшая группировка польской армии (две дивизии, две кавбригады) развертывалась в районе Сувалки, другая, более крупная (армия «Модлин» в составе четырех дивизий и двух кавбригад), — вдоль южной окраины Восточной Пруссии и третья (армия «Поммерлен» — шесть дивизий) — в «польском коридоре». Такое распределение сил указывает на замысел предпринять наступление по сходящимся направлениям против немецких войск в Восточной Пруссии. В некотором смысле польская армия воспроизводила ситуацию 1914 года, когда удар по Восточной Пруссии должен был отвлечь немецкие силы от главного направления, польской западной границы. Реализуемость этого плана оставим за кадром, нас интересует только его характер. Замечу, что изложенные мной факты не являются тайной, все вышеизложенное можно прочесть в «открытых источниках». Небольшая цитата: «В основу польского стратегического развертывания в сентябре 1939 года был положен наступательный план, ставивший своей задачей захват Данцига и Восточной Пруссии». (Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. М.: Воениздат. 1940. С. 33–34). Георгий Самойлович анализирует группировку польских войск и делает вывод: «Таким образом, вся польская армия, не считая прикрытия на восточной границе и резерва внутри страны, составила 6–7 отдельных групп и была своей основной частью обращена фронтом на север, против Данцига и Восточной Пруссии. Сильная Познанская группа войск составила как бы стратегический резерв и в мечтах кое-кого из стратегических фантазеров, видимо, должна была победоносно войти в Берлин, от которого ее отделяло расстояние всего в 150 км». (Там же. С. 35). Причины поражения Польши скорее не в плане, а в развертывании и мобилизации, но эту тему мы обсудим несколько позже. А пока обратимся к военному планированию Франции и Англии.

31 мая 1939 года французский генеральный штаб начал разработку плана наступления на фронте между Мозелем и Рейном, который должен был стать основой военных действий против Германии. Этот план был предложен 1 сентября 1939 года генералом Гамеленом правительству. Главный удар по этому плану предполагалось наносить вдоль Рейна на Майнц, отрезая основную германскую группировку с тыла. Однако это предложение не было реализовано. Была лишь предпринята ограниченная операция в районе Саарбрюккена с целью установить контакт с линией Зигфрида. Заняв Варндский

лес к западу от города и продвинувшись на 7–8 км между Шпихерн и Хорнбах, французские войска получили 12 сентября приказ прекратить наступление «ввиду быстрого развития событий в Польше». Далее началась война, получившая название *Sitzkrieg*, «сидячая война», известная также как «странная война». Предоставим слово Лиддел-Гарту: «Странная война» — понятие, пущенное в ход американской печатью. Вскоре оно прижилось по обе стороны Атлантики и прочно закрепилось как название периода войны от падения Польши в сентябре 1939 года до начала наступления немецких войск на Западе весной следующего года. Те, кто пустил в ход это понятие, имели в виду, что войны, как таковой, не было, поскольку между франко-английскими и немецкими войсками не происходило никаких больших сражений. На самом же деле это был период активной закулисной деятельности сторон. [...] В течение осени и зимы, вместо того чтобы сосредоточить внимание на подготовке эффективной обороны от вероятного наступления гитлеровских войск, союзные правительства и верховное командование детально обсуждали наступательные планы против Германии и ее флангов, хотя в действительности они не имели возможности осуществить эти планы своими силами и средствами. После падения Франции немцы захватили документы французского верховного командования и частично опубликовали их. Это был сенсационный материал. Документы свидетельствовали, что в течение зимы союзное командование обдумывало планы самых различных наступательных операций: план удара по Германии через Норвегию, Швецию и Финляндию; план удара по Рурскому бассейну через Бельгию; план удара по Германии через Грецию и Балканы; план удара по нефтеносным районам на Кавказе с целью отрезать Германию от источников снабжения нефтью. Это был конгломерат напрасных воображений союзных лидеров, которые пребывали в мире иллюзий до тех пор, пока их не привело в чувство наступление Гитлера». (Лиддел-Гарт Б.Г. Вторая мировая война. М.: АСТ, С.-Пб.: Terra Fantastica, 1999. С. 56).

Тенденция разработки наступательных планов войны затрагивала даже небольшие государства, не обладающие весомой военной силой. Вы будете смеяться, но у Финляндии в 30-е годы тоже был наступательный план: предусматривалось наступление в глубь территории СССР. По этим планам линия Маннергейма отражала удар с юга, а финская армия наступала по всему фронту на восток в Карелию. Когда война уже была на пороге, благоразумие взяло верх, и 5, 9 октября 1939 г. войскам дали указание готовиться к обороне, но с оговоркой, что при необходимости нужно будет провести наступательную операцию в районе Реболы, отодвигая границу от самой узкой части Финляндии. Причем это не является тайной — так написано в официальной «Истории зимней войны». (Talvisodan historia. Osa. 1. S. 98, 104.)

Как мы видим, со времени Первой мировой ничего принципиально не изменилось — как «плохие парни» в лице Германии, так и «хорошие парни» в лице Польши, Франции, Англии и даже Финляндии имели наступательные военные планы. Почему в этом ряду СССР должен был быть исключением? Советский Союз не был карликовым государством, которое могло рассчитывать только на то, чтобы дорого продать свою жизнь или дожидаться, когда большие добрые дяди накопостыляют обидчику. Соответственно и военное планирование носило наступательный характер, по крайней мере с 1938 года. Будем рассматривать имеющиеся документы в хронологическом порядке. Итак, что же планировали в 1938 году? Тогда предполагался конфликт с Польшей в союзе с Германией. Описание планируемых боевых действий выглядит так (сохранены орфография и стиль оригинала): «При определении направления нашего главного удара к северу от Полесья нужно учесть, что главные силы германской армии мы встретим, по всей вероятности, в районе Свенцяны — Молодечно — Гродно. Если будет немцами нарушен нейтралитет Латвии, то возможно, что часть германских сил

поведет наступление к северу от Двины. Барановичское направление будет занято поляками.

Наступление наше к северу от Двины, при условии участия в конфликте Латвии, или от Полоцка на запад и юго-запад ведет к длительному обходному движению по местности, слабо оборудованной железными дорогами.

Наша атака Барановичей и наступление главными силами в этом направлении поведет к затяжным боям.

Таким образом, наиболее выгодным направлением главного удара будет проведение его по обоим берегам р. Немана с задачей разгрома сосредоточивающихся здесь германо-польских сил с выходом наших главных сил в район Вильно, Гродно, Волковыск, Новогрудок, Молодечно.

Прорыв фронта противника позволит нам или развить операцию ударом по германской группировке на территории Литвы, или же нанести удар по Барановичской группировке поляков. Фланги ударных армий будут прикрыты — одной армией, наступающей от Полоцка, и другой армией, ведущей наступление от Слуцка и Барановичей, а также резервами как фронта, так и Главного командования» (1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 563–564).

Характер действий войск Красной Армии южнее Полесья предполагался несколько менее агрессивным: «...активная оборона с атакой противника в Ровно-Кременецком районе и выходом в район Ровно — Дубно — Броды с дальнейшим наступлением в общем направлении на Люблин». (Там же. С. 564).

По просьбам трудящихся привожу малозначительный раздел плана, касающийся действий против Румынии, против «яйца Кощея» по Суворову: «На румынской границе оставляется заслон в 3 стрелковые дивизии, опирающийся на укрепленные районы; в резерве фронта за ними располагаются 2 кавалерийские дивизии из СКВО». (Там же.)

После того как один из потенциальных противников плана 1938 года был устранен, в Генеральном штабе началась разработка нового оперативного плана. Приведу некоторые цитаты из варианта этого плана, датированного 18 сентября 1940 года, в части, касающейся Северо-Западного фронта. Основные задачи его были оборонительные, прикрытие побережья Балтийского моря от высадки морских десантов противника, прочно прикрывать Минское и Рижско-Псковское направления. Но была наступательная компонента: «3. С целью сокращения фронта 11 Армии и занятия ею более выгодного исходного положения для наступления, в период сосредоточения войск, во взаимодействии с 3 Армией Западного фронта, овладеть районом Сейны, Сувалки и выйти на фронт Шиткемен, Филипово, Рачки-4. По сосредоточении войск, ударом в общем направлении на Инстербург, Аленштейн совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии» (1941 год. В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия». 1998. С. 242).

Задачи Западного фронта предусматривали несколько большую активность: «Западный фронт — основная задача — прочно прикрывая Минское направление, по сосредоточении войск, одновременным ударом с Северо-Западным фронтом, в общем направлении на Аленштейн, сковать немецкие силы, сосредоточивающиеся в Восточной Пруссии. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород способствовать Юго-Западному фронту разбить Люблинскую группировку противника и, развивая в

дальнейшем операцию на Радом, обеспечивать действия Юго-Западного фронта с севера». (1941 год. В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия». 1998. С. 242).

Ну и наиболее масштабными были задачи Юго-Западного фронта: «Юго-Западный фронт — основная задача — прочно прикрывая границы Бессарабии и Северной Буковины, по сосредоточении войск, во взаимодействии с 4 армией Западного фронта, нанести решительное поражение Люблин-Сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в направлениях на Кельце — Петроков и на Краков, овладеть районом Кельце — Петроков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер» (1941 год. В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия». 1998. С. 243).

Это так называемый «южный» вариант развертывания советских войск, предусматривающий сосредоточение большей части войск севернее Брест-Литовска. Был еще и «северный» вариант развертывания, по которому основной задачей советских войск была Восточная Пруссия. Этот вариант считался менее предпочтительным. Замечу, что фактически советский Генштаб стоял перед тем же выбором, что и русский перед Первой мировой войной: выбором между ударом по Восточной Пруссии и наступлением южнее Припятских болот. В 10-е годы под давлением Франции, требовавшей обеспечить прессинг на немцев во спасение Парижа, выбрали удар по Восточной Пруссии. В 1940-м никакого давления извне создатели плана не испытывали, и был сделан выбор в пользу «южного» варианта развертывания. По сути своей план войны, с которым русская армия вступила в войну в 1914-м, и план, с которым Красная Армия встретила немцев у границ, были одинаковыми, оба носили наступательный характер. И это, как мы теперь знаем, не было чем-то исключительным. Наилучший способ защиты своей страны — это разгром армии противника решительными ударами — вполне очевидный тезис, лежавший в основе военного планирования многих стран.

Более известные широкой публике «Соображения...» от 15 мая 1941-го ведут свою генеалогию как раз от планов 1940-го. Удар советских войск по правке в документе от 15 мая приобрел более яркую форму «канн», удара по сходящимся направлениям силами Западного и Юго-Западного фронтов. Задачей Западного фронта было: «упорной обороной на фронте Друскеники, Остроленка прочно прикрыть Лидское и Белостокское направления; с переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в общем направлении на Варшаву и Седлец, Радом разбить Варшавскую группировку и овладеть Варшавой, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить Люблинско-Радомскую группировку противника, выйти на р. Висла и подвижными частями овладеть Радом». (1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия». 1998. С. 218). Планируемая операция советских войск приобрела более изящный вид, «канн» ударов из Львовского и Белостокского выступа и рассекающий удар 5-й армии в центре. Ну и, разумеется, как логическое продолжение предыдущих планов, никаких бросков за «иглой в яйце, яйце, которое в утке» (далее по тексту народных сказок) в Румынию: «прочно оборонять госграницу с Венгрией и Румынией и **быть готовым** (выделено мною. - А.И.) к нанесению концентрических ударов против Румынии. Из районов Черновицы и Кишинев с ближайшей целью разгромить сев. крыло Румынской армии и выйти на рубеж р. Молдова, Яссы». (1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия». 1998. С. 218). Суворов с направлениями ударов и общей идеей советского военного планирования попал пальцем в небо:

«На просторы Румынии ворвалась самая мощная из советских армий — 9-я, [...] 12-я и 18-я наносят удары вдоль горных хребтов, отрезая Германию от источников нефти». («Ледокол», глава «Война, которой не было»).

Вышеизложенные планы — это планы первых операций. Но для осуществления этих планов нужно выстроить войска у границы. В мирное время войска находятся в пунктах постоянной дислокации, совершенно необязательно находящихся близко к возможному театру военных действий для осуществления запланированной операции. Соответственно план действий на случай войны предусматривает не только описание направлений ударов, выделенных для нанесения ударов войск, но и описание процесса развертывания (выше я несколько раз уже употреблял этот термин). Развертывание предусматривает погрузку войск, назначенных для операции, в вагоны и отправку по железной дороге на ТВД, где ожидаются военные действия. В процитированных мною отрывках документов присутствуют элементы планирования такого рода. Например: «На румынской границе оставляется заслон в 3 стрелковые дивизии, опирающийся на укрепленные районы; в резерве фронта за ними располагаются 2 кавалерийские дивизии из СКВО». СКВО — это Северо-Кавказский военный округ. Войны не происходят с бухты-барахты, всегда есть период политической напряженности, кроме того, по воззрениям Первой мировой и 30-х годов между объявлением войны в той или иной форме и началом активных боевых действий присутствует период развертывания, когда обе воюющие стороны проводят мобилизацию, грузят войска в вагоны и отправляют к границе. Напомню, что между датой официального начала Первой мировой войны 1 августа 1914 года и началом широкомасштабных боевых действий 17 августа 1914 был более чем двухнедельный период, когда боевые действия велись мизерными по сравнению с мобилизуемыми армиями силами, период, когда противники только готовились вступить в схватку. После того как мобилизованные и кадровые части приедут к границе, штабы начинают запланированные наступательные операции. В период между началом войны и активными боевыми действиями на границе находятся так называемые «армии прикрытия». Это не советское изобретение; то, что Владимир Богданович не в курсе дискуссий мировой военной мысли 1930-х годов об «армиях прикрытия» и «армиях вторжения» — это исключительно его проблемы. Европейская военная мысль после Первой мировой войны не стояла на месте, и в разных странах активно дискутировались новинки технического прогресса, их возможное применение в начальном периоде войны, эволюция самого начального периода. Предполагалось, что в отличие от первых дней Первой мировой войны в будущей войне каждый из противников будет не просто прикрывать границу от вылазок противника, но и пытаться сорвать стратегическое развертывание, доставку войск к границе для проведения операций начального периода войны. Первоначально считалось, что задачи по срыву развертывания возьмет на себя авиация. Потом пошли дальше и предположили, что в период мобилизации и развертывания «армии прикрытия» могут попробовать вести активные боевые действия силами мотомеханизированных соединений, фактически превращаясь из «армий прикрытия» в «армии вторжения». Подчеркну еще раз, что это не советское изобретение, Суворов слышал звон, но не знает, где он. Параллельно прорабатывались возможности проведения скрытого развертывания и мобилизации не в момент объявления войны, а в период политической напряженности. В 1939 году, еще до начала войны, был издан фундаментальный труд профессора Меликова «Стратегическое развертывание», где он подробно рассказывает об «армиях вторжения», обильно цитируя... иностранных военных мыслителей. Да что говорить, Шарль де Голль в своей книге «За профессиональную армию» указывает на возможность ее применения в качестве «армии вторжения». Он прямо указывает на преимущества применения механизированных сил в начальный период войны: «Профессиональная армия приступит к выполнению возлагаемой на нее роли прежде всего в течение той фазы конфликта, когда противники объединяют средства для своих активных выступлений и формируют силы для первых столкновений. То начальное преимущество, которым она в силу своей организации будет обладать, позволит ей захватить в свои руки инициативу как залог победы в первые же дни конфликта». (Голль Шарль де. Профессиональная армия. М.: Госвоениздат, 1935. С. 56).

Кое-что из военной теории было доведено до практической реализации. В 1933 г. в Польше была проведена военная игра, в ходе которой отрабатывалось вторжение на территорию СССР с целью срыва мобилизации РККА и прикрытия мобилизации и развертывания собственных вооруженных сил. В 1934–1936 гг. на учениях в Польше, Германии, Италии, Франции отрабатывались действия армий вторжения. Изучались возможности рейдов мотомеханизированных соединений и конницы с целью срыва развертывания сил противника. СССР не остался в стороне этих тенденций, и Генеральный штаб в 1934 г. разработал проект «Наставления по операции вторжения». Теорию отрабатывали на практике во время полевой поездки в мае 1935 г. в войска Белорусского и Приволжского военных округов.

Чтобы не быть голословным, приведу слова одного из советских военных теоретиков, достаточно ясно обрисовывающего суть вопроса:

«По этой схеме основная масса авиации, объединенная в руках главного и фронтового командования, наносит глубокие и мощные удары, высаживает авиадесанты, срывает мобилизацию и сосредоточение и потрясает тыл страны.

Конница и мотомехсоединения вторгаются на предельную глубину, дезорганизуют развертывание армии, заставляют относить его в тыл страны, производя его в неблагоприятных условиях, захватывают важные рубежи и районы, громят склады и центры управления, совместно с высаженными десантами создают крайне напряженную обстановку в тылу противника.

За этим первым эшелоном, который вторгается на территорию противника, развертывается сухопутная армия, но не по государственной границе, а на захваченных рубежах, поскольку армия и страна противника уже деморализованы, она своим быстрым наступлением довершает его разгром.

В таком аспекте, в своем развернутом виде это — схема завтрашнего дня, хотя по своим основным тенденциям она в значительной степени годится и на сегодня при условии реального учета соотношения сил и возможностей обеих сторон.

Современные оперативные доктрины наших возможных противников в той или иной степени отражают различные элементы из двух изложенных точек зрения в зависимости от их политико-экономического и военного положения.

Довольно подробное освещение дает французская военная литература, где этот вопрос находит следующее разрешение. Во введении к французскому Временному наставлению по тактическому применению крупных соединений (дополнение 1930 г.) говорится:

«Современное военное положение в Европе позволяет предвидеть, что в начале войны наличные силы будут состоять из немногочисленных армий, предназначенных для обеспечения всеобщей мобилизации у себя или для

затруднения таковой у противника. Эти армии будут призваны маневрировать на свободных пространствах».

По взглядам ряда французских авторов вырисовывается следующая возможная схема операций начального периода на франко-германском театре:

а) Быстрое вторжение на территорию противника армии прикрытия, предшествуемой и поддерживаемой воздушными дивизиями. Использование авиации мыслится не только для бомбардировочных действий, но и для «перепрыгивания через фронт» (генерал Шаллеа) путем производства тактических и оперативных десантов.

б) Это вторжение имеет задачей: воспрепятствовать мобилизации в пограничной полосе, затруднить мобилизацию во всей стране противника и препятствовать сосредоточению его армии.

Далее — занять рубеж, удобный как для развития последующего наступления в глубь неприятельской страны, так и для обеспечения своей территории, и удерживать этот рубеж до сосредоточения главных сил мобилизуемой массовой армии». (Шиловский Е.А. Начальный период войны. Война и революция сентябрь — октябрь 1933 г. Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах. М.: Воениздат. 1965. С. 502–503).

Но практического применения теория «армий вторжения» в СССР не получила. В начальный период войны предполагалось вести авиационное наступление и сдерживать возможные попытки противника сорвать «армиями вторжения» мобилизацию и развертывание. Владимир Богданович утверждает, что

«вторая главная идея моей книги в том, что в День «М», в момент перехода от тайной к открытой мобилизации, кадровые дивизии Красной Армии совсем не намеревались стоять барьером на наших границах. Прикрытие мобилизации (точнее, открытой, завершающей ее части) планировалось не стоянием на границах, а внезапными сокрушительными ударами».

Далее приводятся цитаты из советских военных теоретиков 30-х. Как я уже показал выше, с теоретиками было все в порядке и в других странах. Хуже было с практиками «армий вторжения», оставшимися на бумаге. Теоретики могли утверждать все, что угодно, но подтверждением принятия их идей высшим военным руководством страны являются планы. И тезис В. Суворова опровергается опубликованными на данный момент документами. В «Соображениях...» 1940 г. и 1941 г. и в разработанных на их основе окружных планах оперативного развертывания в явном виде указывается характер действий РККА в начальный период войны. Операций в силе «армии вторжения» в советских планах попросту нет.

«VI. Прикрытие сосредоточения и развертывания.

Для того чтобы обеспечить себя от возможного внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление, необходимо:

1. Организовать прочную оборону и прикрытие госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на западе;
2. Разработать детальный план противовоздушной обороны страны и привести в полную готовность средства ПВО».

То же самое — прикрытие границы на период сосредоточения и развертывания, действия авиации по срыву развертывания противника — мы увидим в более поздних документах. В «Военно-историческом журнале» в 1996 г. были опубликованы планы прикрытия округов, разработанные по майским директивам наркома обороны. Задачи войск КОВО по этим планам принципиально не изменились по сравнению с запиской Пуркаева, поэтому для разнообразия процитируем документ, составленный командованием Западного особого военного округа:

«1. С целью прикрытия от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа вся территория разбивается на четыре армейских района прикрытия (РП) государственной границы, а именно:

- а) район прикрытия № 1 — Гродненский, 3-й армии;
- б) район прикрытия № 2 — Белостокский, 10-й армии;
- в) район прикрытия № 3 — Бельский, 13-й армии;
- г) район прикрытия № 4 — Брестский, 4-й армии.

2. Общие задачи войск округа по обороне госграницы:

- а) упорной обороной полевых укреплений по госгранице и укрепленных районов:

не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа;

прочно прикрыть от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа;

- б) противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск;
- в) всеми видами и средствами разведки округа своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника;

г) активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным жел[езно]дорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника;

д) не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника». (Военно-исторический журнал, 1996. № 3. С. 7.)

Здесь тоже все вполне очевидно: пассивные действия сухопутных сил на период расстановки фигур на шахматной доске и попытки сорвать сосредоточение и развертывание противника ударами авиации. Удручает в публикации «Военно-исторического журнала» другое. Планы прикрытия представляются как аргумент в пользу теории В. Суворова в целом. Предваряется текст документов широковещательным заявлением о том, что оперативные планы округов были чисто оборонительными. «Главной мысли» об «освободительном походе» эти планы никак не противоречат. Они противоречат утверждениям Владимира Богдановича о том, что собирались прикрывать сосредоточение и развертывание вторжением на территорию противника. Вообще, заочные поединки В. Суворова и его официальных оппонентов зачастую напоминают петушиные бои в исполнении пенсионеров. Обе стороны задорно размахивают клюками, не представляя себе, как жалко это выглядит со стороны. Обе стороны демонстрируют удручающее непонимание теорий и технологии войны 30–40-х годов. Период сосредоточения и развертывания — это, по сути, период расстановки фигур на шахматной доске. Судить по процессу расстановки фигур, что один из шахматистов применит староиндийскую защиту, попросту глупо. После прикрытия границ на период мобилизации могло последовать все, что угодно, — и пассивное стояние вдоль границы в ожидании удара, и наступление с далекоидущими целями. В реальности, как мы знаем по опубликованным документам, должна была последовать наступательная операция. Вполне заурядный порядок действий с точки зрения двух мировых войн. Последовательность действий СССР, военное планирование РККА не носили характера чего-то агрессивного или из ряда вон выходящего. Вполне заурядные и общепринятые мероприятия, сами по себе не свидетельствующие ровным счетом ни о чем. Ни об агрессивности, ни о белизне и пушистости.

Теперь вернемся к началу главы и попробуем понять, почему действия войск летом 1941 года представляют собой сплошную импровизацию. Для того чтобы начать крупномасштабные боевые действия с наступательных планов первых операций, противники должны были оказаться в одинаковых условиях несколькими неделями ранее. В 1914 году присутствовал период политической напряженности, обмена ультиматумами и грозными нотами. При этом противники в этот период вступили в равных условиях, до начала мобилизации и развертывания войск. Когда война была формально объявлена, до начала первых операций существовал период, в течение которого участники мобилизовали армии и везли войска к границе. У СССР в 1941 г. такой возможности не было ввиду отсутствия периода обмена нотами и ультиматумами. Вермахт к началу конфликта был полностью мобилизован и выдвинут к границе с СССР в том составе, в котором должен был вести первую операцию. РККА не была отмобилизована ввиду позднего осознания опасности войны. Войска, которые должны были участвовать в указанных выше наступлениях, к границе подвезены не были. Соответственно, план мог быть хоть оборонительным, хоть наступательным. Группировка для его осуществления просто отсутствовала. Называется такое положение «упреждение в развертывании».

ГЛАВА 2. О ЧЕМ ГОВОРИЛО ВЫДВИЖЕНИЕ К ГРАНИЦАМ?

«Вечером 15 июля штаб 14-й кавалерийской дивизии прибыл в Ченстохов. Город не чувствовал, что над ним сгущаются тучи».

Б.М. Шапошников, «Воспоминания»

Для начала слово Владимиру Богдановичу:

«Коммунисты объясняют создание и выдвижение Второго стратегического эшелона Красной Армии в западные районы страны тем, что вот-де Черчилль предупредил, Зорге предупредил, еще кто-то предупредил, одним словом, выдвижение Второго стратегического эшелона — это реакция Сталина на действия Гитлера.

Но это объяснение не выдерживает критики. Генерал армии И. В. Тюленев в самый первый момент вторжения германских войск разговаривает в Кремле с Жуковым. Вот слова Жукова: «Доложили Сталину, но он по-прежнему не верит, считает это провокацией немецких генералов». («Ледокол», гл. 26. Через три войны. С. 141). Таких свидетельств я могу привести тысячу, но и до меня много раз доказано, что Сталин в возможность германского нападения не верил до самого последнего момента, даже после вторжения и то не верил. У коммунистических историков получается нестыковка: Сталин проводит самую мощную перегруппировку войск в истории человечества для того, чтобы предотвратить германскую агрессию, в возможность которой он не верит!»

Думаю, что читатель согласится, что версия «Сталин не верил» является одним из самых малоубедительных моментов в советской и постсоветской историографии. Обратимся к реальным фактам и документам. В научный оборот уже довольно давно был введен такой важный документ, как «Директива наркома обороны С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г.К. Жукова командующим приграничными округами о приведении в боевую готовность войск в связи с возможным нападением фашистской Германии на СССР»:

«1. В течение 22–23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий». (1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия». 1998. С. 423).

Документ был подготовлен с ведома и по приказу И.В. Сталина вечером 21 июня.

На фоне документального свидетельства, слов «возможно внезапное нападение» в Директиве слова косвенных свидетелей «Сталин в возможность германского нападения не верил до самого последнего момента, даже после вторжения, и то не верил» выглядят совершенно неубедительно. Не надо считать главу советского государства умственно отсталым. Он мог до определенного момента не верить в то, что Германия

осуществит нападение на СССР без попыток политического давления. Война есть продолжение политики. Того, чего не удастся добиться мирным путем, добиваются военным. И тому есть многочисленные прецеденты. Перед вторжением в Польшу был долгий период жесткой политической конфронтации. Сначала, еще в 1938 году, 24 октября на встрече Риббентропа с послом Польши в Германии Юзефом Липским Польше было предложено вернуть Данциг, разрешить постройку автобана по территории «польского коридора», присоединиться к антикоминтерновскому пакту. Война разразилась спустя почти год, после долгих попыток урегулировать вопрос мирным путем. Конференций и других попыток урегулировать спорные вопросы политическим путем было несколько, начиная с марта 1939 года. События августа 1939-го были финальным актом дипломатической драмы. Перед вторжением СССР в Финляндию в 1939 году финнам сначала было предложено политическое решение конфликта, обмен территорий. Поэтому в нетипичное поведение Гитлера, который нападет без предъявления каких-то ультиматумов или требований, одним словом, без общепринятой в подобных случаях процедуры, не верили. Но когда факты стали неопровержимо доказывать, что будет именно так, были приняты меры по повышению боеготовности войск, а в последний момент издали директиву войскам быть готовыми к нападению, на всякий случай оставив лазейку для возможного политического урегулирования конфликта.

Для понимания того, можно ли факт создания ВСЭ использовать в качестве доказательства существования плана «Освободительного похода», сравним события в СССР с событиями, происходившими в других армиях как в 1914-м, так и в 1939–1940 годах. Если СССР готовил нападение, то проводимые в предвоенный период мероприятия должны отличаться от тех, которые проводились при вступлении в войну на общих основаниях, вследствие вторжения противника, выполняя союзнический долг или после официального объявления войны. И если мы посмотрим на пример других стран, то сделаем маленькое открытие. Перед Первой мировой войной в России тоже существовал второй стратегический эшелон. Это тоже были войска, которые везли из мест постоянной дислокации в районы предполагаемых боевых действий. Были и войска, выдвигавшиеся вплотную к границе. Соответственно факт проведения подобных перемещений не является признаком агрессивности, как это утверждает Суворов, мероприятия по выдвиганию войск внутренних округов были жизненно необходимы для ведения боевых действий вне зависимости от их характера: оборона или наступление.

Посмотрим, отличаются ли описания событий предвоенного периода участников Первой мировой войны и мемуаристов Великой Отечественной, цитаты из мемуаров которых так любит выдергивать Владимир Богданович. Типичная цитата из «Ледокола» на эту тему:

«Генерал-полковник И.И. Людников (в то время полковник, командир 200-й стрелковой дивизии 31-го стрелкового корпуса) был одним из тех, кто этот приказ (о выдвигании к границе. — А.И.) выполнял. В директиве округа, поступившей в штаб дивизии 16 июня 1941 года, предписывалось выступить в поход... в полном составе... сосредоточиться в лесах в 10–15 км северо-восточнее пограничного города Ковеля.

Движение предлагалось совершать скрытно, только ночью, по лесистой местности». («Ледокол», гл. 22. Сквозь грозы. С. 24.)

А теперь послушаем будущего начальника Генерального штаба Красной армии Бориса Михайловича Шапошникова о том, как дивизия, в которой он служил, выдвигалась к границе перед Первой мировой войной: «Наступило 13 июля. С утра все предвещало хорошую погоду. Скачки должны были начаться в 4 часа дня. За полчаса до начала от начальника дивизии я получил приглашение ехать на скачки вместе с ним. Но у меня на столе лежала только что доставленная из штаба 14-го корпуса телеграмма. Ее нужно было расшифровать. Поэтому я велел передать начальнику дивизии, что приеду позже, и сел за расшифровку телеграммы. [...] Телеграмма из штаба корпуса была короткой, и через 20 минут передо мной лежал ее текст. Экипаж стоял у ворот моей избы, и я, проверив еще раз правильность расшифрованного текста, отправился на скаковое поле, приказав ехать рысью, чтобы скорее попасть туда. Телеграмма действительно оказалась короткой по числу слов, но содержание ее было чрезвычайно важно: она гласила, что по высочайшему повелению 13 июля объявляется первым днем подготовительного к войне периода. Войскам приказывалось немедленно следовать на свои зимние квартиры». (Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974. С. 241–243). 13 июля по старому стилю, до начала войны еще неделя. Но кавалерийская дивизия русской армии получает приказ на выдвигание к границе, аналогичный тому, который получила 200-я сд Людникова. Предлог был, надо сказать, оригинальный: перемещение на «зимние квартиры» (посередине июля). Вариант «учебные сборы» выглядит более убедительным. В. Суворов показывает события в одной армии в одной войне, даже не пытаясь привести пример эталонной «невинной овечки». Поскольку его просто нет. События, происходившие в СССР перед 22 июня 1941 года, были явлением типичным, в той или иной форме происходившим во всех странах и затрагивавшим все армии. Каков механизм этого явления? В мирное время войска располагаются в местах постоянной дислокации, разбросанных по всей стране. Во время развертывания и сосредоточения они прибывают к границе с государством, с которым предполагается воевать. В 1914 году началась война на Западе, и со всей страны начали собираться корпуса в армии вдоль границы с Германией и Австро-Венгрией. Рассмотрим происхождение 8-й армии генерала А.А. Брусилова, о которой мы уже говорили в главе о военном планировании. 8-я армия к началу наступления состояла из 12, 8, 7, 24-го армейских корпусов. 12-й корпус был сосредоточен между Проскуровом и Уманью, практически там же, где начал воевать. 8-й корпус прибыл из района Кишинева — Одессы. 7-й корпус начал прибывать на 6-й день мобилизации из района Екатеринослава (ныне Днепропетровска) и Крыма. А вот 24-й армейский корпус прибыл аж из Самары, он начал прибывать с 17-го дня мобилизации. Владимир Богданович поет нам песни про войска из Московского военного округа, рассчитывая на то, что читатель не знает, что в 1914-м из Москвы в 4-ю армию Юго-Западного фронта прибыл гренадерский корпус. 5-й корпус, в мирное время «размазанный» по пространству от Воронежа до Нижнего Новгорода, в августе 1914-го двигается к границам и входит в состав 5-й армии Юго-Западного фронта. И вообще вся 5-я армия Юго-Западного фронта в 1914-м формируется в Московском округе. В ее состав, помимо гренадерского корпуса, входят 17-й корпус из Рязанской, 25-й из Ярославской губерний. Были и Сибирские корпуса, прибывшие на фронт в конце августа.

Разница между Первой и Второй мировой войнами была в том, что военная наука в разделявшие их два десятилетия не стояла на месте и период развертывания и сосредоточения был смещен в мирное время. Начало развертывания определялось либо на основании данных разведки, вскрывавших тайные перемещения войск противника к нашим границам вследствие либо реакции на возникающую политическую напряженность, либо назначенной политическим руководством агрессии. Но само по себе выдвижение войск было столь же естественным компонентом подготовки к возможной войне, как и чистка зубов для нас с вами. Если в июле 1914-го тайные мероприятия не носили массового характера, только в августе 1914-го после формального начала войны железные дороги оказались забиты составами, везущими дивизии и корпуса к фронту, то во Вторую мировую войну интенсивное движение войск по железной дороге начиналось ДО войны. Нападение может быть внезапным стратегически, когда за несколько дней, а то и недель угроза становится реальностью, но времени отреагировать на нее уже нет, и лихорадочное выдвижение войск к границе запаздывает, нападение противника начинается до того, как войска прибдут на место для отражения удара или для реализации наступательного плана. В реальности войне предшествует период политической напряженности, и в этот период войска совершают телодвижения по подготовке к возможным боевым действиям. Рассмотрим реальные мероприятия стран — участников Второй мировой войны, проводившиеся ДО начала боевых действий. То есть действия, которые В. Суворов расценивает как наличие агрессивных намерений. Начнем с первой жертвы мировой войны — Польши. После уже упоминавшейся мною частичной мобилизации польской армии в марте 1939 года были произведены перемещения войск. 20-я пехотная дивизия выдвигалась на юго-запад от Пиотркува, а новогрудская кавалерийская бригада — к северу от Плоцка. Но основные перегруппировки войск, предусмотренные планом стратегического развертывания, были начаты только 26 августа, то есть за неделю до войны. В этот день соединения польской армии получили приказ на выдвижение в намеченные районы сосредоточения. Приказ о занятии армиями и оперативными группами первого эшелона исходного положения был отдан 30 августа, за два дня до войны. Многие соединения при этом перебрасывались по железной дороге через всю страну, на 500–800 км. К моменту нападения немцев из 47 намеченных польским планом соединений закончили сосредоточение только 24. По находившимся в движении в период 1–5 сентября 1939 года 8 польским соединениям работала немецкая авиация, препятствуя процессу сосредоточения и развертывания этих соединений. Из 18 соединений попали в намеченные по довоенным планам районы 10, опоздали 3 и вынуждены были сменить станцию выгрузки 4. Но даже приехавшие на место войска вступали в бой с ходу и были разгромлены немцами. Мы видим, что тот, кто проводит мероприятия по скрытому развертыванию недостаточно энергично, оказывается перед лицом агрессии слабым и беззащитным. Польская военная мысль определенно отставала от мировых теорий ведения начального периода войны. Ее союзник, Франция, дала нам более показательные примеры скрытых мероприятий по подготовке армии к войне в напряженной политической обстановке. 21–23 августа, более чем за неделю до объявления войны, французские кадровые дивизии были погружены на грузовики и попыли к позициям на границе. 27 августа вместе со скрытой мобилизацией был введен в действие план «всеобщего прикрытия», согласно этой директиве было поднято до 50 дивизий. Которые, однако, не завершили сосредоточения к началу войны, что в какой-то мере помешало Франции помочь Польше. В наиболее цельном и последовательном виде скрытые мероприятия по

подготовке к войне прошли в Германии. Как и в случае с планированием, немецкая военная мысль находилась на острие прогресса. Немцы ПОЛНОСТЬЮ сместили период сосредоточения и развертывания в мирное время. Сосредоточение и развертывание немецких войск в Восточной Пруссии началось с 6 августа 1939 года под предлогом празднования 25-летия битвы под Танненбергом в августе 1914-го. В результате подобных мероприятий к 25 августа из 58 соединений, предназначенных для действий против Польши, 29 уже находились в районах сосредоточения. Далее сосредоточение и развертывание проводилось параллельно с проведением общей скрытой мобилизации. К утру 1 сентября 1939 года было уже развернуто 43 соединения, то есть практически главные силы войск вторжения, против 24 соединений польской армии. Исход поединка — 43 против 24 — предугадать несложно.

Примером удачного проведения стратегического развертывания служит Финляндия. Вот что пишет об этом в своих мемуарах Маннергейм: «Однако сейчас стартовая ситуация была совершенно иной — хотелось крикнуть, что первый раунд был за нами. Как войска прикрытия, так и полевую армию мы смогли вовремя и в прекрасном состоянии перебросить к фронту». (Маннергейм К.-Г. Мемуары. М.: Вагриус. 2000. С. 260.) Финны в условиях политической напряженности в отношениях с Советским Союзом предпочли до начала войны произвести выдвижение войск к границам. И это дало им весомые преимущества в первых сражениях с наступающими советскими войсками. Это очевидный пример того, как развертывание войск до начала войны, движение войск к границам может помочь в оборонительной войне.

Теперь обратимся к событиям в нашей стране и попробуем их оценить на основе полученных знаний на примере других стран. Если смотреть на события через призму всего того, что я изложил о развертывании и сосредоточении армий выше, становится ясно, как недорого стоят «открытия» Владимира Богдановича:

«После того как Германия начала превентивную войну, второй стратегический эшелон (как и первый) использовался для обороны. Но это совсем не означает, что он для этого создавался. Генерал армии М.И. Казаков говорит о втором эшелоне: «После начала войны в планы его использования пришлось внести кардинальные изменения» (Военно-исторический журнал. 1972, № 12. С. 46). Генерал-майор В. Земсков выражается более точно: «Эти резервы мы вынуждены были использовать не для наступления в соответствии с планом, а для обороны» (ВИЖ. 1971, № 10. С. 13)» .

Польские дивизии, о которых я говорил выше, тоже были использованы не в соответствии с первоначальными планами, они также были использованы для затыкания дыр на фронте. Но это не означает, что война Германии против Польши носила превентивный характер. Аргумент со вторым стратегическим эшелоном используется Владимиром Богдановичем в расчете на неподготовленного читателя, который не знает, что происходило в других странах в дни, недели и месяцы, предшествовавшие дню начала боевых действий, вошедшему в учебники истории. В этих странах происходили ровно те же самые процессы скрытого развертывания и сосредоточения, и чем энергичнее эти процессы проводились, тем больше были шансы избежать полного разгрома и разрушения страны. Так же, как и в польской армии, в момент нападения Германии многие соединения РККА не успели прибыть в места,

назначенные им планами. На 22 июня только 83 воинских эшелона, выдвигавшихся по июньским директивам, прибыли в назначенные пункты, 455 находились в пути, 401 еще не грузились. Точно так же, как и в Польше, соединения, ехавшие к местам назначения на границе, были вынуждены менять станции выгрузки, применяться не так, как это предполагалось по планам.

Но на страницах «Ледокола» описание всех этих событий, как обычно, не обошлось без мелкого жульничества и жонглирования цитатами. Владимир Богданович пишет:

«В марте, апреле, мае была проведена грандиозная тайная переброска советских войск на запад. Весь железнодорожный транспорт страны был вовлечен в эту колоссальную тайную операцию. Она завершилась вовремя, но десятки тысяч вагонов должны были вернуться на тысячи километров назад. Поэтому 13 июня, когда началась новая сверхогромная тайная переброска войск, всем армиям просто не хватило вагонов».

Тезис о страшной перегрузке железнодорожной сети стоило подкрепить какими-либо фактами, поскольку в дальнейшем никаких сведений о массовой перевозке войск В. Суворовым не приводится. Масштаб перевозок в апреле — мае совсем не впечатлял: «26 апреля Военные советы Забайкальского округа и Дальневосточного фронта получили приказ подготовить к отправке один механизированный, два стрелковых корпуса и две воздушно-десантные бригады. В тот же день Уральскому военному округу было дано указание перебазировать к 10 мая в состав Прибалтийского округа две дивизии. Из Сибирского военного округа требовалось к 15 мая 1941 г. отправить в ЗапОВО 201-ю стрелковую дивизию, а в КОВО 225-ю стрелковую дивизию». (Хорьков А.Г. Грозовой июнь. М.: Воениздат, 1991. С. 168.) В ПрибОВО эти дивизии... переформировали в противотанковые артиллерийские бригады. Аналогичная судьба постигла 231-ю и 224-ю сд МВО, которые по директиве НКО СССР № Орг/2/522726 от 29 апреля 1941 г. перебрасывали в ЗапОВО. (См.: 1941 год. Уроки и выводы. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия». 1998. С. 123.) Войска ЗабВО — это 16-я армия второго стратегического эшелона, которая и к началу войны не успела целиком добраться до места назначения. Четыре дивизии из внутренних округов в приграничные — это вообще гроши. Тем более что их переформировывали в противотанковые бригады и отправляли на запад без тяжелых орудий и конского состава. Но Владимир Богданович даже об этом не знает. За неимением других фактов к переброске войск приплетаются саперные батальоны, работавшие на строительстве «Линии Молотова»:

«Генерал-лейтенант В.Ф. Зотов (в то время генерал-майор, начальник инженерных войск СЗФ): «Саперные батальоны были отобилизованы по штатам военного времени... десять батальонов, прибывших с Дальнего Востока, были вооружены полностью» (На Северо-Западном фронте (1941–1943))».

Саперные батальоны дивизий внутренних округов (отдельно от своих соединений) работали на строительстве оборонительных сооружений на новой границе, а представляется это В. Суворовым как переброска войск с Дальнего Востока. Владимира Богдановича не любят именно за методу исследования, выдергивание из контекста нужных ему цитат и игнорирование фактов, противоречащих его теории.

Здесь же хотелось бы упомянуть и об ошибках некоторых историографов, пытающихся представить расположение советских войск в несколько эшелонов как заранее продуманный план, а не незавершенную реализацию предвоенных планов. Возможно, по их мнению, такая хорошая мина при плохой игре выставляла советское руководство в выгодном свете. Вопрос о том, почему этот хитроумный план не сработал, оставался за кадром. На самом деле всегда лучше просто излагать события, максимально бесстрастно. Реальность, пусть и не очень приятная, более убедительна, чем собранные из разноцветных лоскутов теории. Реальность лучше всяких патетических пассажей показывает нам, что наши предки совершили бессмертный подвиг, сумев в конечном итоге переломить ситуацию проигранного дебюта в свою пользу. В случае со вторым стратегическим эшелоном имеет место классическая проекция тактики на оперативное искусство. Если в масштабах полка, дивизии второй эшелон вполне заурядная вещь, то на оперативном и стратегическом уровне действуют совершенно другие механизмы. В масштабах полка или дивизии второй эшелон может быть использован для наращивания успеха в наступлении, для нанесения контрудара в обороне. Два эшелона дивизии или даже корпуса располагаются на участке местности, по своим размерам вполне сравнимом с подвижностью войск. Если же мы отмасштабируем двухэшелонное построение войск на целую страну, то смысл двух эшелонов совершенно потеряется. Эшелоны войск будут разделены сотнями километров и будут не в состоянии оказать содействие друг другу. Войска у границ будут рассекаются и окружаться противником, а второй эшелон в глубине страны не в состоянии помочь им. Схема, работавшая на тактическом уровне, где эшелоны вели бой, помогая друг другу, теряет актуальность. Поэтому объяснение существования второго стратегического эшелона как самостоятельной группы войск является малоубедительным. ВСЭ — это войска, не успевшие до начала боевых действий стать частью первого эшелона, частью войск у границы или резервами соответствующих фронтов.

Помимо выдвижения армий из внутренних округов ближе к границе выдвигались, как их назвал Г.К. Жуков, «глубинные» дивизии особых округов. Владимир Богданович пишет о масштабах этого выдвижения следующее:

«Всего в Первом стратегическом эшелоне находилось 170 танковых, моторизованных, кавалерийских и стрелковых дивизий. 56 из них находились вплотную к государственным границам. [...] Остальные 114 дивизий Первого стратегического эшелона находились в глубине территории западных пограничных округов и могли быть придвинуты к границе. Нас интересует вопрос: сколько же из этих 114 дивизий начали движение к границам под прикрытием успокаивающего Сообщения ТАСС? Ответ: ВСЕ!

«12–15 июня западным военным округам был отдан приказ: все дивизии, расположенные в глубине, выдвинуть ближе к государственным границам». (Грылев А., Хвостов В. — «Коммунист», 1968. № 12. С. 68.)»

Журнал «Коммунист» — это, конечно, мощный военно-исторический источник, можно сказать, глыба советской исторической науки. Разумеется, и в «Коммунисте» можно

при желании найти полезную информацию, но ее нужно тщательно проверить перед употреблением. Но «ВСЕ» — это широковещательное и необоснованное утверждение.

Попробуем разобраться, кто остался на месте, а кто двигался к границе из декларируемых «Коммунистом» и В. Суворовым 114 дивизий. Для начала имеет смысл разобраться, какие соединения попадают в число 56 дивизий у границы. ЛенВО (9-я сд, 1 сбр), ПрибОВО (9-я сд, 1 сбр), ЗапОВО (сд 12, тд 1, кд 1), КОВО (сд 16, тд 1, кд 1) и ОдВО (сд 5, кд 1). (Уточненные данные из книги: «1941 год. Уроки и выводы, с. 91, в расчеты включены 41-я тд 22-го мехкорпуса, 22-я тд 14-го мехкорпуса, 3-я кавдивизия и исключены дивизии на морской границе в Крыму). Соответственно все остальные дивизии механизированных корпусов армий приграничных округов причислены к 114 дивизиям на расстоянии 50 и более километров от границы. Никто никуда эти дивизии мехкорпусов до 18 июня (только 3-я и 12-я МК ПрибОВО) не выдвигал. Соответственно вычитаем из 114 дивизий большую пачку из 22 танковых дивизии и 12 моторизованных, цифра сразу скукоживается до 80 дивизий. Про 3-ю и 12-ю мехкорпуса см. ниже. Оставались на месте и «глубинные» мехкорпуса войск особых округов: 17, 19, 20, 24-я. Эта когорта инвалидов формировалась весной 1941 г., и все они имели низкую комплектность личного состава и техники. Поэтому никто их к границам до начала войны не выдвигал. Например, 43-я тд 19-го мк 22 июня находилась в месте постоянной дислокации в г. Бердичев и получила приказ на выдвижение только в 12.00 22 числа. То же самое с остальными дивизиями этих мехкорпусов. В число соединений, не участвовавших в движении к границам, входил также 9-й мехкорпус К.К. Рокоссовского, формировавшийся в 1940 г. Он тоже не блистал комплектностью и тоже остался на месте. Одним словом, если попытаться проверить утверждение журнала «Коммунист», на котором базируется В. Суворов, то выясняется, что «глубинные» мехкорпуса КОВО, а это 6 танковых и 3 моторизованные дивизии, входящие в число 114, оставались на месте вплоть до начала войны. То же самое с такими же слабосильными мехкорпусами ЗапОВО, формировавшимися с весны 1941 г. Согласно журналу боевых действий Западного фронта, на 22 июня 1941 г. 17-й механизированный корпус никуда не перемещался и не собирался перемещаться, штаб корпуса находился в Барановичах, 27-я тд — в Новогрудке, 36-я тд — в Несвиже, 209-я мд — в Ивье. Штаб 20-го МК находился в Барановичах, 38-й тд — в Борисове, 26-й тд — в Минске, 210-й мд — в Осиповичах. Всего 6 дивизий. Про перемещаемые соединения журнал честно сообщает: «143-я стрелковая дивизия перевозилась по железной дороге из Гомеля в район Бытень». (Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 35. М.: Воениздат, 1959. С. 9–10.) Эти механизированные соединения мы из списка «услышал «тамтам» и пошел» вычеркиваем. Вычитаем из оставшихся 80 дивизий 15, остается 65. В этот же список вносим 6 стрелковых дивизий, сформированных из армий бывших прибалтийских государств. Их тоже никуда не двигали, а с началом войны угнали подальше в тыл. Вычитаем из 65 шесть, остается 59. Запланированный к перевозке к границе в оперативных планах 7-й стрелковый корпус находился в местах постоянной дислокации (196-я сд в Днепропетровске, 20-я сд в Павлограде, 147-я сд в Кривом Роге) и получил приказ Н.Ф. Ватутина на выдвижение в район Фастова только после начала войны, 25 июня. (Русский Архив. Великая Отечественная. Т. 12(1). М.: Терра, 1998. С. 35.) Никуда не выдвигалась 116-я дивизия, дислоцировавшаяся в Николаеве. Продолжим операцию вычитания, 59–4 = 55. Также никуда не двигался 9-й особый корпус П.И. Батова в Крыму. Это еще минус три дивизии, остается 52 дивизии вместо декларируемых 114. В ЛенВО 122-я сд получила приказ выдвинуться к границе, а 1-я

тд 1-го мехкорпуса была переброшена на Кандалакшское направление. (Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк. Л. 1968, С. 182.) Вместе с тем 177-я и 191-я дивизии резерва округа, а также две другие дивизии 1-го мехкорпуса оставались на местах постоянной дислокации. Из оставшихся 52 дивизий вычитаем еще четыре, остается 48. Как изволит выражаться В. Суворов, «этот список можно продолжать бесконечно». Человеку, утверждающему, что: *«В моей личной библиотеке так много документов о движении войск к границам, что хватило бы для того, чтобы написать несколько толстых книг на эту тему»*, стоит посоветовать начать коллекционировать информацию о тех, кто к границам не выдвигался. Я уж молчу о том, что стоило сверить количество дивизий для «нескольких толстых книг» с заветным числом 114. Причины того, что дивизии оставались на прежних местах дислокации, были различными. Некоторые дивизии не собирались никуда передвигать, поскольку их перемещение было заложено в план прикрытия ЗапОВО: «24-я и 100-я стр[елковые] дивизии перевозятся в первую очередь пошелонно автотранспортом и по жел[езной] дороге с расчетом сосредоточения первых эшелонов дивизий в назначенные им по плану районы сосредоточения не позднее М-3». Подчеркну, не «Эм минус три», а «Эм дефис три», то есть на третий день после объявления мобилизации. И эти дивизии были не одиноки: «155-я стр[елковая] дивизия перебрасывается в район сосредоточения комбинированным маршем: походом, автотранспортом и по железной дороге. В распоряжение командира 155-й стр[елковой] дивизии к утру М-5 в район Барановичи придут после окончания перевозки 24-й стр[елковой] дивизии 30-й автотранспортный полк в общем составе 240 автомашин «ЗИС-5» и 625 «ГАЗ-АА». «55-я стр[елковая] дивизия перебрасывается автотранспортом и по жел[езной] дороге. В распоряжение командира 55-й стр[елковой] дивизии к утру М-5 после окончания перевозки 100-й стр[елковой] дивизии в район Слуцка придут 15-й и 32-й автотранспортные полки в составе 269 машин «ЗИС-5» и 1140 машин «ГАЗ-АА». Начало жел[езно]дорожных перевозок 155-й и 55-й стр[елковых] дивизий — с утра М-4 по окончании их отмобилизования». (Все цитаты из плана прикрытия даются по ВИЖ, 1996 г., № 3. С. 9.) И 55-я сд ждала в Слуцке, когда объявят мобилизацию, дивизия получит резервистов и тракторы из народного хозяйства. А на 5-й день мобилизации приедут грузовики, на 4-й подадут эшелоны. Так что о толпе в 114 дивизий, едущих и идущих к границе, не может быть и речи. Правильный ответ: 32 (прописью: тридцать две) дивизии. И я готов их перечислить поименно. Это 1 -я тд ЛВО, 23-я, 46-я, 126-я и 128-я стрелковые дивизии, 11-я стрелковая дивизия в ПрибОВО, 161-я, 50-я стрелковые дивизии, 21-й ск (17, 37 сд), 44-й ск (64, 108 сд), 47-й (121, 143-я стрелковые дивизии) ЗапОВО, 135-я стрелковая дивизия, 31 ск (193, 195, 200 сд), 36-й ск (140, 146, 228 сд), 37-й ск (80, 139, 141), 49-й ск (190, 197, 199 сд), 55-й ск (130, 169, 189 сд) в КОВО, 48-й ск (30 гсд, 74 сд) ОдВО.

Некоторые комментарии и источники сведений. «Глубинные» корпуса Киевского особого военного округа — 31, 36, 37, 49 и 55-й ск — выдвигались по директиве НКО № 504205 от 13 июня 1941 г. Военному совету КОВО. Аналогичную директиву на выдвижение 21, 44 и 47-й ск получил Военный Совет ЗапОВО. Обе директивы опубликованы в сборнике «1941 год». «135-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор Ф.П. Смехотворов) находилась на марше из пунктов дислокации мирного времени (Дубно, Острог, Изяслав) в район м. Локачи, м. Свинюхи. К 4 часам 22 июня голова колонны главных сил достигла района дневки — лагеря Киверцы (12 км сев.-вост. Луцка на удалении 100 км от границы)». (Владимирский А.В. На Киевском

направлении. М.: Воениздат. 1989. С. 24.) «11-я сд перевозилась из Ленинградского военного округа в Прибалтийский и выгружалась из эшелонов юго-восточнее Шяуляя». (1941 год. Уроки и выводы. М.: Воениздат. 1992. С. 90.)

Теперь давайте вернемся к 3-му и 12-му мехкорпусам Прибалтийского особого военного округа, получившим директиву на выдвижение 18 июня 1941 г. С некоторой натяжкой их можно включить в число дивизий, выдвигавшихся ближе к границе. Подчеркну, именно ближе к границе, а не непосредственно на границу. Владимир Богданович сетует, что ему неизвестен пункт назначения 28-й тд 12-го мехкорпуса:

«Известен небольшой отрывок из боевого приказа, который в тот же день, 18 июня 1941 года, получил полковник И. Д. Черняховский (в последующем генерал армии), командир танковой дивизии того же 12-го механизированного корпуса: [...] Очень жаль, что весь приказ не опубликован. Он остается секретным, как и полвека назад. Согласно германским трофейным документам, первая встреча с 28-й танковой дивизией произошла под Шяуляем. Но дивизия имела задачу выйти к самой границе».

Секретным этот приказ был ровно 20 лет. Опубликован полностью в печатном виде спустя 12 лет после войны. Про районы сосредоточения в приказе написано следующее:

«4. В 23.00 18.6.41 г. частям выступить из занимаемых зимних квартир и сосредоточиться:

а) 28-й танковой дивизии без мотострелкового полка — в лесах Бувойни (2648), м. Груджяй (2040), Бриды (1046), Норейки (1850) (все западнее шяуляйского шоссе).

К 5.00 20.6.41 г. командный пункт — лес 1,5 км северо-западнее Норейки (2050).

б) 23-й танковой дивизии в полном составе — в лесах в районе м. Тиркшляй (3680), м. Седа (2666), Тельшяй (0676), м. Тришкяй (1498).

К 5.00 20.6.41 г. командный пункт — лес 2 км севернее Неримдайчяя (северн.) (1886).

в) 202-й мотострелковой дивизии в полном составе — в лесах в районе Драганы (9222), Гесьви (9814), Валдейки (8680), Науконис (8418)». (Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 33. М.: Воениздат, 1957. С. 22-23. Гриф «секретно» снят в 1965 г.)

Желающие могут посмотреть на карту и убедиться, что районы сосредоточения дивизий 12-го мехкорпуса в нескольких десятках километрах от границы. То же самое с дивизиями 3-го мехкорпуса. Д.И. Осадчий, встретивший войну в этом мехкорпусе, пишет: «22 июня 1941 года 5-я танковая рота 3-го танкового полка 2-й танковой дивизии Прибалтийского особого военного округа, которой мне довелось командовать,

готовилась к учению. Подготовка проходила в лесу, в 4–5 км от военного городка в районе сбора по тревоге, где мы находились с 18 июня» и чуть ниже: «Район дислокации полка располагался приблизительно в 120 км от государственной границы». (ВИЖ. 1988. № 6. С. 52.). Владимир Богданович статью Д.И. Осадчего читал, цитирует ее в другом месте, но на неудобную для него цифру в 120 км «не обратил внимания».

Несмотря на все эти факты, Владимир Богданович привязывает выдвижение к границам к сообщению ТАСС:

«Итак, 13 июня 1941 года — это начало самого крупного в истории всех цивилизаций перемещения войск».

13 июня не было тем днем, когда дивизии второй волны первого стратегического эшелона все вдруг поднялись и двинулись к границе. Сроки начала выдвижения были различными. Формально ситуация выглядит так: «Начиная с середины июня 1941 г. по решению командующего ЗапОВО генерала армии Д.Г. Павлова 31 (имеется в виду, наверное 21. — А.И.), 47 и 44 стрелковые корпуса начали выдвижение из районов постоянной дислокации, удаленных на 400–600 км от границы (Полоцк, Витебск, Лепель, Смоленск, Могилев, Бобруйск), ближе к границе в районы, удаленные от нее на 100–300 км (Лида, Барановичи, Минск)». (Хорьков А.Г. Грозовой июнь. М.: Воениздат, 1989. С. 176.) Приказ на выдвижение ближе к границам 47-го стрелкового корпуса был отдан руководством ЗапОВО 21 июня 1941 г. (Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 35. М.: Воениздат, 1963. С. 11.) Соответственно на 22 июня 1941 г. успел отправить из Бобруйска только часть штаба и корпусных частей. (Там же. С. 9.) Решение о выдвижении других частей, напротив, принималось до сообщения ТАСС. «6 июня Военный совет Одесского округа обратился к начальнику Генерального штаба за разрешением на передислокацию 48-го стрелкового корпуса на наиболее вероятное направление действий противника. После того как разрешение было получено, 74-я и 30-я стрелковые дивизии и управление корпуса к 15 июня сосредоточились на новых позициях, немного восточнее г. Бельцы» (ВИЖ, 1978, №4. С. 89.)

Если окинуть взором картину расположения советских войск на момент начала войны, то дивизии и корпуса РККА можно разделить на три большие группы. Первая — это находящиеся на 0–100 км от границы войска, которые должны были осуществлять прикрытие границы по планам, заложенным в «красные пакеты». Второй эшелон — это «глубинные» дивизии, выдвигавшиеся в районы на расстоянии 80–100 км от границы и находившиеся на 22 июня на расстоянии 200–400 километров от границы. Выдвигалась вторая группа в районы, предусмотренные планами прикрытия, а не непосредственно к границе. Эти две группы войск составляли первый стратегический эшелон. Третья группа — это армии внутренних округов, разгружавшиеся на рубеже Зап. Двина — Днепр в нескольких сотнях километров от границы.

Какова была задача первого и второго стратегических эшелонов РККА? Сведем данные об эшелонах советских и немецких войск для понимания их назначения и численности (см. табл. 1).

Эшелон	Дивизии	РККА (факт/плановое количество по записке Ватутина)	Вермахт и союзники Германии
Первый эшелон (армии прикрытия советских войск и армии противника, наступающие в первом эшелоне)	Стрелковые (пехотные)	66/120	117
	Танковые	24/40	17
	Моторизованные	12/20	15,5
	Кавалерийские	6/6	3,5
	Всего	108/186	153
Второй эшелон (вторые эшелоны фронтов и групп армий)	Стрелковые (пехотные)	37/22	13
	Танковые	16/7	—
	Моторизованные	8/3	—
	Кавалерийские	1/ —	—
	Всего	62/32	13
Резерв (второй стратегический эшелон и резерв ОКХ)	Стрелковые (пехотные)	?/13	—
	Танковые	?/4	21
	Моторизованные	?/2	2
	Кавалерийские	—	1
	Всего	77/19	24

Если оперировать относительными цифрами, то в группировке советских войск было 43% дивизий в первом эшелоне против 77% у немцев. Поэтому и выдвигались войска к границе, чтобы вдоль границы СССР с Германией и ее сателлитами были выстроены две примерно равноценные по численности армии, подобно тому, как выстраиваются перед началом партии шахматные фигуры на доске. По записке Ватутина, самому последнему предвоенному документу советского военного планирования, предполагалось собрать против Германии в первом эшелоне 186 дивизий (см. первый раздел таблицы). В приграничных округах было 170 дивизий, включая три дивизии в Крыму. Это означает, что откуда-то нужно взять еще 19 дивизий. 19 июня 1-я тд 1-го мехкорпуса убыла на Кандалакшское направление, и разница составила уже 20 дивизий. Эти 20 дивизий как раз и предполагалось, по записке Ватутина, выдвинуть из внутренних округов: 7 из Приволжского, 7 из Харьковского и 6 из Орловского военных округов. Эти соединения должны были объединяться управлениями 20-й и 21-й армий, которые в реальности до мест назначения доехать не успели и вошли во второй стратегический эшелон. Второй раздел — это резервы фронтов для парирования

возможных кризисов, по записке Ватутина — это 22-я армия из Уральского округа за Западным фронтом и 16-я армия (ЗабВО), 19-я армия (СКВО) за Юго-Западным фронтом. Третий раздел — это армии резерва Главного командования, 28-я армия из Архангельского военного округа и 24-я армия, управление которой перебрасывалось из Сибирского военного округа. Для организации такого построения войск и производились перемещения дивизий, корпусов и армий к границе. Армия мирного времени — это разбросанные по всей стране армейские части, для ведения боевых действий их нужно построить в определенном порядке на предполагаемом театре военных действий. Вне зависимости от тех задач, обороны или наступления, которые мы эти войскам ставим.

Что говорят о предназначении второго стратегического эшелона наши военачальники? В. Суворов умудряется при цитировании исказить смысл сказанного и даже не понимает, о чем идет речь:

«На совещании вблизи границ кроме командиров Первого стратегического эшелона присутствуют высокие гости из Второго стратегического эшелона во главе с командующим Московским военным округом генералом армии И. В. Тюленевым, который занимает в ряду тысячи генералов третье место. Пользуясь присутствием Тюленева, генерал армии Д. Г. Павлов объясняет командующему 4-й армии генерал-лейтенанту В. И. Чуйкову (будущему Маршалу Советского Союза) назначение Второго стратегического эшелона:

«...Когда из тыла подойдут войска внутренних округов, — Павлов посмотрел на Тюленева, — когда в полосе вашей армии будет достигнута плотность семь с половиной километра на дивизию, тогда можно будет двигаться вперед и не сомневаться в успехе».

Как обычно, Владимир Богданович до неузнаваемости искажает цитату. Посмотрим, что сам Сандалов пишет:

«Вначале, может быть, придется и отступить, — уточнил Павлов. — У немцев теперь не стотысячная армия, какую они имели в 1932 году, а трехмиллионная. Она насчитывает свыше трехсот соединений, располагает большим количеством самолетов. Если враг перед началом войны сосредоточит у наших границ хотя бы две трети своих сил, нам в первое время придется, конечно, обороняться и даже отступать... А вот когда из тыла подойдут войска внутренних округов, — Павлов посмотрел на Тюленева, — когда в полосе вашей армии будет достигнута уставная плотность — 7,5 километра на дивизию, тогда, конечно, можно будет двигаться вперед и не сомневаться в успехе. Не так ли?» (Сандалов Л.М. Пережитое. М.: Воениздат, 1966. С. 65.)

Как говорится, почувствуйте разницу.

Слова Д.Г. Павлова поймут только знакомые с военными теориями 30-х годов люди. Павлов имел в виду начальный период войны с 15–20-дневной паузой на период

мобилизации, сосредоточения и развертывания. В этот период, пока к границе едут войска из внутренних округов, приграничные армии осуществляют прикрытие границы, ведут борьбу за господство в воздухе и срыв сосредоточения и развертывания противника. Плотность 7,5 км на дивизию — это не плотность для наступления, это плотность в среднем на фронте округа, позволяющая начинать операции в соответствии с уставами.

А Владимир Богданович в военной теории, оказывается, мягко говоря, слабават. И даже не в технологии ведения начальных операций, но и в азах военной науки:

«Плотность войск «семь с половиной километра на дивизию», которую используют советские генералы, — это стандарт для наступления. В то же время для оборонительных действий дивизии давалась полоса местности в три-четыре раза большая».

Откуда взял эти нормативы Суворов, для меня остается тайной. По ПУ-39 ширина фронта наступления стрелковой дивизии колебалась от 2 до 6 км:

«98. Ширина фронта боевого порядка наступления зависит от характера сопротивления противника, наличных средств подавления и условий местности.

Она может измеряться протяжением:

- для дивизии — от 2,5 до 3,5 км,
- для корпуса — от 8 до 12 км.

При атаке сильно укрепленных полос и УР ширина фронта наступления может сокращаться:

- для дивизии до 2 км,
- для корпуса до 7 км.

На второстепенных направлениях ширина фронта наступления может в зависимости от обстановки возрасти:

- для дивизии до 5–6 км,
- для корпуса до 15–18 км». (Полевой устав РККА (ПУ-39). М.: Воениздат, 1939. С. 62.)

Нормативы на оборону по ПУ-39 предусматривались следующие:

«Ширина фронта боевого порядка обороны определяется шириной фронта сковывающей группы. Дивизия может оборонять полосу по фронту 8–12 км и в глубину 4–6 км. Полк может оборонять участок по

фронту 3–5 км и в глубину 2,5–3 км. Батальон может оборонять район по фронту 1,5–2 км и такой же глубины. При обороне УР фронты могут быть шире, доходя до 3–5 км на батальон. На важных направлениях фронты обороны могут быть уже, доходя до 6 км на дивизию». (Полевой устав РККА (ПУ-39). М.: Воениздат, 1939. С. 67.)

В. Суворов же предлагает обороняться с плотностью от 22,5 до 30 км на дивизию. Что не лезет ни в какие ворота, не говоря уже об уставе. Поэтому без так называемого второго стратегического эшелона советские войска не могли ни наступать, ни обороняться. Почему? Проблема именно в плотности войск у границ и соотношения этой плотности с уставом. На 720 километров границы в полосе Прибалтийского особого военного округа приходилось две армии, 8-я и 11-я с плотностью войск 48 км на дивизию. В Западном особом военном округе дела были чуть лучше. Полоса обороны 3-й армии достигала 120 км, 10-й — 200 и 4-й — 150. В округе в среднем на дивизию приходилось 36 км, в 3-й армии — 40, 10-й — более 33, в 4-й — 37,5 км. Примерно то же самое наблюдалось в Киевском особом военном округе. На пять стрелковых дивизий 5-й армии приходилась полоса границы шириной 170 км. 6-я армия занимала тремя стрелковыми дивизиями полосу 140 км, 26-я армия тоже три стрелковые дивизии на 130 км, 490 километров на южном фланге Львовского выступа занимали 6 стрелковых дивизий 12-й армии. То есть тоже свыше 30 км на дивизию. На границе с Румынией с плотностями еще хуже. На 650 км фронта 9-й армии имелось 7 стрелковых, две кавалерийские дивизии. В резерве округа на этом направлении находилось три стрелковые дивизии и два мехкорпуса. При любых расчетах это означало плотность свыше 50 км на дивизию. Читатель может сам сравнить реальные плотности войск с положениями ПУ-39 и понять цену слов Владимира Богдановича:

«Но среди трех исключительно мощных армий одна выделяется особо — 9-я. [...] Она еще не полностью укомплектована. Она как каркас небоскреба, который еще не завершен, но своей исполинской массой уже закрывает солнце. В июне 1941 года 9-я армия была недостроенным каркасом самой мощной армии мира. В ее составе шесть корпусов, включая два механизированных и один кавалерийский».

Как-то мило забылось, что этот «исполин» закрывал фронт в 650 км (прописью: шестьсот пятьдесят километров). Если бы у границы стояли реальные «исполины» и «небоскребы», катастрофа летом 1941-го не была бы неизбежной. Проблема была, напротив, в том, что реальная плотность войск в армиях приграничных округов на начало войны в разы отличается от рекомендуемой даже для обороны. Замечу, что для построения устойчивой обороны требуется создание плотности войск, которую устав указывает для важнейших направлений. Приведу цифры плотностей войск под Курском в июле 1943 г.:

13-я армия Центрального фронта. Фронт 32 км, распределение дивизий: 15-я сд — 9 км, 81-я сд — 10 км. За ними на расстоянии 8 км 6-я гв. сд на фронте 14 км и 307-я сд на фронте 10 км. 148-я сд — 7 км, 8-я сд — 6 км, за ними на расстоянии 6 км 74-я сд на фронте 14 км.

На расстоянии от фронта 20 км еще наблюдается 17-й гв. ск, 70-я гв. сд, 75-я гв. сд и 18-й гв. ск.

На остальном фронте свыше 200 км было выделено 17 сд и 4 сбр.

На участке 70-й армии (фронт 62 км) плотность колебалась от 9 км (211-я сд) до 20 км (102-я сд), это не считая второго эшелона на расстоянии 10 км, где плотность была от 8 км (132-я сд) до 18 км (162-я сд).

В 60-й армии (фронт 92 км) плотность в первой линии 17–27 км.

Воронежский фронт.

6-я гвардейская армия (фронт 64 км): 375-я гв. сд — 17 км, 52-я гв. сд — 14 км, 67-я гв. сд — 14 км, 71-я гв. сд — 19 км. Второй эшелон на расстоянии 8–12 км от первого: 89-я гв. сд — 20 км, 51-я гв. сд — 18 км, 90-я гв. сд — 20 км.

7-я гвардейская армия (фронт 50 км): 36 гв. сд — 17 км, 72-я гв. сд — 15 км, 78-я гв. сд — 9 км, 81-я гв. сд — 9 км. Второй эшелон на расстоянии от 2–4 км до 10–12 км от первого: 15-я гв. сд — 10 км, 219-я сд — 20 км, 73-я гв. сд — 18 км.

В полосе Воронежского фронта не был точно определен участок удара немцев и даже при таких плотностях обороняющихся войск фронт был прорван немцами, и они углубились в построение советских войск на 35 км. Ситуацию восстановили только контрудары 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий из состава Степного фронта, а также переброска резервов из 40-й армии Воронежского фронта.

Легко видеть, что плотности войск у границы на 22 июня 1941-го отличались от плотностей войск в оборонительной операции под Курском в несколько раз. Именно из-за того, что к границе не прибыли войска, которые Суворов называет «второй стратегический эшелон». Для построения обороны, как и для подготовки наступления, требовалось выстроить у границы войска прикрытия, части, сформированные в особых округах и соединения из внутренних округов. Только в этом случае возможно построить устойчивую оборону или подготовиться к наступлению. Проблема 1941 г. была не в том, что Красная Армия готовилась к наступлению. Если бы она готовилась к обороне, было бы все то же самое. Ни наступательная, ни оборонительная группировка войск просто не успела сложиться. Точно так же, как не успела сложиться группировка польской армии для обороны и наступления к 1 сентября 1939-го. И при подготовке наступления, и при подготовке в полосе Западного особого военного округа, в Белостокском выступе, обороны, аналогичной построенной под Курском, требуется доставить к границе войска из других округов. Попробую объяснить это с помощью экстраполяции событий под Курском на события 1941-го. Представим, что обороняющиеся на южном фланге Курского выступа советские войска встречают удар не в том составе, в котором они его встретили в реальном 7 июля 1943-го, а без некоторых армий. Скажем, нет на Воронежском фронте 7-й гвардейской армии М.С. Шумилова, которая едет, предположим, из Приволжского ВО. 5-я гвардейская армия А.С. Жадова и 5-я гвардейская танковая П.А. Ротмистрова только готовятся к погрузке в эшелоны. 6-я гвардейская армия в результате обороняется на фронте 64 км (реальный июль 1943 г.) +50 км (отсутствие 7-й гвардейской армии) =114 км. Плотность построения войск

уменьшается более чем в два раза. Если в реальном июле 1943-го немцы проломили оборону Воронежского фронта на всю глубину, положение удалось спасти только контрударом армий Жадова и Ротмистрова, то что было бы при ослабленном составе? При трех армиях, едущих по железной дороге к фронту? Напомню, что в полосе взломанного на всю глубину фронтовой полосы обороны Воронежского фронта в течение нескольких месяцев готовилась эшелонированная и развитая система укреплений. Что мы хотим от войск Западного фронта в июне 1941-го, занимавших Белостокский выступ с плотностью, в несколько раз меньшей плотности Воронежского фронта в июле 1943-го?

Чтобы окончательно внести ясность, в качестве справочной информации приведу данные о плотности построения противостоящим приграничным округам немецких войск. На Западном фронте был просто тихий ужас, поэтому обрисую ситуацию на Юго-Западном направлении. На участке от Перемышля до Припяти со стороны СССР непосредственно у границ находились с севера на юг: 45-я сд, 62-я сд, 87-я сд, 124-я сд, 3-я кд, 41-я сд, 159-я сд, 97-я сд, 99-я сд, 41-я тд. Итого восемь стрелковых дивизий, одна танковая и одна кавалерийская. Со стороны немцев на том же самом участке утром 22 июня 1941 года располагались: 56-я пд, 62-я пд, 298-я пд, 44-я пд, 168-я пд, 299-я пд, 111-я пд, 75-я пд, 57-я пд, 297-я пд, 9-я пд, 262-я пд, 24-я пд, 295-я пд, 71-я пд, 1-я горная дивизия, 68-я пд, 257-я пд, 101-я пд. В непосредственной близости к границе располагались 11, 13, 14-я танковые и 25-я моторизованная дивизии. Итого восемнадцать пехотных дивизий, одна горная пехотная дивизия, три танковых и одна моторизованная. Источником сведений является карта из «открытого источника», из первого тома воспоминаний К.С. Москаленко «На юго-западном направлении», уточненная по приложениям к фундаментальному труду Germany and the Second World War, Volume IV, Maps, Deutsche verlags-anstalt, Stuttgart, 1983.

На направлении главного удара, в Сокальском выступе, против 87-й и 124-й советских дивизий 5-й армии приходилось семь пехотных дивизий, это 298-я, 44-я пд, 168-я пд, 299-я пд, 111-я пд, 75-я пд, 57-я пд. То есть выполнялось правило трехкратного превосходства на острие главного удара. Из восьми советских сд построить ударную группировку против 17 пехотных дивизий и одной легкопехотной нереально. Это если не обращать внимание на резервы немцев, например 100-й пд за спиной правого фланга 68-й пд. Выдвигавшиеся к границе корпуса, сформированные в Киевском особом военном округе, находились в это время в сотне километров от тех, кто встретил вермахт ранним утром 1941 г. 200-я сд Людникова, к истории которой обращается В. Суворов, находилась в тот момент в районе р. Горынь и ничем не могла помочь сражающейся с немцами 87-й сд Бланка. Если бы дивизия И. Людникова вместе со всем 31-м стрелковым корпусом выдвинулась к границе чуть раньше, то соотношение сил стоявших по разные стороны войск не было бы таким разгромным для РККА. Выдвигавшийся пеши́м порядком 31-й ск был жизненно необходим для обороны. Объявлять его выдвижение однозначным признаком подготовки агрессии, как это делает В. Суворов, может только человек, ни разу внимательно не смотревший на карту взаимного расположения советских и немецких войск у границы.

Совсем удручающую картину мы увидим в полосе Западного особого военного округа. Возьмем южный фас Белостокского выступа. Возьмем участок к северу от только что рассмотренного нами, от границы КОВО и ЗапОВО до железной дороги Варшава — Белосток. С советской стороны непосредственно у границы находились с севера на юг:

86-я сд, 113-я сд, 49-я сд, 6-я сд, 42-я сд (эти две были дислоцированы в Бресте), 75-я сд, 22-я тд. Итого шесть стрелковых и одна танковая дивизии. Со стороны немцев на том же участке с севера на юг: 268-я пд, 263-я пд, 137-я пд, 292-я пд, 252-я пд, 134-я пд, 131-я пд, 167-я пд, 31-я пд, 45-я пд, 34-я пд, 1-я кд, 267-я пд, 255-я пд. Непосредственно за спиной этих войск стоят 17-я пд и 78-я пд, 268-я охранная дивизия. Итого 13 пехотных и одна кавалерийская дивизии в первой линии. Плюс к этому числу у немцев в первой линии были 17, 18, 3 и 4-я танковые дивизии. На направлении главного удара, в районе Бреста и окрестностей, у немцев против советских трех дивизий (6-я, 42-я сд, 22-я танковая дивизия 14-го мехкорпуса) находилось восемь дивизий: 167-я пд, 17-я, 18-я тд, 31-я пд, 45-я пд, 34-я пд, 3-я тд, 4-я тд. Учитывая, что 22-я тд имела всего один полк пехотинцев, соотношение сил — все то же классическое троекратное преимущество. Южнее Бреста, против 75-й сд, соотношение такое же: 1-я кав. дивизия, 267-я и 255-я пд. Выдвигавшиеся к границе войска, 47-й стрелковый корпус, двигавшийся к границе, 22 июня находился в сотне км от войск 4-й армии и помочь им ничем не мог. С 155-й и 121-й стрелковыми дивизиями 47-го стрелкового корпуса немцы столкнулись только 25 июня у Слонима. К тому времени части 4-й армии были уже сильно потрепаны, и вступление в бой еще одного корпуса ситуацию принципиально не меняло.

Одним словом, на важнейших направлениях плотность советских войск у границы была достаточно низкой, и требовалось уплотнение построения дивизий за счет прибытия корпусов и армий из внутренних округов и второго эшелона войск округа. Владимир Богданович пишет:

«Когда мы говорим о причинах поражений Красной Армии в начальном периоде войны, то почему-то забываем главную причину: Красная Армия находилась в вагонах».

Хотелось бы этот тезис исправить — не столько в том, что в вагонах, сколько в том, что эти вагоны не приехали туда, где они были нужны. Точно так же, как это случилось в Польше в 1939-м, про это я уже писал выше.

Убогость и малочисленность армий прикрытия у государственной границы — это очевидный факт, для его констатации достаточно проделать расчет плотностей войск, разделить фронт армии на количество дивизий в ней. Но Владимир Богданович не утруждает себя даже простейшими арифметическими расчетами. Легких путей он не ищет и начинает кидаться терминами, значения которых попросту не знает. Например, такая душевная цитата («Ледокол»):

«Разница между советским и германским механизмами войны заключалась в том, что в Германии все называлось своими именами, при этом танковые группы имели свою нумерацию, полевые армии — свою. В Советском Союзе ударные армии существовали в теории, а затем были созданы и на практике, однако они формально не носили титул «ударная армия». Это название официально было введено уже после германского вторжения. До этого все советские армии имели единую нумерацию и по своим названиям никак друг от друга не отличались. [...] Элемент, который превращает обычную армию в ударную, — это механизированный корпус новой организации, в

котором по штату положено иметь 1031 танк. Вот тут мы делаем для себя поразительное открытие: на 21 июня 1941 года ВСЕ советские армии на германской и румынской границах, а также 23-я армия на финской границе вполне подходили под стандарты ударных армий, хотя, повторяю, этого названия формально не носили. Перечисляю их с севера на юг: 23-я, 8-я, 11-я, 3-я, 10-я, 4-я, 5-я, 6-я, 26-я, 12-я, 18-я, 9-я. Вдобавок к ним разгружалась 16-я армия — типично ударная, имевшая в своем составе более 1000 танков. (Центральный архив Министерства обороны СССР. Ф. 208. О. 2511. Д. 20. С. 128.) Под этот стандарт также вполне подходили тайно выдвигавшиеся к германским границам 19-я, 20-я и 21-я армии».

То есть, по Владимиру Богдановичу, признаком «ударности» армии является наличие танков. Мнение интересное, но давайте все же дадим слово советской военной теории и практике. Для начала заметим, что апелляция Владимира Богдановича к официально называвшимся ударными армиям 1941–1945 гг. совершенно беспочвенна. Например, 2-я ударная армия 2-го Белорусского фронта, 1 января 1945 года состоящая из 10 стрелковых дивизий, имеет всего одну, 30-ю гвардейскую, танковую бригаду и два отдельных танковых полка, 46-й и 260-й гвардейский. 3-я ударная армия Белорусского фронта не имеет танковых частей вообще, 5-я ударная армия — одну бригаду. Что же называлось ударной армией в советской военной теории, действовавшей на июнь 1941-го? Обратимся к книге, которая так и называется: «Ударная армия»:

«Первой задачей ударной армии является нанесение фронтального удара с целью безотказного прорыва тактической обороны противника. Выполнение этой задачи падает на эшелон тактического прорыва в составе усиленных стрелковых корпусов. Количество этих стрелковых корпусов определится шириной фронта армейского прорыва (минимально 30 км, иначе грозит зажим в огневые артиллерийские клещи) с учетом, что фронт атаки для одного стрелкового корпуса в 3-й дивизии при наступлении на заранее укрепившегося противника не будет превышать 10 км». (Варфоломеев Н. Ударная армия. М.: Госвоениздат, 1933. С. 174.)

То есть в ударной армии должно быть минимум 9 стрелковых дивизий (три участка по 10 км на фронте 30 км). По Н. Варфоломееву «общая ширина фронта наступления ударной армии достигнет 50–80 км» (Там же. С. 182.), что дает нам оценку численности в 15–18 дивизий.

Как мы видим, у тов. Варфоломеева несколько другие критерии, «ударной» называется армия, имеющая в своем составе определенное количество стрелковых дивизий. Что вполне логично, «ударность» армии заключается в ее возможностях по прорыву обороны противника пехотой, стрелковыми дивизиями и корпусами. По этому критерию НИ ОДНА из армий приграничных округов или выдвигавшихся из внутренних округов не была ударной. Перечислим их в том же порядке, что и Владимир Богданович, в скобках указав количество стрелковых дивизий в каждой. 23-я (5), 8-я (5), 11-я (8), 3-я (3), 10-я (6 плюс две кавдивизии), 4-я (4), 5-я (5), 6-я (6 плюс одна кавдивизия), 26-я (3), 12-я (3 плюс три горнострелковые дивизии), 18-я (на 22 июня полосу границы не занимала, позднее получила один корпус из 12-й армии и один

корпус из сформированных в округе), 9-я (6 плюс две горнострелковые и две кавдивизии).

Отметим и еще один важный момент. Поскольку и для обороны, и для наступления войска из глубины страны и других театров военных действий нужно выдвигать к границе, то появляется еще один ответ на тему о «Сталин не верил». До определенного момента действия Германии не внушали опасений. Они вполне могли быть истолкованы как защита тыла от неожиданностей в ходе вторжения в Англию. Соответственно немцы выдвигали войска к советским границам на случай необходимости вести боевые действия вследствие вмешательства СССР по тем или иным причинам в войну на стороне Великобритании. То есть для действий, аналогичных операции 8-й германской армии в Восточной Пруссии в Первую мировую, когда немцы так же повернулись к России спиной, начав наступление во Франции по плану Шлиффена. Для построения устойчивой обороны войск требовалось больше, чем было на границе с СССР в 1940 году. Соответственно, в первой половине 1941 года производились перемещения войск, которые можно было расценить двояко: и как подготовку к нападению, и как подготовку к сдерживающим действиям на случай вмешательства СССР в войну при начале «Зеелеве». То есть выдвигание войск к советским границам само по себе еще не свидетельствовало о возможном нападении. Ф.И. Голиков 31 мая честно доложил Сталину, что силы немцев распределены так:

«против Англии (на всех фронтах) — 122-126 дивизий

против СССР — 120-122 дивизии,

резервов — 44-48 дивизий».

Цитирую «Спецсообщение разведуправления Генштаба Красной Армии о группировке немецких войск на 1 июня 1941-го». Хорошо видно, что количество дивизий, выделенных для действий на Западе, даже слегка больше выделенных против СССР. То есть ситуация на 1 июня была неопределенная, яркой направленности против СССР группировка вермахта, по данным советской разведки, не имела.

«Хорошо, — скажет читатель, — если все делали правильно, то почему произошла катастрофа?» Здесь сыграли свою роль два фактора. Во-первых, была неопределенность в действиях Германии. Характер советского развертывания, с приостановкой этого процесса в мае, говорит о зависимом от действий противника выдвигании войск, об отдаче инициативы развязывания войны немцам. Предполагалось, что немцы начнут оказывать дипломатическое давление, выдвигать какие-то требования. Пока будут идти переговоры, можно будет завершить развертывание, и в случае неудачи дипломатического решения проблемы заговорили бы пушки.

На мой взгляд, осуждать наших предков не за что. Это мы сегодня знаем результат, сегодня знаем, что немцы проявили оригинальность и начали войну без попыток добиться чего-либо дипломатическим путем и сразу навалившись всеми силами. Тогда возможность именно такого развития событий была неочевидна до самого последнего момента, когда вдоль всей границы загремела канонада.

ГЛАВА 3.

ГЛАВНЫЕ ПЕСНИ О СТАРОМ

Сталин, властитель Европы, — умная голова, он не станет открыто выступать против Германии.

А. Гитлер. Выступление на совещании штаба ОКВ 9 января 1941 г.

Идея «превентивной» войны против СССР не нова. Попытки пересмотреть историю предпринимались со стороны немецких историков неоднократно еще с 50-х годов. Ничего нового и интересного нам разведчик-аналитик не сообщает. Это не более чем перепев немецкой пропаганды времен войны. Было бы странно, если бы агрессор не придумал себе какого-либо оправдания. И, разумеется, такое оправдание было придумано в Германии не в последнюю очередь для собственных солдат. Солдатам тоже нужно было вразумительно объяснить, что именно вермахт забыл на бескрайних российских просторах. И эти свежеиспеченные объяснения озвучивались пленными немцами летом 1941 г.:

«Это был нахальный голубоглазый парень, фельдфебель со сбитого самолета. Он не показался мне ни глупым, ни ничтожным, но он был человеком, чьи суждения, мнения, представления, размышления раз навсегда замкнуты в один навсегда установившийся круг, из которого наружу не вылезает ничего, ни одна мысль, ни одно чувство. В пределах этого круга он размышлял. То есть был даже изворотлив. Он не говорил, что Россия напала на Германию. Он говорил, что Германия сама напала. Но напала потому, что она точно знала — Россия через 10 дней нападет на нее». (Симонов К. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 г. Т. 1. М.: Худ. литература, 1982. С. 154.)

Никакой Америки Владимир Богданович не открыл, попытки оправдать «Барбароссу» в глазах своих и чужих предпринимались с самого начала вторжения в СССР.

Именно эти незатейливые рассказы для немецких фельдфебелей льются на читателя со страниц книг В. Суворова. Опорной плитой суворовской теории превентивности является тезис о советской угрозе Румынии и румынской нефти соответственно. Владимир Богданович пишет:

«12 ноября 1940 года в беседе с Молотовым Гитлер указывает на необходимость держать в Румынии много германских войск, явно намекая Молотову на советскую военную угрозу румынской нефти».

Причины на самом деле совершенно с СССР не связанные: «Прочитируем слова Гитлера в контексте: «Политически Германия в этих проблемах совершенно не заинтересована, однако она не может допустить того, чтобы, как это было в Салониках в прошлую войну, там обосновались англичане. Однако он, Гитлер, хочет подчеркнуть, что, как только кончится война, германские войска немедленно покинут Румынию». (Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн.

2(1). М.: Международные отношения, 1995. С. 45.) Довольно странный намек на советскую военную угрозу.

Далее В. Суворов утверждает:

«В июне 1940 года, когда германская армия воевала во Франции, Жуков по приказу Сталина без всяких консультаций с германскими союзниками оторвал кусок Румынии — Бессарабию».

Владимир Богданович, вероятно, не в курсе. 23 июня Молотов провел консультации с послом Германии в СССР Шуленбургом по бессарабскому вопросу. (Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 217. М.: Международные отношения, 1995.) Консультации были продолжены 25 июня. Прочитую запись беседы наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом:

«В начале беседы Шуленбург сообщил, что им получен ответ Риббентропа об отношении Германского правительства к постановке Советским правительством перед Румынией вопроса о Бессарабии. Ответ Риббентропа в основном сводится к следующему:

1. Германское правительство в полной мере признает права Советского Союза на Бессарабию и своевременность постановки этого вопроса перед Румынией.
2. Германия, имея в Румынии большие хозяйственные интересы, чрезвычайно заинтересована в разрешении бессарабского вопроса мирным путем и готова поддержать Советское правительство на этом пути, оказав со своей стороны воздействие на Румынию». (Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 225. М.: Международные отношения, 1995.)

26 июня советские права на Бессарабию были признаны Италией. (Там же. Док. 227.) Советский ультиматум Румынии был предъявлен 27 июня 1940 года, через два дня после победоносного завершения кампании вермахта во Франции.

Не очень убедительно звучат у В. Суворова тезисы о необходимости захвата Бессарабии в 1940 г. Он пишет:

«Захват Бессарабии Советским Союзом и концентрация тут мощных сил агрессии, включая воздушно-десантный корпус и Дунайскую флотилию, заставили Гитлера взглянуть на стратегическую ситуацию совсем с другой точки зрения и принять соответствующие предупредительные меры. Но было уже слишком поздно. Даже внезапный удар вермахта по Советскому Союзу уже не мог спасти Гитлера и его империю... Гитлер понял, откуда исходит главная опасность, но поздно. Об этом надо было думать до подписания пакта Молотова — Риббентропа».

Хотелось бы заметить, что именно секретным дополнительным протоколом к пакту Молотова — Риббентропа Бессарабия была отнесена к сфере влияния СССР. Секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 г. гласил: «3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях». То есть вопрос о Бессарабии был оговорен именно пактом Молотова — Риббентропа, и возможностей подумать до его подписания у Адольфа Гитлера было более чем достаточно.

Если читатель обратил внимание, все построения Владимира Богдановича строятся исключительно на общих рассуждениях, без каких-либо попыток привлечь документы Третьего рейха, опубликованные после войны. К таковым относится, например, двухтомник В.И. Дашичева «Банкротство стратегии германского фашизма» (Москва, Наука, 1973). Несмотря на крикливое название, это сборник разнообразных немецких документов с достаточно содержательными комментариями автора в начале разделов.

Военное и политическое значение Румынии, возможные варианты действий СССР в опубликованных документах рассматриваются вполне определенно. Это, например, стратегическая разработка Лоссберга, руководителя группы сухопутных войск в оперативном отделе штаба верховного командования вермахта, датированная 15 сентября 1940 г. В отношении возможных вариантов действий советских войск в документе написано следующее:

«В войне против Германии у России есть в общем следующие три возможности.

I. Русские захотят нас упредить и с этой целью нанесут превентивный удар по начинающим сосредоточиваться у границы немецким войскам.

II. Русские армии примут на себя удар немецких вооруженных сил, развернувшись вблизи границы, чтобы удержать в своих руках новые позиции, захваченные ими на обоих флангах (Балтийское и Черное моря).

III. Русские используют метод, уже оправдавший себя в 1812 г., т. е. отступят в глубину своего пространства, чтобы навязать наступающим армиям трудности растянутых коммуникаций и связанные с ними трудности снабжения, а затем, лишь в дальнейшем ходе кампании, нанесут контрудар.

Относительно этих трех вариантов можно сказать следующее.

Вариант I.

Представляется невероятным, что русские решатся на наступление крупных масштабов, например, на вторжение в Восточную Пруссию и северную часть генерал-губернаторства, пока

основная масса немецкой армии не скована на длительное время боевыми действиями на другом фронте. Видимо, на это не будут способны ни командование, ни войска. Более вероятны операции меньших масштабов. Они могут быть направлены либо против Финляндии, либо против Румынии. Однако удар по Финляндии при напряженных отношениях с Германией никак не улучшил бы стратегическое положение русских. Наоборот, силы русских, вторгшиеся в Финляндию, оказались бы в результате наступления северного крыла немецких армий вдоль побережья Балтийского моря в большой опасности и могли бы быть отрезаны от России.

По-иному сложилась бы обстановка в случае вторжения русских в румынские нефтеносные районы. Целью этого вторжения было бы разрушить одну из главных опор немецкой базы тылового обеспечения. При известных обстоятельствах было бы достаточно для достижения этой цели даже действий одной только русской авиации. А если наступательные действия развернутся также на земле, то можно ожидать использования сравнительно многочисленных и, как утверждают, хорошо обученных русских воздушно-десантных сил. Для ликвидации этой опасности целесообразно использовать немецкие «учебные части» и организовать противовоздушную оборону силами румын. В подготовке соответствующих оборонительных мер на указанный случай и будет состоять ближайшая задача немецкой военной миссии в Румынии. Эту миссию следует рассматривать как «передовой отряд» южного крыла немецких армий.

Вариант II.

Это решение представляется наиболее вероятным, поскольку нельзя предположить, что столь сильная военная держава, как Россия, без боя уступит свои богатейшие, в том числе и недавно завоеванные области. Кроме того, по имеющимся сведениям, русские развернули западнее Днепра особенно хорошо оборудованную сеть наземных сооружений военно-воздушных сил. При отступлении в глубь страны русские вскоре лишились бы этой сети.

[...]

Вариант III.

Если русские будут заранее строить свой план ведения войны на том, чтобы сначала принять удар немецких войск малыми силами, а главную свою группировку сконцентрировать в глубоком тылу, то рубежом расположения последней севернее Припятских болот может быть скорее всего мощный водный барьер, образуемый реками Двина [Даугава] и Днепр. Этот барьер имеет разрыв

шириною всего приблизительно в 70 м — в районе южнее Витебска». (Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. М.: Наука, 1973. С. 76–77.)

Прошу прощения за пространную цитату, но без возможно полного изложения немецких документов нельзя построить убедительных доказательств. Рассмотрение текста данного документа позволяет сделать вывод о реальных представлениях германского высшего руководства о планах СССР и возможных вариантах развития событий. Нет ни слова о том, что «Барбаросса» — это упреждающая операция. Напротив, утверждается, что масштабной операции против Германии советские войска провести неспособны. Угроза Румынии рассматривается, во-первых, как не слишком вероятное событие, а во-вторых, не вызывает панического страха остаться без топлива. Более вероятным вариантом действий советских войск по Лоссбергу является: «Русские армии примут на себя удар немецких вооруженных сил, развернувшись вблизи границы, чтобы удержать в своих руках новые позиции, захваченные ими на обоих флангах (Балтийское и Черное моря)». Тезис, согласитесь, не допускающий двоякого толкования, немцы нападают, советские армии обороняются. И эти тезисы проходят красной нитью с начала планирования «Барбароссы» до последних дней перед вторжением в СССР. Анализ немецких документов показывает, что каких-либо широкомасштабных наступательных действий немцы от РККА не ожидали. Предполагалось, что в ответ на развертывание немецких войск может быть подготовлена частная операция ограниченных масштабов. Но в стратегическом смысле наиболее вероятным вариантом действий Красной Армии немцы считали оборону с отходом в глубь страны, разменом времени на территорию.

Но все эти доступные в «открытых источниках» материалы ускользнули от взора разведчика-аналитика. Вместо опоры на документы В. Суворов пытается построить доказательство на основе бытовой логики, исходя из сегодняшних знаний об исторических событиях. Владимир Богданович вместо изучения документов пускается в утомительные и ничем не обоснованные рассуждения:

«Историки так никогда и не объяснили, почему же Гитлер напал на Сталина. Говорят, ему жизненное пространство понадобилось. Так говорит тот, кто сам не читал «Майн кампф», а там речь идет о далекой перспективе. В 1941 году у Гитлера было достаточно территорий от Бреста на востоке до Бреста на западе, от Северной Норвегии до Северной Африки. Освоить все это было невозможно и за несколько поколений. В 1941 году Гитлер имел против себя Британскую империю, всю покоренную Европу, потенциально — Соединенные Штаты. Для того чтобы удержать захваченное, Гитлер был вынужден готовиться к захвату Гибралтара и покорению Британских островов, не имея превосходства на море. Неужели в такой обстановке Гитлеру нечем больше заниматься, как расширять жизненное пространство? Все великие немцы предупреждали от войны на два фронта. Сам Гитлер главную причину поражения в Первой мировой войне видел

в том, что воевать пришлось на два фронта. Сам Гитлер в рейхстаге уверял депутатов в том, что войны на два фронта не допустит. И он напал. Почему?»

Отметим внутреннюю противоречивость теории В. Суворова. Он постоянно на страницах своих книг утверждает, что оборона «непробиваема, непрогрызаема», но вместе с тем никак не объясняет тот факт, что Гитлер выбрал наступательную стратегию, якобы зная об агрессивных планах СССР. Согласно воззрениям, исповедуемым В. Суворовым, нужно было поставить вермахт в глухую оборону от Балтики до Черного моря, накопать окопов, воздвигнуть тысячи ДОТов и ДЗОТов, нагородить «тетраэдров», и дело в шляпе, наступление РККА разобьется об эту оборону, тысячелетний рейх будет спасен. Но почему-то А. Гитлер не стал искать легких путей и решил напасть. Не сходятся концы с концами у Владимира Богдановича. Вытягивая хвост, объясняя, как надо было РККА воевать, он неизбежно топит голову своей теории, оставляя читателя в недоумении, почему так не должен был воевать вермахт.

Однако оставим внутренние противоречия на совести В. Суворова и попробуем рассмотреть саму идею «превентивного удара Гитлера». На протяжении всей своей тирады Владимир Богданович не привел никаких вразумительных ссылок на документы. Советская историография действительно переживала в мушкетировании идеи о том, что Гитлер спал и грезил о завоевании СССР. Но утверждение, что, кроме этого тезиса, у советских историков ничего нет и они «никогда не объяснили», мягко говоря, спорно. И заставляет думать, что Владимир Богданович не потрудился внимательно почитать глыбы советской исторической мысли. Например, Даниил Михайлович Проэктор помимо традиционных рассказов про жизненные пространства на востоке и покорение России («планы монополистического капитала») пишет:

«Ко второй группе причин относятся:

1. Убежденность, что военно-политическая обстановка в Европе и во всем мире, а также состояние Красной Армии благоприятствуют решению задач первой группы.
2. Уверенность, что вооруженные силы, находящиеся в наилучшем состоянии, способны быстро выиграть войну на Востоке.
3. Расчет, что победа над СССР будет одновременно означать удар по надеждам все еще сопротивляющейся Англии и заставит ее капитулировать, что приведет к распаду Британской империи.
4. Предположение, что таким образом удастся устранить возможное вмешательство в войну США, еще больше укрепить фашистский блок, в частности стать твердой ногой на Балканах.

Конечно, только суммой всех этих моментов объясняется решение Гитлера напасть на Советский Союз, принятое летом 1940 г.». (Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. М.: Наука, 1971. С. 196.)

Как мы видим, никаких ссылок на «Майн кампф» и побудительных мотивов для войны Германии против СССР названо более чем достаточно.

На мой взгляд, наиболее четко Адольф Гитлер сформулировал причины нападения на СССР в выступлении на секретном совещании в штабе оперативного руководства вермахта 9 января 1941 г. Приведу часть текста документа, непосредственно касающуюся нас. Итак, цитирую: «Англичан поддерживает надежда на возможность вмешательства русских. Они лишь тогда откажутся от сопротивления, когда будет разгромлена эта их последняя континентальная надежда». Он, фюрер, не верит в то, что англичане «безнадежно глупы»; если они не будут видеть никакой перспективы, то прекратят борьбу. Если они проиграют, то никогда не найдут в себе моральных сил сохранить империю. Если же они смогут продержаться, сформировать 30–40 дивизий, и если США и Россия окажут им помощь, тогда создастся весьма тяжелая для Германии обстановка. Этого допустить нельзя.

До сих пор он [Гитлер] действовал по принципу наносить удар по важнейшим позициям противника, чтобы еще на один шаг продвинуться вперед. Поэтому теперь необходимо разгромить Россию. Тогда либо Англия сдастся, либо Германия будет продолжать борьбу против Англии при самых благоприятных условиях. Разгром России позволит также и Японии обратить все свои силы против США. А это удержало бы последние от вступления в войну.

Особенно важен для разгрома России вопрос времени. Хотя русские вооруженные силы и глиняный колосс без головы, однако точно предвидеть их дальнейшее развитие невозможно. Поскольку Россию в любом случае необходимо разгромить, то лучше это сделать сейчас, когда русская армия лишена руководителей и плохо подготовлена и когда русским приходится преодолевать большие трудности в военной промышленности, созданной с посторонней помощью.

Тем не менее и сейчас нельзя недооценивать русских. Поэтому немецкое наступление должно вестись максимальными силами. Ни в коем случае нельзя допустить фронтального оттеснения русских. Поэтому необходимы самые решительные прорывы. Важнейшая задача состоит в быстром отсечении района Балтийского моря; для этого необходимо создать особенно сильную группировку на правом крыле немецких войск, которые будут наступать севернее Припятских болот. Хотя расстояния в России и большие, но они не больше расстояний, с которыми уже справились германские вооруженные силы. Цель операции должна состоять в уничтожении русских вооруженных сил, в захвате важнейших экономических центров и разрушении остальных промышленных районов, прежде всего в районе Екатеринбурга, кроме того, необходимо овладеть районом Баку.

Разгром России будет для Германии большим облегчением. Тогда на Востоке необходимо будет оставить лишь 40–50 дивизий, численность сухопутной армии можно будет сократить и всю военную промышленность использовать для вооружения военно-воздушных и военно-морских сил. Затем необходимо будет создать надежное зенитное прикрытие и переместить важнейшие промышленные предприятия в безопасные районы. Тогда Германия будет неуязвима». (Дашичев

В.И. Указ. соч. С. 93–94 со ссылкой на КТВ ОКВ, Bd.I. S. 253–258.) По этому документу вполне четко вырисовываются те самые причины, которые поставил на второе место Д.М. Проэктор. Это, во-первых, желание лишить Англию опоры на континенте, те же побудительные мотивы были у Наполеона в 1812 году. Во-вторых, это стремление высвободить силы для дальнейшей борьбы на море и в воздухе против Великобритании. И, в-третьих, захват ресурсов СССР. О военной угрозе со стороны СССР речи не идет, более того, возможности РККА оцениваются как весьма низкие. Это было ошибкой, но это реальное мнение германского руководства.

В своем письме Муссолини А. Гитлер повторяет те же тезисы: «Положение в самой Англии плохое, снабжение продовольствием и сырьем постоянно ухудшается. Воля к борьбе питается, в сущности говоря, только надеждами. Эти надежды основываются исключительно на двух факторах: России и Америке. Устранить Америку у нас нет возможностей. Но исключить Россию — это в нашей власти. Ликвидация России будет одновременно означать громадное облегчение положения Японии в Восточной Азии и тем самым создаст возможность намного затруднить действия американцев с помощью японского вмешательства». (Дашичев В.И. Указ. соч. С. 133.) Про угрозу румынской нефти ничего не написано. Никаких определенных сведений о советской угрозе также не приводится.

Опубликованы и широко известны немецкие документы, описывающие причины нападения на СССР. Текст этих документов не ласкает чувство национальной гордости, руководство Третьего рейха и Гитлер лично не считали СССР серьезной военной силой. Сокрушение СССР должно было стать в первую очередь лишь спектаклем, который заставит капитулировать Англию. Оценка возможностей СССР оказалась ошибочной, Восточный фронт вскоре стал главным фронтом Третьего рейха, но в ходе планирования «Барбароссы» СССР отводилась лишь роль показательной жертвы. Остальные причины нападения по большому счету вторичны и не объясняют, почему нужно было напасть именно в 1941 году.

ГЛАВА 4.

Одиум и опиум войны

Под термином одиум автор подразумевает преддверие.

Сноска к главе книги *Б.М. Шапошникова*. «Мозг армии»

Теме мобилизации В. Суворов посвятил целую книгу, «День М». Владимир Богданович пытается доказать, что мобилизационное развертывание армии СССР базировалось на неких особых, отличных от других принципах и нацеливалось на агрессивные действия в отношении сопредельных государств. К сожалению, из-за хаотичного изложения мобилизационных вопросов взаимосвязь событий в «Дне М» нарушается, теряются причины и следствия явлений. Постараюсь выстроить события предвоенных лет в единую нить, дополнив ее теорией военной науки по данному вопросу, без которой нельзя понять причины тех или иных действий руководства армии и страны.

Что же такое мобилизация? Что Б.М. Шапошников назвал одиумом войны? Слово «мобилизация», с одной стороны, известно всем, с другой, не все понимают, что за ним скрывается. Не будем мудрствовать лукаво и обратимся к «Военному энциклопедическому словарю». Цитирую: «Мобилизация вооруженных сил заключается в планомерном переводе войск на организацию и состав военного времени». Зачем нужна мобилизация, вполне очевидно. Ни одна страна не может себе позволить постоянно содержать массовую армию большой войны. Поэтому в мирное время армия хранится, подобно сухофрукту, в скукоженном виде, готовая в случае необходимости стать титаном для битвы колоссов. Переход из состояния сухофрукта в состояние титана — это переход к штатам военного времени. Что такое штаты мирного и военного времени? Возьмем основное тактическое соединение, дивизию. Например, в мирное время в 1940 г. стрелковая дивизия РККА должна была иметь численность 6 тыс. человек, а в военное — 17 тыс. человек. Такое сжатие в мирное время достигалось тем, что в каждом батальоне было по одной роте, а остальные «обозначались», то есть существовали только на бумаге. Вместо 27 рот (3 полка по 3 батальона по три роты) существовало 9 рот, а еще 18 разворачивались из резервистов в процессе мобилизации. В свернутой дивизии, кроме того, отсутствовали вспомогательные номера расчетов орудий. Большой вклад в сжатие дивизии до численности мирного времени вносили тылы (ездовые, водители, кашевары и хлебопеки), создававшиеся в военное время практически с нуля. Соответственно в случае войны в течение нескольких дней дивизия превращалась в полновесное армейское соединение. В 1–3 сутки прибывали резервисты, бывшие рабочие, крестьяне, учителя и врачи. Далее подразделения сколачивались, проводились батальонные и полковые учения и готовый кубик армии направлялся к фронту. И те же принципы пронизывали всю структуру вооруженных сил, от дивизии до армии и фронта. Принцип был один и тот же: в мирное время — необходимый для обучения минимум, в военное — оптимальная для боевых действий структура. Система эта была общей для различных государств, отличия не носили принципиального характера.

Начнем разговор, осветив вопросы теории мобилизации 20–30-х годов. Что пишет Владимир Богданович:

«Эти мысли в разной последовательности высказаны разными авторами. Б.М. Шапошников отличается от всех предшественников только тем, что выражался предельно ясно, кратко, категорично:

«Мобилизация является не только признаком войны, но и самой войной. Приказ правительства об объявлении мобилизации есть фактическое объявление войны».

«В современных условиях мобилизующее государство должно заранее принять твердое решение о ведении войны».

«Под общей мобилизацией понимается такой факт, когда уже не может быть возврата к мирному положению».

«Мы считаем целесообразным видом мобилизации только общую, как напряжение всех сил и средств, необходимых для достижения победы».

Чтобы понять смысл высказываний Шапошникова, нужно вспомнить, что собой представляет книга «Мозг армии». Это исследование, посвященное подробному описанию событий последних мирных месяцев 1914 года. Рассказ ведется по дням, едва ли не по часам. В конце книги даются общие выводы. Если не выдергивать предложения из контекста, то смысл процитированного Суворовым текста совсем другой. Приведенные Владимиром Богдановичем цитаты — это не столько руководство к действию, сколько критика действий высших руководителей России 1914-го. Позволю себе процитировать отрывок из «Мозга армии», достаточно четко объясняющий смысл тезисов Бориса Михайловича. «Одним словом, насколько в западных государствах мобилизация объявлялась при решенной уже войне, настолько в Петербурге не было твердого решения о ведении войны, и указы о мобилизации можно объяснить, с одной стороны, намерением подкрепить дипломатические требования к Австрии, а с другой — испугом возможного нападения Германии и Австро-Венгрии, при сознании факта запаздывания в своей боевой готовности. Четкого понимания современного политического значения мобилизации не было ни у дипломатов, ни у верховной власти, ни у русского генерального штаба. Последний смотрел на мобилизацию с точки зрения лишь боевой готовности, не входя в обсуждение того, насколько мобилизация являлась преддверием войны.

Мы оставляем в стороне все доводы Сазонова Пурталесу, все заверения Сухомлинова и Янушкевича германским военным представителям, что русская мобилизация не создает опасности европейскому миру. Можно с уверенностью сказать, что Германия не дала бы спокойно закончить мобилизацию ни в России, ни во Франции, хотя обе они об этом и мечтали.

«Мобилизация на пороге мировой войны являлась преддверием войны, фактическим ее объявлением и только в таком смысле и могла быть понимаема. [...]

В наши дни политическое значение мобилизации не только не уменьшилось, но, наоборот, еще более возросло, поскольку этот военный акт захватывает все области жизни государства. Поэтому в современных условиях мобилизующее государство должно заранее принять твердое решение о ведении войны. Если в 1914 году никого нельзя было запугать частными мобилизациями, то тем более ныне подобные мобилизации менее всего составят действительную угрозу». (Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974. С. 552, 553.)

Таким образом, когда Б.М. Шапошников говорит, что мобилизация — это война, имеется в виду как раз сам факт начала мобилизации. Как открытой, так и скрытой. Начало мобилизации, становящейся известной противнику, в условиях 20-го столетия фактически означает начало войны. Борис Михайлович оперирует событиями Первой мировой и главой своей книги, посвященной мобилизации, предупреждает властителей о том, что объявлением мобилизации нельзя бросаться направо и налево, использовать это как средство политического давления.

Какие же были сделаны выводы из событий Первой мировой? Версия Владимира Богдановича выглядит так («День М»):

«Теперь представим себя в гулких коридорах штаба РККА где-нибудь в 1925 году. Перед стратегами стоит задача подготовки новой мировой войны с целью, как выражался товарищ Фрунзе, «завершения задач мировой революции». Задача стратегам поставлена непростая: учесть ошибки всех армий в начальном периоде Первой мировой войны и подготовить новую войну так, чтобы государство не разорить, противника не испугнуть и чтобы армию развернуть такую, удар которой будет и внезапным, и сокрушительным».

После того как читатель представил себе в роли руководителей РККА 20-х генерала-злоумышленника Иван Пьётр из голливудского боевика (зверское лицо, униформа с погонами до локтя, vodka в граненом стакане, портрет Ленина на стене), В. Суворов подсовывает ему хитроумный план.

«И был разработан принципиально новый план вступления в войну. Вот краткое его содержание.

1. Процесс мобилизации разделить на два этапа: тайный и открытый.
2. Первый тайный этап — до начала войны. [...] армию увеличить до 5 миллионов солдат.
3. Ради маскировки первый тайный этап мобилизации растянуть во времени на два года, кроме того, тайную мобилизацию маскировать локальными конфликтами.

4. Этап тайной мобилизации завершить внезапным сокрушительным ударом по противнику и одновременно начать второй открытый этап мобилизации [...]»

Далее идет традиционный далекоидущий вывод: «Как начинать тайную мобилизацию за два года до вступления в войну, если момент вступления в грядущую войну нам не известен? Советские стратеги и на этот вопрос нашли ответ: следует не идти на поводу у событий, не ждать, когда война возникнет стихийно, сама собой, в неизвестный для нас момент, а планировать ее, УСТАНОВИТЬ момент ее начала».

На самом деле Владимир Богданович просто не в курсе. В 1925 г. в гулких коридорах были совсем другие проблемы. В январе 1924 г. ЦК назначил специальную комиссию под председательством С.И. Гусева в составе М.В. Фрунзе, К.Е. Ворошилова, Г.К. Орджоникидзе, Н.М. Шверника и других для всестороннего обследования состояния Красной Армии. После нескольких месяцев работы комиссия сделала неутешительный вывод. «Красной Армии, — говорилось в докладе комиссии, — как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы, у нас в настоящее время нет. В настоящем своем виде Красная Армия небоеспособна». Такая же уничтожающая оценка содержалась и в резолюции пленума ЦК, принятой по результатам работы комиссии:

«Заслушав доклад комиссии и единогласно принятые ею резолюции, пленум ЦК констатирует наличие в армии серьезных недочетов (колоссальная текучесть, полная неудовлетворительность постановки дела снабжения и пр.), угрожающих армии развалом». (Антошин А.М. Военная реформа 1924–1928 гг. М.: РИО ВЮА. 1951. С. 8.)

Но, как читатель догадывается, гулкие коридоры были не только в штабе РККА, но и в штабах других армий. Соответственно в этих штабах раздумывали о том, как можно избежать недостатков и просчетов, сопровождавших вступление в Первую мировую войну. Как говорил Ф.М. Достоевский, «Все мы вышли из гоголевской «Шинели»». Точно так же все военные теории 30-х годов вышли из опыта Первой мировой войны. В отношении мобилизации таким опытом был июль — август 1914 г. Сама по себе идея скрытой мобилизации с целью упреждения противника и удара развернутой армией новинкой не была. В России в 1913 г. был установлен так называемый подготовительный к войне период. В период с марта до июля 1914 г. шли общие мероприятия по усилению армии. Например, были задержаны под знаменами призванные на сборы весной 1914 г., 27 марта был запрещен вывоз верховых лошадей за границу. А 26 июля 1914 г. был объявлен подготовительный период. Полевые войска в европейской части России были переведены на военное положение. Подвижной состав отводился из приграничных округов, накапливались запасы продовольствия в районах развертывания. До 30 июля, официального начала мобилизации, многие части были доведены до численности военного времени. См.: Г. Куль. Германский генеральный штаб. 1922. С. 68 и 80. Пишет об этом и Б.М. Шапошников в своих воспоминаниях:

«Вечером 16 июля (старого стиля, по новому стилю это 29 июля. — *Прим. авт.*) послал полкам распоряжение о начале с 17 июля общей мобилизации дивизии. В Петркув был командирован второй старший адъютант для мобилизации обозов 2-го разряда частей дивизии. Таким образом, не уведомляя начальство, 14-я кавалерийская дивизия с утра 17 июля, еще до объявления общей мобилизации, фактически к ней приступила. Зевать не приходилось!» (Шапошников Б.М. Воспоминания: Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974. С. 243.)

По опыту начального периода Первой мировой войны тенденции сдвига мобилизации в предвоенный период только углубились. За примерами далеко ходить не нужно. Два этапа: тайный и открытый наблюдаются уже у первой жертвы Второй мировой войны, Польши. Теоретические предпосылки скрытой мобилизации в Польше были разработаны еще в 30-х. Генерал Сикорский в книге «Будущая война»: «Между тем, в будущем необходимо серьезно считаться с очень распространенным в настоящее время стремлением к неожиданному нападению. Поэтому, чтобы исключить возникшее вследствие этого противоречие и избежать вытекающих из этого трудностей, в будущем необходимо эшелонировать мобилизацию. Первый эшелон должен быть так быстро готов к действиям, как этого потребует необходимый в современных условиях минимум безопасности государства. Достижение этой цели будет облегчено благодаря тому, что внутри страны применяется не такая система мобилизации, как в прифронтовых районах, где проводится индивидуальный тайный призыв некоторого точно определенного числа запасных уже в момент политического напряжения». (Сикорский В. Будущая война. Ее возможности, характер и связанные с ними проблемы обороны страны. М.: Воениздат, 1936. С. 117.) Сикорский указывает на недостатки скрытой мобилизации, но совсем не исключает ее применения, учитывая «очень распространенные» стремления к внезапному нападению. В 1939 году поляки от теории перешли к практике. Скрытое мобилизационное развертывание польских войск, начавшееся 23 марта 1939 года, затронуло 4 пехотные дивизии и одну кавбригаду. Помимо этого, были усилены соединения в ряде округов и созданы управления четырех армий и одной оперативной группы. Все эти мероприятия проводились по мобилизационному плану W от апреля 1938 г., предусматривающему скрытую мобилизацию в мирное время. Таковы были правила игры в преддверии Второй мировой войны, им нужно было следовать или заранее обрекать свою страну на проигрыш. Итак, по состоянию на 1 июня 1939 г. вооруженные силы Польши насчитывали почти 440 тыс. человек (без корпуса пограничной стражи). Мобилизационные мероприятия, проводимые в предвоенный период, продолжились в Польше 13–18 августа 1939 года. Была объявлена мобилизация еще 9 соединений, а с 23 августа началась скрытая мобилизация основных сил. Замечу, что эти мероприятия польское правительство старалось сохранить в тайне не только от Германии, но и от своих западных союзников, которые опасались, что подобные шаги Варшавы могут подтолкнуть Германию к войне. Фактически скрытая мобилизация была балансированием на тонкой грани между миром и войной. С одной стороны, никто не отменял шапошниковское «мобилизация — это война». С другой стороны, отказ от скрытых мобилизационных мероприятий ставил в невыгодное положение перед

противником, не пренебрегающим этой мерой. Открытую мобилизацию в Польше собирались объявить 29 августа, однако Франция и Англия настояли на том, чтобы она была отложена до 31 августа. Тем не менее благодаря скрытой мобилизации к началу боевых действий 1 сентября мобилизационный план был выполнен на 60%. По мобилизационному плану Польша должна была создать армию численностью 1,5 млн. человек. На 1 сентября 1939 г. численность вооруженных сил Польши составила 840 тыс. человек. Заметим тем не менее, что численность польской армии возросла по сравнению с июнем вдвое. Не было завершено развертывание польских войск, лишь 46,8% войск находилось в районах предназначения. Как мы видим, улики по Владимиру Богдановичу вполне достаточно, чтобы обвинить Польшу в развязывании войны и назначении даты ее начала. Что на самом деле совершенно абсурдно. Польша лишь проводила мероприятия, совершенно необходимые для сколь-нибудь достойного вступления во Вторую мировую войну. Пусть все перечисленные действия не принесли Польше успеха, но вряд ли у кого-нибудь повернется язык назвать их напрасными или даже агрессивными.

Во Франции, несмотря на попытки французского правительства одернуть Польшу в проведении мобилизационных мероприятий, осуществлялось масштабное скрытое мобилизационное развертывание, начавшееся еще до того, как загремели пушки на германо-польской границе. Первые мероприятия по скрытой мобилизации начались летом 1939 года. Были призваны резервисты в 49 специальных крепостных батальонов и 43 специальные артиллерийские части, составлявшие войска прикрытия на границе. 21 августа была приведена в боевую готовность система ПВО, 23 августа во Франции началась скрытая мобилизация. Этапы французской скрытой мобилизации и динамика возрастания численности войск показаны в таблице 2.

Таблица 2. Мобилизация французской армии в августе 1939 г.

Категории личного состава сухопутных войск	Метрополия	Северная Африка	Ближний Восток	Колонии	Всего
Кадровые	550 000	171 000	28 000	116 000	865 000
Призванные до 27 августа	825 000	23 000	—	—	848 000
Призванные 27 августа	725 000	—	—	—	725 000
Итого:	2 100 000	194 000	28 000	116 000	2 438 000

Как видно из таблицы, сухопутные войска в метрополии выросли в численности почти в пять раз. Вполне весомый аргумент с точки зрения теории Владимира Богдановича для объявления Франции зачинщиком войны и страной, назначившей дату начала Второй мировой войны. Открытое объявление

мобилизации Францией состоялось 1 сентября 1939 года, за три дня до официального объявления войны. Завершили свое разворачивание по штатам военного времени французские вооруженные силы 10 сентября, достигнув численности 5 млн. человек. То есть скрыто разворачивалась примерно половина армии. Обращаю внимание читателей на этот факт. В дальнейшем он нам пригодится.

Есть пример мобилизации до начала боевых действий и в других странах. Яркий пример — Финляндия. Ввиду нарастания напряженности в отношениях с СССР, уже летом 1939 г. Финляндия начала скрытую мобилизацию, призывая резервистов для прохождения военных сборов. В октябре 1939 г. процесс пошел по нарастающей. 6 октября было принято решение усилить армию мирного времени с таким расчетом, чтобы можно было сосредоточить в приграничных районах в течение 8–18 октября 5 бригад и 3 дивизии. Об этом написано в официальной финской *Talvisodan historia*. 12 октября, в день начала советско-финских переговоров, началась всеобщая мобилизация. Однако официально она не объявлялась. Под вполне незатейливым названием — «учения резервистов» — формировались новые дивизии. 12–23 октября намечалось скомплектовать 6 дивизий. Маннергейм в своих мемуарах называет вещи своими именами: «Начавшиеся 14 октября учения в прикрытой форме соответствовали всеобщей мобилизации» (Маннергейм К.-Г. Мемуары. М.: Вагриус, 2000. С. 242.) В результате всех этих мероприятий к началу Зимней войны численность финской армии возросла с 37 до 127 тысяч человек.

К 30 ноября 1939 г. финнами было развернуто дополнительно 5 пехотных армейских дивизий. Кроме того, две пехотные дивизии находились в стадии мобилизации и еще три подготавливались к разворачиванию. По логике Владимира Богдановича это признаки назначенной даты войны со стороны Финляндии, подготовка агрессии.

Но оригинальнее всего выполнили задание на дом, данное в 1918 году, немцы. Результат размышлений в гулких коридорах германского генштаба рисуют события последних предвоенных лет. Обратимся к наиболее надежному источнику сведений, сухим строкам документов 24 июня 1937 года в директиве Бломберга, тогдашнего военного министра Германии, «Директива о единой подготовке вооруженных сил к войне». В части 1 директивы «Общие установки» есть такой пункт б), в котором написано: «продолжать разработку плана «Мобилизация без официального ее объявления», чтобы обеспечить внезапность начала войны по времени и ведение ее такими силами, о которых противник не предполагает». В памятной записке ОКВ от 19 апреля 1938 года говорилось: «Государство, его вооруженные силы и население приводятся в состояние возможно более высокой мобилизационной готовности еще до опубликования приказа о мобилизации».

Незадолго до нападения на Польшу, 11 апреля 1939 года, в документе, озаглавленном также «Директива о единой подготовке вооруженных сил к войне», но подписанном уже «Адольф Гитлер», говорилось: «Подготовку к началу боевых действий осуществлять с таким расчетом, чтобы можно было выступить немедленно после получения приказа, используя на первом этапе операции

расположенные вблизи границы части и не ожидая планомерного развертывания мобилизованных сил. Может оказаться необходимым занять передовыми частями исходное положение накануне дня наступления». Дивизии для такого удара, не ожидая отмобилизования, создавались скрытно, например в 1938 году, когда в сентябре 1938-го было принято решение провести мобилизацию пяти кадровых дивизий (за № 26, 34, 36, 33 и 35) и 14-й ландверной дивизии без официального объявления мобилизации. Казалось бы, все как у всех. Но в первые дни сентября 1939 г. показ домашнего задания сумрачным тевтонским гением произвел неизгладимое впечатление. Немцам удалось полностью отмобилизовать свою армию до начала конфликта. В какой-то мере это было стечением обстоятельств, первоначально войну планировалось начать 24 августа, а после смещения сроков было несколько «лишних» дней на мобилизацию.

В. Суворов в свете вышесказанного совершенно напрасно пытается демонизировать РККА. Что же было на самом деле? Как непосредственный участник событий сентября 1939 г., СССР также провел скрытую мобилизацию войск в общепринятом стиле. Правда, началась она позднее, чем в других странах. Только 6 сентября 1939 года, спустя три дня после того, как война стала мировой, после объявления Францией и Англией войны Германии, в семи военных округах была получена директива наркома обороны о проведении Больших учебных сборов (БУС). По директиве наркома обороны № 2/1/50698 от 20 мая 1939 г. название БУС присваивалось скрытой мобилизации. Открытый вариант общей мобилизации всех Вооруженных сил Союза ССР должен был объявляться Указом Президиума Верховного Совета СССР (Конституция СССР. Ст. 49, пункт «Л»). В этом случае призыв военнообязанных производится приказами народного комиссара обороны, расклеиваемыми для общего сведения (в порядке ст. 72–73 Закона о всеобщей воинской обязанности). А Большие учебные сборы можно было проводить без лишних фанфар. Название процедуры скрытой мобилизации целиком зависело от фантазии военного руководства той или иной страны. Выше я уже писал о названии польского плана скрытой мобилизации, обозначенного лаконичной буквой W. В рамках БУС начался призыв запасников для укомплектования армии, предназначавшейся для польского похода. Было призвано 2 610 136 человек.

Итак, сухой остаток сравнения действительности с теорией Владимира Богдановича на данный момент таков. Пунктик «1. Процесс мобилизации разделить на два этапа: тайный и открытый» был придуман не в СССР, это было общее место. Все в той или иной мере проводили скрытую мобилизацию. В СССР в 1939 году этот процесс был даже менее выражен, БУС начались в сентябре, когда все остальные участники конфликта уже мобилизовали до 60% армии военного времени. На очереди сравнение реальных событий 1939–1941 гг. со следующими двумя пунктами теории Владимира Богдановича:

«2. Первый тайный этап — до начала войны. [...] армию увеличить до 5 миллионов солдат.

3. Ради маскировки первый тайный этап мобилизации растянуть во времени на два года, кроме того, тайную мобилизацию маскировать локальными конфликтами».

До 5 млн. армия в связи с событиями в Польше выросла, но точно так же после окончания польской кампании прошла демобилизация. Ни о какой маскировке локальными конфликтами не могло быть и речи. Не было в СССР постепенного нарастания численности армии под видом конфликтов в течение двух лет, были приливы и отливы, мобилизация и демобилизация.

Владимир Богданович, видимо, не в курсе происходившего в связи с событиями в Польше и поэтому в систему доказательств «агрессивности» СССР пытается втиснуть вполне рутинный Закон о всеобщей воинской обязанности.

«До 1939 года всеобщей воинской обязанности в Советском Союзе не было. Призывной возраст — 21 год. Вот это непонятно. [...] И никто толком объяснить не может, почему надо забирать в армию в возрасте 21, а не раньше».

Объяснить можно вполне просто. Молодой мужчина выглядит в качестве солдата лучше, чем безусый юнец. 21 год в свое время был стандартным призывным возрастом. Например, в Финляндии. Необходимость в солдатах привела к тому, что в 1940 г. финны призывали младшие возрастные группы на чрезвычайные сборы. Однако чрезвычайщина в качестве системы призыва не могла носить долгосрочный характер, и 24 января 1941 г. финский парламент принял новый закон о воинской повинности, увеличивший срок службы и снизивший призывной возраст до 20 лет. В результате этого в армии Финляндии в 1940–1941 гг. на действительной службе находились три призывных возраста. Такой же пример дает нам Франция 1910-х годов. Призывным возрастом был 21 год, но в 1913 г. призывной возраст был снижен до 20 лет. В результате осенью 1913 г. призывали два возраста одновременно, 20- и 21-летних, получив вместо 256 тыс. новобранцев предыдущих годов 445 тысяч. Французская армия, ранее составлявшая в среднем 450 тыс. человек, в 1914 г. достигла 690 тыс. строевых и 45 тыс. нестроевых на 39 млн. человек населения. Одним словом, «Ледокол» про Францию 1914 г. пишется на раз. И планы были наступательные, и два возраста призывали в 1913 г., и в уставе про наступление как основной вид действий написали.

Но даже повода для подобных рассказов история РККА не дает. Владимир Богданович просто не в курсе и потому сообщает читателям:

«И еще у Сталина был резерв: по новому «Закону о всеобщей воинской обязанности» призывной возраст был снижен с 21 до 19 лет, а для некоторых категорий — до 18. И сразу загребли всех тех, кому 21, и всех, кому 20, и кому 19, а в ряде случаев — и 18. В этом наборе был и мой отец, ему тогда исполнилось 18».
(День М, Глава 16.)

Призывной возраст был понижен не в 1939 г., а тремя годами раньше, когда вышло постановление ЦИК и СНК СССР от 11 августа 1936 г. СЗ 1936 г. № 46, гласившее:

«1. Во изменение ст. 10 «Закона об обязательной военной службе» от 13 августа 1930 г. (СЗ 1930 г. № 40, ст. 424) установить, что к отбыванию действительной военной службы в РККА граждане призываются по достижении 19 лет к 1 января года призыва (вместо 21 года)». (Законодательство об обороне СССР. М.: Воениздат, 1939. С. 63.)

Но изучение истории законодательства об обороне не входит в планы В. Суворова. Технология «Ледокола» предполагает выдумывание и подтасовывание фактов и представление мер общего характера в качестве экстраординарных и исключительно агрессивных. Владимир Богданович заливается соловьем в расчете на то, что читатель не будет проверять его слова:

«Великий смысл был заложен в эту систему. Она была как бы запрудой на реке, через нее пропускали не всех, только некоторых, а остальные накапливались. [...] Момент наступил — 1 сентября 1939 года. В этот день введена всеобщая воинская обязанность. И всех, кто раньше не служил, начали загребать».

«Запруда», как мы убедились, исчезла еще в 1936 году, и «всех, кто раньше не служил», уже «загребали» небольшими порциями в течение нескольких лет, постепенно пополняя запас обученных возрастов.

Отличие закона, принятого 2 сентября 1939 г. (именно второго, а не первого, если уж быть точным), от существовавшей ранее системы призыва было в косметическом изменении в принципах набора. По этому закону защита СССР с оружием в руках стала правом и обязанностью не только трудящихся, а всех мужчин без различия национальности, вероисповедания, образования, социального происхождения и положения. Срок службы был увеличен до 3 лет в сухопутных частях и до 5 лет во флоте. Ничего экстраординарного в принятии такого закона нет.

В Германии уже в 1934 году вступил в силу закон о всеобщей воинской повинности. В Польше аналогичный закон был принят 9 апреля 1938 года. В СССР с момента образования (1922) была обязательная для всех граждан страны воинская служба. Прохождение ее регулировалось «Законом об обязательной воинской службе» в редакциях 18 сентября 1925 г., 1 августа 1928 года, 15 августа 1930 года и т.д. (См.: Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза ССР). Первой фразой первой статьи закона во всех редакциях была: «Защита Союза ССР является обязанностью всех граждан СССР». Однако далее уточнялось:

«Оборона Союза ССР с оружием в руках осуществляется только трудящимися. На нетрудовые элементы возлагается выполнение иных обязанностей по обслуживанию обороны Союза ССР». Отличие от общепринятой формы законов

о всеобщей воинской обязанности было только в этом. В 1939 году эксплуататорские классы в СССР сочли искорененными и фразу про нетрудовые элементы убрали. Фактически СССР принял закон о всеобщей воинской повинности скорее с опозданием, чем совершил в сентябре 1939 г. какой-то поступок с далеко идущими намерениями. Чтобы уложить в свою теорию Закон о всеобщей воинской повинности, Владимир Богданович не долго думая идет на прямое искажение действительности:

«Набор 1939 года был огромным. Второй раз такой трюк повторить было невозможно».

Но в реальности никакого огромного призыва ранее не служивших в армии молодых людей в 1939 г. не было. Были вышеупомянутые БУС в связи с событиями в Польше. Они и вызвали возрастание армии с 1 910 477 человек, числившихся в РККА на 21 февраля 1939 года, до 5 289 400 человек на 20 сентября 1939 г. Новобранцев в сентябре было всего 659 тыс. человек. Для сравнения, призывы 1911 г. и 1912 г. были по 455 тыс. человек. Для похода в Польшу в сентябре 1939 г. призывались в основном запасники. Единственный штришок, который добавил в процесс создания 5-миллионной армии новый закон, это продление срока службы 190 тыс. призывникам 1937 года. Когда «Красный блицкриг» завершился, началось сокращение численности РККА, и к 25 ноября было уволено из армии 1 412 978 человек. А всего за осень 1939 г. было призвано 1076 тыс. человек, ранее не служивших в армии. «Энергии миллионов» не наблюдается, большинство пришедших в армию для проведения «Красного блицкрига» были призваны из запаса.

Параллельно этим событиям шел процесс реорганизации РККА. Истоки сентябрьских постановлений СНК в данном случае не были связаны напрямую с событиями в Польше в сентябре 1939 г. С мая 1939 года советское военное руководство, прекрасно понимая, что в Европе пахнет порохом, стало готовить новую систему мобилизационного развертывания РККА. 27 июля 1939 г. комиссия под председательством заместителя наркома обороны Г.И. Кулика приняла решение к 1 ноября отказаться от системы дивизий тройного развертывания, называемых иногда «тройчатками».

Что это такое и с чем это едят? Дело в том, что у мобилизации есть разные принципы. Простейший вариант, сжатие дивизии путем исключения части рот и вспомогательных частей, я описал в начале главы. В этом варианте армия мирного времени — это скелеты дивизий, которые после объявления мобилизации обрастают призывниками и резервистами. Другой вариант — это размножение дивизий почкованием, когда одна кадровая дивизия отдает какую-то свою часть для формирования новой дивизии. Из клеточки кадровой дивизии создавалось новое соединение. Именно такой принцип существовал в СССР до принятия указанного постановления. Всего в РККА в 1939 г. было 98 стрелковых дивизий следующего состава:

14 — в численности по 13 550 человек;

35 — в численности по 6 500 человек;

37 — в численности по 5,22 тыс. человек, так называемые дивизии тройного развертывания;

13 — горнострелковых, в численности по 4 тыс. человек.

В связи с удаленностью ТВД 14 дивизий по 13 550 чел. распределялись между 1-й Отдельной краснознаменной армией (10 дивизий) и 2-й Отдельной краснознаменной армией (4 дивизии).

Общая штатная численность армии мирного времени составляла 1605,5 тыс. человек. Отмобилизованная армия должна была иметь численность 6503,5 тыс. человек.

В случае объявления мобилизации эти 96 дивизий превращались в 170 дивизий, причем из 170 дивизий 110 формировались из дивизий «тройного развертывания», так называемых «тройчаток». В случае мобилизации каждый из трех полков такой дивизии давал основу для дивизии военного времени. Один полк являлся основой для дивизии с прежним номером, два другие в ходе мобилизации составляли костяк двух дивизий с новыми номерами. Остальные дивизии формировались методом «одинарного развертывания» из дивизий, которые я описал в начале главы, с «обозначенными ротами». Но у такого формирования большей части армии размножением простым делением были и свои существенные недостатки. Вот что пишет по этому поводу один из отцов-основателей советской военной теории В.К. Триандафиллов:

«Существует мнение, что число дивизий в военное время может быть сразу удвоено по сравнению с числом их в мирное время. Мы считаем такой взгляд ошибочным уже по одному тому, что целый ряд дивизий, расположенных вдоль угрожаемой границы, едва ли может быть отягощен задачами выделения второочередных дивизий, а остальные дивизии не могут выделить более чем еще по одной дивизии; тройное почкование не под силу никакой части с современными кадрами. Такое (тройное) развертывание сильно понизило бы качество войск и поставило бы под большое сомнение их боеспособность». (Характер операций современных армий. М.: Государственное военное издательство, 1936. С. 49.)

Комиссии Г.И. Кулика все эти недостатки тройного развертывания были известны, и от несовершенной системы мобилизационного развертывания РККА было решено отказаться. В соответствии с принятыми на комиссии 27 июля 1939 г. решениями нарком обороны товарищ Ворошилов Климент Ефремович 15 августа 1939 г. отдал директивы №№ 4/2/48601–4/2/48611 военным советам 11 военных округов сформировать 18 управлений стрелковых корпусов, развернуть 36 дивизий-«тройчаток» в 92 дивизии одинарного развертывания по 6000 человек каждая. Предполагалось провести эти мероприятия с 25 августа по 1 декабря 1939 г. Формально эти мероприятия были узаконены постановлением СНК № 1355–279

от 2 сентября 1939 г., утвердившим «План реорганизации сухопутных вооруженных сил Союза ССР на 1939–1940 гг.». (См.: ВИЖ, 1996, № 3. С. 21–22.) Этот план формально утверждал начавшийся процесс перевода «тройчаток» в дивизии одинарного развертывания. Вместо размножения дивизий из «тройчаток» предлагалось иметь в мирное время ядро дивизий для мобилизации одинарного развертывания. Теперь количество дивизий увеличивалось до 173 с содержанием соединений в следующей численности:

17 стрелковых дивизий — по 14 тыс. человек;

1 стрелковая дивизия — 12 тыс. человек;

33 стрелковые дивизии — по 8,9 тыс. человек;

76 стрелковых дивизий — по 6 тыс. человек;

33 стрелковые дивизии — по 3 тыс. человек;

13 горно-стрелковых дивизий — по 4 тыс. человек.

Общая численность армии мирного времени должна была составить 2 миллиона 265 тысяч человек. Замечу, что штатная численность стрелковой дивизии военного времени с двумя артполками в сентябре 1939 г. составляла 18 тыс. человек. То есть ни одна из дивизий мирного времени не была окончательно сформированным соединением, все они требовали призыва запасников. Только теперь вместо размножения дивизий из полков кадровых соединений заполнялась людьми уже существующая организационная структура. Эта структура в 1939-м претерпела некоторые изменения, в октябре «для того, чтобы избежать большого увеличения численности Красной Армии мирного времени» (!!!) было решено увеличить число дивизий в 3-тысячном штате. То есть теперь предполагалось иметь 43 стрелковые дивизии по 14 тыс. человек, 3 стрелковые дивизии с моторизованными тылами — по 12 тыс. человек (в Монголии), 54 стрелковые дивизии по 6 тыс. человек, 60 стрелковых дивизий по 3 тыс. человек, 13 горно-стрелковых дивизий по 4 тыс. человек. Дивизии 3-тысячного состава требовали для своего развертывания большего срока, чем 6-тысячные, — до 30 суток.

Численность армии мирного времени после проведенной реформы возросла, и как я уже говорил выше, составляла теперь 2,265 тыс. человек, увеличившись по сравнению с эпохой «тройчаток» всего на 600 тыс. человек. Некоторую путаницу породил тот факт, что два независимых друг от друга потока, реорганизация и мобилизация для польского похода, наложились друг на друга. Реальное развертывание сентября 1939-го, вызванное событиями в Польше, проходило по разработанным задолго до сентября 1939-го планам. Вовсю в дело пошли «тройчатки» по своему прямому назначению. Никакого рояля в кустах в виде Сессии Верховного Совета, кстати говоря, посвященной утверждению заключенного пакта, а не мероприятиям по реорганизации армии. Все делалось по планам 1938 года, без всяких открытий плотин специальным призывом. И даже вне связи с постановлением СНК от 2 сентября 1939 года. Как отмечалось НКО СССР в документе от 23 октября 1939-го № 81229сс/ов, «развернувшиеся в

сентябре события на Западе» привели к тому, что «Красная Армия вынуждена была развернуться в семи округах по штатам военного времени по старой организации». Это неудивительно — завершение разработки мобилизационного плана РККА в новой организации планировалось в 1940 г.

Ну а В. Суворов в очередной раз демонстрирует слабое знание истории армии своей страны и принципов мобилизации:

«Красная Армия совсем недавно проскочила свой миллионный рубеж, а тут вдруг стала многомиллионной. Новым дивизиям нужны казармы, штабы, стрельбища, полигоны, склады, столовые, клубы. И много еще чего. Попробуйте обустроить хотя бы одну дивизию численностью 13 тысяч солдат. Но главное — все эти дивизии, корпуса и армии надо вооружить».

Миллионный рубеж был проскочен еще в 1937 году. Но дело даже не в этом. Как я указал выше, дивизий по 13 тыс. вообще не было, было всего 17 дивизий по 14 тыс. человек, а основную массу составляли дивизии-каркасы будущих формирований численностью по 6 тыс. и 3 тыс. человек. С военной точки зрения смена метода развертывания была более чем оправданной, в случае войны вместо получения дивизий сомнительной боевой ценности из «тройчаток», ядром каждой из которых являлся бы стрелковый полк кадровой дивизии, армия получала в случае мобилизации более боеспособные соединения из заложенных в мирное время 6-тысячных и 3-тысячных каркасов. Интерпретация этой меры как признака агрессивности совершенно необоснованна. Было создание более совершенной, чем ранее, базы для мобилизации. Откуда, с какого потолка Владимир Богданович взял цифру 13 тыс. человек — ума не приложу. Про необходимость вооружения дивизий и корпусов — это вообще совершенно дилетантское утверждение. В мобилизационном плане изначально закладывается вооружение на все дивизии, формируемые по этому плану. Как в случае развертывания простым делением из «тройчаток», так и одинарным развертыванием из 6-тысячных «скелетиков». Поскольку надеяться изготовить вооружение в процессе мобилизации попросту наивно. Если вооружения не хватает, то в мобплан закладываются урезанные штаты дивизий. Скажем, по «Мобплану-22», введенному в 1937 г., предполагалось в военное время развернуть 86 стрелковых дивизий с двумя артполками, а 74 дивизии с одним артполком и тяжелым гаубичным дивизионом вместо второго артполка.

Была ли эта реформа армии лета — осени 1939 г. переходом к чему-то принципиально новому и «агрессивному»? Возьмем для сравнения схему развертывания русской армии перед Первой мировой войной. Если штат советского стрелкового полка мирного времени в 1940 г. составлял 1410 человек, то пехотный полк русской дивизии в мирное время состоял из 71 офицера, 37 младших офицеров, 1718 строевых нижних чинов и 70 человек нестроевых (писари, фельдшеры, обозники). Я спускаюсь от дивизий на шагок ниже, на уровень полка, поскольку советская дивизия имела три стрелковых полка, а русская дивизия две бригады по два полка, то есть всего 4 полка. Корректнее вести расчеты от батальона, так как каждый пехотный полк в 1914 г. состоял из четырех батальонов, а в 1940-м из трех батальонов. Это логично и с военной точки

зрения, батальон часто используется как расчетная единица при планировании боевых действий, поскольку организационная структура дивизий в разных странах отличалась, например в немецкой пехотной дивизии было 12 батальонов против 16 в русской. Итак, что мы имеем? Взяв в качестве расчетной единицы батальон, мы можем сравнить количество расчетных соединений русской и советской армий. Перед Первой мировой войной русская армия состояла из 1260 батальонов. Это эквивалентно 140 расчетным дивизиям 1939–1941 гг. 372 батальона приграничных округов с 1909 г. содержались в усиленном составе (168 человек в ротах вместо 107 во внутренних округах и 116 чел. до 1909 г.). В расчете на батальоны это 41 дивизия советского образца. В военное время армия разворачивалась до 1832 батальонов, что равно 203 дивизиям трехполкового состава. Вместо 3-тыс. дивизий в 1914 г. была система формирования 35 второочередных дивизий на базе бойцов и офицеров перволинейных соединений. Для этого в полках дивизий мирного времени был так называемый «кадр» из 19 офицеров и 262 нижних чинов для формирования полка из резервистов. Если мы сравним эту структуру со 173 дивизиями реформы Г.И. Кулика 1939 г., то не увидим ничего принципиально нового. Есть 137 дивизий численностью 6–14 тыс. человек, содержащихся в массе своей по штатам мирного времени, несколько меньшим, чем в русской армии 1914 г. И есть 46 дивизий численностью 3–4 тыс. человек, играющих ту же роль, что и «кадр». Если сравнивать принципы сжатия русской и советской армий, то в советской армии центр тяжести был смещен в сторону «кадра», основа для формирования второочередных дивизий была более сильной. Расчеты эти, конечно, носят оценочный характер. Сравнить танковые соединения РККА, насчитывавшие по штатам мирного времени в 1938 г. 90 тыс. человек, попросту не с чем. Разве что с кавалерией. То же самое с военно-воздушными силами и войсками ПВО, насчитывавшими в мирном 1938 году 193 тыс. человек и 45 тыс. человек соответственно. Армия 30–40-х годов требовала больших затрат кадров на технические рода войск, что неизбежно увеличивало численность. Но общий вывод на качественном уровне, сравнивая ядро армии, пехоту, сделать можно. В целом мобилизационная система нашей армии стала совершеннее, но принципиальных изменений по сравнению с 1914 г. нет. Ни о каком «агрессивном уклоне» не может быть и речи. Можно только отметить, что РККА до осени 1939 г. была свернута сильнее, чем русская армия перед Первой мировой, требовала большего времени и затрат на мобилизацию. В других армиях предпочитали принцип одинарного развертывания, и структура армии мирного времени в других государствах была сходной с тем, к чему пришла РККА в результате реформ лета — осени 1939 г.: «В настоящее время во всех государствах наблюдается несообразно слабый состав дивизии мирного времени. В то время как состав дивизии военного времени намечается в 13 000–14 000 человек (только французы наметили дивизию в 17 000 человек), сейчас численность дивизий в мирное время в большинстве государств не превышает 5000–5500 человек (у французов 6000 нормальный состав и 8000 — усиленный состав пограничных дивизий)». (Триандафиллов В.К. Характер операций современных армий. М.: Государственное военное издательство, 1936. С. 46–47.)

Соответственно и «главная мысль» В. Суворова вызывает только недоуменное лицо и поднятие бровей «домиком». Тезис Владимира Богдановича на этот раз звучит так:

«А Сталин 19 августа 1939 года принял такие решения, которые уже нельзя было отменить, которые не оставляли Советскому Союзу никакой другой возможности — кроме войны. Поэтому я считаю 19 августа рубежом войны, после которого при любом раскладе Вторая мировая война должна была состояться. И если бы Гитлер не начал ее 1 сентября 1939 года, Сталин должен был бы искать другую возможность или даже другого исполнителя, который бы толкнул Европу и весь мир в войну. В этом суть моего маленького открытия».

По такой логике и у русской армии в 1914 г. не было другого выбора, кроме как начинать войну. Численность армии мирного времени после отказа от «тройчаток» возросла, как я уже говорил выше, и составляла 2 265 тыс. человек. Это количество совершенно не является неподъемным для страны. Это 1,4% численности населения. Во-первых, это совершенно несущественно отличается от выведенного Владимиром Богдановичем «идеологически правильного» одного процента населения, а во-вторых, есть прецеденты и более многочисленных по отношению к общей численности населения армий. Например, Франция в 1914 г. имела армию мирного времени численностью 766 тыс. человек при численности населения 39 млн человек. То есть армия составляла 2% от численности населения. В Германии численность армии мирного времени была 801 тыс. человек на 67 млн. человек населения, 1,2%. Армия Польши 1 июня 1939 г. составляла 1,3% от численности населения. Имея львиную долю дивизий в виде 6-тыс. и 3-тыс. «скелетиков», РККА оставалась армией мирного времени. Никакой тайной мобилизации под видом реорганизации не наблюдается. Неизбежность войны вследствие перехода армии мирного времени в СССР с тройного на одинарное развертывание иначе, как чушью, назвать нельзя. Если бы Гитлер отказался от вторжения в Польшу, то никакой мобилизации РККА в сентябре 1939 г. не было бы. Было бы только завершение к 1 ноября 1939 г. перехода на новые принципы мобилизационного развертывания, армия бы составляла 1,5% населения, 2,4 млн человек. Номерки дивизий взлетели бы вверх, но значительную часть этих номерков составляли бы шести — и трехтысячные полуфабрикаты. Переход от «тройчаток» к дивизиям одинарного развертывания не был мобилизацией, а был лишь сменой технологии мобилизационного развертывания. Это даже не общепринятая скрытая мобилизация.

Но где проходит грань между реорганизацией армии и ее скрытой мобилизацией? Довольно сложно назвать скрытой мобилизацией события, растягивающиеся на годы и связанные с общим усилением вооруженных сил в связи с вероятным в ближайшем будущем конфликтом. Подобные мероприятия, как-то усиление состава дивизий мирного времени, проводились во Франции, России 1910-х годов в преддверии Первой мировой войны. Скрытой мобилизацией можно назвать события, направленные на увеличение численности армии сверх цифры, заложенной в качестве численности армии мирного времени. Реорганизацию армии в преддверии грозных событий скрытой

мобилизацией назвать сложно. Что же происходило в СССР после реформирования системы «тройчаток»? После завершения польской кампании началась демобилизация войск, и в ноябре 1939 г. процесс поиска оптимальной для мирного времени организационной структуры РККА продолжился.

Лучше всего колебания численности РККА иллюстрирует следующая табл. 3.

Таблица 3. Изменения структуры РККА в 1939–1941 гг.

Дата	Штатная численность, чел.	Списочная численность, чел.	Число сд
1 января 1937 г.	—	1 518 090	97
1 января 1938 г.	—	1 582 057	96 (3 13000, 9 10000, 38 6950, 36 5220, 10 гсд по 4000)
24 февраля 1939 г.	—	1 931 962	98 (14 13550, 35 6500, 37 5220, 13 гсд 4000 на 15.08.1939 г.)
2 сентября 1939 г.	2 265 000	—	173 (17 14000, 1 12000, 33 8900, 76 6000, 33 3000, 13 4000 гсд)
20 сентября 1939 г.	2 265 000	5 289 400	173 (43 14000, 3 12000, 54 6000, 60 3000, 13 4000 гсд на 23.09.39)
1 декабря 1939 г.	2 300 000	3 273 400	170 (3 14000, 31 12000, 41 6000, 64 3000, 13 4000 гсд, 15 9000 мд на 21.11.39)
1 января 1940 г.	4 163 400	3 851 700	160 (37 17000, 61 12000, 6 10500, 54 6000 на 28.12.39)
1 февраля 1940 г.	4 554 180	4 229 954	160 (52 17000, 3 14000, 41 12000, 29 6000, 11 13100 мд, 11 12000 мд, 13 6000–7500 гсд)
1 апреля 1940 г.	4 554 180	4 416 000	160 (3 14000, 93 12000, 50 6000, 4 12000 мд, 6 9000 мд, 4 6000–7500 гсд на 4.04.40)
1 мая 1940 г.	2 300 000	3 990 993	161 (3 14000, 15 12550, 83 12000, 3 9000, 43 6000, 10 9000 гсд, 4 12000 мд на 9.05.40)
1 июня 1940 г.	3 302 220	4 055 479	163 (3 14000, 15 12550, 83 12000, 3 9000, 43 6000, 10 9000 гсд, 6 12000 мд на 21.05.40)
1 сентября 1940 г.	3 410 000	3 423 499	182 (15 12550, 83 12000, 43 6000, 23 3000, 8 11000 мд, 10 9000 гсд на 4.07.40)

1 октября 1940 г.	3 574 705	3 446 309	188 (97 12550, 49 6000, 23 3000, 9 11000 мд, 10 9000 гсд)
22 июня 1941 г.		5 080 977 (из них 805 264 человек, призванных по БУС)	198 (89 штата №4/100, 109 штата №4/120, 19 гсд, 2 мд)

Хорошо видно, что численность РККА колебалась импульсами, сообразно с проводившейся реформой и вооруженными конфликтами. Действия советского руководства вполне логичны и объяснимы и следуют в общем потоке проведения части мобилизационных мероприятий до войны. Были приливы и отливы, мобилизация запасников, их демобилизация. Никакого постепенного линейного возрастания численности армии до некой наперед заданной цифры. И сентябрь 1939 г. не отмечается резким скачком вверх штатной численности армии мирного времени. Качественные изменения наблюдаются в 1940 году, когда изменился баланс между количеством дивизий усиленного состава (10 тыс. и более) и 3–6-тыс. «скелетиков». Эти мероприятия не были изобретением советской военной мысли, такие же процессы проходили в других армиях перед мировыми войнами. И об этом написано в источнике, входящем в библиографию «Ледокола»: «Французская дивизия военного времени была рассчитана на 16 000 человек. До 1913 г. в мирное время французы имели дивизии численностью 7500 человек, что давало около 48% от состава военного времени. Но когда запахло войной, эти кадры показались им слабыми; они провели закон о трехлетней военной службе (закон 7 августа 1913 г.), в результате которого кадры мирного времени увеличились на одну треть. Это увеличение пошло не на новые формирования, а на увеличение штата частей в мирное время. С 1913 г. состав роты в пограничных дивизиях был доведен до 200 человек, нормальный же состав дивизии поднялся до 10 000–11 000 человек». (Триандафиллов В.К. Указ. соч. С. 45.) У нас введение нового закона о воинской обязанности не привело к резкому изменению численности дивизий мирного времени, рост численности был вызван реорганизациями 1940–1941 годов. Владимир Кириакович пишет и о русской армии тех лет: «Сравнительно сильные кадры имелись и в русской армии. Она имела 21,5% в составе $\frac{3}{4}$, 25,5% в составе $\frac{2}{3}$ и остальные 53% в составе $\frac{1}{2}$ штатов военного времени. При численности дивизии военного времени в 18 000 человек это составляло для усиленных дивизий 13 500 и 12 000 человек, а для дивизий с нормальным составом — 9000 человек».

Читатель, наверное, обратил внимание, что на 22 июня я привожу раскладку дивизий по номерам штатов, а не по численности личного состава. Сделано это в связи с тем, что реальная численность дивизий определялась проводившимися в мае — июне 1941 г. мероприятиями по скрытой мобилизации, проходившими под вывеской учебных сборов. Количество запасников колебалось в зависимости от дивизии и округа, и поэтому отранжировать дивизии по численности несколько затруднительно. Я же хотел показать изменение баланса между дивизиями повышенной готовности и требующими значительного пополнения личным составом и техникой «скелетиков» с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Что же скрывается за этими замысловатыми обозначениями «четыре дробь сто» и

«четыре дробь сто двадцать»? Для непосвященного это звучит военной кабаллистикой вроде «два А сорок два». Ничего сложного на самом деле нет. В апреле 1941 г. были введены новые штаты РККА. Штат № 4/120 я описал в начале главы — дивизия мирного времени с «обозначенными» ротами штатной численностью 5864 человека. Так называемый «основной» штат № 4/100, также являвшийся штатом дивизии мирного времени, уже не имел «обозначенных» подразделений. По этому штату численность личного состава дивизии составляла 10 291 человек, 414 автомашин, 1955 лошадей. Штат военного времени, напомним, это 14 483 человека, 558 автомашин и 3039 лошадей.

Что же собой представляла армия, встретившая немцев у границы? Версия В. Суворова выглядит следующим образом:

«Коммунисты говорят, что в День «М» планировалось начать мобилизацию, а я доказываю, что в Красной Армии уже было более пяти миллионов солдат. Это уже не армия мирного времени, это армия военного времени. Развернув такую армию, Сталин был вынужден в ближайшие недели ввести ее в войну, независимо от поведения Гитлера».

Критерии у Владимира Богдановича несколько странные. Численность сама по себе ничего не означает. Красная Армия военного времени в 1945 году насчитывала свыше 11 миллионов человек. Численность имеет смысл лишь в сравнении с мобилизационным планом государства, документом, определяющим порядок развертывания войск по штатам военного времени. В 1941 г. таким документом был «МП-41», или, как его обычно называют, «Мобилизационный план № 23». Датирован документ 12 февраля 1941 г. По этому документу численность армии военного времени после отмобилизования должна была составить 8 682 827 человек. «Более пяти миллионов солдат» отделяет от этой цифры ни много ни мало три миллиона человек.

На уровне дивизий есть вполне определенная грань, отделяющая отмобилизованную армию от армии мирного времени. Это комплектация дивизий по штатам военного времени, развертывание тылов, укомплектование автотранспортом и тракторами. Несмотря на проведение целого ряда мероприятий по скрытой мобилизации, РККА оставалась армией мирного времени. Например, в армиях Киевского особого военного округа 1 июня 1941 г. численность личного состава стрелковой дивизии колебалась от 7177 человек в 173-й сд 26-й армии до 10 050 человек в 97-й сд 6-й армии при штатной численности 14 583 человека. Количество автомашин колебалось от 63 в 62-й сд 5-й армии до 395 в 159-й сд 6-й армии. Все стрелковые дивизии нуждались в пополнении автотранспортом, людьми, развертывании тылов. Разница в численности по сравнению со штатом имеет здесь особый смысл. Не нужно путать побитую в боях дивизию с неотмобилизованной. Побитая в боях дивизия подобна часам с помятым корпусом и треснувшим стеклом циферблата. Неотмобилизованная дивизия подобна часам без пружинок и шестеренок внутри. Функционировать как полноценный механизм она еще не может.

Но, как и в других странах, в СССР предусматривались мероприятия по скрытой мобилизации. Отражены они все в том же «Мобплане № 23». Документ гласит:

«Мобилизационным планом 1941 года предусматривается проведение мобилизации по двум вариантам:

а) первый вариант предусматривает проведение мобилизации отдельных военных округов, отдельных частей и соединений, устанавливаемых специальным решением Совета Народных Комиссаров Союза ССР — скрытым порядком, в порядке так называемых «Больших учебных сборов (БУС)».

В этом случае призыв военнообязанных запаса, а также поставка приписанного к частям автотранспорта и конского состава производится персональными повестками, без объявления приказов НКО». (1941 год. Уроки и выводы. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 630.)

Проводились Большие учебные сборы в конце мая и начале июня. Благодаря им стрелковые дивизии в приграничных и внутренних округах получили по 1900–6000 человек. Примерно по 1900 человек получали дивизии штата № 4/100, и 5000–6000 получали дивизии штата № 4/120. Таким образом численность дивизии доводилась до 11–12 тыс. человек. Мобилизовались и другие компоненты дивизий, например, было поставлено из народного хозяйства в армию 26 620 лошадей. Однако роль БУС не стоит преувеличивать. Приграничные дивизии были значительно усилены за счет учебных сборов, но из 96 стрелковых дивизий КОВО, ЗапОВО, ПрибОВО, ОдВО и ЛВО 21 дивизия имела численность 14 тыс. человек, 72 были доведены до численности 12 тыс. человек и 6 имели по 11 тыс. человек личного состава. (1941 г. Уроки и выводы. С. 82.) Как мы видим, грань между дивизиями мирного и военного времени перешагнули всего около 20 дивизий. Например, 6-я сд 6-го стрелкового корпуса 4-й А встретила войну, имея 13,7 тыс. человек личного состава. Но такими были далеко не все дивизии, большая часть дивизий Красной армии грань между штатом мирного времени и штатом военного времени не перешли, хотя и стояли очень близко к этому порогу. Содержавшиеся по «основному штату» № 4/100 дивизии, например 41-я сд 6-й А, 87-я сд 5-й А, 99-я сд 26-й А, получили в ходе учебных сборов по 1900–2000 человек. Содержавшиеся по сокращенному штату № 4/120 дивизии, такие как 200-я сд И. Людникова, получили по 5000–6000 человек. Но необходимо заметить, что сами по себе учебные сборы не были чем-то экстраординарным, призванных запасников с тем же успехом можно было вернуть в мирную жизнь по окончании этого мероприятия. Призванные на сборы даже формально не включались в состав Красной Армии и были зачислены в списки частей только 22 июня 1941 г. Размах учебных сборов также не представлял собой что-то из ряда вон выходящее. Согласно докладу НКО, подписанному К.Е. Ворошиловым, от 23 октября 1939 г. предполагалось призвать на учебные сборы в 1940 г. 1 620 500 человек, то есть в два раза больше, чем призвали на учебные сборы перед войной. (ВИЖ, 1996, № 3. С. 28.) В том и удобство проведения скрытой мобилизации под видом учебных сборов. Она позволяет держать в частях в течение 1,5–3 месяцев

запасников, не объявляя при этом мобилизации. Никакой неизбежности начала войны, вопреки утверждениям В. Суворова, это не вызывает.

Таким образом, мы видим в мобилизационном развертывании советских войск те же черты, что и в мобилизации других стран — участников Второй мировой войны. Существенным отличием было то, что открытая мобилизация была объявлена уже после начала боевых действий. Напомню, что в Польше и Франции мобилизация была объявлена за день-два до фактического начала войны. Владимир Богданович вместо нормального исторического исследования занимается выдумками. Он пишет:

«Ведущие профессиональные историки мира как бы не замечают того, что происходило в Советском Союзе в 1937–1941 годах, поэтому, читая их пухлые книги, мы никак не можем понять, кто же начал Вторую мировую войну. Выходит, что война возникла сама собой и никто в ее развязывании не виноват. Господа историки, я рекомендую советскую теорию мобилизации сравнить с практикой, сравнить то, что говорилось в Советском Союзе в 20-х годах, с тем, что делалось в 30-х. Вот тогда вы и перестанете говорить о том, что Вторая мировая война возникла сама собой, что никто не виноват в ее развязывании, тогда вы увидите настоящего виновника». [Суворов В. День М. Когда началась Вторая мировая война? Нефантастическая повесть-документ. Кн. 2. М.: Все для вас, 1994. Далее по тексту — День-М.]

Я воспользовался советом Владимира Богдановича и сравнил советскую теорию и практику мобилизации с другими странами. Различий, как читатели имели возможность убедиться, не обнаружилось. Незачем представлять себя на чьей-либо даче и выдумывать решения на уровне домохозяйки. Пугать читателей призраком пухлых книг тоже ни к чему. «Характер операций современных армий» В. Триандафиллова — это одна из самых тонких книг серии «Библиотека командира», всего 250 страничек. Необходимая информация для понимания мобилизационных процессов на этих страничках содержится. Например: «Уже целый ряд послевоенных политических конфликтов показал, что стоит только в воздухе запахнуть военными осложнениями, как численность армий мирного времени начинает скакать вверх: без особого шума призываются резервисты, и штатный состав частей резко повышается». (Триандафиллов В.К. Указ. соч. С. 49.) К этой фразе сноска внизу страницы: «В частности, поляки неоднократно прибегали к этой мере, в последний раз — в связи с литовским переворотом» (книга написана в 1929 году). Далее Владимир Кириакович резюмирует основы технологии скрытой мобилизации: «То обстоятельство, что в мирное время уже содержится достаточное количество организационных соединений, хотя бы по своему составу и сравнительно слабых, позволяет без всяких осложнений и шума задолго до объявления мобилизации фактически провести усиление общей численности армии. Понятно, что такими мерами можно увеличить только штатный состав частей, но не количество организационных соединений. Увеличение числа последних (дивизий) в мирное время связано с проведением новых формирований, увеличением ежегодного призывного контингента и

потому не может быть так легко осуществлено». (Триандафиллов В.К. Указ. соч. С. 49.)

Что показывает внимательное рассмотрение эволюции РККА в 1939–1941 гг.? Во-первых, мы видим отказ от не слишком удачной системы «тройчаток». Во-вторых, мы видим процессы, аналогичные происходившим в армиях других стран – участниц Второй мировой войны. Это постепенное наращивание армии путем скрытой мобилизации вследствие обострения политической обстановки. Как росли еще до начала активных боевых действий армии Польши, Финляндии, Франции, так росла и армия СССР перед столкновением с Гитлером. Перед вступлением в войну армии доводились до максимально возможной в мирное время степени готовности. Отказываться от общих для тех лет мероприятий было бы просто глупо и опасно. Лучше встретить агрессора максимально подготовленной к войне армией, чем армией спокойных 30-х годов. Усматривать в развитии Красной Армии тенденции злобности и агрессивности так же глупо, как пытаться делать то же самое в отношении армий Польши и Финляндии.

ГЛАВА 5.

«БАМБУКОВЫЕ» ДИВИЗИИ И «АРМИИ-ПРИВИДЕНИЯ»

Дивизии в те времена росли густо, неудержимо и быстро — как бамбуковые побеги после тропического ливня.

В. Суворов. День М

Чтобы предстать перед глазами читателя всезнающим эрудитом, В. Суворов довольно успешно прикидывается знатоком истории частей и соединений Красной Армии. Для человека со стороны информация о том, где и когда сформировалась, в каких сражения участвовала та или иная дивизия, является признаком глубоких познаний в военной истории. Действительно, в советское время выуживание сведений о формировании и жизненном цикле соединений из суконных исторических исследований, заполненных мусором про руководящую роль партии, было задачей нетривиальной и требующей определенного занудства и внимательности. Даже вполне заурядный справочник «Боевой состав Советской армии» был закрыт грифом сначала «Секретно», а затем ДСП от простых советских граждан, и рутинную информацию об изменении состава армий приходилось собирать по крупицам.

«Главная мысль», которую Владимир Богданович пытается донести до читателя рассказами про «бамбуковые» дивизии, весьма незатейлива. По его мнению, сразу после заключения пакта Молотова — Риббентропа в СССР начали готовиться мыть сапоги в Атлантическом океане и начали выращивать на грядках дивизии для этой замечательной цели. Выловленными из мусора про любимую партию сведениями разведчик-аналитик беззастенчиво пользуется в личных целях:

«Дивизии в те времена росли густо, неудержимо и быстро — как бамбуковые побеги после тропического ливня. Из всех дивизий, о которых известно, что они были сформированы в сентябре 1939 года, я выбрал одну с самым большим номером — 186-ю и начал искать день первого ее упоминания в документах, день, когда дивизии еще не было, но командир был назначен, получил тощий опечатанный мешок с биркой «186 сд» и приказ на формирование. [...] Наконец нашел и то, что искал: приказ о формировании 186-й стрелковой дивизии и назначении командира был подписан 19 августа 1939 года. В ту ночь не спал до рассвета, пел песни, смотрел в небо, читал старые стихи. Это была радость одинокого альпиниста; поднявшегося на вершину, «на которой никто не бывал». Может быть, никому мои находки не нужны, может быть, меня не поймут, но для себя лично я сделал пусть маленькое, но открытие».

Распугивающий английских обывателей пением песен по ночам Владимир Богданович — это, наверное, было сильное зрелище. Образ ученого-историка был написан густыми, сочными мазками, не без некоторой карикатурности. Только это все мыльный пузырь чистой воды, поскольку умудрился попасть пальцем в небо буквально по всем пунктам. Если действительно внимательно покопаться в советских «открытых источниках», то вырисовывается совсем другая картина. Во-первых, наибольшим номером был не 186, а 194. Это была сформированная в

сентябре 1939 г. в г. Новосибирске 194-я дивизия Сибирского военного округа. Прочитать про нее можно у Д.К. Малькова «Сквозь дым и пламя». (М.: Воениздат, 1970. С. 3, 5.) Во-вторых, помимо 194-й, была и еще одна дивизия с большим, чем 186, номером, 192-я дивизия ХВО, развернутая из «тройчатки» в сентябре 1939 г., дислоцировавшаяся в Ворошиловграде. Ну да ладно, это все мелочи, напрямую не связанные на «главную мысль». Просто Владимир Богданович в очередной раз продемонстрировал уровень своих знаний. Самое интересное, ВЫВОДЫ, начинается дальше. После ночи пения песен разведчик-аналитик занялся укладыванием фактов в прокрустово ложе родившейся ночью теории (День М. С. 129.):

«А наутро надо было начинать новую работу: догадку подтвердить или опровергнуть. Могло же быть такое, что взял Сталин и приказал 19 августа 1939 года создать всего лишь одну дивизию, сразу прыгнув с номера 100 на 186. [...] Проверить формулу легче, чем ее вывести. Проверил. Подтвердилось: в сентябре 1939 года создавались десятки новых дивизий и корпусов, а решение об их создании и назначении командиров было принято 19 августа 1939 года».

Видимо, бессонная ночь отрицательно сказалась на внимательности В. Суворова. Не 19 августа начало процесса, а 16-е. Если посмотреть даты назначения командиров новых дивизий, то получается следующая картина:

Девятков	Сергей	Николаевич	114-я	сд	16.08.1939;
Бирюзов	Сергей	Семенович	132-я	сд	16.08.1939;
Басанец	Лука	Герасимович	140-я	сд	16.08.1939;
Герасимов	Иван	Михайлович	146-я	сд	16.08.1939;
Черняев	Платон	Васильевич	156-я	сд	16.08.1939;
Александров	Петр	Алексеевич	155-я	сд	18.08.1939;
Холзинев	Алексей	Назарович	166-я	сд	18.08.1939;
Старухин	Николай	Иванович	178-я	сд	18.08.1939;
Миронов	Павел	Васильевич	107-я	сд	19.08.1939;
Березин	Александр	Дмитриевич	119-я	сд	19.08.1939;
Зотов	Александр	Семенович	128-я	сд	19.08.1939;
Вольхин	Александр	Алексеевич	145-я	сд	19.08.1939;
Глаголев	Василий	Васильевич	157-я	сд	19.08.1939;
Будыхо	Александр	Ефимович	171-я	сд	19.08.1939;
Бирюков Николай Иванович 186-я сд 19.08.1939.					

Это не полный список, а лишь несколько характерных примеров. Источник данных: «Командование корпусного и дивизионного звена Советских вооруженных сил периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Военная академия им. Фрунзе. 1964».

Почему было выбрано 19 августа — очевидно. Привязывается В. Суворовым к заседанию Политбюро, а 16-е и другие числа никак с этой теорией не стыкуются. Поэтому дивизии, начало процесса формирования которых приходится на 16 или 18 августа, Владимир Богданович «не замечает». Развертывание дивизий по

итогах деятельности комиссии Кулика началось до заседания Политбюро и до пакта Молотова — Риббентропа. И прямой связи между этими событиями не прослеживается.

При этом В. Суворов совершенно напрасно фетишизирует номера соединений. Всегда в расчетах нужно опираться на общее количество дивизий в штуках, а не на наибольший номер. А с количеством и номерами дивизий и армий Владимир Богданович совершенно не дружит. Проколовшись с якобы наибольшим номером 186, он повторяет ту же ошибку с номером 100:

«100-я стрелковая дивизия своим номером как бы подчеркивала верхнюю грань: и в мирное, и в военное время (как показал опыт Гражданской войны) столько стрелковых дивизий было достаточно. [...] Дивизии с более высоким номером в Красной армии не было».

Таки была. Причем номера дивизий скакнули выше заветной сотни задолго до 1939 г. и даже чехословацких событий 1938 года. Это 105-я сд, сформированная в Приморье в 1936 г. на базе Полтавского УР. В советских «открытых источниках» упоминание о 105-й сд можно встретить в книге И.М. Чистякова «Служим Отчизне». (М.: Воениздат, 1975. С. 35–36). Наибольшим номером на момент начала реформ 1939 г. был аж 114-й. Это 114-я стрелковая дивизия, сформированная в Забайкальском ВО в июле 1939 года. И эти перехлесты через 100-й номер не были исключениями. Помимо вышеназванных примеров можно указать 104-ю сд, сформированную в Мурманске как 104-я гсд на базе 162-го сп 52-й сд. Думаю, эти примеры достаточно красноречиво показывают, что поклонения номерам в РККА не было. Да и колебания численности были существенными. Так, в 1928 г. в Красной армии была 81 стрелковая дивизия, из них только 38 кадровых, в 1938 году — 96 дивизий, из них 60 кадровых.

Претензии Владимира Богдановича к количеству формируемых дивизий не слишком уместны:

«Сравним: в разгар «холодной войны» в армии США было 16 дивизий, в армии Британии — 4. Сформировать одну новую дивизию в демократической стране — это одних парламентских дебатов на год. А Сталин, по словам маршала Язова, за неполных два года сформировал 125 дивизий в дополнение к тем, которые у него были раньше» (День М, Глава 14).

Не совсем понятно, почему сравнивается период «холодной войны» и 30-е и 40-е годы. Гораздо интереснее, на мой взгляд, посмотреть на ход «парламентских дебатов» в США в 1939–1940 годах. На 01.07.1939 в сухопутной армии США было 9 дивизий. 16 сентября 1940 года без особых парламентских дебатов Конгресс утверждает увеличение армии, и к середине лета 1941 г. армия нейтральной Америки выросла до 29 дивизий, объединенных в девять армейских корпусов и четыре полевые армии. И рост продолжался. К декабрю 1941 г. армия имела уже 36 дивизий (из них четыре танковых и две кавалерийские) при численности личного состава в 1 686 000 человек. А к концу 1942-го планировался рост до 72

дивизий. (George Forty, US Army Handbook. 1939–1945. Р. 1–8.) Это армия формально нейтральной страны, отделенной от воюющей Европы Атлантическим океаном. С 1939 по 1941 г. в США было сформировано 27 дивизий, по логике В. Суворова на это требовалось 27 лет парламентских дебатов. Видимо, в американском Конгрессе времен Рузвельта получило распространение стахановское движение, и парламентарии-стахановцы работали под лозунгом «Десятилетку в один год!».

Начав с мелкого жульничества в описании системы работы парламентариев, Владимир Богданович растекается мыслью по древу, расписывая феерическое количество дивизий, сформированных в СССР:

«Чувствуете разницу? Язов говорит про 125 новых дивизий, а Москаленко и Баграмян про 125 новых стрелковых дивизий. Маршал Язов сознательно или по незнанию пропустил слово «стрелковые». А пропуск одного слова меняет смысл, ибо кроме 125 новых стрелковых дивизий Сталин формировал и другие дивизии, например мотострелковые и моторизованные. С сентября 1939 года по июнь 1941 было сформировано 30 новых моторизованных дивизий».

В. Суворов тем самым подталкивает читателя к мысли, что сверх 125 стрелковых было сформировано 30 мотострелковых и моторизованных дивизий. Соответственно предлагает Владимир Богданович сделать вывод читателю, они заняли большие номерки в системе нумерации соединений РККА:

«Стрелковые, мотострелковые и моторизованные дивизии имели общую систему нумерации, поэтому уже в марте 1941 года в этой системе появились номера 250, 251, 252 и т.д. И все пропуски в системе номеров были заполнены».

Стрелковые и моторизованные дивизии действительно имели сквозную систему нумерации, и можно привести целый ряд примеров моторизованных дивизий, получившихся путем переформирования уже существующих стрелковых дивизий. Это, например, 15-я Сивашская стрелковая дивизия, ставшая 15-й моторизованной дивизией 2-го механизированного корпуса, 81-я Калужская стрелковая дивизия формирования 1923 г. стала в 1940 г. 81-й моторизованной дивизией 4-го механизированного корпуса, 84-я Тульская стрелковая дивизия формирования того же 1923 г. была переформирована в 84-ю мд 3-го мехкорпуса. Вышеупомянутая 1-я Пролетарская стрелковая дивизия стала мотострелковой. Согласно директиве Народного комиссара обороны № 4/2/54081 от 07.12.1939:

«2. 1 и 126 сд реорганизовать в мд, **по штатам мирного времени**, численностью каждая 9000 ч, согласно прилагаемого перечня № 1, присвоив соответственно наименования: 1 мд и 126 мд. Реорганизацию закончить 1 мд к 1.4.40 и 126 мд к 1.9.40.».

Про штаты мирного времени выделено мной. Так или иначе, количество сформированных соединений появление новых моторизованных дивизий мехкорпусов первой волны не увеличивало. Это правило, формирование из уже

существующих соединений, соблюдалось и в отношении мехкорпусов второй волны, появившихся зимой — весной 1941 г. Например, 185-я мд 21-го мк на базе 185-й стрелковой дивизии. 103-я мд 26-го мк переформирована в марте 1941 г. из 103-й сд. Не будем забывать о том, что росту механизированных соединений сопутствовало расформирование кавалерийских частей и соединений. 221-я мотодивизия 27-го мк была развернута на базе 19-й Узбекской ордена Ленина горно-кавалерийской дивизии. 210-я моторизованная дивизия 20-го мк формировалась на базе 4-й орденов Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды Донской казачьей имени К.Е. Ворошилова кавалерийской дивизии. Разумеется, были моторизованные дивизии, создававшиеся с нуля, это, например, 205-я мд 14-го мк, 236-я мд 28-го мк. 220-я мд 23-го мк начала формироваться в апреле 1941 г. на базе 71-го запасного кавалерийского полка (г. Кирсанов) и танкового батальона из г. Свердловска. Господствующей тенденцией формирование мд заново, однако, не было, и поэтому разглагольствования В. Суворова о «30 новых моторизованных дивизиях» не имеют под собой устойчивой основы. Многие из «новых» были хорошо забытыми старыми. Максимальный номер на момент начала войны не 250 и не 252, а 240. Это 240-я мд 16-го мк.

Вопреки утверждениям В. Суворова в системе нумерации с 1 до 240 были пропуски. Если формирование новых моторизованных дивизий было фактором, увеличивающим максимальный номер соединения, то были и факторы, общее количество дивизий уменьшавшие. Дивизии не только формировались, но и расформировывались. На 22 июня в системе нумерации дивизий РККА имелось 11 пропусков — на месте одиннадцати стрелковых дивизий, обращенных весной 1941-го на формирование новых воздушно-десантных и противотанковых бригад. Список 11 расформированных дивизий выглядит так:

МВО —	2:	224-я,	231-я;
ХВО —		1:	230-я;
ОрВО —	2:	211-я,	226-я;
УрВО —	2:	203-я,	223-я;
ПриВО —		1:	234-я;
СиБВО —	2:	201-я,	225-я;
СКВО —	1:	207-я.	

И это не единственный пример расформирования соединений. Вскоре после «бамбукового» роста числа соединений в связи с реформированием системы «тройчаток» некоторые свежее испеченные дивизии канули в небытие в последний день 1939 г.

172-я сд МВО расформировывается, и на ее базе формируются 430-й зсп, 362-й зап, 26-й зтп, Подольское стрелково-пулеметное училище.

120-я и 180-я ОрВО расформировываются, и на их базе формируются 421-й и 433-й зсп, 364-й зап, Елецкое пехотное училище, Орловское пехотное училище, 4 кукуз.

162-я ХВО расформировывается, и на ее базе формируются 435-й зсп, Ахтырское пехотное училище 129-я ПриВО расформировывается, и на ее базе формируются 446-й зсп, Сызранское пехотное училище, 6 куксз.

118-я СКВО расформировывается, и на ее базе формируются 448-й зсп, Орджоникидзевское пехотное училище, Буйнакское пехотное училище, Урюпинское пехотное училище, 8 куксз.

110-я и 159-я УрВО расформировываются, и на их базе формируются 439-й и 440-й зсп, Шадринское пехотное училище, Камышловское пехотное училище, 6 куксз.

71-я и 102-я СибВО расформировываются, и на их базе формируются 451-й и 453-й зсп, Канское пехотное училище и 7 куксз.

160-я сд расформировывалась по директиве НКО Военному Совету СКВО от 7.12.1939 г. № 4/2/57079.

«Кукс» — это курсы усовершенствования командного состава, «зсп» — это запасной стрелковый полк. Большинство соединений с этими номерами пережили реинкарнацию в 1940 г., но факт остается фактом: дивизии как формировали, так и расформировывали. Процесс, как мы видим, шел в обе стороны, какие-то дивизии появлялись, какие-то исчезали.

Итак, каков приход и расход формирования и расформирования дивизий в 1939–1941 гг.? На момент начала реорганизации в РККА было 98 стрелковых дивизий, на 22 июня их было 198. То есть разница составляет 100 дивизий, и цифра 125 не заниженная, а завышенная, если вспомнить слово «стрелковых». Если же говорить о «дивизиях», то целесообразнее вспомнить о вновь созданных мотострелковых и моторизованных, переформированных дивизий армий прибалтийских государств, и высказывание Д.Т. Язова окажется весьма близким к истине. И мне совершенно непонятно, зачем искать истину в последней инстанции в словах Д.Т. Язова и К.С. Москаленко. В специальном историческом исследовании все написано прямым текстом: «Менее чем за два года в составе Вооруженных Сил развернулось 125 новых стрелковых дивизий». И в сноске: «Из указанного количества 25 стрелковых дивизий в 1940 г. и 1941 г. были обращены на формирование механизированных и воздушно-десантных корпусов, артиллерийских бригад ПТО». (Хорьков А.Г. Грозовой июнь. М.: Воениздат, 1991. С. 165.)

Совершеннейшая неразбериха царит у В. Суворова с временем формирования армий. Цитирую «Ледокол»:

«Процесс создания армий даже по советским официальным источникам предшествовал сговору Молотова — Риббентропа. О 4-й и 6-й армиях известно, что в августе 1939 года они уже существовали. Есть сведения о том, что 5-я армия существовала в июле. 10-я и 12-я были созданы «до начала Второй мировой войны», т. е. до 1 сентября 1939 года. Об остальных тоже известно, что вначале эти армии были созданы в районе предстоящих конфликтов, а потом конфликты

возникали. Каждая из этих армий через короткое время после своего создания побывала в деле: все семь армий, развернутых на польской границе, «освобождали» Польшу, а три армии на финской границе «помогали финскому народу сбросить гнет угнетателей». Трех армий тут не хватило — и вот новые: 13-я, 14-я, 15-я. После Зимней войны четыре советские армии на финских границах как бы ушли в тень, растворились, 15-я вскоре появилась на Дальнем Востоке, 8-я появилась на границах прибалтийских государств, а 9-я — на границах Румынии. После этого следуют «просьбы трудящихся» освободить их. И доблестные советские армии «освобождают» Эстонию, Литву, Латвию, Бессарабию, Северную Буковину. После этого 9-я снова уходит в тень. Она, как и 13-я, готова появиться в любой момент. И она появится».

На самом деле история перечисленных армий, как и история 6 А, начинается с 1938 г., с чехословацкого кризиса. Ситуация летом 1938 г. была чревата войной, в которой в силу своих союзнических обязательств в отношении Чехословакии и Франции должен был принять участие и СССР. Поэтому 26 июня 1938 г. советское руководство приняло решение о формировании шести армейских групп в Белорусском и Киевском военных округах. По сути своей это были обычные армейские управления. По приказу наркома обороны № 0151 в Белорусском военном округе формировались Витебская армейская группа (на базе управления 4-го стрелкового корпуса) и Бобруйская АГ (на базе управления 5-го стрелкового корпуса). Первая объединяла войска на территории Витебской и Минской областей, вторая — на территории Гомельской и Полесской областей. Такой же приказ был отдан и в отношении Киевского военного округа, его номер был на единичку больше — № 0152. В его составе были сформированы Житомирская АГ (на базе управления 8-го стрелкового корпуса), Винницкая АГ, о которой мы говорили выше, и Одесская АГ (на базе управления 6-го стрелкового корпуса), Кавалерийская АГ из 2-го и 4-го кавалерийских корпусов. Процесс продолжился, и в 1939 г., 15 января 1939 г., в Белоруссии по приказу наркома обороны № 07 была сформирована еще одна армгруппа, Минская АГ. По приказу наркома обороны № 0036 от 19 июля 1939 г. 57-й отдельный стрелковый корпус в Монголии был переформирован в 1 АГ. 13 августа 1939 г. в Ленинградском военном округе была сформирована Новгородская АГ. Таким образом, к началу Второй мировой войны в Красной армии имелось 2 отдельные армии на Дальнем Востоке и 9 армейских групп. Из 9 армейских групп, напомним, 6 было сформировано летом 1938 г. Армиями они стали во время польской кампании сентября 1939 г. Житомирская АГ 28 сентября стала 5-й армией, Винницкая АГ 28 сентября стала 6-й А, Кавалерийская АГ 24 сентября стала 12-й армией, которая 28 сентября была вновь разделена на 12-ю А и Кавалерийскую АГ. Одесская АГ была переименована в 13-ю армию. Такую же эволюцию прошли белорусские армейские группы. Витебская, Минская и Бобруйская АГ были 7 сентября переименованы соответственно в управления 3-й, 11-й и 4-й армий. Новгородская АГ 14 сентября стала 8-й армией. 13 сентября 1939 г. на базе управления Калининского военного округа было развернуто управление 7-й армии. Таким образом, утверждения Владимира Богдановича о сформированных до войны армиях не соответствуют действительности. Перечисленные Владимиром

Богдановичем 4-я, 5-я, 6-я, 10-я и 12-я армии до сентября 1939 г. не существовали. А полуфабрикаты армий, армейские группы, были созданы еще в 1938 г. в связи с чехословацким кризисом. У появления этих армий есть вполне заурядное объяснение — война в Польше. После окончания конфликта управление одной из армий было расформировано. Управление 13-й армии было передислоцировано в Станиславов и переименовано в управление 12-й армии, офицеры управления 12-й А соответственно были возвращены на место службы, в Харьковский военный округ. Так исчезла только что появившаяся 13-я армия, место растворившейся в пустоте заняла 12-я А.

Очередной импульс появлению новых номеров армий дала финская война. Еще с 1938 года предпринимались шаги по выяснению позиции Финляндии по возможностям обмена территории и предоставления военно-морской базы Ханко. В июне 1938 г. советский разведчик Борис Аркадьевич Рыбкин, пользовавшийся дипломатическим прикрытием, по личной просьбе Сталина провел тайные переговоры с премьер-министром Каяндером. Переговоры с финнами продолжил М.М. Литвинов в марте 1939 г. (Подробнее см. ВИЖ, 1998, № 1.) В сентябре — ноябре 1939 г. последовал еще ряд переговоров, которые, однако, не дали положительного результата. Тогда тех территориальных уступок, которые просили дипломатическими средствами, решили достичь военной силой. Началось сосредоточение войск. На границу Финляндии 26 октября 1939 г. было переброшено управление 8-й армии, 15 ноября 1939 г. — управление 7-й армии, 29 ноября нарком обороны отдал приказ № 0190 о создании на базе сформированной 16 сентября Мурманской АГ 14-й армии и о формировании на Кемском направлении 9-й армии. Из-за неудачного начала войны группировка советских войск была усилена, и армии начали размножаться простым делением. Часть войск 7-й армии по приказу ГВС № 0691/оп от 25.12.1939 г. была выделена в новую 13-ю А (этот номер уже всплывал в сентябре 1939 г., но после польской кампании та армия была расформирована, теперь номерок использовали вновь). Еще одна армия появилась по приказу ГВС № 01663 от 11 февраля 1940 г., когда из части войск 8-й армии была создана 15-я армия. После завершения конфликта начался процесс расформирования ставших ненужными армий. По приказу наркома обороны № 0013 были расформированы управления 7-й, 13-й и 9-й армий. 15-я армия также прекратила свое существование, она стала управлением Архангельского военного округа. То, что Владимир Богданович называет «уходит в тень», по-русски называется расформированием. «Появление на границах прибалтийских государств» 8-й армии — это возвращение армии после финской войны в Новгород.

Ну а другой термин В. Суворова — «всплывание» — означает повторное использование номеров армий. Снова номерок 9 был использован летом 1940 года, во время освобождения Бессарабии. На этот раз 9-я армия формировалась на основе управления Одесского военного округа. После окончания боевых действий 9-я армия снова «ушла в тень». Проще говоря, была расформирована. В промежутке между использованием номерков такой организационной структуры, как 9-я армия, не существовало. Номерок 15 был использован на Дальнем Востоке. 13 июня 1940 г. были реорганизованы войска Дальнего Востока, помимо 1-й и 2-й Краснознаменных армий на базе управления 20-го стрелкового корпуса была

сформирована 15-я армии. В Забайкальском округе на базе управления 32-го стрелкового корпуса была сформирована 16-я армия.

Продолжает Владимир Богданович свое повествование в том же духе.

«На этом бурный процесс создания армий не прекратился. В июле 1940 года на германской границе создается еще одна армия... 26-я». (Ледокол, Глава 16.)

Во-первых, не в июле 1940-го, а с 1 января 1941 г. по приказу наркома обороны № 0074, изданному 27 декабря 1940 г. (Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Со ссылкой на РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 578. Л. 21.) В. Суворов воспользовался данными Советской военной энциклопедии и в данном случае промахнулся. Во-вторых, на самом деле это не создание новой армии, это переименование созданной еще в конце сентября 1939 г. Кавалерийской АГ Киевского особого военного округа. Корни войск, уже существовавших в КОВО в сентябре 1939 г., можно проследить в составе 26-й армии на 22 июня 1941 г. В 8 ск 26-й А июня 1941 г. три дивизии: 72-я гсд, 99-я сд, 173-я сд. В составе 12-й А, которая в конце сентября 1939 г. выделила из своего состава войска для Кавалерийской АГ, есть 17.09.1939 г. 13-й ск из 72-й и 99-й сд. 4-й кавкорпус в 1940 г. стал основой для 8-го мехкорпуса, входившего 22 июня в состав 26-й А. Но, не зная механизмов мобилизации и истории армий, В. Суворов начинает шататься, натываясь на предметы и нагораживая массу недостоверной информации.

«Что за номер (речь о 26-й А. — А.И.)? Как это понимать? Никогда в Красной армии таких номеров не было, и порядок присвоения номеров неукоснительно соблюдался. Следующий номер должен быть 18. Отчего же 26-я? Отчего нарушается нумерация? У советских маршалов и знаменитых коммунистических историков мы не найдем ответа на этот вопрос».

Говоря о номерах 18–25, Владимир Богданович почему-то не отвечает на вопрос: «Чем были заняты?» Были ли они заняты существующими организационными структурами, или в большинстве своем существовали только в планах? Ответ на этот вопрос дает изучение принципов мобилизации. При объявлении мобилизации растут не только дивизии, но и армии. В СССР в случае войны предполагалось на базе управления внутреннего военного округа создавать армию. Приграничные округа формировали фронтовые управления. За управлениями соответствующих округов и были зарезервированы номера армий. Например, на базе управления Харьковского военного округа в случае мобилизации создавалось управление 18-й армии, Северо-Кавказского — 19-й армии, Орловского — 20-й армии, Приволжского — 21-й армии, Уральского — 22-й армии, Сибирского — 24-й армии, Архангельского — 28-й армии. В июле 1940 г., как и в январе 1941 г., все эти управления армий не существовали. Они были лишь зарезервированы за соответствующими округами. А округа, в свою очередь, были созданы задолго до войны. Из 14 военных округов, имевшихся к началу 1939 г., 4 были сформированы в 1918 г., 3 — в 1921–1926 гг., 5 — в 1935 г. и 2 — в 1938 г. Поэтому 26-й номер армия в КОВО получила как очередной незанятый округами.

25-й заняла сформированная на Дальнем Востоке армия на базе управления 43-го стрелкового корпуса в Приморье.

Но не суть важно, и так понятно, что утверждение В. Суворова *«и развертывал Сталин армии до знаменитых «предупреждений» Черчилля и даже до того, как возник план «Барбаросса»* не соответствует действительности. Формирование управлений армий на базе управлений округов, которые перечисляет Владимир Богданович, началось незадолго до «Барбароссы», в мае 1941 г., когда с предупреждениями разных калибров уже все было в порядке. Например, 19-я армия. И.С. Конев пишет: «В мае я был вызван в Москву, где заместитель начальника Генерального штаба В.Д. Соколовский вручил мне директиву о развертывании 19-й армии». (Конев И.С. Указ. соч. С. 36.) Была, кстати говоря, армия с номером меньшим 26, формировавшаяся уже после начала боевых действий. Это 24-я армия, приказ на формирование которой поступил вечером 22 июня 1941 г. (В пламени и славе. Очерки истории Краснознаменного Сибирского военного округа. Новосибирск, 1988. С. 84.) В тот же период, перед самой войной, в июне 1941 г. снова всплыл номерок 9. 9-й А В. Суворов уделил наибольшее внимание. Цитирую «Ледокол»:

«Удар по Румынии — это прямой удар в сердце Германии. Вот почему самые перспективные командиры оказались именно тут. 9-я армия появилась внезапно в середине июня 1941 года. Но эта внезапность — только для посторонних, 9-я армия всегда была здесь, минимум с середины 1940 года. Просто ее название в течение некоторого времени не употреблялось официально, а приказы шли из штаба округа прямо в корпуса. Штаб 9-й армии и штаб Одесского военного округа (созданного, кстати, в октябре 1939 года) просто сливались в единое целое и так же просто разъединялись. 13 июня 1941 года произошло именно такое разъединение».

Из сказанного выше читатели сами могут сделать выводы о достоверности этих утверждений. В случае войны предполагалось на базе управления Одесского военного округа формировать 9-ю армию. Номерок этот прилип к округу летом 1940 г., перед возвратом Бессарабии 9-я армия была развернута на базе управления округа, а через несколько недель, 10 июля 1940 г., расформирована. С тем же успехом можно назвать «тайно существующим» командиром взвода выпускника вуза с лейтенантским званием. А всякий служивший в армии, уволенный в запас, несомненно, «тайно существующий» среди мирных жителей солдат или офицер. Эти люди станут военнослужащими только в случае мобилизации и войны. Точно так же ОдВО не был «тайно существующей» 9-й армией, как не был «тайно существующей» 19-й армией Северо-Кавказский военный округ. Управления и того и другого округов становились армиями только в преддверии войны.

В промежутках между польской, финской кампаниями, освобождением Бессарабии и Буковины, июнем 1941 г. таких организационных структур как 9-я армия, 13-я армия, и армий, закрепленных за внутренними округами, не существовало в природе. Сведения о формировании управления той и другой армии не являются секретом и их можно найти в «открытых источниках». Такое

ощущение, что В. Суворов не понимает, что армии могут расформировываться, когда нужна в использовании армейского управления для руководства войсками миновала. Поэтому рационально объяснить появление и исчезновение того или иного номера разведчик-аналитик не может и напускает тумана и мистики:

«23-я и 27-я армии тайно появились в западных военных округах в мае 1941 года. В том же месяце из мрака выплыла уже знакомая нам армия-привидение 13-я». («Ледокол». Гл. 16.)

Еще раз обращаю внимание, что было бы странно оповещать о формировании армии, хоть в мирное, хоть в военное время, в центральных газетах. Поэтому они формировались с соблюдением штатных мер секретности. При этом тенью отца Гамлета, с замогильными стенаниями появлявшейся то там, то здесь, 13-я армия никогда не была — каждый раз армия с этим номером создавалась заново. И об этом можно прочесть в «открытом источнике»: «16 июня я был уже в Могилеве, с которым в дальнейшем была тесно связана одна из драматических страниц истории боевого пути 13-й армии. Направляясь в штаб 13-й армии, я предполагал, что это то самое объединение, которое сражалось на советско-финляндском фронте. Поэтому надеялся встретить уже сколоченный коллектив штаба, а также испытанного командарма генерала В.Д. Грендаля. В действительности же оказалось, что прежнюю 13-ю армию расформировали, и речь шла о совершенно новом объединении, приказ о создании которого был издан немногим более месяца назад». (Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990. С. 41.) Командующие и начальники штабов 13-й армии ЗапОВО, 27-й армии ПрибВО и 23-й армии ЛВО были утверждены Политбюро 24 мая 1941 г. А постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О формировании трех полевых управлений армий», касающееся 13-й, 23-й и 27-й А № 1113-460сс вышло 23 апреля 1941 г.

Рассказы о 26 армиях в 1940 году выглядят попросту дико. Я не знаю, чему учили Владимира Богдановича при подготовке в качестве разведчика, но, думаю, любому человеку очевидно, что наибольший номер армии необязательно равен общему числу развернутых на данный момент армий. Все рассуждения про 26 армий до начала разработки «Барбароссы» построены на изначально неверном тезисе.

Пожалуй, единственным мероприятием, выходящим из общего потока, является формирование дивизий, не предусмотренных «Мобпланом № 23». По этому документу, именуемому обычно МП-41, в военное время предполагалась мобилизация 198 стрелковых дивизий, уже существовавших в природе в виде «скелетиков». Формировать новые дивизии в ходе мобилизации не предполагалось, но пришлось это сделать после начала войны. Владимир Богданович из этого мероприятия, по своему обыкновению, делает легенду. Цитирую «День М»:

«Но и 295 новых дивизий — не конец истории. Однажды выпало побывать в музее 8-й гвардейской Режицкой ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова

мотострелковой дивизии имени Героя Советского Союза генерал-майора И. В. Панфилова. Дивизия одна из самых именитых. [...]

Среди множества документов и реликвий увидел желтый листочек с мелкими буквами — приказ о формировании дивизии. До меня этот приказ читали тысячи посетителей музея. А может быть, смотрели и не читали. А может быть, читали, но на самое главное внимание не обратили. С первого взгляда — приказ как приказ: сформировать, назначить и т.д. и т.д. Но дата! Дата — 12 июня 1941 года. На следующий день — 13 июня ТАСС передает в эфир «странное» сообщение о том, что СССР не собирается нападать на Германию. А в это время номера советских стрелковых дивизий уже проскочили цифру 300».

Золотое правило исследователя — это не считать своих коллег идиотами и слепцами. Я не знаю, чем смотрел на приказ Владимир Богданович, но приказ Военного Совета САВО на формирование 316-й стрелковой дивизии был издан 12 ИЮЛЯ 1941 г. Ровно месяц спустя указанной Владимиром Богдановичем даты. Первый приказ по 316-й дивизии датирован 14 июля, отправка дивизии на Запад началась в середине августа 1941 г. (Осипов В. Жизнь и смерть Василия Ключкова. М.: Советская Россия, 1979. С. 162 и далее.) Стыкуется это и с временем назначения командира дивизии, Панфилов назначен на должность 12 июля 1941 г. (См.: Командование корпусного и дивизионного звена советских вооруженных сил периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Военная академия им. Фрунзе, 1964.) Всегда есть дельта между планами и их практической реализацией. Владимир Богданович, как обычно, построил теорию с далеко идущими выводами вокруг одного факта сомнительной достоверности. И, вращая глазами, вещает нам со страниц «Дня М»:

«И не верилось, чтобы ранее была создана стрелковая дивизия с номером 252, и вдруг после нее сразу — 316. Не могло такого быть. И потому начал проверять другие номера и установил, что 261-я, 272-я, 289-я, 291-я, 302-я и многие с ними были сформированы в июле 1941 года, но приказы об их формировании были отданы ДО ГЕРМАНСКОГО НАПАДЕНИЯ».

Большие буквы совершенно излишни. «Второочередные» дивизии формировалось по директивам от 8.7.41. Их пока не публиковали. Но, например, на 302-ю горнострелковую 15.7.41 Генштабом была издана отдельная директива № 768/орг. И она опубликована: «Русский архив. Великая Отечественная 12(1)». Т. 23. С. 84. Про 272-ю и 281-ю стрелковую написано в истории Ленинградского военного округа: «Управление фронта [...] по директиве Генерального штаба в конце июня — начале июля приступило к формированию 25-й кавалерийской и 272-й, 281-й стрелковых дивизий». (Ордена Ленина Ленинградский военный округ: Исторический очерк. Л.: Лениниздат, 1968. С. 193.) Когда стало понятно, что дела плохи, вместо перемолотых у границ соединений стали формировать «второочередные дивизии», не заложенные в действовавший до войны план мобилизации. Именно «второочередные» дивизии останавливали немцев, когда были постепенно выбиты кадровые соединения РККА. Например, 284-я и 295-я

стрелковые дивизии предотвратили захват Киева немцами после прорыва Киевского УРа в начале августа 1941 г. Резервная армия Н.Е. Чибисова, состоявшая из свежесформированных 223, 253, 273, 296, 274, 275, 226, 230, 255-й стрелковых дивизии, 26, 28 и 30-й кавалерийских дивизий, в августе 1941 г. встала на пути танков Клейста после уничтожения 6-й и 12-й армий довоенного формирования в уманском «котле». Похожей была судьба знаменитой 316-й стрелковой дивизии. В октябре 1941 г., немцам удалось окружить 600-тысячную группировку советских войск под Вязьмой и Брянском. Казалось бы, все, путь к Москве открыт. Но тут на выручку снова пришли «второочередные дивизии». Дивизия Панфилова вместе с другими «второочередными» стрелковыми дивизиями, например своей родной сестрой 312-й стрелковой дивизией, была рокирована с Северо-Западного фронта под Москву, где и стяжала себе славу, став гвардейской. Ее действия стали хрестоматийными примерами в академических учебниках тактики.

В стратегическом смысле история 316-й стрелковой дивизии и других «второочередных» соединений — это подтверждение слов Свечина о перманентной мобилизации: «Если Наполеон и Мольтке могли еще сосредотачивать все свое внимание на единственной цели — поражении видимой живой силы неприятеля, то при современной способности государства рождать новые армии это часто было бы ошибкой; объектом действий является весь неприятельский народ, со скрытыми в нем потенциальными возможностями к сопротивлению». (Постижение военного искусства: Идеиное наследие А. Свечина. 2-е изд. М.: Русский путь, 2000. С. 369.) Немцам обеспечили успех начального периода войны скрытая мобилизация и сосредоточение, РККА сумела не проиграть благодаря идеям перманентной мобилизации. Вместо исчезающих в пламени сражений дивизий формировались новые.

У советского руководства был опыт «хаотичной тотальной войны» в 1918–1920 гг., когда буквально из воздуха формировались новые дивизии и армии. Когда в охваченной хаосом и разрухой стране содержалась и относительно исправно функционировала 5-миллионная армия. То, что казалось дикостью по европейским меркам — формирование дивизии как единицы из плохо обученных, плохо одетых и плохо вооруженных людей, давало свой результат. Такие дивизии часто не имели устойчивых традиций, появлялись и исчезали в пламени сражений, но они были пусть слабыми, но действующими фигурами, которые можно было поставить на шахматную доску. До 31 декабря 1941 г. был сформирован или переформирован 821 эквивалент дивизий (483 стрелковые дивизии, 73 танковые, 31 моторизованная, 101 кавалерийская и 266 танковых, стрелковых и лыжных бригад). Противопоставить стратегии «перманентной мобилизации» немцы ничего не смогли.

Такую же ошибку, как проекция формирований, осуществленных после начала войны, В. Суворов делает в отношении танковых соединений:

«Пусть каждый любитель истории заглянет в свои коллекции материалов по истории советских дивизий и поддержит меня: на 21 июня 1941 года уже существовали минимум следующие танковые дивизии — 101-я полковника Г.М.

Михайлова, 102-я полковника И.Д. Илларионова, 104-я полковника В.Г. Буркова, 106-я полковника А.Н. Первушина, 107-я полковника П.Н. Домрачева». («День-М», Гл. 14.)

Прием, надо сказать, безотказный. «Все знают, что...» — и дальше можно молотить любую чепуху, не тратя усилий на доказательства, используя подсознательный конформизм читателей: «Все знают, я не знаю, разве я глупый, теперь буду знать». Это чистой воды блеф В. Суворова. Если «любитель истории» в достаточной степени информирован, то, заглянув в свои коллекции, скажет, что до июля 1941-го нигде невозможно найти упоминания об этих дивизиях. В упомянутом в начале главы справочнике А. Грылева «Боевой состав Советской армии 1941–1945 гг.» 101-я, 102-я, 104-я, 106-я танковые дивизии отсутствуют и 22 июня, и 10 июля 1941 г. Они появляются только в боевом составе от 1 августа 1941 г. Сегодняшний любитель истории достанет с полки 2-й томик «Русского архива. Великая Отечественная» издательства «Терра» и на 29-й странице найдет номер и дату директивы Генштаба, на основании которой формировались танковые и моторизованные дивизии №№ 101–110. Номер Орг/524661, а дата 8.7.41 г. Заметим также, что, во-первых, танковых дивизий с номерами 62–100 не существовало вовсе, а, во-вторых, появление «сотых» дивизий привело к исчезновению номерков некоторых танковых дивизий довоенного формирования. 101-я и 102-я тд были переформированы из 52-й и 56-й танковых дивизий 26-го мк. 103-я тд не существовала вовсе. 104-я тд была переформирована из 9-й тд 27-го мк. Вышеупомянутая директива Генерального штаба о переименовании 9-й танковой дивизии в 104-ю и о содержании последней по новым, сокращенным штатам застала соединение в пути. 105-я тд была переформирована из 53-й тд САВО. 108-я и 109-я тд переформированы из 59-й тд, 110-я — из 51-й тд. Разобраться со всем этим у Владимира Богдановича желания не возникло.

Извилистая история соединений Красной Армии перед войной — это не история формирования дикого количества боеготовых дивизий, как это представляет В. Суворов. Это постепенное совершенствование системы мобилизационного развертывания армии. История была вполне заурядной и не говорила однозначно об агрессивности или миролюбии. Был создан инструмент, использовать который можно было как во зло, так и во благо. Само по себе существование этого инструмента ничего не доказывает, как бы Владимир Богданович ни пытался выжать из «открытых источников» обратное.

ГЛАВА 6.

ЗАЧЕМ ШВЕЦИИ «АВТОСТРАДНЫЕ ТАНКИ»?

Развитие колесно-гусеничных машин в Швеции происходит с большим рвением.

Хейгль. «Танки». Справочник 1936 г.

По Козьме Пруткову, «специалист подобен флюсу, он развит только с одной стороны». Роль такого флюса В. Суворов отводит танкам БТ. Рассказ о бэтэшках Владимир Богданович начинает, как обычно, с неправды для профилактики, без каких-либо осмысленных причин для искажения действительности:

«Их [БТ] было произведено больше, чем ВСЕХ типов во ВСЕХ странах мира на 1 сентября 1939 года» («Ледокол»).

Чтобы опровергнуть этот тезис, не требуется даже собирать статистику по всем странам мира, достаточно посмотреть на статистику производства танков в СССР. Танков Т-26 различных модификаций было выпущено 11 218 штук. БТ разных серий было произведено 8060 штук. Статистика производства танков в других странах тоже не подтверждает тезис Владимира Богдановича. В других странах мира было выпущено: во Франции 1800 R-35, 1000 H-35, 500 S-35, 400 В1 bis, в Германии 1445 Pz.I, 1223 Pz.II, 202 Pz.35(t). Всего 6573 танка. Прибавляем 3700 FT-17, и нужное число с избытком перекрывается. Неверно и следующее утверждение:

«Подвижность, скорость и запас хода БТ были куплены за счет рациональной, но очень легкой и тонкой брони».

Тот же самый Т-26 обладал даже более тонкой броней, 15 мм лоб против 20–22 мм на БТ. Более того, броню такой же толщины, 14,5 мм, имели немецкие танки Pz.Kpfw.IV ранних серий. Одним словом, ничего особенного толщиной брони не покупали, БТ по уровню защиты был обычным легким танком 30-х годов.

Далее несколькими широкими мазками В. Суворов рисует портрет чудо-оружия

«Потрясающие агрессивные характеристики танков БТ были достигнуты также за счет использования уникальной ходовой части. БТ на полевых дорогах двигался на гусеницах, но, попав на хорошие дороги, он сбрасывал тяжелые гусеницы и дальше несясь вперед на колесах как гоночный автомобиль. Но хорошо известно, что скорость противоречит проходимости: или — скоростной автомобиль, который ходит только по хорошим дорогам, или — тихоходный трактор, который ходит где угодно».

Здесь В. Суворов попросту забывает, что для танка актуален еще и ресурс ходовой части. Прочитую классический труд тех лет, «Танковая война» Эмансбергера: **«Оперативная подвижность.** Вопрос о том, должны ли проводиться длинные марши на гусеницах,

пока еще не разрешен. Без сомнения, для тяжелой местности лучше всего пригодны гусеницы, но можно ли проводить длинные переходы на них, не разрушая дорог и не изнашивая очень сильно машины? Англичане отвечают на этот вопрос утвердительно, французы предпочитают применять резиновые гусеницы и, несмотря на это, оставляют транспортные машины для танков.

Но в общем вопрос довольно неясен, и без соответствующих испытаний он разрешен быть не может. Если длинные переходы на гусеницах рискованны, то все машины должны быть погружены на транспортные грузовики. Это будет касаться не только танков, но и всех гусеничных машин.

Задача эта может быть разрешена еще другим путем — развитием всех машин по колесно-гусеничному типу, полугусеничному или, как это собираются сделать американцы, по типу многоколесных машин». (Эмансбергер. Л. фон. Танковая война. М.: Воениздат, 1936. С. 242.)

Как мы видим, СССР в труде генерала фон Эмансбергера и не упоминается. Нет особого советского пути, все гораздо проще, проблема износа ходовой части была актуальна для всех. Вопрос с ресурсом ходовой части оставался и в войну, танки старались своим ходом на большие расстояния не перемещать. Обычной практикой была отправка танков по железной дороге, а грузовиков своим ходом. В 20–30-х годах проблема была тем более актуальной, ресурс гусениц танков Первой мировой не превышал 500 км. Способов поднять подвижность танка вне боя и избавиться от необходимости частой замены гусениц было на тот момент три:

1. Вozить танки грузовиками или на прицепах. Путь Франции, Рено FT17 возились именно в кузовах грузовиков Лафли (7 и 10 т), Англии (Виккерс Mk.I возился на прицепе колесного тягача Скаммель) и впоследствии Германии (Pz.Kpfw.I, Pz.Kpfw.II перевозили 12-тонный грузовик Круппа, 9-тонный грузовик Faun L900 D567). Возка танков на грузовиках практиковалась до 40-х годов, в Африке Крусейдеры возили на прицепах все того же Скаммеля или в кузове американского грузовика Уайт. Для СССР начала 30-х реализация такого пути решения проблемы была нереальной, тяжелый грузовик для нас оказалось труднее создать, чем танк. Тем более тяжелый грузовик для перевозки танков. Например, английский Скаммель был трехосной полноприводной машиной повышенной проходимости — весьма незаурядная для своего времени конструкция. В СССР первым трехосным полноприводным грузовиком стал послевоенный «ЗИС-151», созданный по мотивам Студебеккера. До этого были только трехосные грузовики с колесной формулой 4X6, например автомашины ЯГ с импортными двигателями Геркулес. Их пытались приспособить для возки танков, иногда на ЯГах у нас возили Т-27 или МС-1 (с трудом). Кстати, изначально МС-1 создавали именно таких размеров и веса именно для перевозки на грузовике, хотя можно было сделать танк в размерах 30-тонного английского «ромба» Mk.V. Но подходящий грузовик, к сожалению, так и не появился.

2. Колесно-гусеничные танки. В 20–30-е годы в этом направлении экспериментировали почти все страны — производители танков. В справочнике Хейгля есть даже специальные разделы «Колесно-гусеничные танки» в главах «Англия», «Франция», «Швеция», «Чехословакия». Мы увидим на страницах книги и танки Фольмера (Чехословакия), и английские Виккерс-Волслей, и французские Рено и Шнейдер. Англичане пытались ставить на колесно-гусеничный ход свой средний танк 20-х годов Виккерс Mk.II, в 1926 г. появляются опытные экземпляры танкетки Карден-Ллойд в колесно-гусеничном варианте: одноместная Mk.III и двухместная Mk.V. Кристи не был уникалом, а всего лишь автором одной из концепций колесно-гусеничного хода. Наиболее популярным вариантом были опускающиеся колеса. По этому принципу были сделаны французские колесно-гусеничные танки Сен-Шамон M.21, M.24 и M.26. Кстати, танк St. Chamond M21 Chenillette в 1923 г. был закуплен правительством Финляндии. К чьим автострадам примеривались финны, непонятно.

Наибольшего успеха в этом направлении достигла Швеция, в 1929 г. создавшая колесно-гусеничное шасси Ландсверк-5 с опускающимися на рычагах четыре колеса большого диаметра. По-своему изящная боевая машина, созданная на этом шасси, получила название Strv m/31, в справочнике Хейгля танк фигурирует как Ландсверк-30. В примечании переводчика к справочнику указывается, что фактически за шведским танкостроением стояли инженеры Крупна. Но так или иначе танк поступил на вооружение шведской армии.

3. Путь, который в конечном итоге привел к успеху и стал общепринятым, — повышение ресурса гусеницы танка. Сначала экспериментировали с резиновыми гусеницами Кегресс, но сопротивление повороту таких гусениц было слишком большим, направление было признано тупиковым. Гораздо более перспективными оказались технические и технологические изыски на ниве создания новых типов траков. Первым по этой дороге прошел Карден-Ллойд. На танкетках Карден-Ллойд была введена мелкозвенчатая гусеница с сухим трением в шарнире. Еще дальше пошел Виккерс, отличие танков этой фирмы от ВСЕХ танков тех лет — это увеличение ресурса гусеницы с 500 до 1000–4800 км. Для 1930 года рекорд «Виккерса» 6 тонн в 4800 км пробега на одном комплекте мелкозвенчатых гусениц из марганцовистой стали был недостижимой высотой для всех остальных танков. Английский танк Виккерс 16-тонный, ставший прототипом для советского Т-28, имел в 1935 г. ресурс гусеницы 6000 км. При таком раскладе массовые колесно-гусеничные танки Великобритании были попросту не нужны. Насмотревшись на бэтэшки на киевских маневрах, англичане заинтересовались танками Кристи, но производили их (Ковинантор, Крусейдер) в чисто гусеничной конфигурации. Для самостоятельных маршей у них был достаточный ресурс гусениц, а на большие расстояния можно было перебрасывать танки транспортерами Скаммель и грузовиками Уайт.

Никаких других сверхзадач создания колесно-гусеничных машин не наблюдается. Вот что пишет Хейгль о причинах внимания к колесно-гусеничным машинам в Швеции: «Развитие колесно-гусеничных машин в Швеции происходит с большим рвением. При этом считаются с большими расстояниями в территориально-растянутой стране, а также со слабо развитой ж.-д. сетью в северной части Швеции». (Хейгль. Танки. М.: Воениздат, 1936. Часть II. С. 145.) В

СССР исходили ровно из тех же самых соображений, что и в других странах. И про это Хейгль тоже все честно написал: «Предпосылкой полного использования машин типа Кристи является наличие «девственных», мало застроенных пространств, что имеет место, например, на Востоке. Советская Россия это прекрасно поняла». (Там же. С. 222.) Про автострады, как мы видим, ни слова. Напротив, танк объявляется специализированным средством для больших пространств со слабо развитой ж.-д. сетью. Тезис В. Суворова: *«небольшой недостаток: эти танки было НЕВОЗМОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ НА СОВЕТСКОЙ ТЕРРИТОРИИ»* не встречает обоснований. Для такой страны, как СССР, с огромными расстояниями между различными потенциально опасными ТВД, требовался танк с хорошей оперативной подвижностью, который быстро мог быть доставлен в нужное место и воевать там.

Давайте даже забудем мнение Хейгля об области применения танков Кристи. Обратимся к реальным фактам. Из отчета 11-й ордена Ленина танковой бригады им. М. Яковлева:

«По завершении боев бригада совершила марш преимущественно на колесном ходу к месту постоянной дислокации... Всего за четыре суточных перехода (с 12 по 15 октября 1939 г.) было преодолено до 630 км дорог... Средний пробег танка на одной заправке бензина высшего сорта составил... у танков типа БТ-5 — до 130 км, у танков БТ-7 — до 305 км...» Бригада возвращалась после боев на Халхин-Голе.

Насчет того, что для БТ главное, гусеницы или колеса, Владимир Богданович тоже ошибается. Он пишет:

«На вопрос, что является главным для танков БТ — колеса или гусеницы, советские учебники тех лет дают четкий ответ: колеса».

Я не знаю, какие учебники читал В. Суворов, боюсь, что никаких, поскольку в «Руководстве службы БТ-2 и БТ-5» написано:

«гусеничный ход танка является основным для проведения боя и марша... Колесный ход танка является предпочтительным для совершения маршей в тылу своих войск на большие расстояния с целью сбережения ресурса гусеничных цепей... Ведение боя на колесном ходу не рекомендуется и может рассматриваться как мера вынужденная для самообороны танковых колонн на марше...»

В выборе второго варианта решения проблемы оперативной подвижности сыграли свою роль и специфические технологические условия СССР, только-только выраставшего из аграрных штанишек царя-батюшки. На колесном ходу танки теоретически могли проходить тысячи километров, а на гусеницах много меньше, что требовало частой смены траков. Например, у первых Т-28 ресурс гусениц составлял до поломки около 400 километров. Третий путь решения проблемы оперативной подвижности, путь Виккерса, требовал определенного уровня технологии. Требовался, в частности, выпуск так называемой стали

Гартфильда. В СССР выплавку такой стали наладили далеко не сразу, проблемы удалось решить только к 1936–1938 годам. Поэтому ресурс трака советского клона Виккерса, Т-26 выпуска до 1937 года, был в среднем 40–60 км. Отсюда и увлечение колесно-гусеничными танками — длинные пробеги по бескрайним просторам на гусеницах были попросту нереальны. В середине 30-х ситуация уже значительно улучшилась, пробег гусеницы Т-28 составлял 1000 км. В конце 30-х годов проблема была практически решена, литой трак Т-28 был заменен на штампованный, и ресурс гусеницы достиг 1500–2000 км. И это на танке внушительной для тех лет массы — 32 тонны. На более легких машинах проблемы ресурса гусеницы в конце 30-х годов уже практически не существовало. В конце 30-х БТ-7 получили мелкозвенчатую гусеницу, и применять потяжелевшие машины на колесах уже никто не собирался. СССР вместе со всеми вошел в мейнстрим построения танков с мелкозвенчатыми траками с большим ресурсом. Поэтому от колесно-гусеничного варианта развития серии БТ танка А-20 отказались, путевку в жизнь получил чисто гусеничный А-32, вскоре ставший Т-34. Заметим, что отказа от колесно-гусеничных машин в СССР в конце 30-х Владимир Богданович никак не объясняет. Наверное, потому, что этот факт не стыкуется с его теорией о завоевании Европы на колесах. Что должен был сбрасывать Т-34, остается за кадром. Не нужно выдумывать хитроумные причинно-следственные связи там, где их нет. Развитие танков поставило задачу увеличения подвижности танков вне поля боя. Инженерами разных стран были отработаны три варианта решения, один из которых — увеличение ресурса гусеницы — и стал общепринятым, магистральным путем развития. Об этом, между прочим, написано в «открытом источнике», «Техника — молодежи» № 10 за 1979 г. Цитирую: «Тем временем появились гусеницы, выдерживавшие тысячекилометровый пробег. Скорости машин с гусеничной тягой превысили 50 км/ч, то есть танк обрел сносную оперативную подвижность».

Сам по себе тезис о сбросе гусениц выглядит весьма странно. В реальности о сбросе гусениц колесно-гусеничными машинами типа Кристи речи нет, гусеницы использовались в бою и укладывались на надгусеничные полки на время марша. По прибытии в назначенный район гусеницы силами экипажа с полок снимались, и танк снова «переобувался», становясь опять гусеничным. Вообще навязчиво повторяемый тезис о сбросе гусениц — это отдельный перл Владимира Богдановича. Сброс гусениц вместо полагавшейся в реальности укладки на надгусеничные полки означал, что танки уподобятся поезду на рельсах дороги. Малейшее заграждение на дороге приведет к остановке колонны БТ на колесах и ее уничтожению, поскольку на местности танки на колесах маневрировать не могут и соответственно о ведении полноценного боя речи нет. Зачем Суворов выдумал историю о сбросе гусениц? Какая в ней жизненная необходимость? Все гораздо проще и очевиднее. Танки предполагалось доставлять в ближайшую к месту сражения точку по железной дороге, далее сгружать с платформ и доставлять до места использования либо своим ходом на гусеницах (путь Виккерса), либо своим ходом на колесах (колесно-гусеничные танки), либо их везут на грузовиках и разгружают в ближнем тылу войск (немецкий, французский путь). В случае с БТ на марше от места размещения части или от железнодорожной станции выгрузки совершают на колесах с гусеницами, уложенными на надгусеничные полки. В ближнем тылу войск танки

«переобуваются», надевают гусеницы и вступают в бой. Вот и вся «автострадность».

Совершенно непонятно, зачем Владимир Богданович поведал нам в полудетективном свете историю о покупке СССР танков Кристи, ставших прототипом БТ, в США под видом «тракторов». Закупка двух танков Кристи М.1940 была осуществлена на основании договора, подписанного 28 апреля 1930 года между «U.S. Wheel Track Layer Corporation» и «Amtorg Trading Corporation» (фирмы, представлявшей интересы СССР в США). В договоре было черным по белому написано, что осуществлялась продажа «двух военных **танков** общей стоимостью 60 000 американских долларов. Доставка танков должна быть произведена не позднее четырех месяцев со дня подписания договора», в котором кроме этого оговаривались: «доставка запасных частей к купленным танкам на сумму 4000 долларов, а также права на производство, продажу и использование танков внутри границ СССР сроком на десять лет». (Павлов И., Желтов И. Танки БТ. Ч.1. М.: Экспресс-НВ, 1998. С. 4 со ссылкой на РГВА. Ф. 31811. Д. 374. Л. 5, 6.) Исследование на данную тему было проведено. Причем куплен был БТ вопреки легендам не в связи с восторгом, который он вызвал у Халепского. Халепский в то время восторгался танком Гротте. В СССР в это время разрабатывалась танкетка Т-25 для вооружения кавалерийских частей. Танкетка предполагалась колесно-гусеничной, и для изучения иностранного опыта был куплен танк Кристи. Как раз в это время поступили сведения о том, что Польша планирует принять на вооружение танки Кристи. Выводы были сделаны незамедлительно. «...по имеющимся в штабе агент[урным] сведениям ...польское правительство ведет закупки образцов 6-тонного танка типа Виккерс и 10-тонного быстроходного танка типа Кристи и усиленно готовится к их массовому производству... Тов. Ворошилов, тов. Эйдемманн и тов. Тухачевский согласны, что, используя англ[ийско]-фр[анцузскую] помощь, поляки в состоянии сделать уже к концу тек[ущего] года более 300 шт. легких 6-тонных англ. танков и до 100 шт. средних танков типа Кристи... В следующем году они могут удвоить это число... Это может дать им в руки большие козыри с точки зрения использования бронесил, которыми они не преминут воспользоваться, [так как] танки типа Кристи **...как нельзя лучше подходят для ведения маневренной войны на территории СССР**. Таким образом Совет счел целесообразным... рассмотреть вопрос о принятии на вооружение КА вышеозначенных иностранных танков и начать их выпуск немедленно как они есть — не дожидаясь окончания опытных работ, чтобы при необходимости нанести отпор возможной агрессии...». (Письмо-распоряжение И. Халепского И. Гинзбургу. РГВА. Ф. 31811. О. 1. Д. 71 // Свиринов М., Коломиец М. Легкий танк Т-26. Ч. 1. М.: Издательский центр «Экспресс», 2000. С. 8.) Про войну на территории СССР выделено мною.

Решение было принято, но поскольку в систему танко-тракто-авто-броневоружения РККА эта машина не вписывалась, то вместо сквозного индекса Т-[цифра] он получил название БТ, «быстроходный танк». Под влиянием тех же агентурных сведений на вооружение был принят «Виккерс 6 тонн», ставший Т-26. Хотя первоначально «экспортный» танк Виккерса для стран «второго мира» вызвал в СССР серьезные нарекания в связи со своим двигателем воздушного охлаждения и некоторыми дефектами вроде отсутствия доступа к двигателю изнутри танка и обрыва клапанов двигателя на повышенных оборотах.

Первоначально хотели использовать отдельные элементы английской машины в разработке собственной конструкции Т-19. Тем не менее решение было принято, и танк Виккерса в систему вооружения РККА вписался как «основной танк сопровождения общевойсковых частей и соединений, и танковых частей РКК». А 23 мая 1931 года вышел приказ Высшего Совета народного хозяйства СССР, в котором танк Кристи разрешалось ввести в «Систему танко-тракторно-автоброневоружения РККА» в качестве танка-истребителя. Здесь, используя методологию Суворова, можно развить теорию о БТ как о чисто оборонительном танке, танке — истребителе танков врага. Танк-истребитель предназначался для защиты двухбашенных пулеметных танков Т-26 от атак танков противника. Фирма Виккерс для этих же целей предлагала вариант танка «Виккерс 6 тонн» с 37-мм пушкой, установленной в корпусе. Принципам применения танков я посвящаю отдельную главу, на роли танков БТ в организационной структуре РККА пока останавливаться не буду. Танкетка Т-25, виновник появления танка Кристи в СССР, в результате оказалась слишком сложной и дорогой и на вооружение так и не поступила. Вот такая вот замысловатая история принятия на вооружение танка американского конструктора. На мой взгляд, реальные события интереснее досужих вымыслов. Данные разведки, определившие судьбу танков Виккерса и Кристи, как это обычно бывает, оказались несколько преувеличенными, но не лишенными оснований. Польское правительство заинтересовалось «Виккерсом 6 тонн», и в 1930 году был закуплен один экземпляр для пробы, а 14 сентября 1931 г. было заключено соглашение о поставке еще 38 штук. Далее поляки пошли по пути производства у себя модернизированного варианта танка, установив на нем впервые в мировом танкостроении 100-сильный дизель шведской фирмы Saurer. Танк получил название 7ТР (7-tonowy Polski) и серийно производился в Польше в однобашенном и двухбашенном вариантах. Интересовались поляки и танками Кристи. В 1929 году в Америку к Дж. У. Кристи ездил капитан М. Руциньский, ознакомившийся с танками М.1928 и находившимся в стадии проектирования М.1931. Однако сделка не состоялась, и поляки занялись проектированием колесно-гусеничного танка самостоятельно, построив опытный образец к 1937 году. Однако до серийного производства танк, получивший название 10ТР, довести не удалось. Фотография 10ТР есть в книге И. Шмелева «Танки БТ», которую цитирует Суворов, но он это фото «автострадного» польского танка «не заметил». Поскольку это противоречит его теории о танке-«флюсе» для автострад Германии, которых, заметим, в 1931 году еще не было.

Использование танков БТ предполагалось совсем в другом стиле. Танки в период, когда БТ поступал на вооружение, разделялись на три группы:

«1. Группа непосредственного сопровождения пехоты (конницы), которая всегда действует в тесной зрительной связи с поддерживаемой пехотой (конницей); ее основные задачи: 1) проделывание проходов в проволочных заграждениях и 2) подавление или уничтожение на всем пути наступления пехоты (конницы) всех огневых точек и живой силы, задерживающих продвижение поддерживаемой пехоты (конницы), примерно с дистанции прямого выстрела (300–600 м).

2. Группа дальнего сопровождения пехоты (конницы) действует в тактической и огневой связи с поддерживаемой пехотой (конницей); ее основные задачи: 1) подавление и уничтожение огневых средств, в первую очередь пулеметных батарей, расположенных в глубине обороны на обратных скатах и препятствующих своим огнем продвижению пехоты с дальних дистанций (2–3 км); 2) уничтожение противотанковых пушек и батарей в целях собственной самозащиты и открытия свободного пути идущим за нею танковым группам.

3. Группа атаки дальних целей, находясь в тактическом взаимодействии со всем боевым порядком данного соединения, действует в глубине обороны противника; ее основные задачи: 1) подавление и уничтожение артиллерийских батарей для открытия свободного пути следующей за ней пехоте и остальным группам танков, а также в целях собственной самозащиты; 2) расстройство и уничтожение крупных резервов, штабов, узлов связи и тылов противника в целях парализования всех средств управления обороной и пресечения возможностей нанесения контрударов из глубины по продвигающейся пехоте». (Громыченко А. Очерки тактики танковых частей. М.: Государственное военное издательство, 1935. С. 101.)

Поле деятельности первой группы находилось в 1,5–2 км от переднего края обороны, второй — в 2–4 км и третьей — в 4–8 км. Танки БТ должны были действовать во второй и третьей группах. Соответственно танки БТ должны были не нестись по автострадам, а прорываться в ходе прорыва обороны к артиллерийским батареям, штабам, узлам связи и уничтожать их огнем и гусеницами.

Раз уж мы заговорили об автострадах, то имеет смысл вспомнить об индексе «А» в названии прототипов Т-34. Вот что пишет по этому поводу В. Суворов:

«В 1938 году в Советском Союзе начаты интенсивные работы по созданию танка совершенно нового типа А-20. Что есть

«А-20», ни один советский военный учебник на этот вопрос не отвечает. [...] Я долго искал ответ на вопрос и нашел его на заводе № 183. Это все тот же локомотивный завод, который, как и раньше, кроме локомотивов, дает побочную продукцию. Не знаю, правильно ли объяснение, но ветераны говорят, что изначальный смысл индекса

«А» — автострадный. Объяснение лично мне кажется убедительным. Танк А-20 — это дальнейшее развитие семейства БТ. Если у БТ главная характеристика вынесена в название, почему у А-20 главная характеристика не может быть вынесена в название? Главное назначение А-20 — на гусеницах добраться до автострад, а там, сбросив гусеницы, превратиться в короля скорости».

Как обычно, В. Суворов допускает типичную для своих построений ошибку, рассматривает только один объект, без попыток оглянуться вокруг. С 1931 по 1938 годы, еще при существовании Наркомтяжпрома и некоторое время после его реформирования, для упрощения отслеживания документации все предприятия, входящие в него, занимающиеся специальной техникой, в разное время получали собственные однобуквенные индексы. Индекс «А» получил государственный Харьковский паровозостроительный завод им. Коминтерна. И вся разрабатываемая с тех пор продукция (катки, трактора, сеялки, танки) маркировалась «А-номер». Например, А-33 — автомобиль повышенной проходимости... А-17 — проект дорожно-строительной машины (многоцелевой бульдозер). Индекс «Б» еще в 1931 г. получил ленинградский завод «Большевик» (пушки, моторы, станки). Например, Б-4-203-мм гаубица, Б-11э — двигатель-электростанция. Индекс «В» получил дизельный цех Харьковского тракторостроительного завода, выделенный в отдельное производство. Отсюда и название В-2 знаменитого двигателя для Т-34 и КВ. Индексация была сквозной, так как некоторые предприятия только планировались к постройке. Если «А» — это «автострадный», то А-17 — это многоцелевой автострадный бульдозер. Или А-33 — автострадный автомобиль повышенной проходимости.

У нашей страны не было Атлантического и Тихого океанов, отделяющих от европейских стран с неуравновешенными лидерами, устраивавшими войны с периодичностью в 20–25 лет. У нашей страны был опыт интервенции европейских стран в Гражданскую войну, опыт унижения Крымской войны, когда англичане и французы атаковали Российскую империю на Белом море, Балтике, в Крыму, на Дальнем Востоке. Потому танки Виккерса и Кристи пошли в массовое производство в СССР, несмотря на свои недостатки. Страна у нас большая, протяженность сухопутных границ огромная. Осуждать СССР за 8 тысяч БТ так же глупо, как осуждать Великобританию за постройку 40 легких крейсеров и сотен эскадренных миноносцев. Для Великобритании была актуальна война на огромных морских пространствах, для СССР — война на огромных сухопутных ТВД. Что до колесного хода, так русская армия не один раз вызвала запуск в массовую серию экзотических конструкций. В 1895 г. на вооружение был принят бельгийский револьвер Нагана с надвиганием барабана на ствол. Никто больше в массовую серию такую экзотику не запускал. А у нас слово «наган» даже стало нарицательным.

ГЛАВА 7.

СКОЛЬКО ГРУЗОВИКОВ БЫЛО У ГИТЛЕРА?

Каждый 10-й человек в действующей армии — водитель машины. На 4,2 млн. человек (общая численность армии) — 420 тыс. машин.

Ф. Гальдер. Военный дневник. Запись от 20 марта 1940 года

В этой главе пойдет речь о столь любимой многими процедуре сравнения танковых войск. Традиционное начало подобной дискуссии: «У немцев было 3 тыс. танков, а у нас против них 10 тысяч, 20 тысяч, 24 тысячи танков (нужное подчеркнуть)! Подавляющее превосходство!» Основная ошибка, которую допускают и В. Суворов, и многие другие, — это сравнение только танков противоборствующих сторон. Хотя сражения происходят не между толпами танков на заранее выбранном поле, подобно сражениям рыцарей. Воюют в реальности организационные структуры, танки в которых — это лишь один из составляющих кубиков. Помимо них есть пехота, противотанковая и гаубичная артиллерии, тракторы для ее перемещения, мотоциклы и броневики, грузовики для перевозки пехотинцев, топлива, боеприпасов. Но изучать скучные схемы с квадратиками «рота тяжелого оружия», «мотоциклетный батальон», «взвод связи» поп-историкам было, видимо, недосуг. Занимались этим только в военных академиях, и соответствующие труды до широкой публики просто не доходили. Хотя можно из хорошего кирпича сложить сарай или, напротив, шедевр архитектуры из посредственных строительных материалов. Нам же предлагают сравнивать два дома, рассматривая образцы кирпичей, из которых их построили. Хотя по уму принято планы домов показать, про высоту потолков, размеры окон рассказать. А нам все кирпичи обмеряют с высокой точностью (пушка 75 мм, броня 50 мм...). Если вам кто-то будет продавать дом, рассказывая и показывая только кирпичи, то вы, наверное, спустите продавца с лестницы. А историка, занимающегося тем же самым в описании боевых действий, большинство будет читать, не подозревая, что им предлагается однобокое, если не сказать, убогое изложение проблемы.

Вторая распространенная ошибка — это отсутствие внимания к пространственной компоненте сражений мехсоединений. Как-то забывалось, что битвы титанов, включающие сотни танков и десятки тысяч людей, происходят на пространствах в сотни километров. И помимо танковых дивизий в сражениях участвуют пехотные и стрелковые дивизии. Многие в таких сражениях решает маневр, собственно, танки и танковые соединения могут нос к носу не столкнуться. Танковый клин взламывает боевые порядки войск, перемалывая и рассекая своим острием стрелковые дивизии, стоящие у него на пути. По флангам танкового клина наносят контрудары, стремясь его срезать под основание. Контрудары отражают пехотные дивизии, вставшие в оборону на флангах. Собственно танковые части противников разделяются десятками, а то и сотнями километров.

В таких условиях один из видов техники ничего сам по себе не решает, как бы хорош он ни был. Тем более что в реальности отлакированные кумиры обычно несколько блекнут. Помимо рассказов об успехах того или иного танка можно найти рассказы о поражениях и неудачах. В. Суворову обычно интересны факты,

хоть как-то лежащиеся на его построения, и он берет из мемуаров типичные бравурные рассказы про КВ: «Генерал-полковник А.И. Родимцев: «В течение одиннадцати месяцев войны мы не знали случая, чтобы немецкая пушка пробила броню этого танка. Бывало, что танк КВ имел 90–100 вмятин от попадавших вражеских снарядов, однако продолжал ходить в бой». (Твои, Отечество, сыновья. Киев: Сборник воспоминаний. 1982. С. 291.)» Позволю себе заметить, что А.И. Родимцев не был танкистом, и его свидетельство в данном конкретном случае звучит не слишком убедительно. Далее В. Суворов ссылается на некие якобы широко известные немецкие документы. Тем не менее Владимир Богданович, не потрудившись привести какие-либо ссылки, пишет:

«В германских сводках того времени — тихая паника: германские танкисты привыкли к тому, что их танки лучшие в мире, а тут вдруг — КВ. Такого они не ожидали. Германские документы того времени достаточно хорошо известны. Их я повторять не буду. Только общий вывод на 1941 год:

«КВ — самое страшное оружие, с которым когда-либо пришлось встречаться солдату в бою. Противотанковые пушки против него бессильны».

По моим наблюдениям, немцы начинают петь про неуязвимые Т-34 и КВ, когда дела идут плохо и легче свалить проблемы на вражескую технику, чем на свои промахи. Блюменрит пишет о том, что мешали Т-34, описывая битву под Москвой, — странно, что многочисленные Т-34 6-го МК Западного особого военного округа он не заметил. Странно, не правда ли? Сотни КВ не заметил, а вот куда более скромные количества новых советских танков под Москвой заметил.

Но давайте по порядку. Вместо Родимцева, имевшего весьма отдаленное отношение к танковым войскам, послушаем танкиста из 10-й танковой дивизии 15-го механизированного корпуса, вступившего в бой в первые же дни войны. Это З.К. Слюсаренко, и его книга почему-то не вошла в библиографию трудов В. Суворова. Итак, цитирую: «Вражеские снаряды пробить нашу броню не могут, но разбивают гусеницы, сносят башни. Загорается КВ слева от меня. В небо над ним взметнулся султан дыма с огненной тонкой, как жало, сердцевинкой. «Ковальчук горит!» — екнуло сердце. Помочь этому экипажу никак не могу: со мной несутся вперед двенадцать машин. Еще один КВ остановился: снаряд сорвал с него башню. Танки КВ были очень сильными машинами, а вот скорости и поворотливости им явно не хватало». (Слюсаренко З.К. Последний выстрел. М.: Воениздат, 1974. С. 12.) «Неуязвимые» КВ выбиваются один за одним. И Слюсаренко написал чистую правду о том бое. Обратимся к документам. Например, отчет командира дивизии, в которой служил З.К. Слюсаренко (ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 3780сс. Д. 6. Л. 196–218): «19-й танковый полк в 10 часов по частной инициативе командира полка подполковника Пролеева атаковал противника в районе высот юго-восточнее Радзехув. В районе Денбины Охладовские полк был встречен организованным огнем противотанковых орудий. В результате атаки было уничтожено до 70 противотанковых орудий, 18 танков и до батальона пехоты. Потери полка: танков КВ — 9, танков БТ-7-5». Обратите внимание, как

буднично отмечается потеря таких, казалось бы, неуязвимых для немцев танков, как КВ. КВ были подбиты немцами из тяжелых 150-мм орудий, поставленных на прямую наводку, которые сбивали башни, крушили гусеницы, и 88-мм зениток полка «Герман Геринг».

Или возьмем запись в дневнике Гальдера от 12 июля 1941 г. «е. Борьба с танками. [...] Большинство самых тяжелых танков противника было подбито 105-мм пушками, меньше подбито 88-мм зенитными пушками. Имеется также случай, когда легкая полевая гаубица подбила бронебойной гранатой 50-тонный танк противника с дистанции 40 м».

Это те сведения о борьбе немцев с КВ, которые можно было почерпнуть из «открытых источников».

Танки КВ и Т-34 не были неуязвимыми монстрами, они не раз и не два подбивались немцами в бою. Как подбивались в бою «Тигры», про которые тоже можно найти рассказы о 100 и более попаданий без пробития. По вышеупомянутому докладу командира 10-й танковой дивизии 15-го механизированного корпуса Юго-Западного фронта были разбиты и сгорели на поле боя 11 КВ и 20 Т-34. Два своих КВ группа из 43-й танковой дивизии 19-го механизированного корпуса потеряла (разбиты и сгорели на поле боя) в первом же бою у Дубно. Были подбиты в атаке на Дубно КВ 34-й танковой дивизии.

Все вышесказанное не означает, что я хочу очернить КВ и Т-34. Просто не нужно сотворять себе кумиров, во-первых, и считать технику самоценной, во-вторых. Хороший танк может не показать свои качества при неправильном применении. Точно так же, как не очень хороший танк может успешно применяться и танковые части, вооруженные этими танками, могут достигать внушительных успехов. Что такое правильное применение? Как и многое другое, критерии правильности применения танков пришли из опыта Первой мировой войны. Нам с тех времен тоже остались легенды о неуязвимых стальных чудовищах, сеявших панику и малыми силами достигавших больших успехов. Панику-то они, конечно, сеяли, но проза жизни была более суровой, чем легенды. Неуязвимость танков всегда была относительной. Если не было **массированного применения** танков, то есть концентрации на узком фронте большого числа машин, даже тогда с танками справлялась артиллерия обороняющейся пехоты. В Первую мировую стреляли шрапнелью, поставленной на удар (взрыватель срабатывал от удара о преграду, и пороховой заряд шрапнели выталкивал стакан с пулями вперед, в случае попадания в танк увесистый стальной стакан со свинцовыми пулями проламывал броню). Во Вторую мировую получило распространение применение против танков зенитных пушек среднего калибра, тяжелой артиллерии, кумулятивных снарядов к полковым орудиям. Если обороняющаяся стрелковая или пехотная дивизия атакывалась небольшим количеством танков, то справиться с этой угрозой ей было вполне по силам. Если танки легкие и средние, задача была предельно простой, если нет, то в дело шли тяжелые пушки дивизионного и даже корпусного звена. У нас это были 122-мм пушки и 152-мм гаубицы-пушки, у немцев 150-мм гаубицы и 105-мм пушки. При отсутствии массирования любой на бумаге неуязвимый танк будет нести потери. Даже самый

лучший танк — это только кирпичик большого здания, если здание построено впопыхах, то оно рухнет вне зависимости от качества кирпичиков.

Что же произошло? В какой консерватории дело? Вот здесь и пришло время поговорить о роли кубиков и кирпичиков, из которых состояли танковые и моторизованные дивизии противоборствующих сторон. Вторым по важности после собственно танков кубиком была артиллерия. Артиллерия в 40-х оставалась богом войны, и ее успех определял успешность действий танков и пехотинцев. Артиллерия прокладывала путь танкам, уничтожая гаубичным огнем и огнем с прямой наводки противотанковые орудия противника, подавляя мешающие продвижению сопровождающих танки пехотинцев огневые точки. Соответственно при эффективном использовании артиллерии можно было воевать и танками, не претендующими на пальму первенства по неуязвимости. Противотанковые пушки противника будут просто выбиты огнем артиллерии, и даже тонкобронным танкам угрозы уже практически не будет. То же самое и при контратаках танковых дивизий противника. Необязательно иметь танки, которые могут эффективно противостоять всем танкам противника. Танки могут отойти назад и отдать наступающего противника на растерзание противотанковой артиллерии танковой дивизии. Тяжелая артиллерия при этом прикроет своим огнем противотанковые пушки, не позволит противнику их подавить гаубичным огнем. Не хватит противотанковых пушек, в дело пойдут тяжелая артиллерия и зенитки.

Рассмотрим типичный пример шума, который устроил КВ именно с точки зрения организации, кубиков и кирпичиков танковых дивизий. Вот что пишет о боях с 2-й танковой дивизией командующий 41-м моторизованным армейским корпусом немцев Рейнгардт: «Примерно сотня наших танков, из которых около трети было Pz.Kpfw.IV, заняли исходные позиции для нанесения контрудара. Часть наших сил должна была наступать по фронту, но большинство танков должны были обойти противника и ударить с флангов. С трех сторон мы вели огонь по железным монстрам русских, но все было тщетно. Русские же, напротив, вели результативный огонь. После долгого боя нам пришлось отступить, чтобы избежать полного разгрома. Эшелонированные по фронту и в глубину русские гиганты подходили все ближе и ближе. Один из них приблизился к нашему танку, безнадежно увязшему в болотистом пруду. Безо всякого колебания черный монстр проехался по танку и вдавил его гусеницами в грязь. В этот момент прибыла 150-мм гаубица. Пока командир артиллеристов предупреждал о приближении танков противника, орудие открыло огонь, но опять-таки безрезультатно». Казалось бы, все хорошо, КВ демонстрирует свою неуязвимость, сеет панику. Но с точки зрения технологии ведения боевых действий появляется куча вопросов. Во-первых, где пехота, наступающая вместе с КВ? Во-вторых, где советская артиллерия, которая позволяет немцам экспериментировать? Попробовали одним орудием, не получилось, попробовали другим. При таких полигонных условиях стрельбы, когда в дело шли зенитки, тяжелая артиллерия и наступающих сухопутных дредноутов было не слишком много, даже такие танки, как КВ, были обречены.

Очень важным кубиком-кирпичиком механизированных соединений была пехота. Без пехотной поддержки сам по себе прорыв танков был обречен на

провал. Как обычно, ноги у проблемы росли из Первой мировой. Пока в России бушевала революция, на Западном фронте гремели первые танковые бои. Сражение у Камбре 23 ноября 1917 г. Английская 152-я бригада при поддержке 24 танков наступает на небольшой населенный пункт Фонтен. Немецкие пулеметчики отсекают пехоту от танков, а затем забрасывают английские «ромбы» гранатами, расстреливают из поставленных на прямую наводку полевых пушек. В отчете майора Борхерта, командира автомобильных войск 2-й германской армии, об английском танковом корпусе говорится следующее: «На второй и третий день наступления они глубоко прорвались в район германского расположения, проникнув даже в леса и селения, но без сопровождающей пехоты. И в этом, видимо, лежит причина безуспешности атаки». Более современный по отношению к событиям 1941-го пример дала финская война. 20-я танковая бригада (90, 91 и 92-й танковые батальоны), имевшая в своем составе 105 танков Т-28, 8 БТ-5 и 21 БТ-7, действовала против укреплений на «Линии Маннергейма» вместе с частями 19-го стрелкового корпуса. 19 декабря 90-й танковый батальон вместе со 138-й стрелковой дивизией начинает атаку на Хоттинен. К 14.00, спустя два часа после начала наступления, 90-й тб капитана Янова ротой Т-28 и ротой легких танков проходит насквозь всю линию укреплений и фактически выполняет задачу прорыва укрепрайона. Две другие роты в это время вели бой в глубине обороны, обстреливая ДОТ и прикрывая пехоту. Но пехота, не выдержав огня финнов, отступила. Прорвавшие «Линию Маннергейма» танки оказались в одиночестве, и финны начали подтягивать против них противотанковые орудия и закидывать их бутылками с бензином. К 17.00 остатки батальона были вынуждены отойти. В том бою погиб и командир батальона капитан Янов. Что мы видим на этом примере? Танки, не поддержанные пехотинцами, обречены на гибель. Их смогут закидать бутылками с бензином, расстрелять противотанковой и тяжелой артиллерией. Если танки будут толстолобиками вроде КВ или французского Char B1 bis, процесс уничтожения займет большее время, но результат будет тем же самым. Чем уничтожить не поддержанный пехотой танк, найдется всегда. В 1942-м, под Ржевом, один немецкий военный врач получил орден за то, что подбил прорвавшийся советский танк, закинув на его моторно-трансмиссионное отделение «блин» противотанковой «Теллер-мины». Что сотворить с бронированным чудовищем, как слон в посудной лавке, носящимся по позициям без поддержки своей пехоты, солдатская смекалка всегда найдет. Будь то КВ в 1941-м или «Тигр» с «Фердинандом» в 1943-м. Если же все сделано по уму, домик собран из кирпичиков гармоничный, то один кирпичик будет помогать другому. Танки, расчищая путь пехотинцам, ведут их за собой. Артиллерия будет уничтожать мешающие продвижению танков и пехотинцев огневые точки. В свою очередь пехота будет помогать танкам, отстреливая резвых докторов с «Теллер-минами» и гитлерюгендов с фаустпатронами. Причем все это должно действовать вместе, один род войск другой не заменяет. Например, танки не могут в полной мере заменить артиллерию. Если пулеметное гнездо танк расстрелять может, то замаскированный в ложине миномет или стоящую в 1–3 км от поля брани артиллерийскую батарею на закрытой позиции, засыпающую стальным дождем наступающую пехоту и заставляющую ее залечь или даже отступить, танк обнаружить и уничтожить не может.

Все вышесказанное верно для любого варианта применения танков. Но у танковых дивизий была своя специфика. Они составляли особый класс, самостоятельные механизированные части. Это означало, что они предназначались не просто для танкового удара по обороне, а для удара в глубину, самостоятельных действий в глубине боевых порядков противника и его тылах. Основная задача механизированных соединений, которые составляли танковые клинья противоборствующих сторон, была в быстром продвижении в глубь построения войск противника с целью расцезь и окружить составляющие этот фронт пехотные части. Для этого нужна была высокая скорость передвижения, для этого сажали пехоту на грузовики, грузили на автомашины топливо, боеприпасы, буксировали артиллерию механической тягой, тракторами. Подобные перемещающиеся на танках и автотранспорте части двигались быстрее, чем шагающая на своих двоих пехота, составлявшая в то время большую часть армий. Подвижность мехсоединений позволяла им и сокрушать подходящие к месту пробития фронта резервы, и окружать пехотные соединения противника до того, как они смогут отойти, вырваться из клещей. Скажем, фронт пробит, противник перебрасывает на выручку одну-две пехотные, танковые дивизии. Задача ворвавшегося в пробитую брешь механизированного корпуса сокрушить эти резервы на подходе, выйти в глубину оборонительных порядков врага. В обороне механизированные части, как наиболее подвижные резервы, перебрасываются к месту прорыва, стремясь разбить прорвавшиеся танковые соединения врага в бою или даже окружить их. Но для всего этого нужна примерно равная подвижность «кирпичиков» мехсоединения, когда и танки, и артиллерия, и пехота, топливо и боеприпасы могут двигаться со сравнимой скоростью, обеспечивая самостоятельные действия в глубине обороны противника или в отрыве от места постоянной дислокации. Обращаю внимание на слово «самостоятельно». Как в наступлении, когда механизированное соединение наступает в глубине обороны противника, так и в обороне, когда дивизия срывается с места своей постоянной дислокации и маршем направляется в заранее неизвестную точку фронта. Никто в этих условиях склад с горючим на блюдечке с голубой каемочкой не принесет, снаряды на грунт в нужном месте не выложит. Всем, начиная от еды и воды и до боеприпасов, зенитной и противотанковой обороны, механизированное соединение обеспечивает себя самостоятельно, по принципу «все свое ношу с собой». Поэтому автотранспорт и средства тяги артиллерии были не менее важным элементом таких соединений, чем танки. Обеспечение танковой дивизии непробиваемыми танками — это, конечно, хорошо. Но только полдела. Эти танки нужно заправлять, чинить, снабжать боеприпасами, обеспечивать разведку, артиллерийскую и пехотную поддержку их действий и прикрытие от атак с воздуха. Одним словом, должен быть собранный из нужных винтиков и деталек механизм; если каких-то элементов будет не хватать, механизм остановится, несмотря на качественное исполнение одного конкретного болтика.

Успехи вермахта в начальном периоде Второй мировой войны были предопределены новаторскими решениями в области создания самостоятельных танковых соединений. В то время как в СССР только теоретически обсуждался вопрос организации такого соединения, в Германии в 1935 году были созданы первые три танковые дивизии. Эти три дивизии имели основные черты,

определившие облик танковой дивизии вермахта. В составе каждой из них был мотопехотный полк, два танковых полка, артиллерийский полк, батальон мотоциклистов, батальон истребителей танков, разведывательный батальон. Тот боевой опыт немцев, который отрицает Владимир Богданович, помогал им в поиске «золотого сечения» организационной структуры танковой дивизии. Теоретические построения теоретическими построениями, но достаточно войскам попасть хоть ненадолго в настоящие бои, как многие теории рушатся. Германские танковые войска получили возможность проверить правильность теоретических построений в деле дважды, в польскую и французскую кампании. В 1939 году организационная структура танковой дивизии вермахта в общем виде выглядела так: танковая бригада (два танковых полка, около 300 танков, 3300 человек личного состава), стрелковая бригада (моторизованный пехотный полк, примерно 2000 человек), мотоциклетный батальон (850 человек). Общая численность личного состава дивизии была примерно 11 800 человек. Артиллерия дивизии состояла из шестнадцати 105-мм легких полевых гаубиц, восьми 150-мм тяжелых полевых гаубиц, восьми 75-мм пехотных орудий, четырех 105-мм пушек (тех самых, которые Гальдер поставит на первое место в качестве средства борьбы с КВ), 48 противотанковых пушек.

В реальности были, разумеется, отклонения от этого шаблона. Шесть немецких танковых дивизий из десяти (1-5-я, 10-я) имели в своем составе 4 танковых батальона и 4 мотопехотных и мотоциклетных, около 300 танков. Еще две (6-я и 8-я) состояли из трех танковых и четырех мотопехотных и мотоциклетных батальонов, около 200 танков. Первые бои показали недостатки организации танковых дивизий, например, беспомощность панцерваффе в самостоятельных действиях у Варшавы. Танковые дивизии вермахта, 22 июня 1941 года вступившие на территорию СССР, появились после осмысления опыта Польши и Франции. Что же построили немцы по опыту этих двух успешных кампаний? Немецкая танковая дивизия 1941 года (общая численность около 13 700 чел.) включала в себя танковый полк (около 2600 человек), мотопехотную бригаду из двух моторизованных полков по два батальона каждый (около 6000 человек), мотоциклетный батальон (1078 человек) и артиллерийский полк трехдивизионного состава. Соответственно на два или три танковых батальона приходилось пять мотопехотных и мотоциклетно-стрелковых батальонов. Артиллерия танковой дивизии состояла из двадцати четырех 105-мм легких полевых гаубиц, двенадцати 150-мм тяжелых полевых гаубиц, четырех 150-мм тяжелых пехотных орудий (по два в каждом мотострелковом полку), двадцати 75-мм пехотных орудий, тридцати 81-мм минометов. Иногда 150-мм гаубицы заменяли 105-мм пушками. Собственно противотанковая артиллерия была представлена 48 орудиями. Количество танков в немецких танковых дивизиях 1941 года плавало от 147 до 209 машин. Больше число танков имели танковые дивизии, вооруженные чешскими танками вместо штатных средних танков Pz.Kpfw.III. Причем помимо большего числа средних танков у них было больше тяжелых, 30 Pz.Kpfw.IV вместо 20 в обычных дивизиях. Изменения, произошедшие с 1939 по 1941 год, видны невооруженным глазом. По сравнению с танковой дивизией образца 1939 года увеличилось число орудий в артиллерийском полку, в полтора раза выросло число легких и тяжелых полевых гаубиц, уменьшилось количество танков, но значительно выросла численность

мотопехоты. Немцы пришли к своему «золотому сечению» организации танковых войск. Организации, которая позволила их дивизиям, оснащенным чешскими танками 35 (t) и 38 (t), дойти до стен Москвы и Ленинграда.

Если немцы к 1941-му нашли, что искали, то в Красной Армии процесс поиска оптимума в организационной структуре танковых войск был в самом разгаре. По опыту боевых действий в Польше в сентябре 1939 года старые механизированные корпуса были расформированы. В 1940-м, следя за эквилибристикой вермахта во Франции, в РККА начали создавать механизированные корпуса новой организации. Механизированные корпуса, которые существовали в СССР до начала Второй мировой войны, повторяли распространенную «детскую болезнь» строительства танковых войск — они были перегружены танками, им не хватало мотопехоты.

Механизированный (позднее переименованный в танковый) корпус первоначально состоял из танковой бригады на танках БТ, танковой бригады на танках Т-26, стрелковой бригады и вспомогательных частей, в том числе химического (огнеметного) батальона. Танковые бригады состояли из трех танковых батальонов и стрелково-пулеметного батальона. Стрелковая бригада — из трех стрелково-пулеметных батальонов. Соответственно в корпусе на семь танковых батальонов (включая химический) приходилось пять стрелковых и стрелково-пулеметных. Соотношение по батальонам неплохое, но танков было многовато для такого количества пехоты, 490 штук (175 БТ, 192 Т-26, 123 Т-37/-38) или позднее, после создания корпусов однородного состава, 463 танка (348 БТ, 63 Т-37/-38, 52 химических Т-26).

Превозносимый Владимиром Богдановичем опыт финской кампании с точки зрения опыта действий самостоятельных танковых соединений не дал ровным счетом ничего. Отрыва от стрелковых дивизий и самостоятельных действий в глубине обороны не получилось. 10-й танковый корпус в составе 1-й, 13-й танковых и 15-й стрелково-пулеметной бригад вместо действий в глубине обороны противника был вынужден участвовать в «прогрызании» полосы укреплений. Опыта самостоятельных действий при выходе на оперативный простор советские танковые войска не получили.

На фоне опыта польской кампании и по опыту панцерваффе на Западе была затеяна реорганизация танковых соединений Красной Армии. В окончательном варианте механизированный корпус должен был по штату иметь аж 1031 танк. Как же выглядела танковая дивизия такого мехкорпуса? В танковой дивизии 1941 года должно было быть 63 КВ, 210 Т-34, 48 легких танков, 54 химических, итого 375 танков. Это количество танков приходилось на 10 940 человек личного состава. Организационно танковая дивизия состояла из двух танковых полков по четыре танковых батальона каждый (один на КВ, два на Т-34 и один химический), мотострелкового полка из трех батальонов и артиллерийского полка. Артполк по штату вооружался двенадцатью 152-мм и двенадцатью 122-мм гаубицами. Помимо этого было четыре 76-мм полковые пушки, двенадцать 37-мм зениток, восемнадцать 82-мм минометов. С «золотым сечением» дела у новой танковой дивизии были откровенно плохи. Если сравнить танковую дивизию советского мехкорпуса и танковую дивизию вермахта, то видно, что, например,

противотанковые орудия в советской танковой дивизии отсутствуют вовсе, количество легких гаубиц в немецкой танковой дивизии вдвое больше (с учетом разницы калибра пусть в полтора раза больше), полковых орудий в немецкой танковой дивизии больше в пять раз, минометов среднего калибра — почти в полтора раза. Но, конечно, наиболее ощутимой была разница в численности мотопехоты в сравнении с количеством танков. На 375 танков советской танковой дивизии приходилось примерно 3 тыс. человек мотопехоты, а на 150–200 танков танковой дивизии вермахта приходилось 6 тыс. человек мотопехоты. Или, если считать в батальонах, то на 6 танковых батальонов (если даже не учитывать два батальона химических танков) нашей танковой дивизии приходилось всего три батальона мотопехоты. Соотношение 2:1 в пользу танковых батальонов. В немецкой танковой дивизии на 2–3 батальона танков — 4 или 5 (если считать с мотоциклетным) батальона мотопехоты, то есть 1:2,5, 1:1,7 в пользу пехотинцев. Поэтому немецкой танковой дивизии было легче и наступать, и обороняться. У нее было больше пехоты, двигающейся вместе с дивизией и способной занять и удержать местность. Боевой опыт привел советские танковые войска к сходной организации. Танковая дивизия образца 1946 года имела в своем составе 11 646 человек, 210 танков Т-34, три танковых и мотострелковый полк. Причем в танковых полках помимо трех танковых батальонов был еще батальон автоматчиков, последнее было уже исключительно советское изобретение, в немецкой тд такой практики не было. Всего в танковой дивизии образца 1946 года было 9 танковых батальонов и 7 батальонов мотострелков, мотоциклистов и автоматчиков. Или, если считать личный состав, на 210 танков приходилось 4700 человек мотострелков, автоматчиков и мотоциклистов. Артиллерию танковой дивизии образца 1946 года составляли 12 122-мм гаубиц, 8 «катюш» М-13, аж 42 миномета 120-мм калибра, 52 81-мм миномета, 22 37-мм зенитки, 12 противотанковых орудий. Такой организационной структуре было легче вести самостоятельные действия, громить резервы противника, захватывать важные пункты и удерживать их, отбивая контратаки. И наличие танков с непробиваемыми лбами при этом играло далеко не первую роль, важнее было соотношение между танками и пехотой и возможности артиллерийского удара соединения. Я беру в качестве примера танковую дивизию, поскольку она и ее части имеют более привычные названия. Реально аналогом танковых дивизий других стран в нашей армии в 1944–1945 гг. были танковые корпуса, состоявшие из танковых и механизированных бригад. Организационная структура танкового корпуса в конце войны была подобна структуре танковой дивизии образца 1946 года. По штату в танковом корпусе образца 1945 года было 11 788 человек, 21 тяжелый танк, 207 средних танков, 21 САУ СУ-85, 21 легкая САУ СУ-76, 12 122-мм гаубиц, 12 76-мм пушек, 42 120-мм миномета, 12 45-мм пушек, 16 37-мм зенитных пушек, 8 установок М-13. Организационно танковый корпус состоял из трех танковых бригад и одной мотострелковой бригады, отдельного полка ИС, двух самоходно-артиллерийских полков, артиллерийского полка, минометного полка, зенитно-артиллерийского полка, дивизиона «катюш». В таком виде танковые корпуса Красной Армии закончили войну в Берлине, разгромили Квантунскую армию в Маньчжурии.

В несовершенной организации танковых войск на определенном этапе их развития нет ничего плохого или стыдного. Процесс поиска «золотого сечения»

был общим явлением, и все пришли в конце концов к сходной организации своих танковых войск. Но на 1941 год процесс поиска оптимальной организации не был завершен, и механизированные соединения Красной Армии были еще «сырыми», соотношение между танками, мотопехотой и артиллерией было далеко от идеала.

Кроме того, отсутствие собственного опыта привело к неправильным выводам из чужого (немецкого) опыта. По разным причинам, не в последнюю очередь из-за отставания производства танков от потребностей вермахта, немцы применяли танки только в самостоятельных соединениях, танковых дивизиях. Глядя на немцев, у нас решили уничтожить видовое разнообразие и использовать танки только в крупных самостоятельных соединениях. От ранее присутствовавших в РККА отдельных танковых бригад и батальонов в стрелковых дивизиях решили отказаться. Тем самым обычная пехота лишалась танковой поддержки, не было оргструктуры, которая бы помогала пехоте в сражениях тактического значения или пробивала бы вместе с пехотой дорогу для ввода в прорыв крупного механизированного соединения. Такие танковые части были в нашей армии в 1942–1945 гг. Это отдельные танковые бригады (1038 человек, 53 танка), полки (339 человек, 39 танков) для непосредственной поддержки пехоты. Были и отдельные тяжелые танковые полки прорыва РГК, в составе 214 человек и 21 тяжелого танка КВ. Сравнительно медлительные, но толстобронные КВ в тяжелых танковых полках прорыва РГК применялись более эффективно, чем в смешанных подразделениях, когда КВ отставали на марше и тяжесть первого боя выносили Т-34. В 1941-м одинаковые по организации мехкорпуса впрягали в одну упряжку «коня и трепетную лань». Т-26, предназначенный для непосредственной поддержки пехоты, оказывался в одной оргструктуре с быстроходными БТ.

Мировая практика также поощряла видовое разнообразие. В Англии были отдельные бронетанковые бригады из трех танковых полков, всего 260 танков. Эти бригады использовались для действий совместно с пехотными дивизиями и на вооружении танковых дивизий и бронетанковых бригад. На вооружение дивизий поступали более быстроходные «крейсерские» танки, а бригады оснащались неспешными, но хорошо защищенными «пехотными» танками. Например, в сражении при Эль Аламейне в 23-й бронетанковой бригаде, которая должна была поддерживать пехоту 8-й британской армии, было 186 танков «Валентайн», а в 7-й бронетанковой дивизии были «крейсерские» «Крусейдеры», американские «Гранты» и «Стюарты». Баланс между самостоятельными соединениями и танками непосредственной поддержки в Великобритании характеризуется числом танковых дивизий и отдельных бригад, в ходе войны было сформировано 11 бронетанковых дивизий и 30 бронетанковых бригад. В США помимо 16 бронетанковых дивизий было 55 отдельных танковых батальонов по 72 танка, тоже предназначенных для совместных действий с пехотой.

Специфической проблемой СССР были автомобили. В РККА широкое распространение получили «полуторки» ГАЗ-АА. Машина неплохая, в девичестве Форд-АА образца 1929 года (выпускался в СССР по лицензии с 1932 года, до этого машины собирались из американских деталей, технология, известная сегодня как «отверточное производство»), но грузоподъемность машины была недостаточной. Если сравнивать с современными грузовиками, то

аналог «полуторки» — это «Газель». 3-тонных ЗИС-5 (в детстве бывших американским грузовиком Отокар-5А) не хватало. В Вермахте же основу автомобильного парка составляли 3-тонные грузовики. Одной из наиболее распространенных машин был 3-тонный «Опель» «Блиц». Этот простой, надежный и дешевый грузовичок был так хорош, что даже выиграл конкурс у «Мерседеса» и на сборочных конвейерах Мерседес начали собирать «Блицы». Только авиация союзников помешала. Зигзаг в круге, который мы видим на машинах «Опель» в наши дни, своим появлением обязан именно грузовику «Блиц», в переводе «молния». Именно на капоте этого самого распространенного в немецкой армии грузовика появился зигзаг, ставший затем фирменным знаком автомобилей Opel. До этого эмблемой Адам Опель АГ была надпись OPEL в овале.

По штату в танковой дивизии вермахта были: 561 легковой автомобиль, 1402 грузовика и специальных автомобиля, 1289 мотоциклов (из них 711 с колясками). Реально в танковых дивизиях было до 2300 автомобилей, 1570 мотоциклов. Для сравнения, в советской танковой дивизии штатно было 1360 автомашин, 375 мотоциклов. Немецкие танковые дивизии могли действовать по принципу «все свое ношу с собой», самостоятельно действуя в глубине обороны противника. Автотранспорт дивизии позволял перемещать за танками пехотинцев, боеприпасы артиллерии, топливо, запчасти. И даже чешские танки могли добиваться успеха, когда за их спиной стояла артиллерия, пехотинцы и орда автотранспорта в позе «чего изволите?».

В середине марта 1940 года на 4,2 млн. человек личного состава вермахта приходилось 420 тысяч машин. Каждый десятый человек был водителем автомобиля. Я не зря вынес слова из дневника Франца Гальдера об этом в качестве эпиграфа к этой главе. К моменту нападения на СССР в вермахте было полмиллиона автомашин и полугусеничных тягачей. В 1941 году в Германии было произведено 333 тыс. автомашин, в оккупированных странах 268 тыс., сателлиты Третьего рейха произвели еще 75 тыс. автомашин. А мы все танки высчитываем, их вес вымеряем. Вторая мировая война была войной моторов и маневра. Автотранспорт являлся не менее важным компонентом армии, чем танки.

Про грузовики я повел речь не из праздного любопытства. На все вышеописанные проблемы техники и организации накладывался еще один фактор: отсутствие автотранспорта и тягачей в штатном количестве из-за незавершенной мобилизации. До 22 июня 1941 года в СССР не была объявлена мобилизация и механизированные корпуса не получили даже положенных им несовершенной организации автомобилей и тракторов из народного хозяйства. Из-за этого такие «кирпичики», как артиллерия и пехотинцы, оказывались без транспорта, не могли действовать как единое целое с мехкорпусом. В Германии процесс изъятия гражданского автотранспорта прошел еще в 1940 году.

Чем это оборачивалось на практике? Возьмем эпизод дубненских боев, описанный в нескольких мемуарах, и рассмотрим его с точки зрения техники, организации и данности 1941-го, необъявленной на момент начала боевых действий мобилизации. Это встречный бой группы 43-й танковой дивизией 19-го мехкорпуса и боевой группы 11-й танковой дивизии вермахта. Местом

постоянной дислокации дивизии был Бердичев. Получила она вполне типовую задачу: совершить 300-километровый марш, выдвинуться из Бердичева к Ровно и быть готовой наносить контрудары по наступающим частям немцев. В 43-й тд имелось в наличии на 22.06.41 5 КВ, 2 Т-34, 230 Т-26. Артиллерия была представлена 4 (вместо 12) 152-мм и 12 122-мм гаубицами, 4 76-мм полковыми пушками, 4 37-мм зенитками (без снарядов). Вместо 1360 автомашин по штату, в 43-й тд было всего 630, 571 грузовик, из них 150 неисправны. Вместо 83 тракторов по штату было всего 15. Из того, что было, собрали «домик», весьма далекий от «золотого сечения»: два танковых полка двухбатальонного состава, два батальона мотострелкового полка на автомашинах. А полторы тысячи бойцов личного состава дивизии вынуждены были передвигаться пешим порядком. Согласитесь, что в таких условиях командование 43-й танковой дивизии не стало бы привередничать и не отказалось бы от французских «Ситроенов». Плюс к тому, поскольку не прошла мобилизация, в 43-й танковой дивизии было вместо 10 942 человек личного состава 8434 человека. Вычитаем полторы тысячи следующих пешим порядком, получаем округленно 7 тыс. человек. То есть, будучи равной по числу танков немецкой танковой дивизии, 43-я танковая дивизия 19-го мехкорпуса РККА существенно уступала любой немецкой по артиллерийскому вооружению и обеспеченности мотопехотой. По брутто-численности личного состава 43-я танковая дивизия уступала танковой дивизии Вермахта практически вдвое. Два батальона пехоты для ведения самостоятельных действий — это очень мало. Группа дивизии из 2 танков КВ, 2 Т-34, 75 танков Т-26 в том бою у Дубно потеряла оба КВ, 15 Т-26. В ведении наступательных действий выдохлась в первом же бою.

Владимир Богданович, пытаясь скрестить бравурные рассказы о непобедимых и неуязвимых танках с катастрофой лета 1941-го, приводит причины неуспеха механизированных частей РККА одна другой фантастичнее. Цитирую:

«Красная Армия готовила внезапный удар на 6 июля 1941 года, и потому, как перед любым грандиозным предприятием, шла лихорадочная подготовка. В танковых войсках это выглядит так: гусеницы менять или перетягивать, двигатели регулировать, коробки передач перебирать, менять катки, разбирать оружие, а перед проведением работ — боекомплект из танков выгружать, топливо и масла сливать. (Немцы этот момент проскочили в середине июня.) Внезапный удар по любой армии в такой ситуации смертелен. Красная Армия, правда, была столь сильна и огромна, что вынесла даже и это. Случилось вот что: перед тем как бить зверя в его собственной берлоге, наши охотники разобрали оружие для чистки, смазки, последней проверки, а зверь в этот момент вломился в наш дом».

Никаких явлений подобного рода мы в мехкорпусах на 22.06.1941-го не увидим. Более того, есть, например, директива военного совета Киевского особого военного округа № А1/00211 от 11 июня 1941-го военным советам 5-й, 6-й, 12-й и 26-й армий, в которой указывается одну заправку горючего из запасов частей иметь залитой в баки машин. Снаряды в количестве... боекомплекта приказывалось хранить в окончательно снаряженном виде, 50% патронов набитыми в ленты и диски. Загрузка снарядов и патронов в машины должна была

осуществляться по объявлении тревоги. Время готовности механизированных частей устанавливалось в 3 часа. Если мы обратимся к конкретным примерам, противоречий данному приказу мы не найдем. Во всем 8-м мехкорпусе генерал-майора Рябышева из 71 КВ в ремонте находилось всего пять, все 100 Т-34 вышли по тревоге 22.06.41. Откуда Владимир Богданович взял, что на начало войны занимались неполной разборкой танков, ума не приложу.

Если мы вникнем в историю действий танковых дивизий, то увидим все те же заурядные проблемы с автотранспортом и тягачами. Возьмем 37-ю тд 15-го МК. На 22 июня 1941 года дивизия имела 1 танк КВ, 34 Т-34, 258 БТ, 22 Т-26, 1 огнеметный Т-26. Только 15 танков БТ было оставлено небоеспособными в г. Кременец, из них 8 находилось в среднем ремонте. А вот артиллерия дивизии состояла из 4 гаубиц 152-мм из 12 положенных по штату, 12 гаубиц 122-мм и всего 5 тракторов. Мотострелковый полк не получил автотранспорта по мобилизации и действовал отдельно от дивизии. Из-за неполученных по мобилизации средств тяги артиллерии вместе с мотострелковым полком осталась «безлошадной» и часть артиллерии. То есть пехотой и артиллерией действия танков обеспечены не были вовсе. О чем честно доложил командованию командир дивизии на августовском разборе полетов:

«3. Маневренность мотострелкового полка, выступившего пешим порядком вследствие отсутствия автомашин, была чрезвычайно низкой для дивизии, что не дало возможности мотострелковому полку действовать в составе дивизии до 25.6.41 г. Это положение вынуждало танковые полки выделять большое количество танков на обеспечивающие действия вместо применения их как ударной силы.

4. Отсутствие полностью укомплектованного артиллерийского полка в будущем отрицательно сказалось на боевых действиях дивизии, не имеющей в своем составе мощной огневой единицы».

Ни о каком «золотом сечении» структуры 37-й танковой дивизии не было и речи, что и определило низкую эффективность ее боевых действий. Как это происходило, рисует все тот же отчет командира дивизии: «К 18.00 28.6.41 г. 2-й батальон 73-го танкового полка занял северные скаты [высоты] 202,0, где был встречен сильным противотанковым огнем из района южная опушка ур. Ляс Денбник и кр. Ляс Багно.

Попытка переправиться по мостам через р. Острувка севернее высоты 202.0 была безуспешной, так как головные 2-3 танка, подошедшие к мосту, были моментально подбиты и загорелись.

Несколько танков пыталось обойти мост справа и слева, но это оказалось невозможным; танки застряли в болоте и были подбиты артиллерийским огнем противника.

Стало совершенно очевидным, что без мощного артиллерийского огня и пехоты наступление продолжать нельзя. Но артиллерия в дивизии отсутствовала, свою авиацию мы давно не видели, а мотострелковый полк до

приведения себя в порядок продолжать наступление не мог». (Выделено мною. — А.И.) В таких условиях даже Т-34 37-й тд были довольно быстро растрочены. К 8 июля в дивизии осталось 2 Т-34 и 12 БТ-7.

В 10-й тд того же 15-го МК разобранных коробок передач, выдуманных Владимиром Богдановичем, как и следовало ожидать, не наблюдается. В составе дивизии находились 63 КВ, 38 Т-34, 51 Т-28, 181 БТ, 22 Т-26, 8 химических Т-26. По тревоге вывели все 63 КВ, 37 Т-34, 44 Т-28, 147 БТ, 19 Т-26, все Т-26 химические. Причины невывода 34 бэтэушек были вполне прозаическими: они были сильно изношены и требовали среднего, а частично и капитального ремонта. Кроме того, на часть сверхштатных БТ не нашлось экипажей. С количеством автотранспорта было лучше, чем у других, но хромало качество. Командир дивизии писал в своем отчете: «По штатам военного времени по маркам машин дивизия должна была иметь грузовых «ГАЗ-АА» — 332; грузовых «ЗИС-5-6» — 586. Фактически 22.6.41 г. вывели: «ГАЗ-АА» — 503; «ЗИС-5-6» — 297. По общему количеству, считая, что одна машина «ГАЗ-АА» заменяет одну «ЗИС-5-6» (по установкам Автобронетанкового управления Киевского особого военного округа), казалось бы, что с количественной укомплектованностью дивизии транспортом дело обстоит благополучно. На самом же деле по грузоподъемности машина «ГАЗ-АА» ни в коем случае не может заменить «ЗИС-5», и это привело к тому, что значительная часть грузов (до 450 тонн) не была поднята с выходом частей в район боевых действий, а впоследствии (при отходе частей) была уничтожена. Положение с обеспеченностью транспортом (а следовательно, и с подъемом имущества, необходимого для боя) осложнялось тем, что материальная часть, предусмотренная мобилизационным планом, по мобилизации не прибыла».

212-я моторизованная дивизия все того же 15-го механизированного корпуса автотранспорта не имела вообще. Опять же в связи с тем, что не получила автомашины из народного хозяйства на момент начала боевых действий. Артиллерия дивизии состояла из восьми 76-мм орудий, шестнадцати 122-мм орудий, четырех 152-мм орудий, но средств тяги было только на один дивизион.

Что мы имеем в сухом остатке? Если подсчитывать только танки, то в 15-м механизированном корпусе было 64 КВ, 69 Т-34, 44 Т-28, 418 БТ-7, 45 Т-26. С точки зрения любителей подсчета бронеединиц, — грозная сила. Но на деле на 22 июня 1941 года 15-й мехкорпус мог обеспечить полноценной артиллерийской и пехотной поддержкой в маневренном сражении лишь небольшую часть своих танков. И не по каким-то мифическим причинам, а из-за проблем с тягачами и автотранспортом. Только часть 15-го мехкорпуса, причем меньшая, могла быть использована как полноценная боевая единица, как подвижное соединение. Да и эта часть была несовершенной по своей организационной структуре.

Еще один пример. 32-я танковая дивизия 4-го мехкорпуса небезызвестного А.А. Власова (49 КВ, 173 Т-34, 5 БТ-7, 70 Т-26) фактически осталась без артиллерии, ее командир Ефим Пушкин в своем отчете о боевых действиях дивизии написал: «...артиллерийский полк не был укомплектован тракторами и половину своей материальной части оставил на зимних квартирах, остальные орудия постепенно выходили из строя из-за технических неисправностей и поломок имеющихся в наличии тракторов». Тракторов СТЗ-5, скоростные качества которых оставляют

желать лучшего, было в 32-й тд 19 штук. Мотострелковый полк, как и в случае с 37-й тд 15-го МК, практически не имел автотранспорта (на 22.06 находилось 21 машина «ЗИС-5», 37 «ГАЗ-АА») и действовал отдельно от дивизии. «Золотое сечение» структуры танковой дивизии и рядом не лежало, дивизия не могла обеспечить действия своих танков пехотой и артиллерией, самостоятельно действовать как средство наступления или контрудара не могла. Когда дивизию привлекли для нанесения контрудара в интересах 6-го стрелкового корпуса 6-й армии, то, напоравшись на противотанковую оборону противника, она безрезультатно потеряла 15 танков. Причиной неуспеха Ефим Пушкин назвал отсутствие взаимодействия с артиллерией и пехотой. Всего же 32-я танковая дивизия в боях и маршах с 22.06.41 по 22.07.41 потеряла 37 КВ, 146 Т-34. Причем 30% потерь пришлось на огневое воздействие противника, 50% на брошенные из-за технических поломок машины. В 8-й танковой дивизии 4-го мехкорпуса из 50 КВ было подбито 13, из 140 Т-34 подбито 54. Уничтожено экипажами соответственно 25 КВ и 31 Т-34. То есть боевые потери были довольно высокие, несмотря на теоретическую «неуязвимость» КВ и Т-34.

Все эти грустные примеры я приводил с одной целью: показать, что сравнение количества танков и их качества не дает ответа на вопрос о возможности эффективных действий войск противоборствующих сторон, как это делает Владимир Богданович:

«И вот после войны собирают кремлевские вожди доблестных советских маршалов, генералов, профессоров и академиков и ставят боевую задачу: доказать, что 3 тысячи гитлеровских танков — это больше, чем 24 тысячи сталинских, доказать, что Гитлер к войне был готов, а Сталин — нет».

Действительно, если сравнивать брутто-количество танков, то непонятно, как могло случиться то, что случилось летом 1941 года. Нужно сравнивать механизмы ведения войны, танковые и моторизованные дивизии в целом. Давайте попробуем оценить возможности механизированных корпусов РККА не с точки зрения танков, а с точки зрения организации и сравним их с танковыми соединениями вермахта. Добавим к традиционным колонкам численности танков на момент начала боевых действий число средств артиллерийской поддержки, автотранспорта, тракторов и мотоциклов. Первая строчка — это штатная численность.

Таблица 4

№ МК	Всего танков (КВ и Т-34)	Лич. состав	Артил- лерия	Мино- меты	Авто- машины	Тракто- ры	Мото- циклы
штат	1031 (546)	36080	172	186	5161	352	1679
1	1039 (15)	31348	148	146	4730	240	467
2	527 (60)	32396	162	189	3794	266	375
3	672 (110)	31975	186	181	3897	266	375
4	892 (416)	28097	134	152	2854	274	1050
5	974 (17)	24203	160	16	2892	177	366
6	1021 (352)	24005	162	187	4779	294	1040
7	800 (63)	33583	163	151	3819	110	730
8	858 (171)	31927	142	152	3237	344	461
9	300	26833	101	118	1067	133	181
10	469	26065	75	157	1000	34	450
11	237 (31)	21605	40	104	920	55	148
12	730	29998	92	221	2531	191	39
13	294	17809	132	117	987	103	246
14	520	15550	126	114	1361	99	216
15	733 (131)	33935	88	139	2035	165	131
16	478 (76)	26380					
17	36	16578	12	104	607	40	26
18	280	26879	83	30	1334	58	157
19	450 (11)	22654	65	27	865	85	18
20	93	20389	58	76	431	25	92
21	98						
22	707 (31)	24087	122	178	1226	114	47

Для сравнения, в типичном армейском моторизованном корпусе немцев из двух танковых и одной моторизованной дивизии было примерно 37 тыс. человек, 360 танков, 264 миномета, 335 орудий, 6500 автомашин, 4100 мотоциклов. Это без учета корпусных частей. Советская танковая армия образца 1944 года, для сравнения, штатно могла иметь 55–56 тыс. человек, 900–950 танков и САУ, 650–700 орудий и минометов, 7600 автомашин разных типов. Реально в танковой армии образца 1944 года было около 48 тыс. человек, 450–620 танков, 98–147 САУ, 650–750

орудий и минометов, 4380–5000 грузовиков, 465–740 специальных автомашин, 163–236 легковых авто. Поражая количеством танков, механизированные корпуса 41-го заметно отставали по всем другим показателям — пехоте, артиллерии, автотранспорту. Даже если брать первую строчку таблицы, штатную численность.

Без получения автотранспорта по мобилизации, с несовершенной штатной организационной структурой танковые и моторизованные дивизии мехкорпусов второй волны формирования не могли ни эффективно наступать, ни обороняться, даже имея большое количество танков. Пресловутая неготовность выражается именно в этом. На вопрос: «Почему танковые войска РККА были не готовы к войне, имея свыше 20 тыс. танков?» — правильный ответ: «Причина номер раз. Они не имели 22.06.1941 положенных для организационных структур, объединяющих эти танки, личного состава, автомашин и тракторов. Причина номер два. Организационные структуры, объединяющие эти танки, были неэффективны». После объявления мобилизации 22.06.1941 в вооруженные Силы поступило 234 тыс. автомашин, 31,5 тыс. тракторов, но было уже поздно, да и не получили втянутые в сражения мехкорпуса положенных им автомашин в хаосе отступления. Танки кончились до прибытия автомобилей по мобилизации.

Но было бы ошибкой считать, что мобилизация решала проблему. Взмах волшебной палочки — прибытие грузовиков, и мехкорпуса становятся стальными молотами. Прибытие грузовиков от промышленности и из народного хозяйства могло улучшить подвижность частей мехкорпусов, но оно не прибавляло им мотопехоты, не приводило к «золотому сечению». Даже те соединения, которые я назвал боеспособными в качестве подвижных, страдали от несовершенства организации.

Не танки надо считать, точнее не только и не столько танки, а пехоту, артиллерию, тракторы и грузовики. И сравнивать организационную структуру танковых дивизий и механизированных корпусов. В этой главе я не ставил задачи опровержения «главной мысли» Владимира Богдановича. Я лишь стремился показать порочность подхода В. Суворова и многих других исследователей, сравнивающих только брутто-количество танков противоборствующих сторон вместо анализа организационных структур, объединяющих эти танки в механизмы ведения войны.

ГЛАВА 8. ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В этой главе речь пойдет о боеприпасах. Больше всего меня лично убивают в трудах Владимира Богдановича постоянные апелляции к бытовой логике. Например, история с боеприпасами на грунте. Цитирую («День М»):

«В апреле 1941 года из Главного артиллерийского управления Красной Армии поступило распоряжение: продукцию Наркомата боеприпасов вывозить к западным государственным границам и выкладывать на **грунт**.

Спросите у фронтовиков, что это означает.

Кремлевско-лубянские историки вынуждены признать, что Сталин готовил агрессию, Сталин готовил порабощение Европы. Но, говорят они, Сталин мог совершить агрессию только в 1942 году. Давайте спросим у этих историков, можно ли оставить под открытым небом на осенние дожди, на снежную зиму и на весеннюю грязь некоторое количество боеприпасов, скажем, пятьсот тысяч тонн? **Этого делать нельзя.** Нам это понятно. Так неужели Сталин был глупее нас?

Выкладка боеприпасов на грунт в 1941 году означала решение начать войну в 1941 году. И никакого иного толкования этому факту не придумать». (Выделенный текст напечатан жирным шрифтом в оригинале. — А.И.)

Выкладка боеприпасов на грунт — это стандартная процедура хранения. Склады бывают или открытые, или подземные. Подземные очень дорогие. Открытые дешевле, и при окружении их земляным валом допускается их нахождение до 800 м от населенного пункта. Что, впрочем, подтверждается случаями взрывов на складах, которые происходили в 90-х годах. Например, взрыв склада Тихоокеанского флота во Владивостоке в 1994 году. Комиссия ругалась — нельзя, дескать, было хранить боеприпасы разных лет выпуска на грунте без навеса. Обратите внимание на слова «без навеса». Наверное, готовили «освобождение» Японии. Или возьмем более свежие события, взрыв на складе под Екатеринбургом в июне 2001 года, когда взрыв вызвало попадание молнии. Просто процитирую одно из сообщений информационных агентств: «По официальной версии, озвученной представителями Министерства обороны России, на расположенном в районе данного населенного пункта складе инженерных войск по причине удара молнии произошло воспламенение, а затем взрыв расположенных на открытом воздухе боеприпасов». По логике Владимира Богдановича выкладывание боеприпасов на грунт означало твердое решение начать войну в 2001 году. Осталось догадаться, кого собирались «освободить».

В. Суворов, видимо, забыл, что события происходили в веке XX, а не во времена отсыревания пороха на полках кремневых ружей. Техника, в том числе конструкция боеприпасов, совершенствовалась, и устойчивость боеприпасов была в 40-х годах значительно выше, чем во времена перехода А.В. Суворова через

Альпы. Было бы ошибкой считать, что боеприпасы на грунт выкладывались так же, как они складываются на огневой позиции, то есть не в стандартной заводской укупорке, а рядом на брезент. Стандартная упаковка снарядов и мин — это прочные деревянные ящики с ложементами под боеприпасы. Например, снаряды к одному из самых распространенных орудий РККА, 122-мм гаубице М-30 образца 1938 года, упакованы по два выстрела в ящик, в каждом ящике два снаряда и две гильзы с зарядом. Масса ящика с двумя снарядами 75 кг. Сами снаряды вместо применявшейся ранее осалки (покрытие снаряда слоем пушечного сала) для защиты от коррозии в 30-е стали красить в защитный или серый цвет двумя слоями масляной краски. Помимо этого снаряды часто покрывали обычной смазкой, практиковалось даже заворачивание их в промасленную бумагу. Гильзы зарядов гаубицы раздельного заряжания имеют две крышки, одна так называемая нормальная, а вторая усиленная. Усиленная крышка вставляется в гильзу и заливается сверху расплавленным герметизирующим составом (определенный сорт смазки), который затем застывает и превращает открытую сверху гильзу гаубичного выстрела в герметичный контейнер для порохового заряда. Перед стрельбой усиленную крышку вынимают, а нормальная крышка выполняет функцию obturator при выстреле, то есть препятствует прорыву пороховых газов вперед, в пространство перед снарядом в процессе его движения по стволу. Патроны упаковывались еще надежнее, запаивались в цинковые коробки и укладывались в деревянные ящики. В такой таре боеприпасы вполне возможно было хранить под навесом на открытом воздухе. Под ящиками обычно сооружался настил, препятствующий контакту ящиков боеприпасов с грунтом. Так что «на грунт» не стоит воспринимать буквально. Конечно, если сваливать ящики в лужу или не делать навес, то самая надежная упаковка может не спасти и привести к ржавчине, окислению гильз. Некий процент боеприпасов при хранении на открытых складах неизбежно портился, идеальной «защиты от дурака» не бывает. Если снаряды не доводили до ужасающего состояния, а для этого нужно было сильно постараться, то никаких проблем не возникало. Налет ржавчины, зеленые разводы окислов на гильзах протирали промасленной ветошью и заряжали такими выстрелами орудия. Простота и дешевизна открытого способа хранения искупала неизбежные потери из-за разгильдяйства исполнителей.

Тезисы Владимира Богдановича и приводимые им цитаты мало того что высвечивают его непрофессионализм в вопросах снабжения войск, но и зачастую просто рассчитаны на наивность читателя:

«Но перед наступлением боеприпасы размещают на подвижном транспорте, это очень дорого и опасно...»

«Юго-Западный фронт только на небольшой станции Калиновка имел 1500 вагонов с боеприпасами». (Куманев Г.А. Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). С. 36.)»

Станция Калиновка — это глубокий тыл, 400 км от границы. Ну кто из читателей возьмет карту Украины и станет на ней разыскивать станцию Калиновка?

Таким образом, расположение не за Уралом, а в 50–200 км от границы складов армейского, окружного (фронтового) уровня было вполне оправданным, такое их размещение есть следствие необходимости бесперебойного обеспечения потребностей войск. Удлинение плеча подвоза неизбежно вызвало бы перебои в снабжении.

Более того, если не ставить задачу подбора цитат определенного содержания, то можно найти в литературе о войне и такие слова: «Из-за недостатка складских помещений в западных военных округах половина их запасов боеприпасов хранилась на территории внутренних военных округов, при этом треть — на удалении 500–700 км от границы. От 40 до 90% запасов горючего западных военных округов хранилось на складах Московского, Орловского и Харьковского военных округов, а также на гражданских нефтебазах в глубине страны». (Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 1. М.: Наука, 1998. С. 109.) В приложении к тому же Западному особому округу есть известный факт, что его топливные запасы были в Майкопе. То есть, напротив, значительная часть запасов находилась вдали от границ. Еще более интересная картина наблюдается, если мы попробуем узнать, где находились склады центрального подчинения стратегического значения. Если запасы первых трех уровней располагались в соответствии с плотностями войск (в западных округах больше, во внутренних — меньше), то склады центрального подчинения в основном находились в Московском военном округе (24 из 41), на втором месте — Приволжский военный округ (5 из 41). 29 складов из 41 расположены далеко от границы. То есть склады стратегического значения к границам не выносились. Проценты потерь очень часто приводятся по одному — двум — трем из первых уровней, что дает катастрофическую картину.

Вот в ДСП издании «Артиллерия в оборонительных операциях ВОВ» (М.: Воениздат, 1961) есть цифры полных потерь и РАСХОДА снарядов за июнь — декабрь 1941. Цифры такие:

45-мм снарядов — 7,130 тыс. — или 28% от наличия на 22.6.41

76-мм снарядов — 7,777 тыс. — или 30% от наличия на 22.6.41

122–203-мм — 3,900 тыс. — или 31% от наличия на 22.6.41

50–120-мм мин — 4,744 тыс. — или 35% от наличия на 22.6.41

зенит. снарядов — 7.360 тыс. — или 35% от наличия на 22.6.41

Примерно половина этого количества — расход в боях, остальное — потери. В среднем потери и расход превысили поступление в 1941 в 1,7 раза. Как можно видеть, до истощения складов было далеко, потеряно и израсходовано было в среднем 30% запасов. Справедливости ради нужно отметить, что часть из складских запасов представляла сомнительную боевую ценность, например, многочисленные шрапнельные выстрелы к 76-мм «трехдюймовкам» русского и французского производства, оставшиеся от царя-батюшки. Но 45-мм снарядов,

50–120-мм мин во времена Николая Александровича не было. Цифры, согласитесь, достаточно красноречивые.

В том же духе, рассчитывая на то, что читатель не станет дотошно проверять каждый факт, В. Суворов строит рассказ о промышленности боеприпасов. Цитирую:

«Вопрос о размещении промышленности боеприпасов — это вопрос о характере будущей войны. Если Сталин намерен вести святую оборонительную войну, если он намерен удерживать свои рубежи, то в этом случае новые заводы боеприпасов надо размещать за Волгой. Там они будут в полной безопасности — танки противника туда не дойдут, и самолеты не долетят».

И далее читателя нежно подталкивают к нужному выводу:

«Идеальной является ситуация, когда заводы находятся у границ. В этом случае эшелон гнать не много дней через всю страну, а несколько часов».

Заметим, что конкретное местоположение пороховых заводов Владимир Богданович не указывает. Как известно, из восьми пороховых заводов пироксилинового пороха на восток пришлось эвакуировать пять. Где же располагались заводы, которые пришлось эвакуировать? Во-первых, это основанный в 1765 году Шосткинский завод, который известен большинству читателей по производству киноплёнки. Многие помнят кадр, идущий после заставки «Конец фильма»: «Фильм снят на плёнке Шосткинского производственного объединения «Свема». В наркомате боеприпасов Шосткинский завод был известен как пороховой завод № 9. Второй завод, который пришлось эвакуировать, это Охтинский. Завод тоже был основан задолго до 1917 года. Датой основания Охтинского порохового завода считается 13 июля 1715 года, когда начальник русской артиллерии генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс обратился в городскую канцелярию с просьбой прислать ему мельников — малороссов, «которые по гребле ходят и плотины делать умеют ... к пороховым мельницам». Третий эвакуируемый завод, Шлиссельбургский, помолоче, но тоже ведет свою историю с времен царя-батюшки. Он был построен в конце XIX века, по итогам войны 1877–1878 годов, когда выявилась недостаточная мощность заводов, которые производили боеприпасы для русской армии. Предприятий постройки 30-х годов было эвакуировано два. Это завод № 100, расположенный в городе Алексин Тульской области, и завод № 101 в г. Каменск Ростовской области. Строительство того и другого завода было начато в 1934 году, решение о строительстве было принято в ноябре 1933 года. Думаю, что даже без карты понятно, какое расстояние отделяет Тульскую и Ростовскую области от границы. Какие заводы избежали эвакуации? Не был эвакуирован завод № 40 в Казани, ведущий свою историю с XVIII века. История Казанского порохового завода связана с посещением казанского края императрицей Екатериной II, по именному указу которой на правом берегу реки Казанки, всего в семи верстах от города, напротив Зилантова монастыря, к лету 1786 года был заложен Казанский пороховой завод. Не был эвакуирован и один из заводов пироксилинового пороха

новой постройки, завод № 392 в городе Кемерово. Получается, что из пяти эвакуированных три завода — это заводы постройки царских времен, построенные, очевидно, не из соображений близости к границе. Два завода новой постройки тоже находятся весьма далеко от западной границы СССР. Из оставшихся на своем месте заводов один старой постройки, Казанский, и один новой, Кемеровский. Если кого и стоит винить в неудачном расположении заводов, то скорее русских царей. Реально, конечно, никакого злого умысла в расположении пороховых заводов не было. Можно лишь отметить некоторую скученность заводов пороховой промышленности в районе Ленинграда. Но при чем тут западная граница? Характерный пример: пороховой завод №100 был освобожден уже 17 декабря 1941 (!!!) года. Где проходила линия фронта в декабре 1941-го, мы знаем — на подступах к Москве.

Теперь о том, что эти самые пороха должны были метать, и о других боеприпасах. Цитата из В. Суворова («День М»): **«С августа по ноябрь 1941 года германские войска захватили 303 советских пороховых, патронных, снарядных заводов, которые имели годовую производительность 101 миллион снарядных корпусов, 32 миллиона корпусов артиллерийских мин, 24 миллиона корпусов авиабомб, 61 миллион снарядных гильз, 30 миллионов ручных гранат, 93 600 тонн порохов, 3600 тонн тротила. Это составляло 85 процентов всех мощностей Наркомата боеприпасов. (Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: 1947. С. 42.)** Вдобавок ко всему, на снарядных заводах были сосредоточены мобилизационные запасы ценнейшего сырья: ситца, латуни, легированной стали. Все это досталось Германии и было использовано против Красной Армии». (Выделено в оригинале. — А.И.). Читатель в первую очередь обратит внимание на впечатляющие цифры, а вот словечко «захватили» незаметно проскользнет в подсознание. Хотя в оригинале написано не «захватили», а «выбыли из строя вследствие оккупации или эвакуации из прифронтовых районов». В число тех предприятий, которые Владимир Богданович числит в захваченных немцами, попадают заводы, на территорию которых никогда не ступала нога немецкого солдата. Например, московский завод № 70 им. Владимира Ильича, производивший 76-мм бронебойные снаряды. Или два московских завода по производству гильз для 76-мм и 85-мм выстрелов, которые были эвакуированы на восток в октябре 1941 года. То же самое относится и к ленинградским заводам, решение об эвакуации которых было принято уже 1 июля 1941-го. Например, старейший капсюльный завод страны в Ленинграде, эвакуация которого началась 8 июля 1941-го. Были и заводы, до подступов к которым война не докатилась, они лишь оказались в опасной близости к фронту, попадали в радиус действия авиации противника. К таковым относится, например, ярославский завод № 62, выпускавший авиационные снаряды. Первый эшелон с оборудованием этого завода выехал из Ярославля в Челябинск 21 октября 1941 года. Последний эшелон убыл из Ярославля в конце ноября 1941 года. В продолжение дискуссии о месте строительства оборонных заводов город Ярославль трудно назвать приближенным к границе и завод № 62 — построенным во имя завоевания Европы. Есть и более занимательные примеры. Например, пороховой завод № 204, который был частично эвакуирован на Урал, но не только не был захвачен, а продолжал производство пороха по 300–400 тонн в месяц.

Или возьмем такой элемент системы снабжения армии боеприпасами, как снаряжательно-сборочные базы. По данным генерал-полковника И.И. Волкотрубенко, из 9 снаряжательно-сборочных баз 7 дислоцировались на территории Московского, Харьковского и Орловского военных округов. Тоже трудно назвать излишне приближенными к государственным границам. Тем не менее из этих баз было потеряно 6.

Незаметно внедрив в голову читателя словечко «захватили», не соответствующее истинному положению вещей, В. Суворов строит на этом хлипком фундаменте целую теорию («День М»):

«Но предвоенный потенциал Сталина был столь огромен, что он сумел построить в ходе войны новую промышленность боеприпасов за Волгой, на Урале, в Сибири и произвести все то, что обрушилось потом на германскую армию. Гитлер нанес Сталину внезапный удар, и Сталин отбивался, опираясь на 15 процентов мощностей Наркомата боеприпасов. Результаты войны известны. Постараемся представить себе, что могло случиться, если бы Гитлер промедлил с ударом и сам попал под сокрушительный сталинский удар. В этом случае Сталин использовал бы в войне не 15 процентов мощностей Наркомата боеприпасов, а все 100. Каким бы тогда был исход Второй мировой войны?»

Дело в том, что 15% мощностей наркомата боеприпасов не подверглись эвакуации. 85% в массе своей также не были потеряны безвозвратно, а не работали, поскольку находились «на колесах», двигаясь на Восток и восстанавливая производство. Наиболее полно удалось эвакуировать заводы по производству корпусов снарядов, гильз, взрывателей, авиавыстрелов, расположенные в Москве и Московской области, Ростове, Таганроге, Днепропетровске, Туле, Ленинграде и ряде других городов. По мере налаживания производства на новом месте баланс между 85% неработающих и 15% работающих предприятий начал меняться в сторону увеличения доли заводов, вернувшихся в строй, восстановивших прежние объемы производства. Уже к концу декабря были восстановлены мощности по производству капсюльных втулок, взрывателей, дистанционных трубок. Ярославский завод авиабоеприпасов № 62, судьбу которого мы обсуждали выше, стал давать столько боеприпасов, сколько просили, в мае 1942-го. В конце 1941-го был реэвакуирован пороховой завод № 204, оборудование было возвращено на свои места, и в июле 1942 года завод восстановил свои довоенные производственные мощности. В январе — феврале 1942 года был реэвакуирован пороховой завод № 14. Налаживалось производство боеприпасов и в эвакуации. Строящийся завод № 577 получил оборудование, эвакуированное с практически единственного в СССР завода баллистических порохов № 59. Полный цикл производства был налажен к январю 1943-го, на полную мощность завод заработал к концу 1943-го.

Одним словом, тезис о том, что с 15% мощности промышленности боеприпасов мы дошли до Берлина, скажем так, несколько притянут за уши. Обратимся к конкретным цифрам по тем же порохам, вопрос о заводах по производству которых Владимир Богданович вынес в название главы. Довоенная мощность

пороховых заводов составляла 160,5 тыс. тонн пироксилинового пороха в год. Реально было произведено пироксилинового пороха в 1942 году 54,6 тыс. тонн, в 1943 г. — 79,8 тыс. тонн и в 1944 г. — 80,1 тыс. тонн. Это если считать в лоб, то получается не 15%, а 50% довоенной мощности заводов к концу войны. Если же считать не в лоб, а вспомнить о том, что в годы войны возросла доля баллиститного нитроглицеринового пороха с 7% общего объема производства до 30%, то картина получается еще более красочной. До войны производилось порядка 7 тыс. тонн баллиститного пороха в год, а в войну динамика производства этого вида пороха резко возросла. В 1942 году было произведено 13 тыс. тонн, в 1943 г. — 32,9 тыс. тонн и в 1944 г. 46,7 тыс. тонн. Нетрудно подсчитать, что при таком раскладе мощность пороховых заводов в 1944 г. составляла 75% довоенной. Но и это еще не все. Суворов забыл о ленд-лизе. В 1944 году доля импортных порохов в общем объеме отгрузки фронту составляла 28,9%. То есть объемы производства порохов в 1944 году ПРЕВОСХОДИЛИ довоенные мощности. А В. Суворов нам про 15% рассказывает.

Это если рассматривать положение в самой проблемной области, в области производства порохов. Если взять в качестве примера производство снарядов, то их выпуск неуклонно возрастал и в 1944 году в четыре раза превосходил довоенные мощности. Выпуск 45-мм выстрелов в 1943-м превосходил выпуск 1940 г. в 3,7 раза, объем выпуска 37-мм зенитных выстрелов превышал объемы их производства в 1940-м в десять раз. Производство 82-мм мин в 1944 г. превосходило их выпуск в 1940-м в восемь раз, выпуск 120-мм мин в 1944 г. превосходил выпуск 1940 года в СЕМЬДЕСЯТ раз. Чудес на свете не бывает, нереально достигать успехов, которые наши войска добились в 1944 г., при объемах выпуска зимы 1941–1942 гг., когда каждый снаряд был на счету.

ГЛАВА 9.

ТЕХНИКА НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

Значительную часть книг В. Суворова составляют пространные рассказы о весе танков, длине их пушек и особенностях классификации танков и самолетов. Как правило, напрямую они на «главную мысль» не завязаны и скорее решают задачу демонстрации читателям эрудиции автора и мягко подталкивают к нужным автору выводам. Одновременно В. Суворов старается расположить к себе читателя положительной оценкой отечественной военной техники. Дискутирующие с идеями Владимира Богдановича сразу ставятся в невыгодное положение, они изначально вынуждены парировать обвинения в непатриотичности, говоря горькие, но порой необходимые слова. Я не ставлю себе задачу на нескольких страницах рассказать историю боевой техники времен войны. Для этого не хватит и нескольких толстых книг. Я лишь постараюсь развеять миф о всезнающем эрудите В. Суворове, который и в рассказах о технике предпочитает подтасовку фактов описанию действительного положения дел.

МЕТРОЛОГИЯ СТВОЛОВ

Начнем плясать от той же печки, что и Суворов. То есть от тяжелых танков. На потенциального сторонника его теории В. Суворов обрушивает массу грубой лести отечественному танкостроению:

«ВО ВСЕМ ОСТАЛЬНОМ МИРЕ НИЧЕГО РАВНОГО ТАНКУ Т-35 В ТОТ МОМЕНТ НЕ БЫЛО».

Большие буковки не мои, а Владимира Богдановича. Было. Это 65-тонный французский танк 2С, модификация 2С bis которого достигла веса 74 тонны.

Построено их было 10 штук. Танк был вооружен 75-мм длинноствольной пушкой и четырьмя 8-мм пулеметами. Один из экземпляров этого монстра вооружался 155-мм гаубицей. Бронирование было для тех лет достаточно внушительным: 55-мм лоб корпуса и башня, 44-мм борта и корма, 23-мм крыша. Силовая установка состояла из двух 250-сильных двигателей «Майбах», взятых Францией у Германии по репарации. 2С были первыми в мире танками с электромеханической трансмиссией, двигатели вращали генераторы электрического тока, питавшие электродвигатели. В конце 1939 г. — начале 1940 г. часть танков 2С получила дополнительную броневую защиту. Например, на танке 2С № 97 «Нормандия» толщина лобовой брони достигла 90 мм, бортов 50–65 мм. Масса машины при этом составила 75 тонн. Однако судьба французских монстров оказалась печальной, большинство из них было уничтожено собственными экипажами, так как их просто не смогли выгрузить с железнодорожных платформ около деревеньки Мез 16 июня 1940 года. Станционное оборудование не было предназначено для погрузки и выгрузки таких больших грузов.

Не знаю у кого как, но меня при чтении написанного Суворовым про Т-35 не оставляло чувство дежавю. Он пишет не про Т-35, а про 2С. На Т-35 никогда не было брони 80 мм. Максимальная толщина брони, примененная на Т-35, была 70-

мм, и такую броню имели только лобовые листы корпуса, остальная броня не превышала 25 мм. Изготовлено таких танков было 6 штук в 1939 году. 6 штук из общего числа 61 машин, произведенных в 1932–1939 гг. Остальные 55 имели броню не более 30 мм. Рассказы Владимира Богдановича про модернизацию 1938 года с увеличением толщины брони до 50-мм в 1938 году — это досужие вымыслы. Судьба шести Т-35 с 70-мм броней в 1941-м в чем-то схожа с судьбой французских 2С. Один из Т-35 с коническими башнями находился в ремонте на ст. Судова Вишня и остался немцам. Пять других в ходе маршей 8-го механизированного корпуса 22–25 июня 1941 г. были брошены и уничтожены экипажами из-за технических поломок. Проблема в том, что войны не выигрываются миллиметрами брони и калибра. Не выигрываются они и поединками толп танков в чистом поле. В войне сражаются организационные структуры. Именно этот момент обычно упускают при сравнении танковых сил Германии и СССР в 1941-м. А монстры сравнивать бесполезно. Основную нагрузку боев выносят рабочие лошадки войны, наиболее массовые танки. Судьба гигантов и диких зверей обычно не соответствует их технической уникальности. Наличие одной, двух, десяти, пятидесяти экзотических машин не определяет возможности армии, воюющей на фронте в сотни километров.

ПРО РЖАВЫЙ ПИСТОЛЕТ

Рассказ о реальной ситуации с боевой техникой и вооружением РККА Владимир Богданович пытается отбросить элегантным движением ручки:

«Так ведет себя преступник на суде, он рассказывает о том, что у него, во-первых, топора вовсе не было, во-вторых, топор был совершенно тупым, пистолет был ржавым и без патронов, а сам он пользоваться автоматом не научен, злого умысла иметь не мог по причине слабоумия».

Если в качестве преступления предполагается планирование нехороших действий, то наличие или отсутствие ржавого пистолета не является доказательством подобного плана. Грабить можно и с помощью деревянного макета пистолета. Тем более это не могло мешать строить планы разбойных нападений. Владимир Богданович отрицает, судя по всему сознательно, одну из причин неуспехов советских войск летом 1941 г. Пусть не самую главную, но вполне имеющую право на существование. Если постулировать тезис о непобедимой и легендарной РККА, вооруженной чудо-оружием, то объяснение поражений «поворотом избушки к лесу передом», то есть «освободительными» планами, неполной разборкой танков вполне может сойти за правду. Если же обратиться к суровой реальности, то проблемы с техникой и тактикой вполне уверенно ложатся в картину гибели дивизий и корпусов под ударами немцев. Например, от проблемы недостаточного количества моточасов танков приграничных мехкорпусов отмахиваться просто нелепо. Владимир Богданович пробует поставить под сомнение этот аспект начального периода войны, но делает это весьма своеобразно. Вместо того чтобы узнать, что такое моточасы, В. Суворов пускается в рассуждения с изысками в области арифметики. Цитирую («Последняя республика»):

«А теперь мили (или, если угодно, километры) переведем в часы. Средняя скорость «Чифтена» — 25 миль/час (максимальная — 30). Разделим ресурс 3000 миль на среднюю скорость и получим ресурс в часах — 120 часов. Именно столько имел каждый новенький «Чифтен», вышедший с завода, — 120 часов активной жизни. Если танк гонять с максимальной скоростью, то его ресурс сократится до ста часов».

Моточасами считается все время работы двигателя, даже когда танк стоит на месте, а его двигатель работает. Они расходовались даже когда советские танки ехали на ж.-д. платформах к Карельскому перешейку зимой 1940 г. с работающими двигателями. Моточасы не зависят от скорости движения, только от времени работы двигателя. Уже в 40-х ресурс двигателей танков превысил 120 часов, например, у танка Шерман моторесурс дизельных двигателей составлял 280–320 моточасов. Если говорить о современных танках, то дизельный двигатель В-46 имеет моторесурс 500 моточасов, В-55–300 моточасов. И если цифры по советским танкам до недавнего времени не были доступны широкой публике, то в «открытом источнике» в лице «Зарубежного военного обозрения» можно было узнать, что: «Ресурс работы АГТ-1500 до капитального ремонта составляет примерно 1800 ч. (пробег танка около 19 тыс. км), что в 2–3 раза больше соответствующего показателя дизеля» (ЗВО, 1984, № 8. С. 40). Тема моторесурса активно дискутировалась в конце 70-х, — начале 80-х в связи с принятием на вооружение танков с газотурбинными двигателями. За счет меньшего количества трущихся деталей они имели больший ресурс, чем дизели, несмотря на сравнительно высокую стоимость (газотурбинный двигатель танка Т-80 стоил в 10 раз больше, чем дизельный двигатель танка Т-72). Но речь шла о сотнях моточасов, а не о десятках, как это утверждает Владимир Богданович. И не знать о порядке цифр ресурса двигателей современных танков В. Суворову просто стыдно. Что же было в 1941 г.? Многие из мехкорпусов были сформированы из танковых бригад, которые в 1939 г. отмотали сотни километров по дорогам Польши. Соответственно «танки Т-28 имели запас хода в среднем до 75 моточасов. Танки БТ-7 имели запас хода от 40 до 100 моточасов, и лишь только на 30 машинах были поставлены новые двигатели». (Цитата из доклада командира 10-й танковой дивизии 15-го механизированного корпуса, ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 3780сс. Д. 6. Л. 196–218.) Никто не собирается объявлять недостаточное количество моточасов главной причиной поражения мехкорпусов, например, Т-26 10-й танковой дивизии были в хорошем техническом состоянии, но проблема была. И столбец «отработали моточасы» в списке выбывших из строя танков дивизий советских механизированных корпусов присутствует. Расходование моторесурса в Польше и Финляндии — это факторы субъективные, для полноты картины необходимо рассказать и о штатных значениях моторесурса советских танков. Моторесурс Т-26 для танков выпуска до 1936 года составлял 180 моточасов, для танков более позднего выпуска — 250 моточасов. Фактически танки выпуска 1938 года и позднее имели не увеличенный, а значительно сниженный моторесурс по двигателю из-за перегруза машины. Двигатель М-17 танка БТ в 1936 году достиг 250 часов ресурса. Новые же машины, Т-34 и КВ, были далеки от идеала. Проблема в том, что в 1941 г. дизельный В-2 новых танков был еще несовершенен. В 1941 году паспортный ресурс всех В-2 не превышал 100 моточасов на стенде и в

среднем 45–70 часов в танке. Все это вполне однозначно объясняет плохие маршевые возможности механизированных частей и соединений в 1941 г.

ВОЛКИ И АГНЦЫ

И совсем не любит Владимир Богданович смотреть по сторонам, сравнивая свои тезисы с реальностью. Хотя казалось бы, чего проще: сравнить танковые, самолетные парки разных стран и указать пальчиком — вот этот набор конструкций явно агрессивного толка, а вот эта страна вооружена техникой, которая предполагает белого и пушистого владельца, не помышляющего о покушении на чужую территорию. Наиболее показательна в этом плане теория «самолета-шакала». Цитирую «День М»:

«Итак, каким же рисовался Сталину идеальный боевой самолет, на разработку которого он отвлекает своих лучших конструкторов, как создателей бомбардировщиков, так и создателей истребителей? Сам Сталин объяснил свое требование в трех словах — самолет чистого неба. Если это не до конца ясно, я объясню в двух словах — крылатый шакал».

Далее приводится пример образцово-показательного самолета чистого неба:

«По виду, размерам, летным характеристикам «Никадзима» Б-5Н больше похож на истребитель, чем на бомбардировщик. Это даст ему возможность проноситься над целью так низко, что с кораблей и с земли видны лица пилотов, так низко, что промах при сбросе смертоносного груза практически исключен.

«Никадзима» Б-5Н — низконесущий моноплан, двигатель один — радиальный, двухрядный, с воздушным охлаждением. [...] Бомбовая нагрузка самолета — меньше тонны, но каждый удар — в упор. Оборонительное вооружение самолета Б-5Н относительно слабое — один-два пулемета для защиты задней полусферы. Оборонительного вооружения на ударных самолетах много не надо по той же причине, по которой не требуется сильного истребительного прикрытия: американские самолеты не имеют времени и возможности подняться в небо и отразить японское нападение, Б-5Н — самолет чистого неба, в котором самолетов противника или очень мало, или совсем нет».

Найти подходящий под такое определение самолет в других странах, причем в странах, которые язык не повернется назвать агрессорами, можно легко и непринужденно. Например, Польша, имевшая на вооружении легкий бомбардировщик «Карась», подходивший под все предложенные параметры.

Не менее легко и непринужденно найдется подходящий под определение «самолета-шакала» самолет и в ВВС Великобритании. Это легкий бомбардировщик «Фейри Бэттл», прототип которого впервые поднялся в воздух в 1936 году. Экипаж «Бэттла» состоял как раз из трех человек: летчика, бомбардира

и стрелка. Двигатель, правда, был не радиальный, а рядный, знаменитый Мерлин.

Но этот факт ни о чем не говорит, конкурс «Иванов» предусматривал создание самолета под V-образный двигатель М-34ФРН, в силу наличия в СССР больших мощностей по производству этого двигателя. Звездообразный двигатель был инициативой П.О. Сухого. Да и вариант Су-2 с рядным мотором в природе существовал — ББ-3. Под остальные тезисы «Бэттл» вполне подходит: экипаж из трех человек, тысяча фунтов бомб (454 кг), у Су-2—400–500 кг в зависимости от серии выпуска. Замечательно подходящий под определение «самолет-шакал» самолет обнаруживается в ВВС США, это Нортроп А-17, составлявший в конце 30-х ядро ударной авиации USAAF. А-17 с позиций Владимира Богдановича идеологически правильный, если не сказать образцовый, «самолет чистого неба»: звездообразный двигатель воздушного охлаждения, экипаж из двух человек, четыре пулемета винтовочного калибра в крыле и один на турели, 600 кг бомб. Причем американским «шакалом» заинтересовались такие исконно агрессивные государства, как Аргентина и Перу.

Ларчик открывается просто. Наличие самолета, подходящего под суворовское определение «шакала», равным счетом ничего не означает. Даже если отвлечься от факта, что любое оружие может быть и оборонительным, и наступательным. В 30-е годы все увлекались легкими одномоторными бомбардировщиками. У нас за образец при проектировании «Иванова» приняли американский Валти V-11 и оглядывались на немецкий «Хейнкель-70». При сопоставлении теории В. Суворова с реальностью складывается несколько забавная ситуация — в качестве прототипа советского «шакала» выступал американский многоцелевой самолет, хотя США в агрессивных планах на тот момент было заподозрить сложно. Однако дела обстояли именно так. А.Н. Туполев съездил в США в составе делегации ГУАП НКТП, и впечатление от увиденного в Америке оказалось настолько велико, что было принято решение о закупке лицензии на производство Vultee V-11GB с звездообразным мотором Wright GR-1820G2 Cyclone. Практической реализацией проекта занимался Н.М. Харламов, контракт был подписан 7 сентября 1936 года. Предполагалось запустить американский многоцелевой самолет в большую серию на московском авиазаводе № 1, одном из лучших авиазаводов СССР. Не правда ли, БШ-1, он же Vultee V-11GB, вполне укладывается в определение «шакала»? Таких «шакалов» только в США было спроектировано несколько штук, помимо Валти V-11 были еще Нортроп А-17, Кертисс А-18.

Обо всех этих самолетах и общих для всех стран проблемах с ними Владимир Богданович сообщить доверчивому читателю не потрудился. Он предпочел использовать двусмысленную фразу из справочника В.Б. Шаврова, аккуратно выдрвав ее из контекста:

«Авиаконструктор В.Б. Шавров написал самую полную и, на мой взгляд, объективную историю развития советской авиации. Все остальные авиаконструкторы — его соперники, и потому Шавров не скупился на критику. Но создателей Су-2 он не ругает: «Хотя от Су-2 было взято все возможное и его авторов не в чем было упрекнуть, самолет соответствовал реально возникшим

требованиям лишь до войны» (История конструкций самолетов в СССР. 1938–1950. С. 50). Другими словами, все было хорошо, к создателям самолета невозможно придраться, до 21 июня 1941 года Су-2 соответствовал требованиям, а на рассвете 22 июня соответствовать требованиям перестал».

Я бы не сказал, что книга Шаврова дышит злобой к другим конструкторам. Обычный справочник со всеми советскими фобиями и предрассудками. Но дело не в этом. Текст В.Б. Шаврова оборван на полдороге. Полностью тезис о соответствии звучит так: «Однако, хотя от Су-2 было взято все возможное и его авторов не в чем было упрекнуть, самолет соответствовал реально возникавшим требованиям лишь до войны. Во время войн быстро выяснилось, что такой тип разведчика и ближнего бомбардировщика уже изжил себя, принципиально устарел и стал не нужен. Его функции повсеместно и прочно перешли к двухмоторным скоростным самолетам типа Пе-2 и Ту-2, имевшим скорость около 550 км/ч». Шавров все прекрасно объяснил. Дело было не в каких-то особых агрессивных качествах Су-2, а в том, что «Иванов» был одномоторным.

Практика показала, что в рамках одномоторной машины было затруднительно сочетать скорость, бомбовую нагрузку и приличные оборонительные возможности. Даже такой замечательный двигатель, как Ролс-Ройс Мерлин, прославивший истребитель «Спитфайр», а позднее устанавливавшийся на американских истребителях Р-51 «Мустанг», не поднял ТТХ одномоторного бомбардировщика «Фейри Бэттл» до приемлемых по меркам Второй мировой значений. «Фейри Бэттл» тоже «соответствовал требованиям» только до войны. При этом и к конструкторам английского легкого бомбардировщика нельзя придраться. Несмотря на все усилия конструкторов «Фейри» по облегчению планера и улучшению аэродинамики, боевое применение их детища ждал провал. Решение лежало в совершенно другой плоскости — в увеличении числа моторов. В СССР изначально был двухмоторный СБ, позднее смененный Пе-2. Остальные страны, увлекшись на короткое время «шакалами», стали переходить на двухмоторные машины. В марте 1938 года Воздушный корпус США выпустил циркуляр номер 38–385 на проектирование двухмоторного ударного самолета, способного нести 600 кг бомб с максимальной скоростью свыше 320 км/ч. В соревновании участвовали проекты фирм «Дуглас», «Мартин», «Белл», «Норт Амэрикен» и «Боинг-Стирмен». Победителем стал самолет ВД-7 фирмы «Дуглас». Так американский «шакал» А-17 был заменен двухмоторным легким бомбардировщиком «Дуглас А-20 Бостон», значительная часть выпуска которого поступила в СССР. Соперники машины Дугласа по конкурсу на замену «шакала» также не канули в небытие. «Мартин 167» стал основой для самолета «Мартин Мерилэнд», использовавшегося англичанами. Ему на смену пришел «Мартин Балтимор». NA-40 фирмы «Норт Амэрикен» стал прототипом для Б-25. В Англии «Бэттлы» сменили на двухмоторные «Бленхеймы». В. Суворов почему-то игнорирует тот факт, что в СССР нишу легкого бомбардировщика помимо Су-2 занимали СБ и Пе-2. Причем выпускались они параллельно, и СБ занимал мощности завода № 22, одного из лучших в СССР. Одномоторный бомбардировщик был данью видовому разнообразию, не будем забывать, что предполагалось использовать его в качестве разведчика. Практика войны показала, что одномоторным самолетам не выжить в небе, насыщенном

скоростными истребителями. Только палубы авианосцев стали последним прибежищем одномоторных «самолетов-шакалов», все палубные ударные самолеты Японии и США выполнялись в одномоторном варианте.

Создание легкого одномоторного бомбардировщика было общей тенденцией середины 30-х годов. Наличие или, напротив, отсутствие такой машины в ВВС данной конкретной страны говорит только о следовании мировой моде на самолеты этого типа. Ничего больше. Неудач советских самолетов этого класса полностью повторяет неудач «Бэттлов» и «Карасей» и не имеет никакого отношения к агрессивности или миролюбию.

Читатель спросит: «А почему именно такой самолет получил имя «Иванов»?» Во-первых, можно сразу отбросить историю с телеграфным псевдонимом Сталина. Псевдонимом «Иванов» Сталин пользовался наряду с другими. Согласно документам Ставки ВГК, условной фамилией «Иванов» он подписывал документы примерно год: с мая 1943 по май 1944 гг. Более убедительной выглядит версия о том, что собирались построить этих самолетов столько же, сколько в нашей стране людей с фамилией Иванов. Почему именно такой самолет планировался для масштабной серии? Ответ можно найти, например, в полевом уставе. Цитирую:

«Главнейшая задача авиации заключается в содействии успеху наземных войск в бою и операции. Содействуя войскам и обеспечивая их от нападений воздушного противника, авиация поражает и уничтожает боевые порядки и огневые средства противника — на поле боя; резервы, штабы, транспорт и склады — в тылу; авиацию противника — в воздушном бою и на аэродромах» (Полевой устав РККА (ПУ-39), М.: Воениздат, 1939. С. 23).

Достаточно приглядеться к реальной ситуации, чтобы понять, что постройка в СССР типичного легкого одномоторного бомбардировщика 30-х никак не свидетельствует в пользу теории об агрессивных планах СССР. Такие машины строились серийно во многих странах. И во всех странах они после горьких уроков войны сошли на нет. Могут сказать больше. Владимир Богданович усматривает в создании Су-2 злой умысел, предполагает знание нашими авиаконструкторами и руководителями ВВС слабых сторон «Иванова» и сознательное игнорирование этих недостатков в расчете на «чистое небо». На какое небо рассчитывали создатели «Фейри Бэттла», Нортроп А-17 или польского «Карася», остается загадкой.

ГЛАВА 10.

По Королевскому каналу к мировой революции

«6-я армия очень медленно продвигается к Киеву.[...] Оказывают противодействие и мониторы противника»

Ф. Гальдер. Военный дневник. Запись от 8 августа 1941 г.

Владимир Богданович слабо знает историю любого события, и Днепровско-Бугский канал лишний тому пример. Цитирую:

«Немедленно после «освобождения» Западной Белоруссии, от города Пинска к Кобрину Красная армия принялась рыть канал длиной в 127 км. [...] Канал соединил бассейн реки Днепр с бассейном реки Буг. Зачем? Торговать с Германией? Но торговля шла Балтийским морем и железными дорогами. Торговые корабли большой грузоподъемности разойтись в канале не могли».

На самом деле история канала восходит к XVIII веку. В 1775 году по указанию короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского на Пинщине был прорыт Королевский (в польской транскрипции Крулевский) канал, соединивший Пину с Муховцем и связавший Пинск (реками Буг и Висла) с Балтикой. Поскольку использована была каторжная работа крепостных крестьян, все земляные работы проводились вручную, канал имел незначительную ширину и примитивность сооружений, а поэтому была возможность продвижения малых судов, и только в половодье. В летнее время суда приходилось тащить волоком. Так что с погубленными при строительстве канала жизнями Владимир Богданович промахнулся лет на 150.

Строительство канала заняло 10 лет. В 1784 году по Августовскому водному пути в Варшаву добрался караван из Пинска, в количестве 10 судов с медом, воском, грибами, копченой рыбой. По этому поводу была даже выпущена памятная медаль. Но последующие войны и разделы Польши буквально похоронили канал. Почти через 100 лет его вернули к жизни, и по своим техническим характеристикам он был одним из самых совершенных в Европе. Экономическое значение канала на самом деле вполне очевидно. Через Буг (Брест) эта артерия «выводит» восточноевропейские грузы, причем по кратчайшему направлению, на польскую водно-транзитную систему и в Балтику (Буг — Висла; Висла — Нотец — Одер) и далее — по системе среднегерманских каналов Одер — Шпрее — Эльба — Везер — Рейн в северо-западную Атлантику.

В советское время история Крулевского канала продолжилась. Этот маршрут стал одним из основных торговых путей между Польшей и СССР. Уже в 1940 году канал реконструировали, доведя его габариты до уровня, приемлемого для судов смешанного плавания («река — море»). В годы Великой Отечественной канал был разрушен до основания, но уже через неделю после освобождения прилегающего района был восстановлен «Днепробугстроем», который через два года фактически заново отстроил Днепровско-Бугский канал. Иными словами, этот путь был всегда нужен любым политическим режимам и государственным новообразованиям в регионе. В советские годы грузооборот по этой артерии

достигал 1,8 миллиона тонн, в том числе экспортно-импортный — до 900 тысяч тонн. В наши дни, согласно недавно принятой белорусским правительством Программе развития речных и морских перевозок до 2010 года, Днепро-Бугский канал объявлен составной частью трансевропейского водного пути Днепр — Висла — Одер, создание которого поддерживают Евросоюз. См.: «Экономика и время» № 27 (364). Это к вопросу об экономическом значении канала.

Традиционно рассказ об агрессивных планах начинается с «идеологически правильной» оборонительной стратегии первой половины 30-х годов:

«Среди многих оборонительных систем Советского Союза была Днепро-Бугская военная флотилия. Великая река Днепр закрывает путь агрессорам с запада в глубь советской территории». [...]

«Для того чтобы не допустить форсирования и наведения временных переправ, на Днепре в начале 30-х годов была создана Днепро-Бугская военная флотилия, которая к началу Второй мировой войны насчитывала 120 боевых кораблей и катеров, включая восемь мощных мониторов, каждый водоизмещением до двух тысяч тонн, с броней более 100 мм и пушками калибра 152 мм. Кроме того, Днепро-Бугская флотилия имела свою собственную авиацию, береговые и зенитные батареи».

Стоп! Какие две тысячи тонн? Какие 152-мм орудия? Какая броня 100 мм? Это Владимир Богданович перенес в Днепро-Бугскую флотилию амурские мониторы типа «Шторм» с Дальнего Востока, причем дореволюционной постройки. Да еще и увеличив им водоизмещение вдвое.

Для Днепро-Бугской флотилии строились совсем другие корабли, без 152-мм орудий и намного меньшим водоизмещением. Первым был речной монитор «Ударный». Спущен на воду в 1931 году, вступил в строй флота в 1934 году. Водоизмещение 385 т, раз в пять меньше заявленной В. Суворовым цифры в 2000 т. Мощность дизелей 1600 л. с., скорость хода 11,6 узла. Длина наибольшая 53,6, ширина 11,1, осадка 0,82 м. Бронирование: рубка и орудийные щиты 8 мм. Проще говоря, противопульное. Вооружение: два 130-мм орудия, четыре 45-мм пушки, четыре зенитных счетверенных пулемета «максим».

Более массовой серией были построены речные мониторы типа «Железняков» с уменьшенным по сравнению с «Ударным» водоизмещением, орудиями меньшего калибра, но с усиленным бронированием. Вооружение составляли два 102-мм орудия в башне-рубке, четыре 45-мм пушки и четыре пулемета. Впоследствии вооружение было изменено: пулеметы сняты, количество 45-мм пушек уменьшено до трех, дополнительно установлено два 37-мм зенитных автомата. Всего построено шесть единиц: «Железняков», «Жемчужин», «Левачев», «Мартынов», «Флягин» и «Ростовцев».

Принципиального влияние на выводы разведчика-аналитика водоизмещение мониторов не оказывало:

«Днепровская флотилия могла использоваться только на территории Советского Союза и только в оборонительной войне. Понятно, что Сталину такая флотилия не нужна. Вместо одной оборонительной флотилии Сталин создает две новые флотилии: Дунайскую и Пинскую. Были ли они оборонительные?»

Казалось бы, все кристально ясно, собрались завоевывать Европу, оборонительную флотилию ликвидировали (хорошо еще не взорвали) и создали две наступательные.

Первой по списку идет Дунайская флотилия, с нее и начнем. Владимир Богданович пишет:

«Дунайская военная флотилия включала в свой состав около семидесяти боевых речных кораблей и катеров, подразделения истребительной авиации, зенитной и береговой артиллерии. [...]. В случае оборонительной войны вся Дунайская флотилия с первого момента войны попадала в ловушку: отходить из дельты Дуная некуда — позади Черное море. Маневрировать флотилии негде. В случае нападения противник мог просто из пулеметов обстреливать советские корабли, не давая им возможности поднять якоря и отдать швартовы».

Если мы откроем «Военно-морской словарь», Москва, Военное издательство, 1990 г., то можно прочесть следующее: «Дунайская флотилия: сформирована в июне 1940 года в составе: дивизиона мониторов — 5 ед., дивизиона бронекатеров — 22 ед., отряда катеров-тральщиков — 7 ед., дивизиона сторожевых катеров — до 30 ед., отряда полуглиссеров — 6 ед., авиаэскадрильи, отдельного зенитного артиллерийского дивизиона, 6 батарей береговой артиллерии, стрелковой и пулеметной рот. Входила в состав ЧФ, главная база — Измаил. С началом ВОВ вела боевые действия на реках Дунай, Южный Буг, Днепр, у берегов Керченского пролива во взаимодействии с войсками Южного фронта. В ноябре ДФ расформирована, а ее корабли вошли в состав Азовской флотилии и Керченской ВМБ. Вновь сформирована в апреле 1944. Взаимодействуя с войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, участвовала в Ясско-Кишиневской, Белградской, Будапештской и Венской операциях». То есть проблем с отходом из дельты Дуная у флотилии не возникло. Корабли благополучно перешли морем для действий на Днепре. В сентябре, когда пал Киев и советские войска были отброшены за Днепр, флотилия прорвалась в Севастополь, а в октябре перебазировалась в Керчь. Не по воздуху, а естественным путем, по морю. Показателен в этом плане боевой путь монитора «Железняков». В 1941 г. — оборона устья Дуная, Николаева, Очакова, Керчи, Ростова-на-Дону, Азова, устья Кубани, Ахтанизовского лимана и Темрюка. Осенью 1941 г. переведен в состав Азовской военной флотилии, в 1942 г. — Черноморского флота, в 1943 г. снова в Азовской флотилии, а с 1944 г. снова в Дунайской флотилии.

И далее о задачах флотилии:

«В оборонительной войне Дунайская военная флотилия не только не могла по характеру своего базирования решать оборонительные задачи, но оборонительных задач и не могло тут возникнуть! Дельта Дуная — это сотни озер, это непроходимые болота и камыши на сотни квадратных километров. Не будет же противник нападать на Советский Союз через дельту Дуная!»

В реальности Дунайская флотилия должна была противодействовать действиям одноименной румынской Дунайской флотилии, базировавшейся на Галаци, Браилов. В составе румынской Дунайской флотилии было 7 мониторов (23 120-мм орудия), 13 вооруженных катеров (пулеметы), 6 плавбатарей, 3 тральщика, 4 минных заградителя. Советская ДВФ имела 5 мониторов: «Ударный» (флагман, 2 130-мм орудия), «Железняков», «Мартынов», «Ростовцев», «Жемчужин» (8 102-мм орудий), 22 бронекатера, 5 тральщиков и 1 минзаг. По оценке начштаба ОдВО Захарова, румыны имеют преимущество как в количественном, так и в качественном (орудия, броня) отношениях. Обратите внимание на количество бронекатеров в Дунайской флотилии, это были корабли, на которые устанавливались башни от танка Т-28. Они могли эффективно бороться с любыми бронестрелами на воде, в том числе мониторами противника. Чтобы не быть голословными, обратимся к документам.

«Задачи Дунайской военной флотилии:

1) во взаимодействии с сухопутными войсками Р[айона] П[рикрытия] № 6 воспрепятствовать свободному плаванью каких-либо судов противника по реке Дунай; 2) не допустить форсирования пр[отивни]ком р. Дунай на участке устья р. Прут, устья Килийского рукава; 3) при проникновении пр[отивни]ка на сев[ерный] берег р. Дунай оказать содействие сухопутным войскам в уничтожении прорвавшегося пр[отивни]ка».

Так записано в плане прикрытия госграницы Одесского военного округа от 6 мая 1941 года (ВИЖ, 1996. № 4. С. 10.).

Как видим, ничего невозможного в участии флотилии в оборонительных действиях командующий Одесским военным округом генерал-полковник Черевиченко не усматривает и оборонительные задачи ей ставит. Да и по «Соображениям...» никаких других сверхзадач на второстепенном для советских войск румынском направлении не наблюдается.

Что касается Пинской флотилии, В. Суворов опять рассказывает мифы о речных монстрах:

«Пинская военная флотилия по своей мощи почти не уступала Дунайской; — в ее составе было не менее четырех огромных мониторов и два десятка других кораблей, авиационная эскадрилья, рота морской пехоты и другие подразделения. Использовать Пинскую военную флотилию в обороне нельзя:

мониторы, которые пришли сюда, были повернуты носами на запад, а развернуть каждый — целая операция».

Во-первых, польские мониторы, которые достались Красной Армии в 1939 году, пришли в Пинск по Днепровско-Бугскому каналу в 1926 году и носами повернуты были на восток. Во-вторых, никаких огромных мониторов в составе Пинской флотилии не наблюдается. Чтобы разобраться с составом и ролью Пинской флотилии, придется углубиться в ее историю. Первоначально речная флотилия в этом районе была в составе польской армии.

Сначала построенные в Польше мониторы образовали 1-й дивизион Вислянской флотилии, но так как по итогам советско-польской войны 1919–1920 гг. Польша захватила Западную Украину и Белоруссию, «Варшава» и «Мозырь» дошли до Пинска и были включены в состав польской Пинской флотилии. В 1926 году в нее же перевели из расформированной Вислянской остальные мониторы — «Пинск» и «Городище». Действия, как мы видим, абсолютно симметричные советским мероприятиям 1940 года. Советская Днепровская флотилия была выдвинута ближе к границе, стала Пинской. То же самое сделали поляки после выдвигания границы на восток. Мониторы Вислянской флотилии, то есть базировавшиеся на Висле, были перемещены ближе к границе, образовав польскую Пинскую флотилию. И создание польской Пинской флотилии, и создание советской Пинской флотилии объяснялось одними и теми же общими соображениями. В труднодоступной местности такая транспортная артерия, как судоходный канал, нуждается в контроле и дает возможность осуществлять обход противника по реке. Как это происходило в реальности в 1944-м, когда семь бронекатеров и пять катеров ПВО 12 июля 1944 г. высадили десант численностью до стрелкового полка в Пинске. Речные мониторы могли быть использованы как в оборонительных, так и в наступательных операциях. Фактически они представляли собой подвижные артиллерийские платформы.

Таковыми же «огромными», как и их гданьские собратья, были легкие мониторы, которые разрабатывались с 1919 г. Первый в этой серии монитор «Краков» вступил в строй в 1925 году; он был вооружен одной 105-мм гаубицей, двумя 76-мм зенитками и тремя пулеметами. Три монитора типа «Краков» — «Пинск», «Краков» и «Городище» — впоследствии входили в состав советской Пинской флотилии под названиями «Винница», «Житомир» и «Бобруйск». Как нетрудно догадаться, польские мониторы стали советскими в 1939 году. Когда 17 сентября 1939 г. Красная Армия вступила в Польшу, мониторы начали отходить на запад. Например, «Краков» начал отход к Пинску, куда прибыл 19.09.39 г. Днем позже отплыл вместе с группой других кораблей в направлении Днепровско-Бугского (Крулевского) канала с целью прийти в Брест. По причине завала фарватера обрушившимся мостом «Краков» был потоплен 21.09.1939 г. около Кузличина на Пине. Примерно такая же судьба постигла и другие польские мониторы. «Городище» затоплен собственным экипажем 18.09.1939 г. к востоку от Волянских мостов (73-й км Припяти). «Торунь» затоплен собственным экипажем на восток от перевоза Лачевского (тот же самый 73-й км Припяти). Из-за завала фарватера польские корабли оказались в ловушке и не смогли воспользоваться пресловутым Днепровско-Бугским каналом. Затопленные корабли были вскоре подняты

ЭПРОНом. После подъема трофеи советского флота были модернизированы. В частности, «Пинск» и «Торунь» получили новое вооружение: две 122-мм гаубицы и два 45-мм орудия — и стали называться «Витебском» и «Смоленском». В июне 1940 года на базе Днепровской флотилии была сформирована советская Пинская военная флотилия. К началу войны в составе этой флотилии насчитывалось 8 канонерских лодок, 9 сторожевых кораблей, 1 минный заградитель, 16 бронекатеров, 10 сторожевых катеров, 14 катеров-тральщиков, 20 глиссеров и полуглиссеров и сухопутные части. Боевую устойчивость этим легким силам придали 9 мониторов — 4 советской постройки («Левачев», «Флягин», «Жемчужин» и «Ростовцев», это их Владимир Богданович назвал огромными) и 5 — польской («Винница», «Витебск», «Житомир», «Смоленск» и «Бобруйск»).

Оборонительное использование речных мониторов видится Владимиру Богдановичу, прямо скажем, в фантастическом свете:

«Если корабли нужны для обороны, то их следует просто вернуть в Днепр, а на тихой лесной реке Припяти им нечего делать, и противник вряд ли полезет в эти непроходимые леса и топкие болота».

Во-первых, такой же вопрос: что мониторы забыли на Пине? — можно адресовать создавшим Пинскую флотилию полякам. Во-вторых, в случае необходимости не было непреодолимых препятствий для возврата кораблей на Днепр. Что и произошло в реальности.

11 июля 1941 г. по приказу Жукова и Кузнецова флотилия была разделена на три отряда — Березинский (в его состав наряду с легкими силами вошли мониторы «Винница», «Витебск», «Житомир» и «Смоленск»), Припятский (монитор «Бобруйск») и Днепровский (мониторы «Левачев», «Флягин», «Жемчужин» и «Ростовцев»). Первые два отряда взаимодействовали с войсками Западного, а третий — Юго-Западного фронтов. То есть никаких проблем с превращением Пинской флотилии обратно в Днепровскую не возникло. На Березине и Припяти остались только мониторы польской постройки. Фактически это означало восстановление статус-кво, мониторы экс-Днепровской флотилии заняли положенные им «чисто оборонительные» позиции на Днепре, экс-польские мониторы действовали на Березине и Припяти.

Маленькие, неказистые кораблики сыграли весомую роль в боевых действиях на рубежах Березины и Днепра. Как использовались мониторы против наступающих немцев, рисуют следующие примеры. 15 июля 1941 г. мониторы Березинского отряда «Винница», «Витебск» и «Житомир», двигаясь по реке, а также бронекатера своим мощным артиллерийским огнем поддерживали сухопутные части 2-й А, наступавшие вдоль правого берега Березины на Бобруйск. Контрудар приостановил наступление немцев, но 23 июля, подтянув подкрепления и наведя у села Паричи переправу, немецкие войска начали сосредоточивать силы для последующего наступления. Эту переправу необходимо было уничтожить, но огонь сухопутной артиллерии не достигал района переправы, а днем с воздуха ее надежно прикрывали зенитная артиллерия и авиация противника. И тогда выполнение задачи поручили морякам Березинского отряда. Операция началась

вечером 26 июля. К 22 часам корабли заняли назначенную огневую позицию, а группы сопровождения — оборону на берегах. В 22.05 две 122-мм гаубицы монитора дали по мосту первый пристрелочный залп и тут же, получив поправки от корректировщиков, перешли к стрельбе на поражение. В течение нескольких минут обрушилось несколько пролетов моста, и движение по нему прекратилось. Спустя месяц «Смоленск» получил аналогичное задание: уничтожить шоссе́нный мост через Днепр у Окунинова, который не успели взорвать отступавшие сухопутные части. По этому мосту уже начали двигаться немецкие танки 11-й танковой дивизии, накапливаясь в междуречье Днепра и Десны для дальнейшего наступления на восток. Авиация не смогла уничтожить переправу, и командование Юго-Западного фронта возложило эту задачу на Пинскую флотилию. «Хотя бы ценой всей флотилии уничтожить Окуниновскую переправу», — говорилось в приказе. И моряки выполнили его. «Смоленск» с тремя канонерскими лодками вышел к мосту и интенсивным артиллерийским огнем повредил его.

Через два дня после этой операции, 25 августа, монитор «Смоленск» и канонерка «Верный» сорвали попытку немцев организовать переправу в Сухолучье, в 10-12 км ниже Окунинова: прежде чем подросла вражеская авиация, советские корабли уничтожили артиллерийским огнем значительную часть переправочного парка. И хотя самолетам люфтваффе удалось потопить канонерку «Верный», задача была выполнена. К 30 августа немцы заняли оба берега Днепра южнее устья Припяти на протяжении 60 км. Семь кораблей Березинского и Припятского отрядов решили с боем прорываться вниз по течению. Три корабля в ходе прорыва погибли, а четыре — мониторы «Левачев» и «Флягин», канонерка «Кремль» и госпитальное судно «Каманин» — прибыли в Киев. Остальные остались в зоне переправ и до конца поддерживали отход арьергардных частей. В числе этих кораблей был и самый деятельный из бывших польских мониторов, «Смоленск». Но днепровский рубеж пришлось оставить 11 сентября 1941 года, переправив на левый берег Десны последние части Красной Армии, экипаж «Смоленска» взорвал свой корабль и отошел на восток вместе с сухопутными войсками. Возможности «чисто оборонительной» Днепровской флотилии были не бесконечны.

История с двумя флотилиями высосана Владимиром Богдановичем из пальца от начала и до конца. Флотилия речных боевых кораблей была вполне универсальным средством ведения войны. У Дунайской флотилии изначально были оборонительные задачи. В наступательной операции Пинская флотилия могла двигаться по рекам Польши и Германии. В реальных оборонительных операциях Пинская флотилия в течение двух месяцев принимала активное и на общем фоне сравнительно эффективное участие в боевых действиях. Не всякий механизированный корпус удостоился упоминания в дневнике Гальдера, хотя большинство мехкорпусов по своей огневой мощи превосходили речную флотилию. Наконец, никаких специальных каналов для агрессивных действий речных мониторов не строили, Днепровско-Бугский канал ведет свою историю от XVIII столетия. Стыдно смотреть, на каком пустом месте Владимир Богданович построил теорию с далеко идущими выводами.

ГЛАВА 11.

СКОЛЬКО «НЫРЯЮЩИХ» ТАНКОВ БЫЛО У СТАЛИНА?

Историю техники у нас обычно пишут те, кто эту технику делал или был близок к ВПК. Они вполне логично объясняют наши технические решения, пути развития отечественной техники. Хотя помимо нашего национального пути могли быть и другие решения тех же задач, решения ничем не хуже, а порой и лучше и лежащие совершенно в другой плоскости. Недостатки этого подхода, поверхностное освещение иностранного опыта эксплуатирует Владимир Богданович. Как признак силы РККА и слабости вермахта выставляется и наличие в СССР большого количества легких плавающих танков и отсутствие таких танков в других странах. Вот что написано об этом в «Последней республике»:

«И 4000 плавающих советских танков вычеркнули как старенькие. Во всем остальном мире ни одного плавающего танка нет, вот их-то наше Министерство обороны, видимо, и считает новенькими».

В «Самоубийстве» плавающим танкам посвящено очень много места, видимо, за отсутствием у Владимира Богдановича других смелых теорий в области техники. Цитирую:

«Высмеивать наш Т-37А — это примерно то же самое, что называть первый в мире советский искусственный спутник Земли легким и несовершенным... в ситуации, когда ни у кого в мире не было вообще никаких спутников».

Над Т-37А нужно не смеяться, над ним нужно плакать. Возьмем конкретные примеры применения этих танков в финской войне. 142-я стрелковая дивизия, начало декабря 1939 года. Неподавленные огневые точки финнов не дали возможности навести понтонный мост, поэтому переправившиеся подразделения оказались без снабжения. Было решено отправить на плацдарм танки Т-37, но часть из них ввиду сильного течения в протоке озера Суванто-ярви вынуждены были вернуться обратно, а те, что добрались до противоположного берега, не смогли взобраться на ледяную кромку у берега из-за слабого мотора. Это неудивительно, мощность мотора была 42 л.с. Для сравнения: современный автомобиль «Фиат Уно» имеет двигатель мощностью 45 л.с. Вооружение танка, один пулемет 7,62-мм калибра, было слабым. Броневая защита не позволяла долго находиться под огнем стрелкового оружия противника. В ходе переправы три боевые машины затонули, похоронив в ледяной воде свои экипажи. То же самое произошло, когда в 90-й стрелковой дивизии попробовали применить плавающие танки при форсировании реки Вуоксен-Вирта в начале декабря 1939 г. Для поддержки плацдарма направили роту Т-37 339-го танкового батальона, но успеха они не имели: 5 танков застряли на подводных камнях и препятствиях у самого берега, один перевернулся, а два оставшихся не смогли выбраться на противоположный берег. В результате в дальнейшем от активного использования Т-37 в бою отказались, их использовали как пулемет на гусеницах для обороны штабов, иногда для связи. Д.Г. Павлов на совещании при ЦК ВКП(б) 14-17 апреля

1940 г., посвященном разбору финской компании, говорил: «...маломощные танки Т-37 не способны ходить по мало-мальской грязи». Комбриг Пшениников, командир 142-й сд, на том же совещании также был не в восторге от плавающих танков: «...танки Т-38 и Т-37 себя не оправдали». Речь шла о применении плавающих танков собственно в стрелковой дивизии. Читатель скажет: «Так это же зимой, в Финляндии!» В теплое время года были другие проблемы. Рассмотрим мнение танковых командиров о Т-37 и Т-38 по итогам боевых действий в Польше в сентябре 1939 г. В отчете о боевых действиях танковых войск Украинского фронта, подписанном комбригом Ю.Н. Федоренко, написано: «Танки Т-37 — во время передвижения по пересеченной местности, особенно после дождя, танки Т-37 не поспевали даже за пехотой». Боевые качества плавающих танков как средства разведки командир 22-й танковой бригады Белорусского фронта И.В. Лазарев охарактеризовал так: «Танки Т-38 совершенно не отвечали возложенной на них задаче проведения разведки. На протяжении всей операции эти машины оказывались позади Т-26. На разведку приходилось отправлять исключительно Т-26, что приводило к распылению сил и снижению боеспособности бригады».

Владимир Богданович совершенно напрасно оценивает Т-37 и Т-38 по аналогии с увиденным в 60-х ПТ-76. «Поплавок» ПТ-76 был сделан на другом уровне технологии и в другую эпоху, эпоху поголовной моторизации соединений. Сегодня плавают и БМП, и БТР, и даже некоторые зенитные комплексы. В войну БТР плавали как топоры, а мотопехота часто ездила на грузовиках вместо БТРов. А основная масса пехоты передвигалась пешком и на лошадях. Плавающие танки конца 1930-х были еще «сырыми», конструкция их не была отработана. Как показывают примеры из опыта финской войны, факт наличия или отсутствия Т-37 или Т-38 в войсках не означал принципиальных изменений их возможностей по преодолению водных преград. Перевозить десант Т-38 не мог: «Малое водоизмещение не позволяло перевозить на его (Т-38. — А.И.) броне через водные препятствия даже двоих пехотинцев. Перегрузка в 120–150 кг приводила к захлестыванию набегающей волны в люки танка при выполнении каких угодно маневров на воде. Итог всегда был неизменным. Танк тонул». (М-Хобби. 1997. № 9. С. 34.) В результате реку Тайпален-Йоки и озеро Суванто-ярви в декабре 1939 г. форсировали на резиновых лодках или наводя под огнем финских пулеметов и пушек понтоны.

Дело было не в легкости или времени выпуска советских плавающих танков. Проблема была в их конструкции и реальных технических характеристиках. Боевая ценность танков Т-37 и Т-38 представляется весьма сомнительной именно из-за вышеизложенных недостатков. А Владимир Богданович традиционно ошарашивает нас сногсшибательной версией потери множества советских легких танков:

«Потому командиры легко с ними расставались: приказывали слить остатки топлива и передать его тяжелым и средним танкам. А легкие — взрывать, жечь, ломать, топить или просто бросать».

Во-первых, непонятно, каким топливом могли поделиться с тяжелыми и средними танками оснащенные автомобильными двигателями Т-37А и Т-38. Средний Т-34 и тяжелый КВ вообще были дизельными. Слить бензин в средние Т-28 и тяжелые Т-35 была возможность только у командиров трех-четырех мехкорпусов РККА. Во-вторых, остается неясным, куда должны были сливать топливо из Т-38-х перед их «сепуккой» ввиду их непригодности к оборонительным боям командиры стрелковых дивизий, в состав которых штатно входили плавающие танки. Судьба Т-38 подобна судьбе других советских танков летом 1941 г. Они погибали под огнем противотанковой обороны немцев, ломались на маршах, бросались из-за недостатка топлива.

Другие страны выставляются В. Суворовым, согласно требованиям патриотической аудиторией, сирыми и убогими:

«Выясняется, что в Германии плавающих танков нет и никогда не было. [...] А у нас плавающие танки были еще в начале 30-х годов XX века. Мы Германию в этом вопросе почти на столетие обошли. И во Франции плавающих танков не было. И в Британии (прости, Британия, не гневайся на правду) плавающих танков ни перед войной, ни в ходе не создали».

Никогда не нужно считать других идиотами. В других странах тоже размышляли над проблемой форсирования рек. И если в результате этих размышлений принимались отличные от нас решения, на это были веские причины. Плавающие танки немцам были совершенно не нужны, так как у них было перпендикулярное решение проблемы, к которому они пришли после длительных опытов и экспериментов. Проблемой форсирования водных преград танками немцы занимались еще до сброса версальских ограничений. В 20-е годы «Гросстрактор» учили плавать. Но начиная с 1936 г. немецкие конструкторы сочли, что строительство специальных дорогих плавающих танков, имеющих ограниченные боевые возможности, нецелесообразно. Была принята другая концепция преодоления водных рубежей танковыми подразделениями. Легкие танки Pz.I и Pz.II имели быстросъемные мореходные понтоны. В приложении к Pz.II понтон выглядел как лодка с вырезом для корпуса танка. Понтон надевался на танк, и гребной винт подключался к ходовой части «двойки». Средние танки Pz.III, про которые Владимир Богданович написал «обыкновенные Т-III, и плавали они не лучше паровоза», и штурмовые орудия Stug III оборудовались аппаратурой подводного вождения Z-w, позволяющей преодолевать водные преграды глубиной до 5 м с жесткой трубой-шнорхелем или 15 м с гибкой трубой-шлангом и дополнительным насосом (в 1941 г. имелось оборудованных таким образом 120 танков Pz.III, 40 танков Pz.IV и 40 Stug III), или быстросъемными комплектами wU-le, позволяющими при установке форсировать водные преграды глубиной до 2,5 м (до уровня открытого люка башни, через который производились забор воздуха и эвакуация экипажа в случае появления течи).

Комплекты wwU позволяли буксировать танк Pz.III по дну реки без наличия в нем экипажа. Комплектами wU-le, wwU были оборудованы в 1941 г. до трети всех Pz.III Ausf H и Ausf J. Это если потратить деньги на серьезные книги по немецкой

технике таких авторов, как Томас Йенц и Вальтер Шпильбергер, и ознакомиться с действительным состоянием вопроса наличия средств для преодоления водных преград. Чтобы не нести чепухи, как это с упоением делает Владимир Богданович на страницах «Самоубийства»:

«Но фокус в том, что Гальдер ничего не писал про немецкие плавающие танки. [...] Из диссертации в диссертацию наши академики пишут о немецких плавающих танках, ссылаясь на Гальдера. И уже в правительственной газете доказывают, что у Гитлера их было значительно больше, чем у Сталина, А между тем это были обыкновенные Т-III, и плавали они не лучше паровоза».

Плавать «тройки», конечно, не могли, но по дну их «ныряющие» (Tauchpanzer) модификации ходили уверенно. Про «ныряющие» танки и писал Гальдер в своем дневнике. Откроем второй том и читаем. Страница 26, запись от 1 июля, цитирую: «1. Может быть подготовлено танков-амфибий: около 100 танков Т-III и 20 танков Т-IV». На стр. 35: «д. Танки-амфибии на 1.8.40: 90 танков Т-III с 37-мм пушкой, 10 танков Т-III с 50-мм пушкой, 28 танков Т-IV. Главнокомандующий требует 180 танков-амфибий. Максимальная глубина воды, допустимая для амфибий, до сих пор 7 м (необходимо 15 м)». Насчет отсутствия упоминания плавающих танков Владимир Богданович просто солгал, написал про них Ф. Гальдер на с. 104: «52 (плавающих) танка-амфибии». Плавающие — это Schwimm Panzer II, «двойка» с возможностью установки понтона с винтами. Мало знает В. Суворов, и от этого все беды.

«22 июня 1941 года у немцев было четыре типа танков. Запомнить легко: Pz-I, Pz-II, Pz-III, Pz-IV. Оттого, что в наших пишущих машинках не было вражеских букв, мы были вынуждены называть эти танки по-нашему: Т-I, Т-II, Т-III, Т-IV. Так проще. Так прижилось. Характеристики этих танков — в любом учебнике, в любом справочнике, в любом музее. [...] Какой из этих четырех плавающий?»

Из этих четырех — никакой. Поскольку типов танков было не четыре, а гораздо больше, были еще модификации базовых образцов. «Ныряющие» модификации Pz.Kpfw.III/IV назывались U-Panzer или Tauchpanzer, например Tauchpanzer III. Плавающие «двойки» — Schwimm Panzer II. Огнемётные «двойки» назывались Flammpanzer II Flamingo/ Pz.Kpfw.II(F) (Sd.Kfz.122).

Впервые в войне с СССР «ныряющие» танки были применены при форсировании Буга в первый день войны. Об этом написал Гудериан: «В 4 часа 15 мин. началась переправа через Буг передовых частей 17-й и 18-й танковых дивизий. В 4 часа 45 мин. первые танки 18-й танковой дивизии форсировали реку. Во время форсирования были использованы машины, уже испытанные при подготовке плана «Морской лев». Тактико-технические данные этих машин позволяли им преодолевать водные рубежи глубиной до 4 м». (Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999. С. 210.)

Переход рек по дну практиковался и далее, например, при форсировании нижнего течения Днепра. Применены немецкие танки с устройствами

подводного хождения в реальном июле 1941 г. были именно так, как описывает Владимир Богданович применение плавающих танков:

«Лучше не с нашей стороны, а со стороны противника, — откуда меньше ждут. И в этой ситуации цена легким плавающим танкам круто взвинчивается. Если два, три, пять, десять таких танков ночью переплыли реку в стороне от моста и внезапным рывком с тыла захватили его, то это может решить судьбу целой операции, а то и всей войны».

3–10 июля 1941 года взвод «ныряющих» танков 3 Pz.Kpfw.III с 37-мм пушками под командованием лейтенанта Энгельгардта из 3-й танковой дивизии был применен в районе Сборово. Для удержания плацдарма взвод Энгельгардта переправился через Днепр в районе Озерище, глубина реки составляла в этом месте 3,5 м. Ситуация усугублялась болотистым берегом реки. В ходе боев за плацдарм один из танков был поврежден, и при оставлении плацдарма его пришлось взорвать. Как мы видим, даже поддержка плацдарма полновесным средним танком с противоснарядным бронированием не помогла. Но этот пример показывает, что танки с оборудованием подводного хождения могли применяться в боевых условиях по той же модели, которую В. Суворов предлагает для плавающих танков.

Немцы предпочитали не делать плавающие танки с заметно просевшими относительно обычных характеристиками, а давать обычным танкам возможность преодолевать реки, сохраняя при этом боевые характеристики линейных танков на суше. И это было осмысленной позицией, а не следствием промахов инженеров или тактиков. Не разрабатывая с середины 30-х годов своих плавающих танков, немцы получили в свое распоряжение опытные образцы чехословацкого плавающего танка F-IV-H. Чехи разрабатывали этот танк с 1937 года, но испытывали его уже немцы в 1939 г. F-IV-H имел массу 6,5 тонны, экипаж три человека, вооружение из одного пулемета. Двигатель мощностью 120 л.с. (в скобках заметим: вдвое более мощный, чем на T-38) сообщал танку скорость 45 км/ч на суше и 9 км/ч на воде. Танк, несмотря на то, что его улучшенный образец F-IV-M развил на воде скорость 11,5 км/ч, немцам не понравился, и оба опытных образца были разобраны. Не вызвали у немцев энтузиазма и доставшиеся им летом 1941 г. трофеи — советские плавающие танки Т-37А, Т-38 и Т-40. Они были испытаны в Куммерсдорфе, в том числе на воде. Но приказа о массовом использовании захваченных плавающих танков советского производства не последовало. Сумрачный немецкий гений шел своим путем, в конструкцию новых танков, серийных «Тигров» и «Пантер», изначально закладывалась возможность преодоления водных преград по дну. Нет также и данных о стихийном использовании Т-37А и Т-38 немецкими частями на фронте. Есть множество снимков Т-26, БТ, Т-34, КВ, КВ-2 с немецкими опознавательными знаками, есть один снимок Т-28 с аляповатым крестом на башне. Даже Т-60, используемый немцами в качестве тягача для 7,5 cm leIG-18 или РАК-40. Если предположить, что руководители Третьего рейха умственно отсталые, то что мешало использовать танки рядовым солдатам вермахта? Это никак не запрещалось. Пехотные дивизии вермахта часто самостоятельно использовали трофейные машины. Захватывали, использовали, пока танк был исправен и

хватало горючего, потом бросали. Но ни одного снимка плавающего чудо-оружия, используемого в немецких пехотных или танковых частях.

Если в отношении Германии В. Суворовым было продемонстрировано простое незнание предмета, то Британии, родине танков, следует гневаться на неправду. Во-первых, Англия — это еще и родина плавающих танков. В самом конце Первой мировой войны был создан плавающий танк Mk.IX, представлявший собой «ромб» с укрепленными на бортах и лобовой части цистернами, служившими поплавками. Над рубкой Mk.IX закрепили короб с воздухопроводными трубами, бортовые двери были герметизированы, движение на воде осуществлялось с помощью перематывания гусениц. Однако испытания танка были проведены в день перемирия, и дальнейшие работы были прекращены. Во-вторых, англичане пробовали повышать плавучесть обычных танков с помощью съемных понтонов. Такие понтоны существовали, например, для «Крусейдера». В-третьих, в Англии были созданы и специализированные плавающие танки. Танкетка Vickers Carden Loyd A4 выпускалась в плавающем варианте для разведки. Машина с корытообразным корпусом, поплавками из бальзы приводилась в движение на воде винтом и вооружалась одним пулеметом Виккерс. Эту амфибию образца 1931 г. можно увидеть в музее в Кубинке. Танкетка была закуплена в Англии вместе с другими образцами военной техники, в частности, обычной, неплавающей танкеткой Carden Loyd Mk.VI. Так что Владимиру Богдановичу можно вернуть совет, который он дал Анфилову с Гареевым, — посетить музей и посмотреть, какая страна была родиной слонов. История советских плавающих танков началась с закупки в 1931 году английских плавающих танкеток. Сначала по мотивам английской машины был создан плавающий танк Т-33. После изменения подвески с системы Карден-Ллойда на пружины Хорсмана и усиления бронирования в 1933 году появился Т-37.

Форма корпуса осталась практически идентичной плавающему Карден-Ллойд. Любой посетитель музея в Кубинке может увидеть похожест экспонирующегося там Т-37А и амфибийной английской танкетки. Так что «первый советский спутник» Т-37 имел незаслуженно забытого В. Суворовым английского прародителя. Амфибийные Карден-Ллоиды получили отклик и в других странах. Например, в Польше был создан плавающий танк PZInz.130, испытанный в 1936 году. Танк весом 3,92 т приводился в движение 95-сильным двигателем и вооружался одним пулеметом, который предполагалось заменить на 20-мм пушку. Вход в воду и выход из нее облегчался на польской амфибии тем, что передача вращающего момента на гусеницы не отключалась при отборе мощности на винт. От серийного производства многообещающей машины поляки отказались по финансовым соображениям. Оба опытных образца попали в 1939 г. в СССР и получили высокую оценку наших специалистов.

Тем более легкомысленным было бы считать, что США, страна, армия которой проводила масштабные десантные операции, обошлась без плавающих бронированных машин. Началась их история с публикации в журнале «Лайф» в 1937 г. Статья описывала амфибию «Аллигатор», построенную на собственные деньги сыном и внуком полковника Роблинга, автора проекта Бруклинского моста. Публикация заинтересовала руководство корпуса морской пехоты, но первоначально ВМС отнеслись к «Аллигатору» без энтузиазма, и только в октябре

1939 г. Роблингам был заказан военный вариант их амфибии. В начале 1941 г. военный вариант амфибии Роблингов прошел испытания, и в мае 1941 г. было сформировано первое амфибийное подразделение. Машины Роблингов получили официальное наименование LVT (Landing Vehicle Tracked). Впервые «Аллигаторы» были применены в бою в августе 1942 г. на Гуадалканале. Хотелось бы подчеркнуть тот факт, что амфибии Роблингов в отличие от Т-37 и Т-38 изначально предназначались для доставки десанта. Отсюда их весьма внушительные размеры. Позднее амфибии разделились на два типа, на амтраки (в буквальном переводе амфибийные грузовики) и амтанки (амфибийные танки). Последние не несли десант, а получили вооружение в виде башни от легкого танка М3 «Стюарт» с 37-мм пушкой.

Впервые амтанки были применены в феврале 1944 г. на атолле Кваджелейн. Эту историю Владимир Богданович описал так:

«Под закат войны, в 1944 году, в США появились огромного размера плавающие бронетранспортеры, некоторые из них имели башни легких танков. Это были надежные машины, они имели отменную плавучесть. Но все же это не танки, и танками их никто не называл».

Как мы видим, не под занавес войны на Тихом океане, а в ее разгаре, и танками их называли, амтанками, амфибийными танками.

Чисто американской разработкой было устройство Т6, представлявшее собой съемные понтоны для М4 Шерман. Фактически американцы шли по немецкому пути, такая идея ранее была использована в Германии для танков Рз.П. Было изготовлено около 500 комплектов Т6, впервые примененных на Окинаве в апреле 1945 г. Еще одна конструкция, устройство Т12, представляла собой два стандартных 15-тонных инженерных понтона, прикрепленных по бортам к Шерману. Это устройство было принято как вариант переделки, осуществимой в полевых условиях.

Не прошли американцы и мимо изготовления комплектов, позволяющих танкам форсировать не очень глубокие водные преграды вброд. Для этого на танке устанавливались коробка, обеспечивающие забор воздуха для двигателя и выхлоп отработанных газов выше башни. С таким устройством Шерман мог форсировать реки глубиной до 2 метров, когда вода доходила танку до основания башни.

Таким образом, можно сделать вывод, что господствующим направлением работ по обеспечению форсирования водных преград танками было создание тех или иных устройств для стандартных танков. Либо это были съемные понтоны, либо это были устройства для преодоления глубоких бродов на пределе высоты корпуса танка, либо устройства подводного хождения. Последние стали общепринятым средством в наши дни. Стремление идти путем доработки серийных танков было легко объяснимо. Когда река оставалась позади, пехоте нужна была боевая единица, не уступающая линейным танкам. Специализированные амфибии США не были легкими разведывательными машинами, подобными Т-38. Это были крупные гусеничные машины для

перевозки десанта или огневой поддержки высаживающихся войск. Так или иначе, никакого презрения к форсированию рек танками в других странах не наблюдается. Велась интенсивная работа, но в отличном от советского танкостроения направлении. И считать инженеров других стран дураками не следует, у них были веские основания идти именно этим путем, и они добились на этом поприще впечатляющих результатов.

Были и другие альтернативные легкому плавающему танку решения. Точно так же, как форсировали реки на резиновых лодках и понтонах или вели разведку с помощью мотоциклов и джипов, задачи поддержки войск на плацдармах решали небронированными автомобилями-амфибиями. Разведывательной или транспортной машине совсем необязательно иметь лобовую броню «Тигра». Можно из набора качеств амфибии пожертвовать не подвижностью, не плавучестью, а защищенностью. С 1936 г. фирмой Rheinmetall Borsig AG разрабатывалась небронированная плавающая машина на гусеничном шасси, получившая название LWS (Landwasserschlepper, буквально: наземно-водный трактор). Водоизмещающий корпус был разработан фирмой Sachsenberg. Машина получилась весом 18 тонн, оснащалась 300-сильным танковым двигателем Maybach SHL 120TR. Экипаж составлял 3–5 человек, машина могла брать на борт до 20 пассажиров.

В 1940–1941 гг. была построена 21 амфибия LWS. Летом 1941 г. эти машины использовались на Восточном фронте. Принцип применения соответствовал названию, машина перетаскивала на специальном трейлере грузы через реку. Штатно LWS мог перемещать через реки такое внушительное сооружение, как 18-тонный полугусеничный тягач SdKfz 9. Экипаж SdKfz 9 во время путешествия через реку мог найти себе пристанище в кабине «шлеппера».

В 1942 году немцы попробовали развить идею LWS в создании машины под названием PzF с использованием ходовой части танка Pz.Kpfw.IV. PzF должен был перевозить на себе танк через реки. Но было построено всего два прототипа.

Дальнейшее развитие амфибий пошло по пути дальнейшего упрощения конструкции. Вместо гусеничного предпочли автомобильное шасси. К тому же плавающий автомобиль получался дешевле танка-амфибии и благодаря этому мог выпускаться большими сериями, чем 4000 экземпляров Т-37 и Т-38. Как реализация идеи армейского автомобиля-амфибии в Германии было выпущено 14 276 Schwimmwagen с использованием агрегатов «Фольксваген Жук». Автомашине была придана форма лодки, для движения по воде использовался опускающийся винт.

Привод на все четыре колеса и широкие шины обеспечили швиммвагену хорошую проходимость. Машине массой 1362 кг хватало двигателя мощностью 25 л.с. В войска машина начала поступать в 1942 году, Schwimmwagen оснащались разведывательные подразделения дивизий вермахта, саперные части.

В США была реализована та же идея, было выпущено 12 785 автомобилей-амфибий Ford GPA. Эти американские «водоплавающие» были построены на базе армейского джипа, силовая установка была идентичной использованной на

знаменитом «Виллисе». Кузов машины выглядел как лодка-плоскодонка с нишами для колес. Ford GPA, полученные по ленд-лизу, использовались Красной армией при форсировании Днепра, Одера, озер в Прибалтике. Форсировались с помощью небронированных американских плавающих автомобилей и более серьезные преграды. 22 августа 1944 г. в полосе наступления 3-го Украинского фронта был форсирован Днестровский лиман с использованием батальона колесных амфибий. Это был 252-й батальон амфибий. Основная часть десанта была высажена ночью, а утром, когда начались контратаки против плацдарма, было сделано следующее: «Для оказания поддержки десанту начал переправляться через лиман своим ходом 252-й батальон амфибий, а на паромках, шедших на буксире у катеров, были переброшены две роты 3-го гвардейского мотоциклетного полка и три танка Т-34». (Сборник материалов по изучению опыта войны. Вып. 16. М.: Воениздат, 1945. С. 156.)

Помимо автомобилей-амфибий на базе джипа в США были сконструированы и более вместительные машины на шасси стандартного армейского полноприводного грузовика. Это GMC-353, более известный как DUKW. Масса машины с колесной формулой 6X6 составляла 9105 кг, она вмещала 25 человек или 2350 кг груза. На воде в движение DUKW приводил гребной винт в тоннеле на корме. Машина могла действовать в зоне прибоя при высоте волн до 3 м. Дебютом новых амфибий стали операции в Новой Гвинее и Бугенвиле, когда 451-я амфибийная транспортная рота доставила 2500 тонн боеприпасов и продовольствия в Бугенвиль за один день (!!!). Впервые в Европе DUKW были использованы в ходе высадки на Сицилии в 1943 г. Активно участвовали эти транспортные машины и в ходе высадки в Нормандии. Они выполняли исключительно важную роль. Слабобронированная машина с пулеметом по большому счету недорого стоит. А вот более двух тонн боеприпасов, продовольствия, топлива или почти что взвод солдат для сражающихся на плацдарме войск — это ощутимая поддержка.

А Владимир Богданович, как обычно, продемонстрировал свой узкий кругозор и слабое знание матчасти. Причем его, как всегда, еще и понесло (Суворов В. Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз. М.: АСТ, 2000. (Далее по тексту «Самоубийство».):

«Тогда перед ними 41 000 рек. По 227 рек на каждый танк, который плавать не умеет. И еще озера. Густота речной сети в Европейской части СССР — 0,25–0,35 км на квадратный километр, т.е. 250–350 тысяч километров рек на каждом миллионе квадратных километров территории. Вот бы стратегам прикинуть, сколько миллионов квадратных километров они намерены оттяпать и сколько рек на этих миллионах. И как их форсировать, не имея НИ ОДНОГО ПЛАВАЮЩЕГО ТАНКА? Безумству храбрых поем мы песню. Германская армия была отсталой, к войне катастрофически не готовой. Решение Гитлера напасть на Советский Союз без подготовки выдает храбрость профана. Решение форсировать десятки тысяч рек без плавающих танков — это не смелость, а самоубийственное безумие».

Не знаю, как у других, но у меня сразу возник встречный вопрос: а как форсировала эти любовно подсчитанные реки и озера Красная Армия в 1943–1944

году, также не имея плавающих танков? Мне-то ответ известен: использовались традиционные лодки, понтоны, ленд-лизские Ford-GPA и GMC-353 DUKW, герметизация линейных «тридцатьчетверок». Единственный прецедент использования плавающих танков — это форсирование Свири в 1944 году. Все остальные реки форсировали без помощи плавающих бронированных машин. Но что думает Владимир Богданович? По его логике к наступлениям 1943–1944 гг. Красная Армия так катастрофически не готова, как и вермахт в 1941 г. И все операции Советской армии 1943–1945 гг. — это самоубийственное безумие. Не на плавающих танках свет клином сошелся. Важнее после форсирования реки переправить тяжелую технику, танки и артиллерийские орудия для развития наступления. Водные преграды преодолевались вермахтом в 1941–1942 гг. и Красной Армией в 1944–1945 гг. инженерными средствами, понтонами и сборными мостами. У немцев в 1941 г. не было 4000 плавающих танкеток, но были понтонные парки, сборные металлические мосты. И на фотографиях лета 1941 г. можно увидеть взорванный мост у Кременчуга и рядок лодок с настилом у основания опор. Немецкий понтонный парк «Б» в действии. Или взорванный пролет моста у Кривого Рога, который перекрыт ажурной металлической конструкцией с неудобоваримым названием K-Gerat. Или сооруженный 49-м саперным батальоном металлический мост через Березину, по которому едет танк Т-III. Инженерные средства не пользуются популярностью в музеях. Гораздо большее внимание привлекают пушки, танки. Но именно угловатые алюминиевые лодки, причудливые фермы с растяжками были теми средствами, которыми вермахт преодолевал многочисленные реки по дороге к Москве, Ленинграду и Киеву. Точно такие же средства прокладывали Красной Армии путь к Берлину. В вышеупомянутой операции по форсированию Днестровского лимана основную часть людей и техники перебросили инженерными средствами: «К 23 ч. 15 м. 21 августа на плавающие средства первой группы в Калаглее было погружено: 2318 человек, 29 минометов 82- и 120-мм, 18 орудий 45- и 76-мм, 3 танка Т-34, 12 автомашин, 18 мотоциклов. На вторую группу высадочных средств в Роксолянах погрузка техники и посадка войск были закончены к 1 ч. 10 м. 22 августа. На борт было принято: 1216 человек, 12 минометов 82-мм, 20 орудий 45- и 76-мм, 64 лошади». (Сборник материалов по изучению опыта войны. Вып. № 16. М.: Воениздат, 1945. С. 152.) Плавающими средствами были лодки, понтоны на буксире у катеров.

Я написал эту главу не для того, чтобы выставить инженеров и конструкторов СССР глупцами, а РККА — армией, вооруженной барахлом. Я лишь категорически против того, чтобы выставять идиотами армию, с которой мы воевали долгие 1418 дней большой войны. В 1941 г. у немцев были серьезные наработки в области форсирования танками водных преград. Поэтому изображать их беспомощными ввиду отсутствия легких плавающих танков совершенно бессмысленно. Они форсировали множество рек на пути к Москве и Ленинграду. Напротив, Т-37, Т-38 представляли на 22 июня 1941 г. весьма сомнительную ценность как в наступательных, так и в оборонительных операциях. Фактически машины Астрова стали лишь полигоном, на котором была отработана конструкция легких танков на базе автомобильных агрегатов, наследники которых защищали осенью — зимой 1941 г. подступы к столице, а затем воевали на разных фронтах долгие четыре года войны.

ГЛАВА 12.

Гаубицы агрессии и разбоя

В своих первых книгах Владимир Богданович обогатил военную науку теорией «оборонительного» и «наступательного» вооружения. Простой пример. Прочитирую «Ледокол»:

«Пушки малого и среднего калибра стреляют настильно и потому хороши в обороне: настильным огнем мы заставляем наступающего противника остановиться, лечь, врыться в землю. А вот когда мы поменяемся ролями — мы наступаем, а противник в траншеях обороняется — пушки нам мало помогут: траектории настильные, снаряды летят над траншеями противника, вреда ему не причиняя, и тогда наступающему нужны гаубицы. Гаубица отличается от пушки крутой навесной траекторией. Гаубица хороша для выкуривания из окопов и траншей обороняющихся войск противника. Если готовимся к наступательной войне, производим гаубицы, к оборонительной — пушки».

В реальности гаубица в оборонительной войне не менее эффективное оружие, чем пушка. Не будем теоретизировать, а приведем реальный пример из книги «Артиллерийская разведка советской армии в ВОВ». 10 февраля 1945 г. в районе 6 км к западу от Кюстрин на р. Одер нашей батарее звуковой разведки удалось засечь двухорудийную 105-мм батарею. По координатам батарея оказалась расположенной непосредственно у самого берега р. Штром. Ввиду того, что при последующих засечках огневая позиция этой батареи получалась среди реки, а другими средствами цель не была подтверждена, штаб артиллерийской бригады, не доверяя данным звуковой разведки, не включил эту цель в план для подавления. В первых числах марта 1945 г. во время наступления нашей пехоты эта батарея противника встретила нашу пехоту сильным огнем и нанесла ей значительные потери. Обходом с тыла нашей пехоте, однако, удалось захватить огневую позицию этой батареи, частично уничтожить и частично взять в плен ее орудийный расчет. При обследовании огневой позиции оказалось, что батарея была расположена вплотную к берегу, у самого уреза воды р. Штром, и искусно замаскирована в прибрежных кустах и зарослях. В районе огневой позиции не было ни одной воронки от разрыва нашего снаряда.

Гаубичный снаряд, выпущенный с закрытой, невидимой для противника позиции и с взрывателем, установленным на осколочное действие, представляет собой страшную разрушительную силу. Взрыватель срабатывает сразу после удара о землю, и снаряд весом в 15–20 килограммов разрывается, засыпая все вокруг осколками, которые косят наступающую пехоту. Гаубица благодаря навесной траектории также может поражать скапливающихся в процессе наступления в складках местности пехотинцев противника. Гаубица, кроме того, позволяет бороться с артиллерией наступающего. Артиллерия наступающего своим огнем разрушает пулеметные гнезда, проволочные заграждения, окопы обороняющегося. Если это делают гаубицы, то дуэль с ними может выиграть только гаубица. Только гаубица может достать батарею противника в лощине, на обратном склоне высоты, выловив ее по звуку выстрела и обрушив на нее шквал

своих снарядов. Поэтому все армии использовали гаубицы в обороне. Гаубицы были на вооружении таких «образцово-показательных» оборонительных армий, как финская. Например, в составе KTR 6 (Kentte Tykiste Rykmentti — 6-й полк полевой артиллерии) финской армии имелись на 30 ноября 1939 г. 24 76,2-мм пушки K02, русские «трехдюймовки», и 12 122-мм гаубиц Н/09, бывшие русские гаубицы образца 1909 г. Всего русских гаубиц 1909 и 1910 гг. было в финской армии 70 штук. Были и более серьезные артиллерийские гаубичные формирования, например Rask. Psto. 2 (Raskas Patteristo 2, тяжелый батальон) в составе 10 150-мм гаубиц Н/14, гаубицы японского (!!!) производства, сделанные по лицензии Крупна, попавшие к финнам из России в ходе событий 1918–1920 гг. Состояли на вооружении финской армии и обычные 152-мм гаубицы Шнейдера производства Путиловского завода образца 1910 г. Скажу больше, состав вооружения армий стран — участниц Второй мировой войны был более-менее одинаковым. Гаубицы различного калибра составляли костяк артиллерийского вооружения большинства стран мира. Более того, по суворовской логике армия СССР была в этом плане даже более «оборонительной», поскольку вместо традиционных для немцев и англичан с американцами легких гаубиц советские стрелковые дивизии вооружались 76,2-мм пушками. Скажем, по штату № 04/100 от 10.06.1940 г. в советской стрелковой дивизии должно было быть 34 76,2-мм пушки, 32 122-мм гаубицы, 12 152-мм гаубиц. В немецкой пехотной дивизии по штату было 36 105-мм гаубиц, 12 150-мм гаубиц и 6 150-мм пехотных орудий (стрелявших в основном навесным огнем). 76,2-мм дивизионные пушки Ф-22, УСВ, «трехдюймовки» сослужили, кстати, хорошую службу в борьбе с немецкими танками в 1941-м. В отличие от японцев, вооруживших свою пехоту 70-мм батальонными гаубицами Тип 92, советская батальонная артиллерия состояла из 45-мм пушек. Финская пехотная дивизия имела на вооружении 18 37-мм противотанковых пушек Бофорса, к началу Зимней войны существовавших во многих частях только на бумаге, советская стрелковая дивизия вооружалась 48 45-мм противотанковыми пушками. Эти факты сами по себе не являются доказательствами агрессивности или миролюбия. Стрелковая (пехотная) дивизия и ее вооружение являются универсальным средством, которое может быть использовано как в наступательной, так и в оборонительной операции.

Но дивизионную артиллерию Владимир Богданович тоже попробовал использовать в качестве признака будущей агрессии. Цитирую:

«Так, например, было полностью прекращено производство противотанковых пушек и 76-мм полковых и дивизионных пушек, которые можно было использовать в качестве противотанковых».

Что же, прекращение производства 76-мм пушек действительно имело место быть. Но объяснялось оно вполне заурядными причинами. Одни модели снимались с производства, вместо них ставились другие. В фундаментальном труде одного из ведущих специалистов по отечественной артиллерии Александра Борисовича Широкограда «Энциклопедия отечественной артиллерии» приводятся следующие данные. В 1936 году было изготовлено 10 пушек Ф-22, в 1937 г. — 417, в 1938 году — 1002, в 1939 году — 1503. Далее производство пушек прекращается. В производство запускается другое 76-мм орудие, Ф-22УСВ.

Причем выпуск УСВ начинается уже в 1939 году, было выпущено 140 орудий. В 1940 году промышленностью было сдано 1010 пушек, в 1941 году до начала боевых действий выпустили 1066 орудий. К началу войны производство 76-мм дивизионных орудий было прекращено, так как ожидался переход на дивизионные пушки большего калибра. Разработка новой артсистемы началась в 1938 году. Калибр нового орудия был выбран просто грандиозным — 107 мм, и объяснялось это не в последнюю очередь возможностями борьбы с перспективными тяжелыми танками. И расчет был оправдан, бронебойный снаряд М-60 уверенно пробивал броню «Тигра» с километра. В 1940 году пушка, получившая название М-60, прошла испытания и была запущена в серию на заводе № 352 в Новочеркасске. В 1940 году была выпущена пробная партия из 24 пушек, в 1941-м еще 103 пушки. На этом история М-60 закончилась, в 1941–1942 гг. потребности дивизионной артиллерии в таком массивном орудии (вес 4 тонны) не было, а Новочеркасск был занят немцами. Был и еще один фактор. По мобилизационному плану 1941 года (так называемому МП-41) для дивизионной артиллерии требовалось 4282 76-мм дивизионных пушки, а имелось на 1 января 1941-го вместе с 76,2-мм орудиями образца 1902, 190 $\frac{2}{3}$ / $\frac{2}{3}$ 0 г. аж 8311 штук. Такой внушительный запас открывал обширное поле для экспериментов с новыми дивизионными орудиями. Такая же ситуация была с 45-мм противотанковыми пушками.

Была и еще одна причина свертывания производства «сорокапятки»: по МП-41 армии в случае войны требовалось 14 736 45-мм противотанковых пушек, а имелось на 1 января 1941 года 14 148 37-мм и 45-мм противотанковых орудий. Ради 4% нехватки продолжать производство не удовлетворяющей военных пушки не стали, заложив в планы только производство для восполнения потерь с началом войны. Но отказа от производства противотанковых и дивизионных пушек, о котором говорит В. Суворов, не наблюдается. Наблюдается смена поколений данного типа орудий. То же самое и с другими типами орудий. Владимир Богданович, как обычно, попадает пальцем в небо:

«Но в этот момент Советский Союз прекратил производство противотанковых и зенитных пушек».

Речь наш маститый публицист ведет о 1939 годе. Хотя именно в 1939 году на вооружение принимается 85-мм зенитная пушка 52-К. Сменила эта зенитка 76-мм зенитную пушку образца 1938 года, ведущую свою генеалогию от 76,2-мм пушки 3-К немецкой разработки, плода военно-технического сотрудничества Веймарской республики и СССР. Это я к вопросу о том, кто чей меч ковал. К началу войны в РККА было 2630 85-мм зенитных пушек 52-К при плановом числе по МП-41 2286 штук. Более того, в 1939 году произошла настоящая революция в оснащении РККА зенитными пушками. На вооружение были приняты зенитные автоматы, 25-мм 72-К образца 1940 г. и 37-мм 61-К образца 1939 г., с которыми возились с начала 30-х, когда закупили у немцев 20-мм и 37-мм зенитки. Косвенным образом это повлияло и на Ф-22, которая первоначально была создана как орудие с тройной универсальностью, способное стрелять по пехоте, танкам и самолетам. Зенитка из дивизионной пушки была плохая, и основным зенитным средством пехоты были так называемые «комплексные» пулеметы, проще говоря,

счетверенные 7,62-мм «максимы» на грузовиках «ГАЗ-АА». Принятие на вооружение зенитных автоматических пушек было настоящей революцией, существенно повысившей возможности войск в борьбе с самолетами противника. Так что никакого замирания производства «оборонительных» зенитных, противотанковых и дивизионных пушек не наблюдается.

В области зенитных орудий наблюдается даже не смена поколений образцов, а качественно новый виток развития. Я совершенно не понимаю логику В. Суворова в вопросе о зенитках. Общеизвестный агрессор, немецкая армия с начала 30-х имела на вооружении 20-мм и 37-мм зенитные автоматы. Вермахт был одной из самых насыщенных зенитными средствами армий. Но дело даже не в этом. Порочна сама суворовская концепция наступательного и оборонительного вооружения. Само по себе артиллерийское орудие, как и нож, пистолет, винтовка, может быть использовано как в нападении, так и в обороне. Например, противотанковая пушка. Казалось бы, 100-процентное оборонительное оружие. Однако немцы летом 1941-го применяли тактический прием «еж», когда к танку прицеплялось противотанковое орудие и сопровождала танк с орудием группа пехотинцев. В боевой обстановке противотанковое орудие становилось средством поддержки танковой атаки и отбития контратак противника. 88-мм зенитное орудие Флак 36 в германской армии с успехом использовалось в захватнических войнах как средство защиты от контратак танков. Оружия, которое может быть однозначно названо наступательным или оборонительным, не существует. С пушками и гаубицами разобрались выше. Приведу еще один пример — огнемёт. Казалось бы, 100-процентное наступательное оружие для выжигания ДЗОТов и ДОТов противника, широко использовались в этом качестве Красной Армией в финскую войну. Но огнемёт может быть и эффективным противотанковым средством, неоднократно применявшимся в этой роли как нашими, так и немцами, поджигая танки аналогично бутылкам с зажигательной смесью. Читатели наверняка скажут: «А мины?!». Мины тоже могут быть эффективно использованы в наступлении. Например, в советских танковых армиях, бронированном кулаке, перемоловшем военную машину вермахта, были специальные отряды на грузовиках, осуществлявшие минирование на флангах наступления для защиты от контрударов во фланг. Например, в ходе наступления 3-й танковой армии летом 1944 года инженерные части армии «установили 21 минное поле с 475 минами, заминировали 64 моста и 10 бродов, взорвали 42 моста (из них 11 в тылу противника)». (Сборник материалов по изучению опыта войны. Вып. № 16. М.: Воениздат, 1945. С. 101.) В процессе подготовки армии к операции был определен следующий состав «наступательно-оборонительных» отрядов минирования: «бригадный отряд заграждения (ПОЗ) должен состоять из взвода саперов с оснащением из 50 противотанковых мин и 300 кг взрывчатых веществ; в корпусе подвижный отряд заграждения в составе роты саперов с оснащением из 700 противотанковых мин и 500 кг взрывчатых веществ». (Там же. С. 97.)

Что характерно, в 1944–1945 гг., когда Красная Армия вела масштабные наступательные операции, производство противотанковых мин уменьшилось незначительно, а противопехотных даже выросло (Таблица 5).

Таблица 5

Год	Противотанковые мины, тыс. штук	Противопехотные мины, тыс. штук
1942	6 564,5	8 243,4
1943	7 452	11 929,4
1944	6 446	12 126,4

То же самое можно сказать о фортификационных сооружениях. Они могут быть как средством защиты, так и средством обеспечения наступления. Например, перед Первой мировой войной в Восточной Пруссии немцы создали оборонительные сооружения. Сооружения эти были частью наступательного плана Шлиффена. Укрепления должны были высвободить силы для удара во Францию, уменьшить количество войск, предназначенных для сдерживания русского наступления в Восточной Пруссии. Если мы хотим наступать, то на вспомогательных направлениях сооружаются укрепления, войск в них можно посадить меньше, чем в укрепления полевого типа. Соответственно больше сил можно бросить на направление главного удара. Бывали и более показательные случаи. Немцы использовали готовые стальные колпаки-ДЗОТы, которые перевозились на автомобилях и ставились в нужном месте на свежезахваченной территории.

Разумеется, это относится и к танкам. Танки и танковые соединения могут быть применены как в обороне, так и в наступлении. Если мы откроем учебник «Тактика танковых войск» (Воениздат, 1940 год), то увидим, что с 76-й страницы по 131-ю идет глава «Наступательный бой», а с 132-й до 174-й — глава «Оборона». В обороне танки должны были уничтожать прорвавшиеся группы противника, контрударами восстанавливать систему обороны. На оперативном уровне танковые соединения должны были бить во фланг вражеского танкового клина, подрезая его под основание. Именно в таком ключе пытались действовать механизированные корпуса летом 1941-го. Контрудары для восстановления системы обороны под Курском в июле 1943-го наносили 1-я и 5-я гв. ТА. По итогам Курской битвы советские военные аналитики написали: «Использование крупных танковых соединений для обороны в значительной степени повышает устойчивость оборонительных рубежей полевых армий и резко увеличивает количество артиллерийских стволов и противотанковых средств. Достаточно указать, что выход 2-й танковой армии на оборонительный рубеж 13-й армии увеличил ее артиллерийские и противотанковые средства на 16%, а в 6-й гвардейской армии с выходом на ее рубеж 1-й танковой армии это увеличение достигло 83,5%». (Сборник материалов по изучению опыта войны №11. М.: Воениздат НКО, 1944. С. 154.)

В дополнение к вышеприведенным фактам привлеку на свою сторону нейтральное и вполне авторитетное мнение польского генерала Сикорского: «Организация современной армии зависит также в значительной степени от факторов политического порядка. Их внешним выражением являются попытки подразделить оружие на оружие специально оборонительного характера и так

называемое наступательное оружие. Эта дифференциация в гораздо большей степени отвечает ничем не обоснованной и являющейся чистой теорией идеологии, чем действительному положению вещей. Армия является в одинаковой степени как орудием обороны, так и орудием наступления. Если даже цели военных действий могут быть различными, орудие, которым армия пользуется, остается неизменным... Хотя между наступательной и оборонительной войнами существует большая моральная разница, но с технологической точки зрения не должно быть никакой дифференциации между противостоящими друг другу армиями». (Сикорский В. Будущая война. М.: Воениздат, 1936. С. 77.) Солидарен с Сикорским и Черчилль. Он пишет в своих воспоминаниях: «Когда в мае 1932 года все партии перевозносили в палате общин достоинства разоружения, министр иностранных дел предложил новый принцип классификации видов оружия, употребление которых должно быть разрешено или осуждено. Он назвал это качественным разоружением. Разоблачить ошибку было легче, чем убедить депутатов. В своем выступлении я заявил: «Министр иностранных дел сказал нам, что трудно подразделить оружие на категории наступательного и оборонительного оружия. Это действительно так, ибо почти любое оружие может быть использовано как для обороны, так и для наступления, как агрессором, так и его невинной жертвой. Чтобы затруднить действия захватчика, тяжелые орудия, танки и отравляющие вещества предполагается отнести к злой категории наступательного оружия. Но германское вторжение во Францию в 1914 году достигло своего наивысшего размаха без применения какого-либо из указанных видов оружия. Тяжелое орудие предлагается считать наступательным оружием. Оно допустимо в крепости: там оно добродетельно и миролюбиво по своему характеру. Но выдвиньте его в поле — а в случае необходимости это, конечно, будет делаться, — и оно тотчас же становится гадким, преступным, милитаристским и подлежит запрету в цивилизованном обществе. Возьмем теперь танк. Немцы, вторгшись во Францию, закрепились там и за каких-нибудь пару лет уничтожили 1 миллион 500 тысяч французских и английских солдат, пытавшихся освободить французскую землю. Танк был изобретен для того, чтобы подавить огонь пулеметов, благодаря которым немцы держались во Франции, и он спас огромное множество жизней при очищении французской территории от захватчиков. Теперь, по-видимому, пулемет, являвшийся тем оружием, с помощью которого немцы удерживали 13 французских провинций, будет считаться добродетельным и оборонительным оружием, а танк, послуживший средством спасения жизни союзных солдат, должен всеми справедливыми и праведными людьми быть предан позору и поношению... Более правильной классификацией явилось бы запрещение оружия массового уничтожения, применение которого несет смерть и ранения не только солдатам на фронте, но и гражданскому населению — мужчинам, женщинам и детям, находящимся далеко от этих районов. Вот в каком направлении объединенные нации, собравшиеся в Женеве, могли бы, мне кажется, действительно надеяться продвинуться вперед...» (Черчилль У.С. Вторая мировая война. М.: 1991. Т. 1. С. 49.)

Выслушав мнение авторитетов, попробуем построить «оборонительную» армию из «наступательного» (по В. Суворову) вооружения и, наоборот, «наступательную» из «оборонительного». Представим, что по Карельскому

перешейку проходит граница между Финляндией и Польшей. Польша имеет территориальные претензии к Финляндии. Как должны строить свои вооруженные силы означенные страны (с учетом имеющихся возможностей и конкретных задач)?

Соберем «польскую» армию из «оборонительного» вооружения. Расстояния на Карельском перешейке небольшие, крупные подвижные соединения не нужны. Танковые войска достаточно держать в виде батальонов непосредственной поддержки пехоты из закупленных во Франции танков Рено-35. Вдоль границы строятся укрепления высокого качества. Пехотные дивизии насыщаются противотанковыми пушками и укороченными пушками-«трехдюймовками» в полках. План войны: сбор в определенной точке границы штурмового кулака пехоты и прикрытие остальной границы пехотой в долговременных укреплениях. Оборона взламывается на узком фронте, укрепления захватываются по технологии немцев Первой мировой — штурмовыми группами стрелков, саперов, огнеметчиков при поддержке полковой артиллерии. Далее пехота не спеша двигается на своих двоих к Хельсинки. Контрудары мехчастей противника отбиваются противотанковой артиллерией. Теперь соберем «финскую» армию из «наступательного» вооружения. Вдоль границы укрепления средней паршивости, бетонные коробки, слегка заглубленные в землю. Но такие укрепления создаются в несколько эшелонов. Поскольку нельзя предсказать место удара, создается механизированный корпус из двух танковых и одной мотострелковой бригады. Танки заказываем в Швеции, колесно-гусеничные Ландсверк-30. Пехота мотострелковой бригады передвигается вместе с танками на грузовиках. Дополняется это одной-двумя моторизованными дивизиями, пехота на грузовиках. Можно заменить автомобильными батальонами для перемещения обычных дивизий. Помимо этого готовятся парашютисты для диверсий в тылу противника (коммуникации на Карперешейке слабые, взрыв железнодорожного моста приведет к большим проблемам). В случае прорыва навстречу ударному кулаку противника бросается механизированный корпус и моторизованные дивизии. Десантники высаживаются в тылу наступающих и ведут диверсионную борьбу на коммуникациях. Колесно-гусеничные танки смогут быстро двигаться к месту прорыва на колесах и вступить в бой на гусеницах. План войны состоит в том, чтобы остановить наступление контрударом во фланг танковым корпусом, а пока противник будет сражаться с ним, подвести мотопехотные дивизии на грузовиках для построения обороны, закрытия прорыва. В идеальном случае — срезать прорвавшиеся через укрепрайон части танковым клином, окружить и уничтожить. В худшем случае — отойти на следующую линию обороны, отвести танки и продолжить борьбу. Танки в плане выживаемости при отходе предпочтительнее ДОТов. Если мы отходим, то ДОТы, даже не занятые противником на момент начала отступления, теряются. Танки можно отвести, даже неисправные машины можно вытащить тракторами. А бетонную коробку ДОТа с собой при отступлении не унесешь. Несмотря на свою высокую стоимость, укрепления по большому счету вещь «одноразовая», чувствительная к изменению линии фронта как в ту, так и в другую сторону.

Одним словом, по характеру производимого вооружения и наполнению им организационной структуры войск нельзя установить, готовится данная

конкретная страна к агрессии или к защите от агрессии. Любое оружие может быть применено как в наступлении, так и в обороне. Речь, разумеется, идет о стратегическом и оперативном уровнях. На тактическом уровне, на уровне взвода и роты то или иное оружие применяется в наступательном или оборонительном бою. Но для вооруженных сил государства в целом и даже для армии или корпуса жестко разделить оборонительные и наступательные средства нельзя.

В более поздних произведениях, например «Самоубийстве», Владимир Богданович вернулся к наезженной колее советской историографии, восхвалению всего отечественного вооружения. Это подход объяснимый, если смотреть на историю с точки зрения патриотического воспитания. Но неконструктивный с точки зрения военного дела. Собственно, артиллерийские орудия разных армий были более-менее равноценны. Орудия создавались под сходные задачи, и разница в конструкции была лишь отражением особенностей национальной промышленности. Поднимать кого-либо до небес или, напротив, опускать вниз — никакого смысла нет. Если, конечно, не ставить себе задачу объяснить неудачи Красной Армии в 1941 г. желанием «освобождения» Европы. Если бы не «Гроза», то супер-пупер артиллерия РККА разнесла бы слабенький вермахт в пыль. Но проблема в том, что уровень познаний В. Суворова в технике противников Красной Армии — это уровень популярного советского журнала времен застоя. Даже ниже. Он пишет:

«А у Гитлера таких идиотов не нашлось. Там — одни гении. Потому в области полевой артиллерии не было сделано ничего. А как оборону без гаубиц проламывать? Ответ стандартный: авось сама как-нибудь проломается».

Предъявлять к немцам претензии в отсутствии гаубиц просто глупо. Ядро артиллерии немецкой пехотной дивизии как раз составляли гаубицы. Пушек, аналогичных советским ЗИС-3, в немецких танковых и пехотных дивизиях не было вовсе. «Не было сделано ничего» — это сильное и абсолютно необоснованное заявление. Как раз в области артиллерии в межвоенный период немцы сделали очень много. И совершенно нет необходимости пересказывать глупости, как это делает Владимир Богданович в «Самоубийстве»:

«А Германия вступила на территорию Советского Союза со 105-мм и 155-мм гаубицами, созданными во время Первой мировой войны, и с трофейной артиллерией, собранной со всей Европы. Это тоже были орудия Первой мировой войны и более раннего периода».

Уровень «маститого историка» лезет из всех щелей. 155 мм — это не немецкий калибр, немецкие орудия имели калибр 15 см официально, реальный калибр ствола 149,1 мм. 155 мм — это французский, чешский и американский калибры. Не первой свежести мысль про устаревшую немецкую артиллерию перепевается на разные лады:

«В области артиллерии, которая решает основные огневые задачи на поле боя, начиная с 1918 года не было создано НИ ОДНОЙ новой пушки, ни одной новой гаубицы».

Обозначения «18», которые В. Суворов принимает за свидетельство того, что орудие создано до 1918 г., были для отвода глаз. Основа дивизионной артиллерии немцев, 10,5-см легкая полевая гаубица 18, была разработана на Рейнметалле в 1929–1930 гг. и начала службу в 1935 году. Заменяла она 10,5-см leFH 16, которая была действительно разработана во время Первой мировой войны. Но обратите внимание на цифру в названии: 16. Прописью: шестнадцать, а не восемнадцать. Выпуск 21-см Moerser 18, 210-мм мортиры, начался в 1939 году. Знаменитая зенитка «ахт-комма-ахт Флак», официально называвшаяся 8,8-см Флак 18, тоже ведет свою историю с 20-х годов. Разработка зенитной пушки началась в 1925 году, прототипы нового орудия были испытаны в 1929–1930 гг. Испытания прошли неудачно, и инженеры Крупна отправились на фабрику Бофорса в Швеции, где и занялись разработкой зенитки. Да, шведы тоже принимали участие в ковании фашистского меча. Разработанные под крылышком Бофорса чертежи прибыли в Германию в 1931 году, и уже в 1933 г. зенитка начала поступать в войска. Полковое орудие 7,5-см leichtes Infanteriegeschütz 18, 7,5 cm leIG 18 было разработано сразу после войны и пошло в серию в 1927 году, синхронно с отечественной 76,2-мм полковой пушкой образца 1927 г.

Когда автор смелых теорий мелет чепуху почти на каждой странице, это забавляет. Но когда он это делает на протяжении нескольких томов, это начинает утомлять. В «Самоубийстве» читаем:

«Немцы были способны творить чудеса. В Первой мировой войне не было зенитной артиллерии, ее приходилось создавать заново. И они создали великолепные образцы. А гаубичная артиллерия была в Первой мировой войне. Поэтому можно было обойтись поверхностной модернизацией. И они решили: авось сойдет».

В Первую мировую войну зенитная артиллерия как раз и появилась как класс артиллерийских орудий. И в 1914 г. на вооружении германской армии состояла 7,7-см Ballonkanone, первые образцы которой аж в 1909 г. были продемонстрированы широкой публике на воздухоплавательной выставке. Внешне 77-мм зенитное орудие образца 1914 г. представляло собой четырехколесное шасси с орудием на тумбе. За немцами потянулись англичане, поставившие на шасси грузовика 13-фунтовую (76,2 мм) пушку конной артиллерии. То же самое у нас в стране. 76,2 зенитная пушка Лендера монтировалась на грузовике. По логике Владимира Богдановича немцы могли тоже сказать «авось сойдет» и оставить в войсках зенитку Первой мировой. Однако весь артиллерийский парк Германии был модернизирован. И гаубицы, и зенитки.

Развитие советской артиллерии в межвоенный период было не безоблачным. В первых, на вооружении РККА были орудия, в обозначении которых присутствует

даже не 1913 или 1918 года, а 1909 и 1910 года. Это гаубицы и пушки, разработанные перед Первой мировой войной и модернизированные в 1930-х. Примерами таких артсистем служат 122-мм гаубицы обр. 1909/30 гг. (бывшая Крупша с клиновым затвором), 1910/30 гг. (бывшая Шнейдера с поршневым затвором), 152-мм гаубицы 1909/30 (опять же Крупша) и 1910/30 гг. (Шнейдера), 107-мм пушка обр. 1910/30 гг, 152-мм пушка обр. 1910/34 гг., 76,2-мм пушка обр. 190 $\frac{2}{3}$ /30 гг.

Во-вторых, это поколение орудий разработки рубежа 20-х — 30-х годов. К ним относятся 122-мм корпусная пушка А-19 обр. 1931 г., 203-мм гаубица Б-4 обр. 1931 г. завода «Баррикады», 76,2-мм зенитка З-К обр. 1931 г. разработанная для РККА фирмой «Рейнметалл». Последнее орудие — это пример кования немцами советского меча. 76,2-мм зенитки З-К встречали немецкие танки и самолеты в 1941 г. И, наконец, в-третьих, было поколение артиллерийских орудий, принятых на вооружение во второй половине 30-х. Это, например, 152-мм пушка-гаубица МЛ-20 обр. 1937 г. Но это только формально образца 1937 года. Гаубица-пушка МЛ-20 на самом деле являлась глубокой модернизацией 152-мм пушки 1910/34 гг. Так что к каким орудиям ее относить, старой разработки или новой, вопрос сложный. Кроме того, во второй половине 30-х в СССР продолжалась модернизация систем 1909/30 и 1910/30 гг, были введены колеса с пневматиками. Орудиями новой разработки были: 76-мм дивизионная пушка обр. 1936 г. Ф-22, 152-мм дивизионная гаубица М-10, 122-мм гаубица М-30, 280-мм мортира обр. 1939 г. и 85-мм зенитка обр. 1939 г. 52-К. Реальное соотношение между артсистемами старого и нового образца в РККА рисуют следующие цифры. 122-мм гаубица М-30 обр. 1938 г. начала производиться в 1940 году, за весь год было выпущено 639 гаубиц, за 1941 год произвели 2762 гаубицы. А 122-мм гаубиц обр. 1910/30 гг. на 1937 год было 2439 штук и производство продолжалось до 1941 г., всего с 1937 г. по 1941 г. выпустили 3395 гаубиц обр. 1910/30 гг. 152-мм гаубиц М-10 обр. 1938 г. на 22 июня 1941 г. было в войсках 1058 штук, а гаубиц 1909/30 гг. с 1931 г. по 1941 г. было выпущено 2188 штук. К созданию артиллерийских систем с нуля, отбросив базу времен Первой мировой войны, в СССР приступили только в конце 30-х годов. И поэтому значительную часть артиллерийского парка РККА на момент начала войны составляли орудия старых типов. Утверждение Владимира Богдановича: *«Формирование советских артиллерийских полков шло на базе новых образцов, созданных в 1938 году, принятых на вооружение в 1939 году, выпущенных промышленностью в 1940–1941 годах»* не соответствует действительности. На самом деле артиллерийские полки РККА вооружались орудиями нескольких поколений. Если взять конкретный округ, Киевский особый, то увидим все то же самое. Согласно докладу начальника артиллерии Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта артиллерии Парсегова (ЦАМО. Ф. 81. Оп. 103989сс. Д. 17. Л. 59–69) на момент начала боевых действий в округе состояло:

152-мм гаубиц обр. 1909/30 гг. 310 штук;

152-мм гаубиц обр. 1909/30 гг. 28 штук;

152-мм гаубиц обр. 1938 г. 236 штук;

122-мм гаубиц обр. 1910/30 и 1909/37 гг. 999 штук;

122-мм гаубиц обр. 1938 г. 278 штук.

Причем из указанного количества орудий 122-мм гаубиц обр. 1938 г. нуждались в ремонте 102 штуки, 122-мм гаубиц обр. 1910/30 гг. и 1909/37 гг. 46 штук.

Если брать не округа в целом, а конкретные дивизии, то открываем справку начальника артиллерии 100-й стрелковой дивизии о состоянии артиллерии дивизии на 28 июля 1941 г. (ЦАМО. Ф. 758. Оп. 4580сс. Д. 18. Л. 89, документ опубликован в Сборнике боевых документов ВОВ. Вып. 31.) В наличии было 13 122-мм гаубиц обр. 10/30 гг., 10 152-мм гаубиц обр. 1909/30 гг., 18 76,2-мм пушек обр. 190²/₃0 гг., 6 76,2-мм полковых пушек обр. 1927 г. и 6 76,2-мм зениток обр. 1938 г. Последние — это модернизация рейнметалловской 3-К с установкой ее на четырехколесный лафет вместо двухколесного.

Брутто-цифры показывают ту же картину. Всего в Красной армии к началу войны было 1667 гаубиц обр. 1938 г., 5578 122-мм гаубиц 1910/30 гг. и 778 122-мм гаубиц 1909/37 гг. Со 152-мм гаубицами картина менее удручающая, но все равно основную массу составляют орудия старых типов. 152-мм гаубиц обр. 1909/30 гг. 2432 штуки, 152-мм гаубиц обр. 1938 г. 1128 штук. (Боевой и численный состав ВС СССР в период Великой Отечественной войны: Статистический сборник № 1.)

Так что оба утверждения Владимира Богдановича, как декларация поголовной устарелости артиллерийского вооружения Германии, так и тезис о вооружении артполков, формировавшихся в 1939–1940 гг. в СССР исключительно системами разработки конца 30-х годов, не имеют ничего общего с действительностью.

Еще один сладкий миф, озвученный В. Суворовым, это:

«Советская 76-мм пушка была оценена немцами как шедевр конструкторской мысли, и все трофейные 76-мм пушки немедленно принимались на вооружение германской армии».

Надо сказать, что на вооружение германской армии принималось немало металлолома завоеванных стран (вроде 100-мм австрийской легкой полевой гаубицы обр. 1914 г.), и сам факт принятия на вооружение ни о чем не говорит. Официально на вооружении вермахта состояли 216 типов артиллерийских орудий и 18 минометов. Понятно, что большая часть этого вооружения использовалась на десятых ролях и практического интереса не представляет. Более занимательна статистика производства орудий Pak-36(r), 76,2-мм Ф-22 в качестве противотанковой пушки. В 1942 году — 358 орудий, в 1943 г. — 169, в 1944 г. — 33. А теперь поинтересуемся статистикой производства пушек ПАК-97/38, представлявших собой тело французской 75-мм пушки обр. 1897 г. на лафете противотанковой ПАК-38. Этих артсистем было выпущено в несколько раз больше, аж 2854 штуки в 1942 г. и 858 штук в 1943 г. По объемам производства францужско-германский гибрид даже обгонял немецкую 75-мм ПАК-40, выпущенную в 1942 г. в количестве 2114 штук.

То же и с тяжелыми орудиями. В. Суворов пишет:

«Ничего равного советской 152-мм пушке-гаубице МЛ-20 и 203-мм гаубице Б-4 в Германии и в мире не было».

В армиях всех стран мира были примерно сходные по задачам и техническим характеристикам орудия. В немецкой армии МЛ-20 соответствовала тяжелая полевая гаубица sFH-18, sFH-36. 203-мм Б-4 соответствовала 210-миллиметровая Moerser 18. Последняя даже превосходила Б-4 в подвижности. Дело в том, что Б-4 была создана в начале 30-х и поставлена на гусеничный ход. Тогда считалось, что это позволит легко менять позиции на изрытой воронками передовой, но в реальности сдерживало маневр тяжелой артиллерии, ее маршевые возможности. Напротив, Moerser 18 была на колесном лафете с пневматиками, что позволяло тяжелому орудию сопровождать танковые дивизии вермахта. Б-4 получила колеса с пневматиками вместо гусеничной тележки только после войны, на модификации Б-4М. Но все это детали. Во всех странах были примерно одинаковые орудия для решения сходных задач. В Англии были 5,5-дюймовые (139,7-мм) гаубицы Mk.2, 7,2-дюймовые тяжелые гаубицы, в США 155-мм гаубицы М² и 203-мм гаубицы М1.

Говоря о советской системе артиллерийского вооружения, нельзя утверждать, что она носила какой-то особо выдающийся агрессивный характер или на голову превосходила своих противников по техническим характеристикам. Она была вполне обычной, войну мы встретили с «зоопарком» орудий разных систем и годов выпуска и разработки, не имея принципиальных преимуществ перед немцами.

ГЛАВА 13.

Почему ГРУ РАЗРУШИЛО «Линию Суворова»?

Располагаясь за сильными укреплениями, мы заставляем противника искать решение в другом месте.

Клаузевиц

«Какая линия Суворова? Какое ГРУ ее разрушало?» — спросит читатель. На самом деле такая реакция должна быть на название 10-й главы «Ледокола».

Владимир Богданович утверждает на страницах «Ледокола»:

«Между советской «Линией Сталина» и французской «Линией Мажино» было много различий. «Линию Сталина» было невозможно обойти стороной: ее фланги упирались в Балтийское и Черное моря».

Этот тезис не соответствует действительности. В линии укреплений вдоль советско-польской границы были широкие «просветы». Например, на северном участке границы было шесть УР: Минский, Полоцкий, Островский, Псковский, Кингисеппский и Карельский, прикрывавших несколько более 300 км из общей протяженности сухопутной границы на этом направлении 1000 км. То есть укрепления закрывали всего около 30% длины границы. Были обширные «окна» между Полоцким и Минским УРами, между Минским и Мозырским УРами в районе Слуцка. Естественно, линия развивалась, росла, как живой организм. Для прикрытия пустоты был начат в 1938 г. Слуцкий УР, в стадии строительства было 129 сооружений. В связи со смещением границы на запад строительство УРа было приостановлено. Такая же ситуация была и между Островским и Полоцким УРами. В этом районе был УР полевого типа, Себежский, без долговременных сооружений. Незадолго до пакта Молотова — Риббентропа его начали оборудовать долговременными сооружениями, на момент приказа о консервации в стадии строительства находились 65 сооружений. То же самое с Шепетовским и Остропольским УРами КОВО, прикрывавшими пустоты в линии укреплений на южном участке границы. Оба укрепрайона в 1939-м находились в процессе постройки, законсервированы в связи с переносом границы пустые недостроенные коробки. (Инженерное обеспечение оборонительных операций Советской армии в ВОВ 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1970). «Главная мысль» Владимира Богдановича в данном случае звучит так: у СССР была неубиваемая линия укреплений, она не остановила немцев в 1941 г. только потому, что «избушка повернулась к лесу передом» и разрушила «Линию Сталина». Тезис о неприступности в связи с наличием обширных просветов в линии укреплений на старой границе вызывает большие сомнения.

Рассказав про невозможность обойти «Линию Сталина», В. Суворов вдруг вспоминает про промежутки между УРами. Владимир Богданович дает следующую интерпретацию пустотам между УРами на старой границе: «Линия Сталина» была универсальной: она могла быть использована для обороны государства или служить плацдармом для наступления, именно для этого были оставлены широкие проходы между УРами: пропустить массу наступающих

войск на запад». Причина разрушения, предложенная В. Суворовым, формулируется так:

«Вот почему линию разоружили, а потом и сломали: она мешала массам советских войск тайно сосредоточиться у германских границ, она мешала бы снабжать Красную Армию в ходе победоносного освободительного похода миллионами тонн боеприпасов, продовольствия и топлива. В мирное время проходов между УРами было вполне достаточно и для военных, и для экономических нужд, но в ходе войны потоки грузов должны были быть рассредоточены на тысячи ручейков, чтобы быть неуязвимыми для противодействия противника. Укрепрайоны как бы сжимали потоки транспорта в относительно узких коридорах. Это и решило судьбу уже ненужной «Линии Сталина».

«Узкие ручейки» — это, наверное, пустоты между УРами общей шириной 700 км из 1000 км протяженности границы на северном участке или более чем 100-км «окно», которое должен был бы прикрыть строящийся Шепетовский УР на Украине. «Потоки транспорта» до сих пор двигаются по «узким коридорам», в просторечии именуемым дорогами. На самом деле причина подобных фантазий в том, что у Владимира Богдановича каша в голове вместо цельной системы знаний. Он путает идеи фортификации разных эпох. Во второй половине XIX века крепости стали сооружать в виде центральной цитадели, окруженной поясом фортов на расстоянии 1–5 км от крепости. Между фортами оставались промежутки, через которые планировалось производить контратаки. Тогда это имело смысл, в случае создания непрерывного ряда укреплений контратакующим стрелкам пришлось бы перебираться через валы, рвы, гласисы фортов. А так защитники крепости могли, не нарушая боевых порядков, атаковать в промежутках между фортами. Ряд бетонных коробок XX столетия никак не мог мешать перемещениям своих войск. Дороги совершенно свободно пересекали линию УРов. В ходе боевых действий ДОТы воспрепятствовали движению по дороге огнем. К оборонительности и наступательности просветы в линии УРов никакого отношения не имеют, они определялись порядком постройки, приоритетностью прикрываемых укреплениями направлений.

Пытаясь убедить читателя в несокрушимости советских укреплений, Владимир Богданович продолжает повествование:

«Линия Сталина» возводилась не только против пехоты, но прежде всего против танков противника и имела мощное зенитное прикрытие».

Прежде всего против танков — это, наверное, 10% артиллерийских сооружений в УРах на старой границе. В Киевском УРе было всего три 76,2-мм пушки. КиУР также не имел никаких противотанковых препятствий. 30 км противотанковых рвов и 15 км эскарпов были отрыты после начала войны. И далее:

«Линия Сталина» имела гораздо большую глубину».

Гораздо большую в сравнении с чем? Глубина обороны не превышала 2–5 км, а в некоторых случаях 1–2 км. Глубину 1–2 км имели Минский, Новоград-Волынский, Мозырский УРы. Далее идет совершенно убойный пассаж:

«В отличие от «Линии Мажино» «Линия Сталина» строилась не у самых границ, но в глубине советской территории».

Если В. Суворов не в курсе, то «в глубине советской территории» располагался Киевский УР, прикрывавший город Киев. УРы Тираспольский, Рыбницкий, Могилев-Подольский, Старо-Константиновский, строящийся Шепетовский, Островский, Псковский и Карельский располагались непосредственно на границе, и условия для организации предполья отсутствовали полностью.

Обрисовав неприступность «Линии Сталина» Владимир Богданович выдвигает наконец «главную мысль»: укрепления разрушили, готовясь к освободительному походу. Поэтому Вермахт не разбился вдребезги об бетонные коробки, посыпанные гранитом. Только тезис этот не имеет под собой фактической основы. «Линию Сталина» никто не уничтожал. Давайте посмотрим, кто утверждает обратное? Цитирую «Ледокол»:

«И накануне самой войны — весной 1941 года — загремели мощные взрывы по всей 1200-километровой линии укреплений. Могучие железобетонные капониры и полукапониры, трех-, двух- и одноамбразурные огневые точки, командные и наблюдательные пункты — десятки тысяч долговременных оборонительных сооружений были подняты в воздух по личному приказу Сталина» (Генерал-майор П.Г. Григоренко. В подполье можно встретить только крыс. С. 141)». (Нью-Йорк: Детинец, 1981).

К тому моменту П.Г. Григоренко уже давно не был генерал-майором. Он был в 1964 г. исключен из рядов Советской армии за так называемую правозащитную деятельность — Григоренко был борцом за права крымско-татарского народа. Для Петра Григорьевича Григоренко рассказ о взрыве укреплений был лишним аргументом против «сталинизма». Григоренко называет мифический взрыв укреплений «злодеянием против нашего народа», а в деле политической пропаганды все средства были хороши. Широко известно высказывание Геббельса о том, что чем больше ложь, тем скорее ей поверят. П.Г. Григоренко, не долго думая, пошел по стопам крикливого министра пропаганды Третьего рейха. С точки зрения достоверности рассказы Григоренко о судьбе «Линии Сталина» имеют тот же вес, что и рассказы самого В. Суворова. Как свидетель, способный достоверно осветить историю советских укреплений на западной границе, П.Г. Григоренко откровенно слаб. Что связало Петра Григорьевича и советские УРы? Летом 1932 года, будучи слушателем ВИА, он руководил строительством одного из узлов Могилев-Подольского УРа. Летом 1934 года по окончании академии получил назначение начальником штаба отдельного саперного батальона 4-го стрелкового корпуса Белорусского военного округа. В марте 1936 года назначен командиром 52-го отдельного инженерного батальона Минского УРа. Батальон тогда переформировали из имевшейся ранее отдельной саперной роты

укрепрайона. Вскоре в БВО прибыла из Северо-Кавказского военного округа 13-я стрелковая дивизия, поглотившая УРовские части. Весной 1937 года Григоренко назначили начальником инженеров дивизии. А осенью 1937 года Григоренко убыл в Академию ГШ. В 1937–1939 гг. он обучался в Академии Генерального штаба, в 1939 г. принимал участие в боевых действиях на реке Халхин-Гол. Далее в течение всей войны проходил службу в штабе Дальневосточного фронта. В боях с немцами участвовал 10.01–28.02.1944 г. и с 23.08.1944 г. по конец войны. Войну закончил полковником, начальником штаба 8-й стрелковой дивизии 4-го Украинского фронта. После войны был преподавателем Военной академии им. М.В. Фрунзе. Как мы видим, пути «Линии Сталина» и П.Г. Григоренко разошлись в самый интересный момент, красочные рассказы Петра Григорьевича о взрыве укреплений повествуют о событиях, происходивших за тысячи километров от мест его службы в 1939–1941 гг. Так что живописная картина взрывающихся укреплений не более чем плод бурной фантазии известного диссидента. П.Г. Григоренко сам пишет, что покинул ансамбль до того, как его взорвали: «Уезжая из Могилев-Подольского, я не мог даже предположить, какая судьба ждет мой ансамбль. После Могилев-Подольского я впервые в своей жизни встретился с Дальним Востоком, куда приехал на войсковую стажировку». К действительно ценным свидетельствам П.Г. Григоренко как строителя «ансамбля УРа» мы еще обратимся ниже, а пока давайте обсуждать вкус лобстеров с теми, кто их ел. Байка про взорванную «Линию Сталина» была пущена в оборот Н.С. Хрущевым, а потом лишь повторена П.Г. Григоренко. Н.С. Хрущев отвечал в 1938–1940 гг. за обороноспособность УР КОВО и ОдВО. И был вынужден придумать какое-то вразумительное объяснение тому факту, что немецкие войска преодолели возведенную под его чутким руководством «Линию Сталина» без особых затруднений. Ему ничего больше не оставалось, как выдумать историю про взрыв укреплений.

Взрыв сооружений построенной линии — это совершенно абсурдная, а главное — бесполезная затея. Тратить на подобное мероприятие взрывчатку, силы инженерных войск явно нецелесообразно. Ничего подобно не делали. Немцы захватили ровно те сооружения, которые были построены. Описание всех захваченных киевских укреплений имеется в донесении Рейхенау (6-я немецкая армия) для Гальдера. Количество захваченных почти полностью совпадает с числом построенных (впрочем, захвачено даже на три больше). Так что никакие укрепления Киевского УРа перед войной зарыты и взорваны не были. Вот оборудование ДОТ, по мнению немцев, действительно не соответствовало их назначению. И выводы в целом о возможностях Киевского УРа во многом совпадали с вышеприведенным донесением Кобулова о состоянии КиУРа от 11 января 1939 г.

Не устраивает в качестве независимого свидетеля герр Рейхенау? Тогда давайте поверим товарищу Понеделину, командующему 12-й армией, которая занимала Летичевский УР на старой границе с 2 июля по 17 июля 1941 г. силами 13-го стрелкового корпуса, 24-го механизированного корпуса и 96-й стрелковой дивизии. В своем письме командующему Южным фронтом 16 июля 1941 г. с просьбой выделить одну стрелковую и одну танковую дивизию он написал: «Ознакомился с Летичевским УРом, потеря которого ставит под прямую угрозу

весь ваш фронт. УР невероятно слаб. Из 354 боевых сооружений артиллерийских имеет только 11, на общее протяжение фронта 122 км. Остальные — пулеметные ДОТы. Для вооружения пулеметных ДОТов не хватает 162 станковых пулемета. УР рассчитан на 8 пульбатов, имеется 4 только что сформированных и необученных. Предполя нет. [...] Между соседним правым УРом имеется неподготовленный участок протяжением 12 км». (ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 131. Л. 78.) Построено в Летичевском УРе было 363 сооружения. Разница вполне может быть ошибкой статистики или классификации. Недостроенные УРы тоже никто не взрывал. Командующий 26-й армией Ф.Я. Костенко, занимавшей в начале июля 1941 г. Остропольский УР, жаловался на отсутствие дверей и бронирования амбразур. Ни о каких взорванных сооружениях он не сообщает.

И о каком взрыве или засыпании земель может идти речь, если в 13 УРах на старой границе на 1 июня 1941 г. располагалось 25 пулеметных батальонов общей численностью 17 080 человек. Например, в Летичевском УРе был один пульбат, в Каменец-Подольском — три. Без пульбатов остались только недостроенные УРы, такие, как Староконстантиновский или Новоград-Волынский. Необходимо заметить, что легенда о засыпанных и взорванных укреплениях на «Линии Сталина» имела хождение только во времена Н.С. Хрущева. Рассказывая про засыпание ДОТов, Владимир Богданович цитирует статью в ВИЖе за 1961 год, в которой некий полковник К. Черемухин разоблачает немецких генералов, рассказывающих про взлом Вермахтом «Линии Сталина». Что меня всегда поражало в подобных статьях, так это полнейшая чушь, которую несут авторы во имя «спасения лица армии». Ну не хочется признавать тов. Черемухину, что проиграли в Новоград-Волынском УРе, прорванном немцами 7–9 июля 1941 г., именно войска его занимавшие. Поэтому появляются мифические дяди, засыпавшие ДОТы земель.

Обросла легендами и догадками и вполне заурядная история со сдачей на склад для последующего использования на новой границе вооружения УРов «Линии Сталина». Владимир Богданович, по своему обыкновению, использовал взятые с потолка данные:

«Объяснение о переброске оружия с «Линии Сталина» на «Линию Молотова» мы не можем принять и потому, что «Линия Молотова» в сравнении с «Линией Сталина» была жидкой цепочкой относительно легких укреплений, которым не требовалось много вооружения. Пример: в Западном особом военном округе, т.е. в Белоруссии, было построено на новой границе 193 боевых сооружений, а до этого на старых границах было разоружено 876 более мощных боевых сооружений».

Откуда взялись цифры 193 и 876 — неизвестно. 876 для всей «Линии Сталина» мало, для одного округа мало. Построено в Западном военном округе на «Линии Сталина» было 563 ДОС. В полосе ЗапОВО сравнение старой и новой линий укреплений показывает превосходство последней, только в Замбровском УРе «Линии Молотова» находились в постройке 550 ДОС, построено в полосе ЗОВО было 380 ДОС. Более-менее понятно только происхождение цифры 193. У Анфилова эта цифра фигурирует как количество бронированных огневых точек,

попросту говоря, закопанных танков МС-1, перевооруженных 45-мм пушками. Вооружение со старой границы для таких огневых точек не требовалось по определению. Требовалось оно для вооружения бетонных ДОТов. Подобная экономия была вполне объяснимой. Если на «Линии Сталина» было построено и находилось на момент консервации в стадии строительства 3817 ДОС, то на «Линии Молотова» строилось 5807 сооружений, в полтора раза больше. Производить с нуля все вооружение новой линии обороны было непозволительной роскошью.

После рассказа о «Линии Сталина», представляющего собой набор баек, легенд и заблуждений, Владимир Богданович рассказывает нам об укреплениях на новой границе:

«Линия Молотова» резко отличалась от «Линии Сталина» и по замыслу, и в деталях. Есть минимум четыре главных различия между теми укреплениями, которые ломали на старых границах, и теми, которые создавали на новых: «Линию Молотова» строили так, чтобы ПРОТИВНИК ЕЕ ВИДЕЛ»;

Если такая задача ставилась, то она выполнена не была. Немецкие разведывательные сводки свидетельствуют:

«От Владимира до Ярослава укрепления проходят по сухопутной границе: от Ярослава до венгерской границы — по восточному берегу реки Сан на расстоянии приблизительно 1000–3000 метров от русла реки.

Этот участок, являющийся левым флангом общей линии русских укреплений, также сильно укреплен.

Приблизительно в 15–20 км от линии пограничных укреплений проходит вторая оборонительная полоса, которая в настоящий момент находится в стадии строительства». (Приложение № 3б к документу командования № 050/41, сам документ № 050/41 озаглавлен «Данные о Красной армии на 15.01.1941 г.».)

Достаточно расплывчатые сведения, не правда ли? К июню ситуация принципиально не изменилась. Полковник Дюрвангер, командовавший ротой в 28-й пехотной дивизии, свидетельствует, что в первый же день войны его дивизия встретила сильное сопротивление советских войск, опиравшееся на ДОТы, отсутствовавшие на немецких картах, составленных по данным разведки. (The initial period of war on Eastern front, p. 234).

«Линия Молотова» создавалась на ВТОРОСТЕПЕННЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ».

Не соответствует действительности. Удары немецких 1-й и 2-й танковых групп пришлось по районам с наиболее боеготовыми УРами. 1-я танковая группа

наносила удар через Струмиловский УР, 2-я танковая группа через Брестский УР. И тот, и другой находились в высокой степени готовности.

«Линия Молотова» не прикрывалась полосой обеспечения, минными полями и другими инженерными заграждениями».

Не соответствует действительности. Ширина полосы обеспечения на «Линии Молотова» в общем случае составляла 10–15 км. Столько же, сколько на перечисленных выше УРах старой границы. Про приближение к границе некоторых укреплений наиболее четко написал Л.М. Сандалов: «Полоса предполья, вследствие того что сооружения строились по берегу реки, не создавалась, за исключением участка в районе Дрохичин, где по условиям местности долговременные огневые точки строились на некотором удалении от берега». (Выделено мной. — А.И.) Причем «по берегу реки» не стоит воспринимать буквально. ДОТы 2-й роты 18 оапб 62-го УР южнее Бреста располагались в 3 км от Буга, в районе станции Бернады. Точно так же Тираспольский УР ОдВО располагался вдоль берега Днестра, опираясь на болотистую долину реки. Докладная записка Кобулова, аналогичная вышеприведенному донесению по КиУР и опубликованная в том же источнике, начинается словами: «Тираспольский укрепленный район располагается на левом берегу реки Днестр и занимает фронт в 300 км». На берегу Днестра находились и передовые сооружения Могилев-Ямпольского УРа. В таком же ДСПшном исследовании, как и работа Л.М. Сандалова, бывший начальник штаба 5-й армии А.В. Владимирский написал об укреплениях армии: «Во Владимир-Волынском УРе также была оборудована полоса обеспечения глубиной от 1 до 4 км, включавшая в себя десять батальонных районов полевого типа, построенных вдоль правого берега Буга. Готовность — 80–90 процентов». В сноске Владимирский разъясняет, что такое батальонный район: «В каждом батальонном районе в полосах обеспечения укрепленных районов было построено по 130–135 оборонительных сооружений полевого типа, преимущественно дзотов и траншей, и по несколько ДОТов. В числе сооружений каждого района имелось: 3–4 железобетонных каземата для 45-мм пушек и станковых пулеметов; 6–9 дзотов — полукапониров для станковых пулеметов; 6 противоосколочных пулеметных гнезд; 12–15 скрывающихся огневых точек (СОТ); 6 противоосколочных окопов для 45-мм и 76-мм пушек; 3 НП для комбатов; 24 КНП для командиров рот, батарей и взводов; 36 стрелковых окопов на отделение с одеждой крутостей; 9 гранатометных и 15 минометных окопов; 9–10 легких и 3 тяжелых убежища. (ЦАМО. Ф. 131. Он. 210370 с. Д-61. Л. 65.)» (Владимирский А.В. На киевском направлении. По опыту ведения боевых действий войсками 5-й армии Юго-Западного фронта в июне — сентябре 1941 г.» М.: Воениздат, 1989. С. 39.) Если не устраивает цитирование закрытых источников, то можно обратиться к источнику, который неоднократно цитировал Владимир Богданович: «Кроме долговременного рубежа, строительство которого возлагалось непосредственно на инженерное управление округа, велись работы по укреплению предполья, глубина которого в зависимости от местности колебалась от двух до четырех километров. Основой оборонительной полосы, строящейся в предполье, были батальонные районы, оборудованные средствами полевой фортификации. На всю глубину предполья предусматривалось создание противотанковых и

противопехотных заграждений». (На Северо-Западном фронте. М.: Наука, 1969. С. 171.) Ширина полосы предполья зависела от местности, там, где граница проходила по водным рубежам, предполье было уже. В районе Рава-Русской, где водной преграды не было, организовывалось предполье шириной 10–15 км. В 3-й армии Западного особого военного округа сооружения укрепрайонов располагались за Августовским каналом, который находился в 10–15 км от границы. Такая же ширина полосы обеспечения была на «Линии Мажино». Достаточно открыть Большую Советскую энциклопедию и прочитать: «Мажино линия, система французских укреплений на границе с Германией от Бельфора до Лонгюйона протяженностью около 380 км. Построена по предложению военного министра А. Мажино (А. Maginot) в 1929–1934 гг., совершенствовалась до 1940 г. Предназначалась для защиты Северо-Восточной Франции от германского вторжения. Включала 3 укрепленных района (Мецкий, Лаутерский, Бельфорский), Рейнский укрепленный фронт, Саарский участок заграждений и состояла из полосы обеспечения (глубина 4–14 км) и главной полосы (глубина 6–8 км)». Предполье «Линии Маннергейма» было ненамного шире, до 30 км.

«Строители не использовали многих возможностей усиления «Линии Молотова» и не торопились ее строить».

Не соответствует действительности. Всего на «Линии Сталина», которую строили 11 лет (1928–1939) имелось 3279 сооружений на 2067 км границы. Еще 538 сооружений находились в стадии строительства (строились Себежский, Слуцкий, Шепетовский, Остропольский, Изяславльский и Староконстантиновский УРы). На «Линии Молотова» за год (1940/1941) было завершено строительство 880 сооружений, а строилось еще 4927. Темпы строительства превосходили средние темпы строительства «Линии Сталина» втрое, если брать последний период строительства линии на старой границе — вдвое. Что касается недовыполнения плана, то в 1938 г. план строительства УРов на старой границе был выполнен на 45,5 %, а в 1939 г. — на 59,2 %. Причины были вполне прозаическими: промышленностью недопоставлялись материалы. В 1938 г. цемента было поставлено 28% от плана, в 1939 г. — 53%. (Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 100.)

Далее Владимир Богданович пытается создать у читателя иллюзию прикосновения к тайному знанию:

«Строительство «Линии Молотова» — такая же загадка советской истории, как и разрушение «Линии Сталина».

Странные вещи творились на строительстве новых укрепрайонов... В 1941 году титанические массы советских войск были сосредоточены во Львовском выступе на Украине. Вторая по мощи группировка советских войск была сосредоточена в Белостокском выступе в Белоруссии. Советские маршалы объясняют: главного удара мы ждали на Украине, а вспомогательного — в Белоруссии. Коль так, то главные усилия при строительстве «Линии Молотова» должны быть прежде всего сосредоточены на Украине, а во вторую очередь — в Белоруссии. Но! Половину

всех средств, выделяемых на строительство «Линии Молотова», планировалось использовать... в Прибалтике! Это же второстепенное направление! Почему в Прибалтике?! Четверть средств планировалась для Белоруссии и только 9 % для Украины, где, по утверждениям советских маршалов, «ожидался главный удар» (Анфилов, там же, с. 164). Не только в стратегическом плане, но и в плане тактическом, укрепления «Линии Молотова» строились на второстепенных направлениях».

Владимир Богданович лучше бы посмотрел не на перспективные планы строительства, в которых большое внимание уделялось ранее неприкрытым участкам, а на реальные результаты работ на «Линии Молотова». Лучше всего ситуацию иллюстрирует следующая таблица:

Таблица 6

Наименование УРов	Фронт, км	Глубина, км	Кол-во узлов обороны	Количество ДОС (в стадии строительства)
Тельшяйский	75	5-16	8	366
Шауляйский	90	5-16	6	403
Каунасский	106	5-16	10	599
Алитусский	57	5-16	5	273
Гродненский	80	5-6	9	606
Осовецкий	60	5-6	8	594
Замбровский	70	5-6	10	550
Брестский	120	5-6	10	380
Ковельский (Любомльский)	80	5-6	9	138
Владимир-Волынский	60	5-6	7	141
Струмиловский	45	5-6	5	180
Рава-Русский	90	5-6	13	306
Перемышльский	120	4-5	7	186

Невооруженным глазом видно, что наиболее боеготовые УРы, как по количеству построенных сооружений, так и по проценту готовности, располагаются в полосе Киевского особого военного округа. Естественно, что в такой ситуации перспективное строительство нацеливалось на те районы, где УРы еще вообще не строились. В частности, в Прибалтике. Если пролистать от указанной Владимиром Богдановичем 164-й страницы два листа назад, то на 162-й странице

«Бессмертного подвига» В.А. Анфилова можно обнаружить сокровенное знание. Выясняется, что директивы на строительство укреплений в Белорусском и Киевском особом округах были отданы еще 26 июня 1940 года. Поэтому многие сооружения в этих округах были построены в 1940 г. Например, из 183 ДОСов 68-го Гродненского УРа, имевшихся к началу войны, в 1940 г. было построено 98 сооружений, в 1941 г. 85. — (См.: Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний. М.: Наука, 1973. С. 23). Нет ничего удивительного в том, что в такой обстановке были выделены значительные суммы на строительство укреплений на участке границы, где в июне 1941 г. наступала 4-я танковая группа Гепнера. И, заметим, указанные средства выделены на весь год. Если взять состояние работ на строительстве укреплений весной 1941 г., то резкого дисбаланса усилий не наблюдается. Тот же Анфилов пишет: «Чтобы представить объем работ весной 1941 г., достаточно указать, что на строительстве оборонительных сооружений в укрепленных районах Прибалтийского округа ежедневно работали 57 778 человек, Западного округа — 34 930 человек и Киевского — 43 006 человек». Очевидно, что на строительстве УРов на Украине работает не 9% от общего числа работников. Нет целенаправленного строительства на второстепенном направлении. Есть постепенный перенос усилий на новое направление по мере постройки УРов первой очереди. Тем более в Прибалтике начали строить ДОТы только с апреля 1941 г., до этого «прикрывать второстепенное направление» не могли просто физически, строили УРы в КОВО и ЗапОВО.

Да и с «второстепенностью» ПрибОВО можно поспорить. Ленинград — это крупный промышленный центр, 30–35% оборонной промышленности, и оставлять его без бетонного щита было бы нелогично. Но, по понятным причинам, проводить рекогносцировку УРов в Прибалтике до лета 1940 г. было невозможно. Рекогносцировку завершили только в марте 1941 г. Поэтому нет ничего удивительного в выделении крупных сумм на ударное строительство в Прибалтике четырех УРов в 1941 г. Это были Тельшяйский, Шауляйский, Каунасский и Алитусский укрепрайоны.

Процесс добывания фактов путем втирания информации в ладонь с последующим высасыванием из пальца на этом не заканчивается. «Не заметив» слов В.А. Анфилова о качестве укреплений на «Линии Сталина», Владимир Богданович извлекает из пальца претензии к исполнению новых сооружений. Он пишет:

«Точно так же делалось и на советской стороне. На «Линии Сталина» были мощные бронеколпаки и очень тяжелые броневые детали, а вот на строительстве «Линии Молотова» на берегах той же реки Сан советские инженеры использовали относительно тонкие броневые детали по 200 мм».

Хотелось бы напомнить, что ДОТ — это не танк, и основу его конструкции составляет бетон. Толщиной бетонных перекрытий и определяется стойкость сооружения. Броневая сталь используется в наблюдательных колпаках, своего рода боевых рубках командиров ДОТов и артиллерийских наблюдателей. На «Линии Молотова» колпаков попросту не было, и сравнивать толщину брони попросту не с чем. Вместо массивных колпаков из броневой стали использовались

перископы, как на подводной лодке. Отсутствие бронированных колпаков осложнило жизнь немецким саперам в борьбе с новыми ДОТа́ми. Анализ захваченных немецких документов в ГРУ ГШ РККА показывал: «Опыт борьбы с нашими долговременными огневыми точками вынудил самих немцев признать, что ввиду особой конструкции советских долговременных огневых точек не представляется возможным использовать наружные заряды, которые эффективны только в применении против броневых куполов». (Германская тактика (по опыту войны СССР с Германией). Воениздат НКО СССР, 1942. С. 71.) Аналогично с шаровыми установками орудий. Установку 76,2-мм пушки Л-17 с 80-мм броней попросту не с чем сравнивать. Пушка обр. 1902 г. на капонирном лафете обр. 1932 г. старых УРов подобного бронирования не имела в принципе. Был лишь шаровый обтюратор из неброневой стали для герметизации ДОТа, обеспечения защиты от отравляющих веществ. И противопоульная створка, открывавшаяся при стрельбе. Так что претензия В. Суворова к отсутствию броневых деталей лишена оснований. Отсутствовали бронированные колпаки, замененные перископами. Если же сравнить толщину основного материала сооружений, бетона, то сравнение «Линии Сталина» и «Линии Молотова» будет в пользу последней. Это как сравнение финской «Линии Энкеля» 20-х годов и сооружений, построенных на Карельском перешейке при К.Г.Э. Маннергейме. Для начала слово В.А. Анфилову, книгу которого «Бессмертный подвиг» Владимир Богданович цитирует и не может отрицать, что в ней есть такие слова: «Основным типом боевого сооружения являлась огневая пулеметная точка. Долговременных сооружений, обеспечивающих неуязвимость гарнизона при попадании 155-мм и 210-мм снарядов, насчитывались единицы». Речь идет об укреплениях «Линии Сталина». Если обратиться к сухим цифрам, то типовой пулеметный ДОТ КиУР на «Линии Сталина» имел толщину стен 1,2 м, перекрытий 86–102 см, двухэтажные пулеметные ДОТы имели толщину стен до 1,5 м, а перекрытий до 1,4 м. Считалось, что такой ДОТ способен противостоять только снарядам калибра 105–122 мм. В докладной записке Кобулова от 11 января 1939 г. о Тираспольском УРе об устойчивости сооружений сказано следующее: «Достаточно 203-мм снарядов или двух-трех попаданий в напольную стену 47- или 75-мм снарядов бризантного действия, как сооружение будет выведено из строя». ДОТы на «Линии Молотова» были защищены стенами толщиной 1,5–1,8 м, а толщина перекрытий — до 2,5 м (!!!). Толщину желаящие могут и сегодня измерить рулеткой на сохранившихся сооружениях на границе. Далее Владимир Богданович факт незавершенного строительства выдает за злой умысел:

«Например, во Владимир-Волы́нском УРе из 97 боевых сооружений было обсыпано землей 5–7, остальные были фактически демаскированы». (ВИЖ. 1976. № 5. С. 91.) Если мой читатель будет пересекать советскую границу в районе Бреста, то пусть обратит внимание на серые бетонные коробки почти на самом берегу — это доты южной оконечности Брестского УРа. Они не были обсыпаны землей тогда, так голыми стоят и по сей день».

Причина этого вполне заурядная: строительство сооружений не было завершено, поэтому те ДОТы, к которым уже были подведены коммуникации, были обсыпаны землей (таковых в Новоград-Волы́нске, как видно из ВИЖевской

цитаты, было 5–7 единиц). Согласитесь, что если постройка была демонстративной, то обсыпать 5 или 7 сооружений, оставив остальные неприкрытыми, просто нелогично. Если уж оставлять ДОТы напоказ, голыми бетонными коробками, то все построенные сооружения. В реальности никто не намеревался оставлять ДОТы без обсыпки после завершения их строительства, подвода коммуникаций. Слово командующему 62-го Брест-Литовского укрепрайона: «И потом надо иметь в виду, — добавил от себя Пузырев, — что после окончания строительства все ДОТы будут тщательно замаскированы. Попробуй отличи их тогда от окружающей местности». (Сандалов Л.М. Пережитое. М.: Воениздат, 1961. С. 64). Помимо документов и свидетельств участников событий есть еще один элемент, который говорит о намерении замаскировать ДОТы. На сохранившихся до наших дней сооружениях по периметру крыши идет ряд металлических штырей. Это кронштейны для крепления маскировочной сети.

В большинстве случаев отсутствие обсыпки и маскировки — это следствие незавершенности строительства. Например, голыми бетонными коробками были недостроенные к 1940 г. ДОТы второй линии укреплений во Франции. Необсыпанный французский ДОТ типа STG с казематами фланкирующего огня есть в районе Мобежа, у шоссе D102, каждый желающий может увидеть это мрачное темно-серое сооружение и сегодня. Есть такие памятники эпохи и в других местах. Четырехамбразурный фланкирующий ДОТ стоит в районе Седана, в десятке метров от шоссе, повернувшись к нему глухой стеной, которая по завершении строительства должна была быть обсыпана землей и камнями. Аналогично с польской недостроенной линией укреплений у Млавы, где 1 сентября 1939 г. было построено около 50% от запланированного числа ДОТов. И только 15% долговременных сооружений Млавы были замаскированы деревьями и обсыпкой землей. Давайте разовьем на этой почве смелую теорию про агрессивную Польшу с демонстративными ДОТами рядом с границей (Млава была в нескольких километрах от границы). ДОТами, заметим, на «второстепенном направлении», на южном фасе Восточной Пруссии. Тем более планы у Польши были наступательные, см. главу про военное планирование. И вывод сделаем: «Превентивно Адольф Алоизиоич по Польше ударил, иначе не мог!» С «прогрессивными методами» Владимира Богдановича можно до чего угодно договориться. Хотя в реальности всему есть вполне разумные и простые объяснения. Необсыпанными остаются ДОТы из-за того, что не успели достроить, замаскировать грунтом и растительностью.

Диптих, противопоставляющий мрачный замок коммунистической России и показушную линию «наступательных ДОТов», Владимир Богданович рисует яркими, крупными мазками:

«Раньше доты на «Линии Сталина» строились тайно вдали от границ, и противник не мог знать, где находятся укрепления, где проходы между ними, да и есть ли вообще такие проходы. Теперь противник мог со своего берега не только видеть все строительство и точно знать, где находятся укрепления, но мог с точностью выявить каждое отдельное сооружение и даже установить направление стрельбы для каждой амбразуры. На основе этого он мог определить всю систему

огня. Зная направление секторов обстрела, противник мог выбрать непростреливаемые участки, пробраться к демаскированным дотам и заткнуть амбразуры мешками с песком, что, кстати, противник и сделал 22 июня 1941 года».

Про воспетые Владимиром Богдановичем мешки с песком, которыми якобы затыкали амбразуры ДОТов, ни наши, ни немецкие источники не пишут. Позволю себе предположить, что мешки — это плод бурной фантазии писателя-публициста. Но дело не в мешках. Откроем 64-ю страницу книги Л.М. Сандалова «Пережитое» и читаем: «К сожалению, — вздохнул Чуйков, — немецкая разведка знает об укрепрайоне в целом и расположении отдельных его ДОТов не только путем наблюдения, но и через свою агентуру. Выселить подозрительных лиц из пограничной зоны пока не удалось. Впрочем, разрушить дот, даже если известно, где он находится, не так-то просто». Так что агентурная разведка позволяла немцам с определенной точностью вычислять и ДОТы, расположенные в глубине советской территории. То же самое было и на «Линии Сталина». Доклады НКВД, подобные выше процитированным, говорили о том, что мимо ДОТов свободно ходят местные жители, среди которых могут быть и шпионы.

Военная наука, в том числе фортификация, шагала в XX веке семимильными шагами. Это, например, казематы Ле Бурже, о которых я рассказывал в главе о финской. Введенные в начале века на французских фортах казематы Ле Бурже стали весьма популярны в 30-е годы, когда артиллерия заставила прятать от противника амбразуры укреплений. Старые крепости были от всего этого безнадежно далеки. Кроме того, время малочисленных по меркам XX века армий, наступавших вдоль дорог, прошло. Для армий наполеоновской эпохи крепости были препятствием. В 1941 г. 17-я, 18-я танковые дивизии Гудериана форсировали Буг севернее Бреста, 3-я и 4-я танковые дивизии — южнее Бреста. Немецкие танкисты Бреста в глаза не видели, пока крепость еще сражалась, они уже наматывали на гусеницы дорогу на Минск. Брестскую крепость осаждали пехотные дивизии немцев. Во времена сплошного фронта многомиллионных армий отдельные крепости роли не играли. Гораздо сильнее Брестской крепости были, например, ДОТы 3-й роты 17 опаб 62-го Брестского УР в районе д. Слохи-Аннопольское. Там было 9 ДОТов, в том числе три артиллерийских: один с двумя 76-мм пушками, два с 45-мм пушками. Боевая ценность этой группы ДОТов намного выше, чем Брестской крепости. И держались ДОТы, гарнизон которых составлял несколько десятков человек, сравнимое с Брестской крепостью время. Последний ДОТ 2-й роты 17-го опаб был подорван немцами 30 июня 1941 г. Первая рота 17 опаб, у пресловутого моста через Буг у Семятичей, сражалась до 3 июля 1941 года. Только на 12-й день войны замолчали орудия и пулеметы штабного ДОТа «Орел», который в отличие от своего тезки, броненосца отряда Небогатова, предпочел смерть позорному плену. Защищала ДОТ «Орел» почти две недели войны горстка бойцов, всего 25–27 человек под командованием лейтенанта с простым русским именем Иван Иванович Федоров. Про Брестскую крепость узнали во многом благодаря исследованиям С.С. Смирнова. Но в крепости оборонялись остатки двух дивизий, а ДОТы УРов на новой границе защищали немногочисленные гарнизоны. Поэтому свидетелей осталось мало, и

широкой известности подвиг бойцов пулеметно-артиллерийских батальонов не получил.

Зададимся вопросом: «А является ли вообще строительство укреплений или их полное забвение свидетельством агрессивности?» Одним из лидеров в области строительства крепостей перед Первой мировой была Германия. Именно в Германии была построена самая совершенная на 1914 г. крепость Мец. В.В. Яковлев в своем труде 1931 г. «История крепостей» написал о Меце следующее: «В описанном виде бывшая германская крепость Мец воплощала собой высшую степень развития крепостей XX века: ни в одном другом государстве такой крепости не было». Но интенсивное строительство укреплений не означало позиции овечки. Германский план войны, широко известный как план Шлиффена, предусматривал наступление через Бельгию с охватом французских войск. Крепости на левом фланге должны были при этом сдерживать наступление французского правого крыла. Развитые фортификационные сооружения на восточных границах Германии, крепости Торн, Кенигсберг, Познань и Грауденц предназначались для сдерживания русской армии, которая своими действиями могла помешать наступательной операции на Западе. Анализируя только строительство укреплений, нельзя делать однозначных выводов о планах государства. Если военное руководство той или иной страны вынашивает наступательный план, то никаких цирковых номеров с постройкой липовых укреплений не будет. Фортификационные сооружения — это удовольствие дорогое. Поэтому в интересах наступательного плана будут строиться полноценные укрепления, предназначенные для высвобождения сил на главном направлении. Усиленная фортификационными сооружениями местность требует меньшего количества войск для эффективной обороны. Следовательно, высвободившиеся в результате постройки укреплений войска можно использовать на том направлении, где мы наступаем. Есть и еще один вариант использования оборонительных линий. Согласно словам Клаузевица, вынесенным в эпиграф, усилия противника будут направляться в нужное русло. По такому пути шли французы, сооружая «Линию Мажино». Германской армии тем самым указывался путь через Бельгию, где и можно было разгромить ее в маневренном сражении.

Одним словом, бурная деятельность на ниве постройки укреплений никак не свидетельствует о миролюбии строителя. Точно так же возведение ДОТов не свидетельствует об агрессивности. Фортификация, как и всякий другой инструмент, может использоваться двояко, как для реализации наступательных, так и оборонительных планов. Попытки Владимира Богдановича вывести из истории «Линии Сталина» и «Линии Молотова» агрессивные планы СССР выглядят совершенно беспомощными при ближайшем рассмотрении. С 20-х годов до 1941 г. в СССР создавались укрепленные районы общего назначения для защиты жизненно важных направлений. Сдвиг границы на запад не вызвал смены идеологии строительства. Напротив, развитая промышленность СССР конца 30-х благоприятствовала созданию мощной линии обороны на новых границах. Летом 1940 г. была заложена система УРов, по количеству сооружений не уступающая «Линии Мажино». Цифры говорят сами за себя: по плану «Линия Молотова» состояла из 5807 сооружений, «Линия Мажино» это около 5600 сооружений.

«Линия Сталина» — это 3817 сооружений, из которых было построено 3279. Причем на новой границе строились более совершенные укрепления, почти половина из которых должны были стать артиллерийскими. Нет спада в развитии укрепленных районов, напротив, идет постоянное совершенствование структуры обороны. Если УРы постройки 1928–1939 г. имеют глубину 1–5 км, то УРы «Линии Молотова» строятся с глубиной обороны 5–6 км. УРы последнего поколения, в Прибалтике, уже закладываются на глубину 5–16 км. На строительство УРов выделялись весьма внушительные суммы, исчислявшиеся сотнями миллионов рублей. В свете этой статистики тезисы Владимира Богдановича о забвении оборонительного строительства выглядят просто нелепо. Проблема была только в том, что за год линию на новой границе построить не успели, завершили всего около 880 ДОС.

Кроме того, немцы были сильным противником. Это бедные артиллерией финны уперлись в Карельский УР и скисли. У немцев и с артиллерией все было в порядке, и был опыт преодоления укреплений, отработанная тактика действий саперов. Владимир Богданович просто не в курсе и поэтому пишет: «Немецкий блицкриг — это действия в глубине. Теория прорыва в Германии не разрабатывалась, и проблема прорыва не ставилась». («Самоубийство»). Немцы имели опыт взлома обороны в Первую мировую войну. В 1914 г. они разбили крепости Льеж и Намюр тяжелой артиллерией, в 1915 г. взяли форты Во и Дуомон под Верденом, в 1918 г. прорвали фронт на Марне массированным артиллерийским ударом и тактикой просачивания. Поэтому, если возникала необходимость прорыва долговременной обороны, они эту задачу решали. Например, Рава-Русский УР, в хорошей степени готовности, с полевым заполнением 41-й стрелковой дивизии все же был преодолен пехотными дивизиями немцев. Основной технологией штурма ДОТов немецкими войсками были специальные блокировочные группы. ДОТы ни 30-х, ни 40-х годов не имели кругового обстрела, и это позволяло подбираться к ним вплотную. Далее саперы залезали на ДОТ, и ахиллесова пята всегда находилась. Так действовали наши саперы на финских ДОТах в феврале 1940, немецкие штурмовые группы на ДОТах «Линии Мажино» в июне 1940 г. Вот как наши специалисты описывали немецкую технологию борьбы с ДОТами: «Для действия против долговременных огневых точек немцы создают из саперов специальные блокировочные отряды. Такой блокировочный отряд состоит из 30–40 человек, которые разбиваются на две группы: штурмовую (20–25 человек) и резерв (10–15 человек).

Штурмовая группа, в свою очередь, делится на четыре подгруппы.

Первая подгруппа — ударная (4–5 человек), вооружена винтовками, ручными гранатами и ножницами для резки проволоки.

Вторая подгруппа — дымовая (3–4 человека), выделяется в случаях действительной надобности; ее задачи — постановка дымовой завесы при подходе к долговременной огневой точке подрывной и огнеметной подгрупп. Вооружена эта подгруппа винтовками, ручными гранатами и дымовыми пашками.

Третья подгруппа — подрывная (5–6 человек), вооружена винтовками, ручными гранатами и 3-килограммовыми саперными зарядами.

Четвертая подгруппа — огнеметная (7–8 человек), вооружена винтовками и огнеметами.

Резерв блокировочного отряда подразделяется на такие же подгруппы, кроме огнеметной (последняя в состав резерва не входит).

Наступление блокировочного отряда проводится следующим образом.

Под прикрытием артиллерийского, минометного и пулеметного огня блокировочный отряд небольшими перебежками пытается достигнуть проволочного заграждения перед долговременной огневой точкой.

Если нужно, дымовая подгруппа ставит непосредственно перед долговременной огневой точкой дымовую завесу. Ударная подгруппа проделывает проходы в проволочных заграждениях и пропускает подрывную подгруппу, которая подползает к долговременной огневой точке для разрушения выходящих на поверхность частей сооружения (броня, стволы орудий, пулеметы, вентиляционные отверстия). Через образовавшиеся после взрывов разрушения в амбразурах подрывники забрасывают защитников долговременной огневой точки ручными гранатами. С тыла под прикрытием дымовой завесы подбирается огнеметная подгруппа, которая выжигает входные двери казематов». (Разведывательный бюллетень № 25 // Германская тактика (по опыту войны СССР с Германией). М.: Воениздат НКО СССР, 1942. С. 70–71.)

ДОТы, как и танки, несмотря на свой грозный вид, беспомощны без пехотинцев с винтовками и пулеметами вокруг них. Это называется «пехотное заполнение» укрепрайона. Форты Во и Дуомон крепости Верден удержались только потому, что у их стен сражались пехотинцы. Когда французские войска отступали к Вердену, солдаты обходили форты, считая их мишенью для артиллерии. Взятие бельгийских крепостей Льеж и Намюр подорвало веру в укрепления. Верден был даже разоружен. Но бои зимой 1915 г. показали, что форты неплохо держатся во взаимодействии с пехотой. Укрепления XX столетия не выживали, если их не прикрывали дивизии массовой армии. Пехотинцы в окопах вокруг мешали подобраться к ДОТам командам с канистрами, подрывными зарядами и огнеметами. Артиллерия пехотных соединений мешала выкатить на прямую наводку орудия для стрельбы по амбразурам и осложняла жизнь осадной артиллерии в целом. В свою очередь бетонные коробки прикрывали пехотинцев огнем своих пулеметов и пушек. Проблема «Линии Молотова» была в отсутствии пехотного заполнения. Точно так же, как КВ и Т-34 механизированных корпусов страдали без мотострелков, ДОТы на новой и старой границе были обречены на гибель без стрелковых дивизий. А стрелковые дивизии не успели дойти и доехать к границе. Были только войска прикрытия, как 41-я сд Микушева у Рава-Русской. Если войск для пехотного заполнения было мало, то Вермахт разгрызал любые крепкие орешки. Например, «Линию Мажино». На фронте в 400 км французы оставили 12–13 июня 1940 г. всего 10–15 дивизий. То есть плотность войск была такой же, как войск прикрытия у советской границы — 25–40 км на дивизию. Это позволило немцам успешно атаковать укрепления и уничтожать их штурмовыми

группами. Артиллерия, минометы, пехота выбивали пехотные части вокруг ДОТов, а дальше шел процесс подрыва бронеколпаков, труб вентиляции, и ДОТы уничтожались один за другим. По той же схеме немцы уничтожили в первые две недели войны УРы «Линии Молотова».

Что же было дальше? По большому счету, судьба «Линии Сталина» подобна судьбе «Линии Мажино». Где-то ее обошли, где-то прорвали. Например, на Юго-Западном фронте «Линия Сталина» была прорвана 5–9 июля 1941 г. на стыке 5-й и 6-й армий. Все выходившие к «Линии Сталина» моторизованные корпуса немцев довольно быстро взламывали укрепления. Первой это сделала 11-я танковая дивизия под Новым Мироплем, затем 13-я и 14-я танковые дивизии III моторизованного корпуса у Новоград-Волынского и Гульска, после них 16-я танковая дивизия в районе Любара. После прорыва танковыми соединениями последовали прорывы пехотой. Летичевский УР, о котором я писал выше, был прорван XXXXIX горным корпусом 17-й армии Штюльпнагеля, укрепления в районе Днестра — XXX армейским корпусом 11-й армии Шоберта. До этого немецкие войска без усилий преодолели недостроенный Шепетовский УР.

Прорыв или обход через неизбежные «просветы» оборонительной линии на одном узком участке сразу снижал ее боевую ценность до нуля. Вбитый в оборону клин заставлял войска отходить, но в отличие от винтовок и пулеметов ДОТы с собой отвести на новую линию обороны невозможно. Поэтому дорогостоящие и сложные сооружения попросту бросали. Это было везде и всегда. Финны после прорыва у Суммы были вынуждены, бросив все, отходить на Выборг. Свежестроенные ДОТы узла «Суурниemi» были даже взорваны при отходе. Финнам просто повезло, что СССР не применил немецкую стратегию 1941 г., молчаливое сосредоточение войск, никаких требований по дипломатическим каналам и внезапное нападение. В этом случае «Линия Маннергейма» без пехотного наполнения была бы взломана за несколько дней, подобно укреплениям у Рава-Русской в июне 1941 г. При недоразвернутой армии ДОТы будут захвачены штурмовыми группами или разбиты артиллерией с прямой наводки. Нельзя строить систему обороны страны только на долговременных укреплениях. УРы должны быть поддержаны сильными стрелковыми частями, контрударами танковых соединений, иначе они погибнут. Вооруженные силы страны не имеют права быть флюсом, развитым только с одной стороны. Поэтому в СССР перед войной развивали вооруженные силы по возможности гармонично, уделяя внимание и укрепленным районам, и танковым частям, и воздушно-десантным войскам. И нельзя сказать, что укрепленным районам уделяли мало внимания. Судьба ДОТов и их гарнизонов сложилась трагически на фоне общего неблагоприятного развития событий летом 1941 г. Одно звено цепи тянуло за собой другое. Бетонные ДОТы, как и любой другой вид вооружений, не являются изначально чудо-оружием. У армии середины XX столетия было достаточно средств для уничтожения долговременных укреплений. Они могли сыграть весомую роль только во взаимодействии с другими родами войск. Недоразвернутость армии лишала УРы пехотного заполнения, недостроенность линии укреплений облегчала прорыв на направлениях главных ударов. Декларированный В. Суворовым «поворот к лесу передом» как главная причина неудач 1941 г. не более весом, чем объяснение молнии передвижением по небу Ильи-пророка.

ГЛАВА 14.

Надувная дубинка Джулио Дуэ

Идея машины заключалась в том, чтобы она имела дальность 4000 км. Зачем нужна такая дальность? А для того, чтобы можно было от нашей западной границы долететь, скажем, до Кельна. Это примерно 1600 км.

С.В. Ильюшин

История ТБ-7, как и «автострадные» танки БТ, — своего рода визитные карточки теории В. Суворова. Критики Владимира Богдановича обычно спорят с частностями, указывая на очевидные и неизбежные при технике работы английского публициста с источниками ляпы и неточности. Но почему-то не оспаривается тезис, вынесенный в название второй главы «Дня М»: «Зачем Сталин уничтожил стратегическую авиацию?» Тезис об уничтожении стратегической авиации принимается в качестве отправной точки, и фактически В. Суворов заставляет своих оппонентов играть на его поле. Опровержения возможностей стратегической авиации звучат неубедительно в глазах массового читателя. Между тем не соответствует действительности «главная мысль» Владимира Богдановича: никто советскую стратегическую авиацию не уничтожал и даже не пытался это сделать. Тезисы же В. Суворова — это, во-первых, непонимание разницы между внешним обликом и назначением самолета, а во-вторых, вульгарное понимание теории Джулио Дуэ без попытки понять границы применения положений итальянского военного теоретика.

Но не будем торопить события и выведем на сцену основных участников драмы о стратегической авиации. Как у Великого Инквизитора, теория о 1000 ТБ-7 держится на трех китах — чуде, тайне и авторитете. Авторитет — это куча цитат, которые вываливаются на голову читателя в начале главы, например:

«Авиаконструктор В. Шавров: «Выдающийся самолет».

На ТБ-7 впервые, раньше, чем в США и Англии, были подняты пятитонные бомбы». (История конструкций самолетов в СССР. 1938–1950. С. 162.)»

Цитатами из авторитетных источников крупными, яркими мазками строится образ чудо-оружия. Набросав цитат, Владимир Богданович берется за перо сам:

«Но Молотов на ТБ-7 полетел из Москвы в Британию прямо над оккупированной Европой. Нужно вспомнить, кто господствовал в небе Европы осенью сорок первого, чтобы оценить степень доверия советского руководства этому самолету».

Здесь имеет место игра на неинформированности читателя. Само по себе использование бомбардировщика для перелетов высоких персон не является чем-то экстраординарным. Два Б-24А (серийные номера 40-2373 и 40-2374) использовались для доставки в сентябре 1941 г. миссии Гарримана в Москву через Великобританию, то есть по тому же маршруту, по которому летал В.М. Молотов на ТБ-7. Написано об этом, например, в B-24 Liberator Squadron/signal publication, Aircraft number 80, page 11. При этом модификация Б-24А не устраивала

американских военных, они требовали повысить скорость самолета, а фирма «Консолидейтед» построила в 1941 г. ХВ-24В, оснащенный двигателями с турбокомпрессорами, чтобы вытянуть скорость до приемлемого предела. Тем не менее Б-24 доверили везти высокого сановника в Москву. По той простой причине, что сплошной ПВО над Европой, а тем более Скандинавией, не было и вероятность встретить на высоте в несколько километров шальной немецкий истребитель была исчезающе мала. Точно так же для немецкой ПВО поиск одиночного самолета на огромном пространстве был подобен поиску иголки в стоге сена. Так что чудом подобные перелеты никак назвать нельзя, и сам факт полета на ТБ-7 не является свидетельством исключительных ТТХ машины.

После давления на читателей авторитетом Шаврова и Молотова на сцене появляется ТАЙНА:

«Когда первые ТБ-7 летали на недостижимых высотах, конструкторы других авиационных держав мира уперлись в невидимый барьер высоты: в разреженном воздухе от нехватки кислорода двигатели теряли мощность. Они буквально задыхались — как альпинисты на вершине Эвереста. Существовал вполне перспективный путь повышения мощности двигателей: использовать выхлопные газы для вращения турбокомпрессора, который подает в двигатель дополнительный воздух. Просто в теории — сложно на практике. На экспериментальных, на рекордных самолетах получалось. На серийных — нет. [...] Искали все, а нашел Владимир Петляков — создатель ТБ-7. Секрет Петлякова хранился как чрезвычайная государственная тайна. А решение было гениально простым. ТБ-7 имел четыре винта и внешне казался четырехмоторным самолетом. Но внутри корпуса, позади кабины экипажа, Петляков установил дополнительный пятый двигатель, который винтов не вращал. На малых и средних высотах работают четыре основных двигателя, на больших — включается пятый, он приводит в действие систему централизованной подачи дополнительного воздуха. Этим воздухом пятый двигатель питал себя самого и четыре основных двигателя. Вот почему ТБ-7 мог забираться туда, где никто его не мог достать: летай над Европой, бомби, кого хочешь, и за свою безопасность не беспокойся».

Почему-то забывается еще одно решение по повышению давления наддува двигателя. Это принцип Мюнхгаузена, вытаскивавшего себя самого из болота за косу. Двигатель может накачивать воздух себе самостоятельно. «АЦН», официальное название пятого двигателя ТБ-7, расшифровывается как «агрегат центрального наддува». Куда более распространенным был наддув нецентральный, свой у каждого двигателя. С коленчатого вала снималась мощность, передаваемая с помощью шестерен на компрессор, накачивавший воздух в двигатель, повышая давление наддува. Подобная конструкция, одно-, а позднее двухскоростной нагнетатель, позволяла успешно действовать на больших высотах самолетам, не оснащенным турбокомпрессорами. Это «Спитфайры», «Р-51D Мустанг» с лицензионным двигателем Мерлин, оснащавшимся с XII модели

двухскоростным нагнетателем. Так что рассказы про упирание в «невидимый барьер высоты» несколько преувеличены. Драматизирует Владимир Богданович и проблемы с турбокомпрессорами. Их недостатки представляются с тонким психологическим расчетом:

«Детали турбокомпрессора работают в раскаленной струе ядовитого газа при температуре свыше 1000 градусов, окружающий воздух — это минус 60, а потом — возвращение на теплую землю. Неравномерный нагрев, резкий перепад давления и температуры коржили детали, и скрежет турбокомпрессора заглушал рев двигателя».

Читатель сразу представляет себе противный скрежет вышедшего из строя механизма. Недостатки схемы с пятым двигателем В. Суворовым скромно умалчиваются. А они вполне очевидны: пятый двигатель — это вес, много больший, чем вес четырех турбокомпрессоров. Турбокомпрессор фирмы Дженерал Электрик весил 17 килограммов, четыре компрессора для четырех двигателей, как нетрудно догадаться, 68 килограммов, что существенно меньше сухой массы М-100, сердца АЦН-2, в 480 кг. Кроме веса, это топливо, которое пятый двигатель кушал в полете наравне с четырьмя остальными, в то время как турбокомпрессоры вращались отходами, отработанными газами основных двигателей. В статье В. Раткина в журнале «Мир авиации» мы находим более развернутую и жесткую оценку идеи с пятым мотором: «Выгоды моторы-нагнетатели давали мнимые, зато создавали проблемы, в боевых условиях неприемлемые. Монтировались М-100 в фюзеляже таким образом, что для выполнения их ремонта приходилось выводить из боевого состава сам бомбардировщик. Работающий нагнетатель «пожирал» остро необходимое в дальнем полете горючее; его масса была «отнята» у бомбовой нагрузки». (Мир авиации, 1997. № 1. С. 7.) «Особый путь» АЦН вел в тупик. Общепринятым и эффективным решением были двухступенчатые нагнетатели в двух вариантах. В одном случае обе ступени вращались самим двигателем (поздние Мерлины на Спитфайрах), в другом одна ступень вращалась самим двигателем, а роль второй выполнял турбокомпрессор, приводимый в движение отходами работы двигателя, выхлопными газами. По этой схеме работали силовые установки истребителя Р-38 Лайтнинг и бомбардировщика Б-17 «летающая крепость».

Не все было гладко и с бомбометанием с заоблачных высот: «...бомбометания с высот, больших, чем 8000 м, были малоэффективны; это показали предвоенные опыты — разнос бомб достигал 1,5 км. Перед бомбометанием ТБ-7 все равно пришлось бы идти на меньших высотах (порядка 3500–7000 м), на которых ценность нагнетателей становилась равной нулю». (Мир авиации. 1997. № 1. С. 7.) Эти данные подтверждаются опытом применения бомбардировщиков Б-17 англичанами с высот около 10 тыс. метров в 1941 г. Первый же налет «крепостей» на Вильгельмсхафен показал полную невозможность куда-либо попасть с такой высоты. В СССР и Англии не было прицела, сравнимого с американским гироскопическим «Норденом». Английские «летающие крепости» летали на Германию с прицелом «Сперри», сверхсекретный «Норден» американцы берегли как зеницу ока. Но даже «Норден», стоивший \$6000 и фактически бравший

управление самолетом на себя перед сбросом бомб, не мог гарантировать попадание неуправляемой чушкой с 7–10 километров.

Да и защитой «звонящие высоты» оказались сомнительной. Практический потолок ТБ-7 с двигателями М-34ФРН и АЦН-2 составлял 10 800 м, с двигателями АМ-35А — 9300 м. Для сравнения, рабочий потолок немецкого истребителя Ме-109Е-3 составлял 10 500 м, потолок Ме-110С — 10 000 м. Практический потолок эти истребители набирали примерно за полчаса. Двигатели истребителей Мессершмитта были «нецентрального наддува», и ЮМО и Даймлер-Бенц оснащались однокоростными нагнетателями. Это позволяло им доставать и реально высотные бомбардировщики. Американский бомбардировщик Б-17С «летающая крепость» образца 1940 г. имел рабочий потолок 11 000 м. Но, как показала практика применения Fortress I, поставленных в Англию В-17С, такая высотность не являлась надежной защитой. Несмотря на то что полеты «крепостей» совершались на высоте 30 тысяч футов (около 9 тыс. метров), бомбардировщики несли ощутимые потери. В рейде на Брест 24 июля 1941 г. один из самолетов был так тяжело поврежден, что развалился при посадке. Из рейда на Осло из трех «крепостей» не вернулась ни одна. Одним словом, после 22 атак на цели в Европе, такие, как Бремен, Брест, Эмден, Киль, Осло и Роттердам, 8 самолетов из 39 участвовавших в налетах было потеряно в боях с истребителями и катастрофах. Такой разочаровывающий результат заставил англичан отказаться от дневных налетов даже силами высотных бомбардировщиков. Если от истребителей 1938 г. на высотах 8–10 тыс. метров можно было спастись, то от истребителей 1940 г. это было уже проблематично.

Но, так или иначе, дело было сделано, в воображении читателя появился светлый имидж советского вундерваффе, и можно было выводить на сцену ЧУДО:

«Имея тысячу неуязвимых ТБ-7, любое вторжение можно предотвратить. Для этого надо просто пригласить военные делегации определенных государств и в их присутствии где-то в заволжской степи высыпать со звонящих высот ПЯТЬ ТЫСЯЧ ТОНН БОМБ. И объяснить: к вам это отношения не имеет, это мы готовим сюрприз для столицы того государства, которое решится на нас напасть».

Большие буковки в данном случае скрывают два простых факта: ТБ-7 образца 1940 г. 5-тонных бомб не носил и сбрасывал их отнюдь не со звонящих высот. Действительно, заказчик в лице Управления ВВС требовал в 1934 г. потолка в 15 000 м, бомбовой нагрузки в 5 тонн, радиуса 2000 км. Расчеты ЦАГИ гарантировали для ТБ-7 куда более скромные характеристики: бомбовую нагрузку 4 тонны, рабочую высоту 4000 м без специальных средств, повышающих высотность двигателей, и предельную дальность 4600 км. В справочнике Шаврова про нагрузку серийных машин все написано: «Серийный самолет выпуска 1941 г. с двигателями АМ-35А имел массу пустого самолета 19 986 кг, полетную — 27 000 кг в нормальном варианте и 35 000 кг в перегрузочном; [...] бомбовая нагрузка нормальная — 2000 кг, с перегрузкой — 4000 кг». Про «звонящие высоты», с которых ТБ-7 мог сбрасывать 5-тонные бомбы, также все написано в «открытых источниках». В журнале «Техника молодежи» 1975 г. № 2 в статье, посвященной созданию пятитонной ФАБ-5000НГ, прямо указано, что ТБ-7 рассчитывался на

нагрузку 4 тонны, а с этой бомбой у него не закрывался бомболюк, и на испытаниях выше 2500 метров он с нагрузкой 5 тонн забраться не смог. То есть заявленные В. Суворовым 5 тысяч тонн проседают до двух тысяч.

Рассказывая о судьбе ТБ-7, В. Суворов применяет традиционный для себя прием, утверждая резкие изменения в выпуске того или иного оружия после начала войны:

«На 22 июня 1941 года ТБ-7 серийно не выпускаются. [...] После нападения Гитлера ТБ-7 пустили в серию. Но было поздно...».

Неверно. На момент начала войны ТБ-7 находился в серийном производстве на казанском заводе № 124: «сразу после майских праздников (1940 года. — А.И.) вышло правительственное постановление о возобновлении постройки самолетов ТБ-7 на авиазаводе № 124 — теперь с дизелями М-30 и М-40. Одновременно с этим заводское ОКБ освобождалось от задания на пикировщик. Заводу предписывалось срочно восстановить стапелы и другую сборочную оснастку для производства ТБ-7. Директором завода назначался бывший нарком авиапромышленности Михаил Каганович. Таким образом, можно было сказать, что тучи рассеялись, впереди маячили новые горизонты, и можно было двигаться дальше». (М-Хобби, 1997. № 5/6.) И далее: «Первый серийный ТБ-7 с дизелями М-40 был готов в начале 1941 года». (Там же.) На 22 июня в 14 ТБАП было 27 ТБ-7, еще две машины были в НИИ ВВС и некоторое количество в процессе постройки на заводе в Казани. Далее В. Суворов пишет:

«За четыре попытки авиапромышленность успела выпустить и передать стратегической авиации не тысячу ТБ-7, а только одиннадцать. Более того, почти все из этих одиннадцати не имели самого главного — дополнительного пятого двигателя. Без него лучший стратегический бомбардировщик мира превратился в обыкновенную посредственность».

Насчет 11 машин см. выше, а вот с пятым двигателем — более интересная история. Реально АЦН получили только четыре первые машины с моторам АМ-34ФРНТ. На две опытные и четыре серийные машины АЦН сделал ЦИАМ, снабжать же серийный выпуск агрегатами институт просто не мог ввиду слабости производственной базы. Завода для производства АЦН наркоматом выделено не было. Почему так произошло? Как я уже говорил выше, решение с пятым двигателем было временной мерой, и от него вскоре попытались отказаться. В письме П.М. Стефановского наркому обороны, написанном в 1940 г., можно прочесть такие слова: «В настоящее время на заводе заканчивается установка на моторы ТК-1 (турбокомпрессоры. - А.И.) взамен АЦН-2. Этот модернизированный самолет будет иметь скорость 410 км/ч на высоте 8000 м. При замене ТК-1 на ТК-2 или ТК-3Б самолет будет иметь скорость с моторами АМ-35 на высоте 9000 м 500 км/ч. На основании вышеизложенного считаем, что самолет ТБ-7 с мотором АМ-35 и ТК-2 необходимо строить в 1940 году на заводе №124, потребовав выпуска не менее 100 самолетов в год». (М-Хобби, 1997. № 5/6. С. 12.) Как мы видим, вместо «гениального» решения с пятым двигателем у нас пытались вернуться к

магистральному пути развития с установкой на двигатели турбокомпрессоров. Успеха на этом поприще не достигли, а к АЦН как к паллиативу возвращаться не стали. В итоге практически все серийные ТБ-7 были и без АЦН, и без турбокомпрессоров. Более того, уже установленные АЦН с началом войны... сняли: «пятимоторные» ТБ-7 не нашли применения в боевых операциях. Летом 1941 года все они были отправлены в Казань, где двигатели АМ-34ФРНВ и нагнетатели М-100 снимались и заменялись моторами АМ-35А. Высотность последних уже обеспечивала бомбардировщику приемлемые характеристики на высотах до 8 км» (Мир авиации, 1997. № 1. С. 7.) Никаким чудо-оружием ТБ-7 не стал. Развитие самолета пошло по пути «нецентрального наддува», установки на него двигателей АМ-35А с нагнетателями с весьма высоким наддувом (1040 мм рт. ст.) дизелей.

Теперь мы плавно подходим к «главной мысли» разведчика-аналитика:

«И не в том вопрос: успели бы построить тысячу ТБ-7 к началу войны или нет. Вопрос в другом: почему не пытались?»

А кто сказал, что не пытались? И почему именно ТБ-7? Зачем привязываться к конкретной модели, давайте переформулируем утверждение в общем виде: «Пытались ли перед войной создать флот стратегических бомбардировщиков?» Ответ будет положительный. Возможности конкретной модели бомбардировщика как инструмента стратегической авиации определяются не количеством моторов, а его техническими возможностями по доставке бомб и его стоимостью, а следовательно, возможными объемами производства. Более того, когда речь идет о флоте воздушных кораблей, то задача ставится в еще более обтекаемой форме: нужно N самолетов, способных доставить к цели заданное количество бомб в тоннах. Учитывается не количество моторов самолета, а дальность полета, стоимость флота бомбардировщиков, возможности его базирования и обслуживания. Ошибка у Владимира Богдановича возникла, когда он попробовал проследить, кто же стал наследником ТБ-3. Наследником не по количеству моторов в штуках, а в роли стратегического бомбардировщика. В. Суворов рассказывает историю поиска преемника ТБ-3, но пропускает одну весьма существенную деталь:

«Пока ТБ-3 учился летать, пока его только «ставили на крыло», около десятка конструкторских бюро уже включились в жестокую схватку за новейший стратегический бомбардировщик, который потом должен заменить тысячу туполевских ТБ-1 и ТБ-3».

Далее идет перечисление нескольких самолетов, которые остались лишь опытными или мелкосерийными образцами. А теперь послушаем описание конкурса на создание замены ТБ-3 из уст профессионального историка авиации. Процитирую статью С. Мороза «Крылатый крейсер империи»: «Тяжелые бомбардировщики были олицетворением мощи Страны Советов, но уже в начале 30-х стало ясно, что ни новейшие ТБ-3, ни только проектируемые гиганты типа АНТ-20 или К-7 не способны пройти даже очаговую, состоящую из разрозненных

аэродромов и зенитных батарей, систему ПВО противника, а главное — их дальность недостаточна для поражения целей на территории основных империалистических государств. ВВС РККА нуждались в самолете другого класса — дальнем, скоростном, высотном и при этом приспособленном для массового выпуска. На смену «линкорам авиации» должны были прийти «крейсера». Были сформулированы требования к такой машине, и в 1931 году Туполев приступил к проектированию рекордного АНТ-25 и бомбардировщика на его основе. Работу по последнему бригада Сухого начала в 1932 году. Но боевой ДБ-1 (АНТ-36) не удался, и осенью 1936 года фирма получила новый заказ. Двухдвигательный АНТ-37 должен был иметь меньшую дальность, но усиленное вооружение. [...] Между тем первый опытный «тридцать седьмой» разбился через месяц после начала испытаний. Проблема бафтинга, ставшая причиной его гибели, не была окончательно решена и на дублере, но военные именно его видели в качестве основного кандидата в серию. Тем временем на старт вышел третий участник конкурса — ЦКБ-26».

Вот и появилось на сцене название самолета, от судьбы которого легкомысленно отмахнулся Владимир Богданович. ЦКБ-26 — это прототип широко известного бомбардировщика ДБ-3. В. Суворов посвящает целые страницы самолету, выпускавшемуся в единичных экземплярах, и «забывает» о машине, строившейся тысячами сериями. Точнее, он о ней «помнит», но придумывает на ходу торопливое объяснение:

«На 22 июня 1941 года советская стратегическая авиация в своем составе больше армий не имела. Остались только пять корпусов и три отдельные дивизии. Основное их вооружение — ДБ-3Ф. Это великолепный бомбардировщик, но это не стратегический бомбардировщик».

Позволю себе спросить: а какой это бомбардировщик? Это не ближний бомбардировщик, эту роль на себя взял СБ, а позднее Пе-2 и Су-2. Основной задачей ДБ-3 были удары по стратегическим объектам. Авиаполки, оснащавшиеся ТБ-3, перевооружались на ДБ-3. Автор собственными глазами видел в РГВА директивы ГШ РККА 1939 г. по перевооружению 11-го и 4-го ТБАП с ТБ-3 на ДБ-3. Именно перевооружению, а не переформированию. В финскую войну ДБ-3 наносили удары по городам и портам Суоми. В 1941 г. ДБ-3 бомбили Плоешти и Берлин. Как стратегические свои бомбардировщики позиционирует и сам С.В. Ильюшин, см. эпиграф этой главы. И ДБ-3 с моторами М-85 определению Ильюшина соответствовал, с 1000 кг бомб самолет имел дальность аккурат 4000 км. Данные приведены по все той же статье С. Мороза в «АвиО». На вооружение ДБ-3 2 М-85 был принят 5 августа 1936 года, а эксплуатационные испытания машины завершились в мае 1937 г., когда московский завод №39 сдал военной приемке первую партию новых бомбардировщиков. На этом фоне начавшиеся 11 августа и закончившиеся 18 октября 1937 года испытания ТБ-7 4М-34ФРН+М-100 особого энтузиазма не вызвали.

Даже без работающего и пожирающего топливо АЦН самолет показал дальность 3000 км с 2000 кг бомб. Военные настойчиво требовали установку на ТБ-7 турбокомпрессоров, и для производства самолетов был выделен

свежестроенный завод №124 в Казани. Именно ДБ-3 стал явным лидером, именно он «перешел дорогу» ТБ-7. С самого начала карьеры ДБ-3 нацеливали на стратегические задачи. «Действительно, очень заманчиво было получить скоростной бомбардировщик с большой дальностью полета. В штабах уже чертили схемы возможного боевого использования машины. Дальность в 4000 км при бомбовой нагрузке 1000 кг от рубежа Киева позволяла накрыть всю территорию Германии и Италии, не говоря о более близких соседях. Из Благовещенска были доступны все цели на территории Кореи, из Хабаровска — почти вся Япония». (История авиации, 2000. № 6. Котельникова В. «Незаконнорожденный» бомбардировщик.) В этом смысле ДБ-3 был даже более «стратегическим», чем ТБ-3 с дальностью 2000 км.

Более-менее реальный шанс опередить бомбардировщик Ильюшина у ТБ-7 появился в 1939 г., когда ДБ-3 решили вывести на качественно новый уровень. Такая же цифра 4000 км была заложена в Постановление правительства, давшего путевку в жизнь плазово-шаблонному ДБ-3Ф с двигателями М-88, от самолета требовали дальности 4000 км с 1000 кг бомб и макс. скорости 450–470 км/ч на высоте 6000 м. (История авиации, 2001, № 3. С. 16.) Высотность ДБ-3Ф предполагалось достичь вышеописанным принципом «нецентрального наддува» — моторы М-88 оснащались двухскоростными нагнетателями и являлись, пожалуй, самыми высотными отечественными моторами на тот момент. Но с ними у ильюшинской машины не заладилось, более мощные двигатели оказались более прожорливыми, и дальность просела с 4000 до 3300 км, образ «крылатого крейсера империи» несколько потускнел. Но и здесь у ТБ-7 был сильный двухмоторный конкурент, ДБ-240 с дальностью 5000 км. У всех трех машин, ДБ-3Ф, ДБ-240, ТБ-7, были свои проблемы, поэтому руководство страны сделало осторожные ставки на каждый из бомбардировщиков. В мае 1940 г. был дан заказ на ТБ-7 казанскому заводу №124. Именно вследствие этого ТБ-7 оказался в серийном производстве на момент начала войны.

Термин «стратегическая авиация» пришел к нам из словаря союзников. В действовавшем на 1941 г. ПУ-39 есть понятие «дальняя бомбардировочная авиация», а задачи ее определены так: «Дальняя бомбардировочная авиация имеет основным назначением: уничтожение авиации противника на ее аэродромах, **разрушение крупных целей военно-промышленного значения**, морских и авиационных баз и других важных объектов в глубоком тылу противника; уничтожение линейных сил флота в открытом море и на базах; прекращение и нарушение железнодорожных, морских и автомобильных перевозок». (ПУ-39, Глава 2, раздел 30). Задачи, как мы видим, вполне соответствуют тому, что принято называть стратегическими бомбардировками. В «ТТТ к бомбардировочному самолету дальнего действия ТБ-7 4 М-34ФРН», которые получил ЦАГИ из НИИ ВВС 20 января 1935 г., заданы те же самые задачи, которые формулирует Устав:

«1. Назначение самолета:

бомбардировщик дальнего действия.

2. Объекты действия.

а) Объекты административного и политического значения, расположенные в глубоком тылу противника.

б) Промышленные предприятия военного назначения.

в) Узловые и крупные железнодорожные станции и мостовые сооружения наиболее жизненных магистралей.

г) Государственные и центральные склады, аэродромы и авиабазы, расположенные в глубоком тылу противника.

д) Морские базы, боевые и транспортные корабли в портах и открытом море на пределах радиуса действия бомбардировщика».

ТТТ к ТБ-7 были утверждены начальником управления Воздушных сил РККА Я.И. Алкснисом 31 января 1935 г.

Использование ДБ-3 против немецких танковых колонн в 1941 г. носило вынужденный характер. Исключительность этой меры записана в ПУ-39 в явном виде: «В особых случаях дальняя бомбардировочная авиация может быть привлечена для поражения войск противника в районе поля сражения и на поле боя». Поэтому, когда говорят, что у СССР не было стратегической авиации, это не соответствует действительности. У советской авиации не было массового четырехмоторного бомбардировщика, но роль «стратегов» успешно выполняли двухмоторные бомбардировщики ДБ-3 и ДБ-3Ф. По своим техническим характеристикам ДБ-3 и ДБ-3Ф превосходили ТБ-3 по радиусу действия, а меньшую бомбовую нагрузку можно было компенсировать, посылая на цель два ДБ вместо одного четырехмоторного тяжелого бомбардировщика. То же самое было в других странах. Для воздействия на стратегические объекты противника в конце 30-х предпочитали использовать двухмоторные машины. Это английские «Веллингтоны», «Уитли», немецкие «He-111». Предок знаменитого четырехмоторного «Ланкастера», «Авро Манчестер» тоже был двухмоторным самолетом. Время скоростного, высотного четырехмоторного самолета, подобного американским «крепостям» и «Либерейторам», пришло позднее. Как и всякая техническая новинка, такой самолет должен был вызреть. Причем ТБ-7, скорее всего, постигла бы судьба «пробного камня». Слишком много в его конструкции было устаревших решений, как в технологическом, так и в аэродинамическом плане. Это прежде всего чрезмерно толстое крыло, из-за которого ранние Б-17С давали в серии 520 км/ч на 7600 м при двигателях в 1100 л.с., а максимальная скорость ТБ-7 с 4-мя 1350 л.с. АМ-35А составляла 443 км/ч на 6366 м. Самолеты с пятым двигателем летали еще хуже, ТБ-7 с 4-мя 1050-сильными М-34ФРН и 850 л.с. М-100 в АЦН достигал всего лишь 403 км/ч на 7900–8000 м. Требовалось создавать новый самолет, который мог бы сравниться с Б-17 или хотя бы Б-24. Когда пишут о прекращении производства ТБ-7, то почему-то умалчивают о формулировке, с которой это делали. Например: «ж) снять с производства МТБ-2, МБР-2 и ТБ-7 с 1 января как устаревшие по ЛТД». (постановление СНК N23сс от 11 января 1940). ЛТД — это «летно-техническим данным». МБР-2 — это самолет, который ласково называли «амбарчиком», архаично выглядящая летающая лодка.

Выпуск 1000 экземпляров советского «вундерваффе» к 1941 г. попросту был лишен смысла. Турбокомпрессоры не были доведены до ума, пятый двигатель был плохим решением, а без средства подачи воздуха моторам на высоте ТБ-7 был более чем заурядным самолетом, не имевшим преимуществ перед флотом двухмоторных ДБ-3 и ДБ-3Ф. Выпускать ТБ-7 в количестве 1000 штук просто не имело смысла. Причины этого прежде всего экономические. Стоимость одного ТБ-7 завода №124 в Казани составляла 4 миллиона рублей. В то время как стоимость серийного ДБ-3 завода № 18 была 430 тыс. рублей, а завода № 39 565 тыс. рублей. В некоторых источниках (Медведь А., Казанов Д. Дальний бомбардировщик Ер-2 // Авиамастер. Спецвыпуск. № 2, 1999) называется стоимость плазово-шаблонного ДБ-3Ф завода № 18 в 163 тыс. рублей без двигателей. Помимо этого в СССР был создан и конкурент ДБ-3, самолет ОКБ Ермолаева ДБ-240, более известный как Ер-2. При стоимости 600 тыс. рублей без моторов (каждый мотор М-105 добавлял 60–100 тыс. рублей в зависимости от завода-изготовителя) он мог доставить тонну бомб на расстояние 4000 км. Сами подумайте, что лучше — один самолет стоимостью 4 млн. рублей с бомбовой нагрузкой 2 тонны или четыре самолета стоимостью 400–800 тыс. рублей и бомбовой нагрузкой по тонне каждый? Я называю цифры нормальной бомбовой нагрузки и стоимость первой партии обоих бомбардировщиков. В первом случае к цели доставляется две тонны бомб, а во втором четыре тонны при меньших финансовых затратах на самолетный парк. Преимуществом четырехмоторного самолета был только больший калибр бомб, что и поставил первым пунктом летчик-испытатель Стефановский в своем письме, обосновывающем необходимость производства ТБ-7:

«1. Самолет ТБ-7 берет вовнутрь фюзеляжа 2000 кг бомб калибра 250, 500, 1000 и 2000 кг или 24 бомбы по 50–100 кг и может эти бомбы везти на высоте 8000–10 000 м на расстояние до цели 2000 км. Общая емкость бомбового отсека 4000 кг. В то время как самолет ДБ-3 может на это расстояние везти только 10 x 100 кг бомб, остальные, более крупные, калибры подвешиваются снаружи, что снижает скорость и дальность на 10–15%». Но 100-кг бомба была одним из самых популярных калибров в советской авиации и считалась достаточной для выполнения большинства задач. В войну 100-кг бомбы составляли 50–70% всех произведенных и сброшенных бомб. Кроме того, на подходе был Ер-2, способный при двух моторах поднимать большие калибры бомб, до четырех 500-кг бомб на внутренней подвеске. Остальные аргументы Стефановского еще менее убедительны. Следующим пунктом идет:

«2. Самолет ТБ-7 имеет мощное пулеметно-пушечное вооружение с круговым перекрестным обстрелом, он особенно защищен от атак сзади и по праву может называться «летающей крепостью». Имеющиеся 2-моторные бомбардировщики имеют слабое пулеметное вооружение, не дающее достаточную защиту даже в строю». Это в какой-то мере оправдано в отношении ДБ-3, но в то время создавался Ер-2 с турелью под 12,7-мм пулемет.

Следующий аргумент — выполнение вспомогательных транспортных задач:

«3. На самолет ТБ-7 может быть возложено выполнение вспомогательных задач, как-то:

- для переброски десанта;
- транспортирование и перевозка тяжелых и громоздких грузов;
- перевозка раненых или специалистов;

— как заправщик бензином и маслом для быстро перебазирующихся групп потребителей самолет может отдать до 9000 л без дополнительного оборудования», тем более неубедительны как обоснование массового производства ТБ-7. Например, начальник ГУ АС КА комдив Алексеев 23 мая 1940 г. докладывал наркому Обороны СССР маршалу Тимошенко следующее:

«...Самолет ТБ-7 осваивается заводом №124 в течение 4 лет, и за все это время сдано 5 самолетов, что говорит о большой сложности производства этого самолета. Максимальная скорость самолета 410 км/ч и большая площадь (около 190 кв.м) делают его чрезвычайно уязвимым как для истребителей, так и для зенитной артиллерии. Большая сложность производства ограничивает и количество выпуска этих машин.

Транспортные самолеты армии нужны в больших количествах.

Но по заявлению зам. наркома Воронина завод №124 может дать ДС-3 в текущем году — 75 штук и в 1941 году — 500 штук. За это время завод № 124 может дать ТБ-7 всего 63 самолета.

При десантных операциях 63 самолета ТБ-7 могут взять всего 3150 человек, 575 ДС-3 возьмут 13 800 человек. Таким образом, с переходом на ТБ-7 вопрос обеспечения транспортным самолетом не решается.

Считаю целесообразным на заводе № 124 продолжить постройку ДС-3 в военно-транспортном варианте, с оборудованием наружной подвески бомб для ночного бомбометания. Одновременно необходимо форсировать окончание испытаний и внедрение в серию самолетов конструкции Ермолаева ДБ-240, которые могут быть использованы в транспортном варианте...»

Как мы видим, на любом поприще у ТБ-7 находились более дешевые и эффективные конкуренты. И это вполне просто и убедительно объясняет вялотекущее производство сложного и дорогого самолета. По принципу, который Стефановский поставил в конце своего письма: «5. Все главные капиталистические страны в последние 2-3 года успешно строят 4-моторные транспортные и бомбардировочные самолеты». Именно желанием поддержать четырехмоторный самолет, который может стать перспективным, продиктовано серийное производство ТБ-7 в 1940 году. В объяснительной записке к годовому отчету 11 ГУ НКАП (начало 1940-го) прозвучали такие аргументы:

«... в) За границей 4-моторный бомбардировщик всячески культивируется.

г) Сняв с производства самолет ТБ-7, тем самым будет сорвано строительство тяжелых самолетов (так как другого тяжелого бомбардировщика с лучшими данными у нас нет)».

Так стремительно устаревающий ТБ-7 остался в производстве.

Даже если предположить, что в массовой серии ТБ-7 стоил бы 2 млн. рублей, флот двухмоторных ДБ-3Ф и ДБ-240 дешевле при тех же возможностях по доставке бомбового груза. Разница в цене между двухмоторным и четырехмоторным самолетом в массовой серии не опускалась ниже 1:2,5. Лучше всего это иллюстрирует пример цен на американские самолеты. В-25В стоил \$96 000, В-24 — \$304 391, В-17G — \$ 258 949 и В-29 — \$893 730. В-29 массовой серии стоил чуть меньше, \$639 000. Поэтому «сверхкрепость» предпочитали не применять в Европе, самолет стоил астрономические суммы в звонкой монете, а в небе над Германией летали реактивные истребители Мессершмитта. Наиболее известный американский стратегический бомбардировщик, Б-17, в зависимости от модификации стоил от 207 до 273 тыс. долларов, в любой модификации оставаясь более чем вдвое дороже двухмоторного Б-25. С экономической точки зрения двухмоторные самолеты были более выгодным вариантом вложения средств в стратегическую авиацию. И если соотношение цены 1:2,5 Б-17 и Б-25 еще могло заставить выбрать достоинства 4-моторной машины: экономию в количестве пилотов (два на одном Б-17 против четырех на двух Б-25), экономию на прицелах (один \$6000-й «Норден» на Б-17 вместо двух на двух Б-25), то соотношение цены и качества в парах ДБ-3/ДБ-3Ф и ТБ-7 или ДБ-240 и ТБ-7 было разгромным для 4-моторного самолета.

Дальность полета двухмоторных самолетов в 3300–4000 км была вполне достаточной для достижения важных стратегических объектов на территории сопредельных государств. С точки зрения возможности поражения промышленных центров, городов, нефтепромыслов и других важных объектов на территории противника ДБ-3, ДБ-3Ф и ДБ-240 были даже в большей степени «стратегическими», чем ТБ-3 с его мизерным для стратегической машины радиусом. Повторюсь еще раз, не количество моторов определяет, стратегический перед нами бомбардировщик или тактический. Число моторов у «Хемпдена» и «Уитли», СБ и ДБ-3 одинаковое, но в этих парах первая машина — это ближний бомбардировщик, а вторая — стратегический. Если посмотреть на историю советской стратегической авиации с точки зрения двухмоторных самолетов как ее основы, то картины забвения стратегических бомбардировщиков не просматривается.

К началу войны в западных округах в составе дальнебомбардировочной авиации было 1332 самолета, из которых 1122 ДБ-3 и ДБ-3Ф (Авиация и время, 1998. № 1. С. 16.) Например, 3-й бомбардировочный авиакорпус под командованием полковника Скрипко состоял из 52-й и 42-й авиадивизий. В 52-й ад, в 3-м тяжелобомбардировочном полку имелось в наличии 52 ТБ-3, 98-м дальнебомбардировочном авиаполку — 70 ДБ-3Ф, 212-м дальнебомбардировочном авиаполку — 61 ДБ-3Ф. Совершенно очевидно просматривается постановка на одну ступень ТБ-3 и ДБ-3Ф, они включаются в состав одной авиадивизии. Другая авиадивизия корпуса Скрипко, 42-й ад, имела ТБ-3 на вооружении 1 ТБАП. Остальные два полка дивизии вооружались ДБ-3Ф. И 3-й бак был скорее исключением, чем правилом: 1-й, 2-й и 4-й бомбардировочные авиакорпуса вооружались только ДБ-3Ф. ТБ-7 были в составе 18-й отдельной авиадивизии. 14 ТБАП этой дивизии оснащался ТБ-3 и ТБ-7, а 90 и 93 ДБАП — ДБ-3Ф. Согласно воспоминанию Владимиром Богдановичем

«Статистическому сборнику №1» всего ДБ-3 разных модификаций в ВВС КА было 1956 машин. Плюс 339 ТБ-3. А ближних СБ было 3376, Пе-2-285 штук. Резкого перекоса в сторону тактической авиации не наблюдается, тактических бомбардировщиков всего в полтора раза больше. Большее количество СБ объясняется, во-первых, тем, что парк стратегической авиации — это хай-тек того времени, требующий более квалифицированных кадров, а во-вторых, меньшей стоимостью СБ. СБ выпуска завода № 22 стоил 265 тыс. руб., завода № 125-365 тыс. руб, на флот стратегических и на флот тактических бомбардировщиков было потрачено несколько больше миллиарда рублей. То есть бюджет военного ведомства был равномерно распределен между стратегической и тактической авиацией, что называется, всем сестрам по серьгам.

Путь к скоростному высотному стратегическому бомбардировщику был долгим и тернистым. Магистральным путем развития стратегической авиации в конце 30-х и начале 40-х были не высотные, скоростные самолеты для дневных налетов. В конце 30-х еще надеялись на оборонительное вооружение бомбардировщиков, которое позволит им выжить под атакой истребителей. Вера в эффективность турелей была столь велика, что англичане, лидировавшие в области разработки турелей с механическим приводом, создали двухместные истребители «Харт Демон», «Боултон Пол Дефазнт» и морской «Блэкбурн Рок» с башенками «Фрезер-Нэш» с пулеметами винтовочного калибра. Такие же башенки получили Веллингтоны Mk.IA, начавшие выпускаться за несколько часов до начала Второй мировой войны. Основным направлением подготовки экипажей «Веллингтонов» перед войной был полет в плотном строю с взаимным прикрытием пулеметным огнем. Но уже первые воздушные сражения показали сомнительную эффективность оборонительного вооружения бомбардировщиков. Жирный крест на карьере дневных бомбардировщиков поставило избиение английских бомбардировщиков «Веллингтон» у Гельгоlanda в декабре 1939 г., когда было сбито за раз 15 машин ценой потери от огня стрелков всего двух Me-109. Турели с пулеметами винтовочного калибра оказались слабой защитой.

У читателя может возникнуть законный вопрос: «А почему строили четырехмоторные самолеты американцы, если было проще использовать двухмоторные машины, тот же Б-25?» В мае 1934 года Армейский воздушный корпус США выпустил циркуляр 35-26 на разработку бомбардировщика для армии. Количество двигателей не было оговорено, указывалось лишь, что их должно быть несколько (multiple). Естественно, фирмы представили на рассмотрение проекты двухмоторных машин. Разработка фирмы «Дуглас» была переделкой в бомбардировщик коммерческого самолета Дуглас DC-2. Самолет, получивший фирменное обозначение DB-1, мог нести до 2 тонн бомб, с 900 кг бомб дальность составляла 3700 км. Вторым участником соревнований была модификация бомбардировщика Мартин Б-10, разрабатывавшегося и производившегося с начала 30-х годов.

Только фирма «Боинг» спроектировала в рамках циркуляра 35-26 четырехмоторный бомбардировщик. 20 августа 1935 года состоялось соревнование представленных армии бомбардировщиков. Это были «Мартин Б-10Б», модификация Б-10, «Дуглас Б-18» и «Боинг Модель 299», будущий Б-17. «Боинг Модель 299» пролетел дистанцию в 2100 миль из Сиэтла в Огайо за 9 часов.

Тем самым соревнование с конкурентами, казалось бы, было выиграно не начавшись, требования военных были удовлетворены.

Но, несмотря на то что на конкурсе на средний, именно СРЕДНИЙ бомбардировщик Б-17 победил, выпускать его решили малым тиражом, а в массовую серию пошел двухмоторный Б-18. Причина была в том, что «Дуглас Б-18» был существенно дешевле, серийный Б-18 стоил всего \$64 000, В-18А — \$80 000. Это было на уровне цены истребителя Второй мировой и незначительно больше состоявшего на вооружении бомбардировщика Мартин Б-10 (\$55 тыс.). В итоге в январе 1936 года был выдан заказ на 82 Б-18, позднее заказ дополнили еще 132 машинами. А Б-17 заказали в количестве всего 13 штук. Благодаря своей дешевизне Б-18А в 1938 г. выиграл и у двухмоторного «Норт Америкэн ХВ-21» с двигателями Пратт-Уитни R-2180-1 с турбонагнетателями, стоившего \$122 тыс. В-17D выпустили всего 42 штуки против 218 В-18А. В-17С сделали 38 штук, В-17В — 39, Б-18 без буковки — 134 штуки. Почувствуйте разницу. ВВС США, как и ВВС других стран, вполне устраивали двухмоторные стратегические бомбардировщики. Они обладали удовлетворительной дальностью и умеренной ценой. Интерес к более тяжелым и мощным машинам был вялый. То есть опытные образцы строились, но запускать их в массовое производство не спешили. Во всех странах, если пользоваться терминологией В. Суворова, дружно «уничтожали стратегическую авиацию».

Рассмотрим демонстрацию, которую предлагает В. Суворов:

«Имея тысячу неуязвимых ТБ-7, любое вторжение можно предотвратить. Для этого надо просто пригласить военные делегации определенных государств и в их присутствии где-то в заволжской степи высыпать со звенящих высот ПЯТЬ ТЫСЯЧ ТОНН БОМБ. В воздухе ТБ-7 почти неуязвимы, на земле противник их не достанет: наши базы далеко от границ и прикрыты, а стратегической авиации у наших вероятных противников нет... А теперь, господа, выпьем за вечный мир...»

У заволжской степи есть один существенный изъян. Подходы к ней не прикрываются зенитками и истребителями, дневными и ночными. Подобные «демонстрации» всегда имели низкую эффективность. Два примера — поляки в начале 1939-го продемонстрировали Чиано большую группу бомбардировщиков «Лось», намекая на крупносерийное производство этого самолета. Чиано сообщил об этом немцам. Немцев это не остановило. Весной 1941 г. немцам показали линейку МиГ-3 на заводе, Микоян произнес перед ними пафосную речь. Реакция Гитлера — нужно нападать как можно скорее. То же будет и в случае шоу с ТБ-7. Нужно показать немцам нечто, что может оказать воздействие на их армию. Показ оружия террора против населения вызовет желание подавить противника, который может угрожать таким оружием, отодвинуть аэродромы с ТБ-7 подальше, желательно вывести территорию рейха из этого радиуса. Идея угрожать противнику воздушным террором не нова, мысли об этом витали в межвоенный период. Французский писатель Пьер Фор в своей книге «К новому Шарлеруа» эту доктрину формулирует в следующих выражениях: «Чтобы нас уважали, мы должны быть сильны, а чтобы быть сильными, необходимо иметь

очень мощную авиацию. 400 самолетов по 100 т весом каждый, готовые по первому приказу к вылету, способные к уничтожению 20 германских городов, мостов через Рейн, узловых жел.-дор. станций и крупнейших промышленных центров, являются наилучшей гарантией мира, какой только мы вообще можем располагать». Но во Франции четыре сотни 100-тонных «гарантов» не построили. Можно написать «День П» про французов, способных «одним росчерком пера» остановить Вторую мировую войну. В главной роли — французский стратегический бомбардировщик «Фарман 222». Хотя причины отказа от подобной доктрины лежат на поверхности. Воздушный флот — штука дорогостоящая, а военный бюджет не резиновый. Поэтому встает вопрос о целесообразности расхода крупных денежных средств на инструмент воздушного террора. Практика показала, что оценки Пьера Фора оказались заниженными. Масштабные бомбардировки Германии союзнической авиацией не заставили Германию сдаться. Хотя было использовано колоссальное количество бомб. Только американские самолеты Б-17 сбросили на Европу 640 036 тонн бомб, «Б-24 Либерейтор» еще 452 508 тонн, остальные типы американских бомбардировщиков — 463 544 тонны. Каждая из этих цифр — это 20 или 30 Хиросим. Еще в 1943 году был превращен в руины Гамбург, английские «дамб-бастеры» устроили катастрофу ударами по плотинам в Руре. Выпуск воздушных гигантов для сброса этих бомб тоже впечатляет. Только «летающие крепости» были растрачены в количестве 12 677 штук. Общее же количество американских стратегических бомбардировщиков превысило 30 тыс. экземпляров, почти столько же, сколько у нас выпустили Ил-2. При этом капитуляция последовала только после того, как с востока к Берлину подошли танковые армии СССР, а на западе высадились в Нормандии и дошли до Рейна и Эльбы американские и английские солдаты. Воздушные удары, конечно, нанесли ущерб немецкой экономике и подорвали косвенным путем (поединками с истребителями сопровождения) мощь Люфтваффе, но надежды на моральное воздействие бомбардировок не оправдались. Напротив, воздушный террор вызвал только ненависть к союзникам. Но в 30-е годы всего этого, разумеется, еще не знали. Можно было бы предполагать сохранить мир угрозой воздушных ударов. Почему это не было сделано ни у нас, ни в той же Франции? Не будем следовать бытовой логике и знаниям сегодняшнего дня, такие методы исследования оставим Владимиру Богдановичу. Выслушаем тех, кто жил и работал в то время, когда еще не поднимались над немецкими городами зарева пожаров и вой двигателей тысяч бомбардировщиков и истребителей. Признанным основоположником теории воздушной войны стратегическими бомбардировщиками является итальянский генерал Джулио Дуэ. Давайте послушаем, что он сам и его основоположники говорят о слабых и сильных сторонах теории выигрыша войны воздушными силами.

На страницах «Дня М» В. Суворов предстает перед нами как завзятый «дуэтист», ярый поклонник Джулио Дуэ. Однако если он читал Дуэ, то делал это невнимательно. Сам итальянец и его последователи указывали границы применимости своей теории: «Доктрина Дуэ была создана только для Италии. Дуэ не переставал указывать на это. Даже говоря о войне вообще, он всегда имел в виду особые условия своей родины. «Я желал бы, чтобы меня в конце концов захотели понять! Я учитываю в основном наши особые условия. Когда я

утверждаю, что воздушная сфера будет решающей, я говорю преимущественно об Италии. И я говорю, что она будет решающей, потому что, если в этой сфере мы будем разбиты... мы рискуем быть окончательно разбитыми, каково бы ни было положение на земной поверхности» (ноябрь 1929 г.)» (Вотье П. Военная доктрина генерала Дуэ. М.: Воениздат, 1937. С. 206.) Об этом же пишет в предисловии к книге Вотье А.Н. Лапчинский: «Дуэ неоднократно писал, что он имеет в виду условия Италии, что он пишет для Италии». В чем специфичность условий Италии, вполне очевидно: «Сухопутные границы, представленные Альпами, образуют очень трудно проходимую горную преграду, непосредственно прикрывающую промышленную равнину р. По – экономический центр всей Италии. Вообще говоря, оборону горной границы легко организовать и подготовить: зимой горы образуют белую преграду, безусловно непроходимую для значительных сил». (Там же. С. 207.) Но до каких же пределов можно распространить теорию Джулио Дуэ на другие страны? Общее условие реализации идей Дуэ – это наличие статического фронта, возможно опирающегося на естественные преграды. На Дуэ произвели сильное впечатление события Первой мировой войны, резко возросшие возможности обороны: «Это привело к мысли, будто бы возросшая мощь огнестрельного оружия содействует наступлению. И это положение провозглашалось во всеуслышание, но было заблуждением, истиной являлось противоположное; простое размышление могло помочь предвидеть это, и опыт войны наглядно это показал. Истина такова: всякое усовершенствование огнестрельного оружия дает преимущество оборонительному образу действий». (Дуэ Д. Господство в воздухе. Сборник трудов по вопросам воздушной войны. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1936. С. 49.) Примерно такие же слова можно встретить у В. Суворова, который считает, что позиционная оборона непробиваема и непрогрызаема. Тем самым он оказывается еще более ярким дуэтистом, чем сам Дуэ. В реальности все трудности взлома позиционной обороны были преодолены, я писал об этом в главе о наступлении и обороне. Была продумана схема короткой, но мощной артподготовки, отработана тактика штурмовых групп, просачивающихся сквозь систему обороны и уничтожающих огневые точки. Но дело даже не в этом. В. Суворов исходит из ложного посыла о возможности создания непробиваемой обороны вдоль границы протяженностью около 2000 км:

«Надо было загородиться непроходимыми минными полями от моря до моря, и, пока противник прогрызает нашу оборону, пусть ТБ-7 летают на недостижимых высотах, пусть подрывают германскую экономическую мощь».

Советская военная наука расставила все точки над «i» в предисловии к русскому изданию «Господства в воздухе». Комкор Хрипин совершенно недвусмысленно указал на слабые места теории воздушной войны:

«Исключительные преимущества воздушного флота Дуэ доказывает тем, что опыт мировой войны 1914–1918 гг. показал невозможность реализации широких наступательных планов из-за выявившихся преимуществ оборонительных средств над наступательными, что позиционный тупик повторится и в будущем, если не будет

проведена революция в вооруженных силах в пользу воздушного флота. Но Дуэ забывает о появлении новых боевых средств, в 1918 г. начавших менять позиционный характер борьбы. Он обходит молчанием мощные средства мотомеханизированных соединений и целых танковых армий. Он проходит мимо развития современных средств подавления и возможного образования внутренних очагов борьбы. Он совершенно не рассматривает и значения самой авиации в действиях сухопутной армии и флота, произвольно лишает их наступательных способностей, а следовательно, и боевой ценности». (Дуэ Д. Господство в воздухе: Сборник трудов по вопросам воздушной войны. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1936. С. 14.)

Оценка вполне убедительная и исчерпывающая.

История «загубленного» ТБ-7 — это очередная история о вундерваффе, о чудо-оружии. Чудо-оружия на самом деле не существует. Усиливаются средства нападения, но параллельно с ними прогрессируют средства защиты. То, что кажется неуязвимым, пока самолет существует только на ватмане в конструкторском бюро, на момент серийного производства оказывается вполне по зубам средствам ПВО, которые тоже несколько лет назад существовали только в воображении инженеров и ученых. Даже если бы ТБ-7 получил всемерную поддержку, выпуск тысячи этих самолетов не давал в руки Сталина несокрушимый меч-кладенец. В битве щита и меча всегда есть шаткое равновесие, иногда незначительно смещающееся в сторону средств защиты или средств нападения. Попытки получить чудо-оружие подобны поискам философского камня. Пытаться найти философский камень можно, но вряд ли получится. Вместо ТБ-7 советская стратегическая авиация оснащалась ДБ-3, а затем ДБ-3Ф. Для поражения целей в Германии при конфигурации границы 1939 или 1941 годов вполне хватало.

Другой аспект истории ТБ-7 — это вопрос применимости доктрины Дуэ для нашей страны. При протяженной сухопутной границе обеспечить непробиваемый сухопутный фронт — условие номер один для реализации теории Джулио Дуэ на русский манер — невозможно. Поэтому сосредотачивать все усилия на построении флота «стратегов» нецелесообразно, намного большего внимания требует вопрос оснащения сухопутной армии и авиации, непосредственно с ней взаимодействующей. С этой точки зрения советские вооруженные силы были вполне сбалансированной структурой, в которой не было перекоса в какую-то определенную сторону. Свое место нашлось и самолетам поля боя, и стратегической авиации, и танкам, и укрепленным районам.

С точки зрения литературной теория 1000 ТБ-7 с АЦН — это простая и понятная теория «кольца всевластия». Построил 1000 бомбардировщиков и стал хозяином положения. Никаких скучных бухгалтерских расчетов стоимости самолетов или достижимости стабильного фронта. На читателей действует безотказно, но к истории никакого отношения не имеет.

ГЛАВА 15.

ИНТЕРВЕНЦИЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

- Нет, это ты не понимаешь, — сказал Глеб уверенно. — Наказания без вины не бывает. Надо было ему думать, с кем дело имеет. И с бабами своими поосмотрительнее разворачиваться. И пистолет не разбрасывать где попало...

Братья Вайнеры. «Эра милосердия»

Владимир Богданович пишет:

«Наращивание советской военной мощи никак не диктовалось внешней угрозой, ибо началось ДО прихода Гитлера к власти».

Это крайне поверхностный взгляд на проблему. Вот как виделся сценарий возможной войны в 1928 г.: «Политическая цель будущих интервентов в СССР (стремление к ликвидации советского строя на территории бывшей России и подчинение ее своему влиянию с целью использования русского рынка и превращение России в колонию) будет достигаться, очевидно, тремя путями: 1) непосредственным нападением на СССР, 2) организацией экономической блокады и 3) развернутой в международном масштабе антисоветской пропагандой с целью осуществить политическую изоляцию СССР и предотвратить революционные вспышки в лагере империализма». (Тухачевский М.Н., Берзин Я.К., Жигур Я.М., Никонов А.Н. Будущая война. М.: ВАГШ ВС РФ, 1996. С. 55.) Книга «Будущая война» 1996 г. представляет собой переиздание книги 1928 г. силами ВАГШ ВС РФ. Тираж 200 экземпляров.

Соответственно этим тезисам формулировались и варианты войны. Первый вариант — это «Нападение на наши западные границы вооруженных сил наших западных соседей, при поддержке материально-техническими средствами со стороны Англии и Франции (и их союзников) и при обеспеченном нейтралитете Германии». (Там же. С. 56.)

Второй вариант войны: «Нападение на наши западные границы вооруженных сил западных сопредельных стран, поддержанных частично вооруженными силами Англии, Франции или других крупных империалистических государств». (Там же. С. 58.)

Третий вариант войны: «Нападение на наши западные, южные и восточные границы вооруженных сил широкого империалистического блока: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Англии (через территории Турции, Персии и Афганистана), реакционных китайских милитаристов (в первую очередь Чжан Цзолина) и Японии». (Там же. С. 59–60.)

Врагами считались:

«1-я группа — государства, явно враждебные по отношению к СССР: Англия, Франция, Польша, Румыния, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Сюда же можно причислить и Италию, которая из соображений своей общей политики готова поддержать антисоветские планы Англии.

2-я группа — государства, могущие примкнуть к антисоветскому фронту: Германия, Чехословакия, Венгрия, Болгария. Югославия, Греция, Бельгия, Япония и США». (Там же. С. 54.)

Дружественными считаются, например, Турция, Афганистан, Китай (потенциально), Африка, Индия. Не заинтересованы в войне с СССР Швеция, Норвегия, Швейцария, Австрия, Персия, страны Латинской Америки.

Так что до прихода к власти А. Гитлера советское руководство считало, что врагов у СССР предостаточно. Если почитать высказывания советских лидеров образца 1920-х годов, то они вполне согласуются с вышеприведенными цитатами из «Будущей войны». Приход к власти Гитлера изменил расстановку сил в Европе, теперь потенциальным противником РККА стали «германопольские войска».

В. Суворов, не утруждая себя документальными обоснованиями, выдвигает теорию о А. Гитлере как о «Ледоколе Революции»:

«Еще до прихода его к власти советские лидеры нарекли Гитлера тайным титулом — Ледокол Революции. Имя точное и емкое. Сталин понимал, что Европа уязвима только в случае войны и что Ледокол Революции сможет сделать Европу уязвимой. Адольф Гитлер, не сознавая того, расчищал путь мировому коммунизму. Молниеносными войнами Гитлер сокрушал западные демократии, при этом распыляя и разбрасывая свои силы от Норвегии до Ливии. Ледокол Революции совершал величайшие злодеяния против мира и человечества и своими действиями дал Сталину моральное право в любой момент объявить себя Освободителем Европы, заменив коричневые концлагеря красными. Сталин понимал, что войну выигрывает не тот, кто в нее вступает первым, а тот, кто вступает последним, и любезно уступил Гитлеру позорное право быть зачинщиком войны, а сам терпеливо ждал момента, «когда капиталисты перегрызутся между собой». (Сталин, речь 3 декабря 1927 года)» («Ледокол»).

Ссылка на источник сведений о таком своеобразном наименовании Гитлера не приведено никаких. Видимо, источник сведений тот же, что поведал об австроадажных сеялках Харьковсого паровозостроительного завода. Но не суть важно, давайте разберем саму идею Третьего рейха «Ледокола Революции». Первое, что является вопиющим противоречием этой теории, — это военное соглашение с Францией. Напомню, что после прихода к власти Гитлера, СССР в 1934 г. стал членом Лиги Наций, заключил договоры о коллективной безопасности с Францией и Чехословакией. Согласно Договору о взаимопомощи между СССР и Чехословакией от 16 мая 1935 г. стороны договорились немедленно оказывать друг другу помощь при нападении со стороны какого-либо европейского государства — при условии, что помощь жертве нападения будет оказана со стороны Франции. По поводу всех этих мероприятий И.В. Сталин высказался так: «Советский Союз считает, что в такое тревожное время не следует пренебрегать даже такой слабой международной организацией, как Лига Наций. В мае 1935 года был заключен договор между Францией и Советским Союзом о

взаимной помощи против возможного нападения агрессоров. Одновременно с этим был заключен аналогичный договор с Чехословакией». Широко известные Киевские маневры 1936 г. были своего рода демонстрацией новым союзникам советской военной мощи, делегация Франции была самой многочисленной. В эту же пору советские инженеры получили возможность ознакомиться с чехословацкими танками. Фактически этим союзом возрождалась система 1914 г., нажим на Германию с запада и востока в случае войны. Вот что пишет об этом соглашении Л.Д. Троцкий в «Преданной революции»: «Вызванное победой германского национал-социализма сближение, а затем и прямое военное соглашение с Францией, главной охранительницей статус-кво, дает Франции несравненно больше выгод, чем Советам. Обязанность военной помощи со стороны СССР имеет, согласно договору, безусловный характер; наоборот, помощь со стороны Франции обусловлена предварительным согласием Англии и Италии... [...] Нельзя придавать серьезного значения утверждениям, будто помощь со стороны СССР мало действительна ввиду отсутствия у него общей границы с Германией. В случае нападения Германии на СССР необходимая общая граница будет, очевидно, найдена нападающей стороной. В случае нападения Германии на Австрию, Чехословакию, Францию Польша не сможет оставаться нейтральной ни одного дня: признав свои союзные обязательства по отношению к Франции, она неизбежно откроет дорогу для Красной Армии; наоборот, порвав союзный договор, она станет немедленно помощницей Германии; в этом последнем случае «общую границу» найдет без труда СССР. Сверх того морские и воздушные «границы» сыграют в будущей войне не меньшую роль, чем сухопутные». И как все эти мероприятия стыкуются с теорией «Ледокола Революции»? Зачем связывать себя договорами с Францией, Чехословакией? А если придется эти договоры выполнять и вступать в войну до того, как Гитлер «расчистит путь к мировому коммунизму»? И придется ДБ-3 бомбить Кельн в 1938 году, закапывая «Ледокол Революции» в могилу. Так что дела советского правительства никак не свидетельствуют в пользу идеи «Ледокола Революции». Но даже если бы такая идея в умах советских руководителей существовала, то ее реализация представляется сомнительной. Просто в силу отсутствия у СССР действенных рычагов воздействия на европейскую политику. У И.В. Сталина попросту не было возможности влиять на события в Европе в нужном направлении. Ярче всего это проявилось в ходе событий 1938 г. вокруг Чехословакии, завершившихся Мюнхенским сговором. Например: «в условиях чехословацкого кризиса 1938 г., чреватого возникновением войны, в которой в силу своих союзнических обязательств в отношении Чехословакии и Франции должен был принять участие и СССР, советское руководство 26 июня 1938 г. приняло решение о формировании 6 армейских групп в Белорусском (БВО) и Киевском (КВО) военных округах». (Мельтюхов М. Упущенный шанс Сталина.) То есть И.В. Сталин был готов активно участвовать в умерщвлении «Ледокола Революции». Владимир Богданович все эти события не рассматривает, отделяясь широковещательными заявлениями:

«У меня много материалов из германских военных архивов, но и их я практически не использую. Мой главный источник — открытые советские публикации. Даже этого вполне достаточно для того, чтобы поставить советских коммунистов к стене позора и посадить их на скамью подсудимых рядом с

германскими фашистами, а то и впереди. Мои главные свидетели: Маркс, Энгельс, Ленин, Троцкий, Сталин, все советские маршалы во время войны и многие ведущие генералы».

На мой непросвещенный взгляд, было бы странно искать информацию о событиях 30-х годов у покоившихся на тот момент в земле деятелей. Не менее странный источник информации о европейской политике советские маршалы и «ведущие генералы», получавшие информацию о происходившем в Лондоне и Мюнхене из передовиц советских газет. Позволю себе предоставить слово не «коммунистическим историкам», а американскому журналисту Уильяму Ширеру, работавшему в предвоенные годы в Европе корреспондентом «Чикаго трибюн», а в послевоенное время работавшему в немецких архивах. В. Суворов скромно умалчивает о Мюнхенском сговоре, У. Ширер считает его одним из поворотных пунктов на пути к войне. Он пишет:

«Была ли неизбежна англо-французская капитуляция в Мюнхене? Блефовал Адольф Гитлер или нет? Теперь мы знаем ответ на оба вопроса. Как это ни парадоксально, но в обоих случаях он отрицателен. Все генералы, близкие Гитлеру, которым удалось пережить войну, соглашались с тем, что если бы не Мюнхенское соглашение, то фюрер напал бы на Чехословакию 1 октября 1938 года. Они полагают, что вопреки сомнениям Лондона, Парижа и Москвы Англия, Франция и Россия все равно оказались бы втянуты в войну.

И, что особенно важно, немецкие генералы в один голос заявляли, что Германия проиграла бы эту войну, причем в кратчайшие сроки. Аргументы защитников Чемберлена и Даладье — а их в то время было подавляющее большинство — насчет того, что Мюнхен спас Запад не только от войны, но и от поражения в войне, в частности, спас Лондон и Париж от полного разрушения в результате варварских бомбардировок Люфтваффе, опровергают по двум последним пунктам те, кто знал положение дел лучше остальных, а именно сами немецкие генералы, особенно те, кто фанатично поддерживал Гитлера до самого конца.

Ориентиром для этих генералов служил Кейтель, беспредельно преданный Гитлеру и всегда принимавший его сторону. Когда в Нюрнберге его спросили, какова была реакция немецких генералов на подписание Мюнхенского соглашения, он ответил:

«Мы были необычайно счастливы, что дело не дошло до военного столкновения, потому что... всегда полагали, что у нас недостаточно средств для преодоления чешских пограничных укреплений. С чисто военной точки зрения у нас не было сил брать штурмом чехословацкую оборонительную линию».

Военные эксперты союзников всегда считали, что немецкая армия прорвет рубежи чешской обороны. К показаниям Кейтеля, который утверждает, что все обстояло не так, нужно добавить свидетельство фельдмаршала Маннштейна, ставшего впоследствии одним из крупнейших и талантливейших немецких военачальников. Когда он в свою очередь давал показания в Нюрнберге (в отличие от Кейтеля и Йодля ему не грозил смертный приговор), то на вопрос о немецкой позиции по поводу Мюнхена ответил: «Если бы началась война, то ни наша западная граница, ни наша польская граница не могли быть защищены должным образом. Не вызывает сомнений, что если бы Чехословакия решилась защищаться, то ее укрепления устояли бы, так как у нас не было средств для их прорыва».

Йодль, считавшийся «мозговым трестом» ОКВ, пытаясь оправдаться в Нюрнберге, сформулировал это следующим образом: «Несомненно, что пять боевых дивизий и семь резервных, находившихся на нашей западной границе, которая представляла собой всего лишь огромную строительную площадку, не смогли бы сдержать натиска ста французских дивизий. С военной точки зрения это невозможно».

Если, как утверждают эти генералы, гитлеровской армии не хватало средств для прорыва чешских укреплений, если французские войска на западной границе значительно превосходили по численности немецкие, что делало ситуацию «непредсказуемой с военной точки зрения», если настроения среди генералов были столь мрачными, что даже начальник генерального штаба готовил заговор против Гитлера, чтобы избежать безнадежной войны, то почему об этом не знали генштабисты Англии и Франции? Или знали? А если знали, то как случилось, что главы правительств Англии и Франции принесли в Мюнхене в жертву жизненные интересы своих стран? В поисках ответа на эти вопросы мы сталкиваемся с тайной мюнхенского периода, которая до сих пор не раскрыта. Даже Черчилль, особенно скрупулезный в военных вопросах, едва касается этой темы в своих объемистых мемуарах». (Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1. М.: Воениздат, 1991. С. 460–461.)

Добавить к этим словам нечего. Без участия И.В. Сталина и его «Ледокола Революции» А. Гитлера была решена судьба мира в Европе. Решена Невиллом Чемберленом, который обладал уникальной для европейского политика информацией о противнике. Незадолго до стовора в Лондон приезжал Эвальд фон Клейст, рассказавший Черчиллю о планах германского генералитета осуществить военный переворот против Гитлера в случае начала войны между Третьим рейхом и Чехословакией. Но Чемберлен не прислушался к немецкому генералу, приехавшему в Англию со столь щепетильной миссией, и чуть было не отдал его в руки ведомства Гимmlера. Шанс задушить фашизм в зародыше был упущен. В Европе разразилась невиданная по масштабам война, на Лондон падали бомбы и ракеты ФАУ. Невилл Чемберлен с позором ушел в отставку.

Эвальд фон Клейст возглавил 1-ю танковую группу, наступавшую летом 1941 г. на Киев, после войны оказался в советском плену и в октябре 1954 года умер во Владимирском лагере, став единственным умершим на территории СССР немецким генерал-фельдмаршалом. К этим трагическим последствиям привела не советская и не французская политика, а действия господина Невилла Чемберлена. Если исходить из методологии В. Суворова, то запросто можно развить теорию о «ледоколе контрреволюции», которого вскормили для сокрушения СССР. Но не будем пускаться в домыслы. Произошло то, что произошло. И не стоит видеть во всем чей-то злой умысел. Действительность проще и оттого грустнее. Неверное представление о событиях, нежелание просчитывать ходы противника, простой страх перед жесткими решениями приводил к катастрофическим последствиям.

Говорить и писать в газетах можно все, что угодно. «Ледокол» можно написать про любую страну. Возьмем, чтобы не повторять примеров из истории Франции и России, Австро-Венгрию. «Мы слышали, как ответственные лица Австро-Венгрии оценивали ее финансовую и экономическую мощь. Она не скрывалась и в прессе. «Вооружайтесь, вооружайтесь, — призывал военный писатель под псевдонимом «Кассандра», граждан монархии в своей статье «Вооружение Европы и Австрия». — Вооружайтесь для решительного боя. Балканы мы должны приобрести. Нет другого средства для того, чтобы остаться великой державой. Для нас дело идет о существовании государства, об избежании экономического краха, который, несомненно, повлечет за собой распадение монархии. Для нас дело идет о том, быть или не быть. Наше тяжелое экономическое положение может быть улучшено только тогда, когда мы приобретем Балканы, как исключительно нам принадлежащую колонию, для сбыта нашего промышленного производства, вывоза излишка населения. Вооружайтесь, вооружайтесь! Приносите деньги лопатами и тачками, отдавайте последний грош, сплавляйте кубки и серебро, отдавайте золото и драгоценные камни на железо. Предоставляйте ваши последние силы на вооружение неслыханное, какого еще свет не видел, ибо дело идет о последнем решительном бое великой монархии. Дайте ружье в руки отрока и вооружайте старца. Вооружайтесь беспрестанно и лихорадочно, вооружайтесь днем и ночью, чтобы быть готовыми, когда настанет день решения. Иначе дни Австрии сочтены». (Шапошников Б.М. Мозг армии). И далее в том же духе: «Пуанкаре в своей книге «Происхождение мировой войны» пишет: «Ко всем политическим мотивам, которые толкали Австрию на рискованный путь войны, нужно прибавить и те финансовые затруднения, которые возрастали с 1912 года, благодаря вооружениям и повторным мобилизациям». «16 декабря 1913 года, — продолжает Пуанкаре, — Дюмен, наш посол в Вене, писал нам: «Австро-Венгрия находится в тупике, из которого она не знает, как выбраться. Таким образом, ощущение, что народы двинутся к полям сражений, толкаемые непреодолимой силой, возрастает день ото дня... Мне кажется существенным отметить, что здесь пытаются приучить к мысли о всеобщей войне как к единственно возможному средству поправить финансы, которые пришли в полное расстройство после военных, правда, бесплодных, напряжений, которые делались за последний год».

Когда слушается дело об убийстве, то принимается во внимание не то, кричал ли обвиняемый покойному «Убью!» по пьяной лавочке, а нечто более весомое. Например, показания свидетелей, отпечатки пальцев, трассологическая экспертиза. Так и с В. Суворовым. Он проваливает обвинение именно по основным пунктам доказательной базы (которые и громят антирезунисты). Позволю себе провести аналогию между событиями 30–40-х годов и хорошо знакомым большинству читателей фильмом «Место встречи изменить нельзя». Про Глеба Жеглова тоже можно сказать «но в главном-то он прав!» — у Ильи Сергеевича были побудительные мотивы для убийства Ларисы Груздовой, испортивший всех квартирный вопрос. Но внимательное рассмотрение обстоятельств дела, от «смятых стабилизаторами авиабомб» папирос «Дели» до времени футбольного матча, «подмывающих» показания соседа, заставило усомниться в незыблемости логической цепочки, выстроенной Жегловым уже в первый день следствия.

ГЛАВА 16.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ. ВОЙНА, КОТОРАЯ БЫЛА

Говоря о реальных событиях войны, Владимир Богданович пытается соблазнить читателя тайным знанием. Чтобы убедить массового читателя в правильности своих выводов, В. Суворов апеллирует к якобы известному ему тайному знанию, к «тайной истории», к секретным книгам в глубинах советских библиотек. Предполагается, что они содержат сокровенное знание, напрочь опровергающее доступные широкой публике мемуары и открытые научные работы:

«История, которую нам рассказывали, — это баллады для толпы, для широких народных масс, для непосвященных. А тут, за броневой дверью, за стальными решетками, за несокрушимыми стенами, за широкими спинами вооруженных автоматами часовых, за звериным оскалом караульных собак, за бдительным взглядом «Особого отдела», защищенная допусками, пропусками, печатями, учетными тетрадями, инструкциями по секретному делопроизводству хранится совсем другая история той же войны». («Самоубийство».)

Воспетая столь высоким штилем книга Сандалова была переиздана без грифа в 1989 году. Открываю страшную тайну: грифами закрывались и за спины часовых прятались работы, посвященные событиям 1942–1945 гг. Поэтому возникает простой вопрос к Владимиру Богдановичу: «Если в 1941 г. прятали «освободительный поход», то что же скрывали в последующие годы?» Ответ на самом деле вполне тривиальный. Многие действующие лица операций и начального, и последующих периодов войны достигли в послевоенные годы вершин военной и политической власти и были не заинтересованы в широком освещении своей деятельности в 1941–1945 гг. В частности, Харьковская катастрофа 1942 года не в лучшем свете выставляет Н.С. Хрущева, а события лета 1942 г. на Южном фронте — министра обороны Р.Я. Малиновского. Не самые ласковые слова имеются в закрытых работах в адрес главного маршала бронетанковых войск П.А. Ротмистрова.

Были в охраняемых собачками трудах неличеприятные и горькие строки о рядовых участниках боевых действий. Например, в «Сборнике боевых документов ВОВ. Выпуск 33», повествующем о действиях мехкорпусов РККА в первые дни войны, есть такие слова: «Шофер автомашины 10-го автотранспортного батальона Ч. (В первоисточнике фамилия приведена полностью. — А.И.) бросил автомашину с бронебойными снарядами в то время, как танки были без бронебойных снарядов, явился в часть и доложил, что его машину разбомбили (Ч. расстрелян)». Я не думаю, что родственникам этого человека будет приятно читать такие слова. К сожалению, история тесно переплеталась с политикой, исторические работы писались бывшими сотрудниками ГлавПУРа, зачастую слабо разбиравшимися в вопросах тактики и стратегии. Владимир Суворов в значительной мере — это наказание главпуровским историкам за низкий профессионализм в изложении истории войны. Именно их недоговорки и маловразумительные объяснения породили «смелые» теории Владимира Богдановича, который использовал эти слабости

официальной историографии, помножив традиционный для некоторых официальных историографов непрофессионализм на искажение фактов.

У военного дела, как и в любой области человеческого знания, есть свои законы. И эти законы вполне поддаются числовому исчислению и арифметическим расчетам, которые каждый может проделать самостоятельно. Возможности войск можно измерить в количестве километров на дивизию и в количестве стволов артиллерии на километр. Если плотность соответствует задаче (наступление или оборона), то есть надежда на выполнение этой самой задачи, если нет, то результат сражения будет не в нашу пользу. Исключения из данного правила бывают, но они лишь подтверждают его. Механизм поражения армий приграничных округов с точки зрения плотностей войск достаточно очевиден. Собственно, на границе плотность войск составляла 30–50 километров на дивизию. Это значительно ниже уставных нормативов как на оборону, так и на наступление. В профессиональных книгах о начальном периоде войны это честно написано: «В среднем на одну стрелковую дивизию первого эшелона приходилось 45 км обороняемого фронта, а на стрелковый батальон — 6–7 км, что в 3–4 раза превышало существовавшие тогда тактические нормы обороны». (Владимирский А.В. Указ. соч. С. 55.) Это о 5-й армии Киевского особого военного округа. С такой плотностью что-либо удержать было попросту нереально. В «секретной» книге Л.М. Сандалова все черным по белому про разорванность РККА на эшелоны написано. «Предназначенная на усиление 4-й армии 55-я стрелковая дивизия прибывала автотранспортом на участок Городище, Синявка. 121-я и 143-я стрелковые дивизии продолжали сосредоточиваться по железной дороге в район Лесна, Бытень. Управление 47-го стрелкового корпуса по-прежнему готовилось к перевозке из Бобруйска. 155-я стрелковая дивизия вышла на р. Шара и готовилась с рассветом 24 июня двигаться на Волковыск». То есть дивизии Гудериана сначала перемололи дивизии у границ и 14 механизированного корпуса, затем столкнулись с выдвигавшимися к границе «глубинными» корпусами. И те и другие были построены с плотностью, не позволяющей вести эффективную оборону.

Те же проблемы были с плотностью войск второго стратегического эшелона. Характерный пример, 19-я Воронежская стрелковая дивизия 28-й армии под Ельней в июле 1941 г.: «Вытянутая по фронту почти на 35 километров оборона дивизии не имела глубины, лишь на более вероятных танкоопасных направлениях создавалась наибольшая плотность огневых средств, особенно противотанковой артиллерии». (Лубягов М. Под Ельней в сорок первом. Смоленск: Медынь, 2001. С. 22.) Нет ничего удивительного в том, что растянутая по фронту дивизия оборонительного рубежа не удержала и уже 19 июля, в первый день боев за город, немцы ворвались в Ельню. И это несмотря на то, что оборонительный рубеж дивизия строила почти две недели, приказ на занятие и подготовку оборонительной полосы 19-я стрелковая дивизия получила из штаба 28-й армии 4 июля, за две недели до подхода войск Гудериана.

Везде действовал один и тот же неумолимый механизм, оборона растянутых по фронту войск прорывалась, и за спиной дивизий и армий смыкались стальные клещи танковых дивизий вермахта. Ранним утром 22 июня артиллерийская подготовка вермахта обрушилась на приграничные части РККА, на нескольких

ключевых направлениях фронт был прорван, и в глубь СССР устремились танковые клинья, танки, артиллерия и мотопехота на грузовиках. Удержать эти танковые клинья части у границ в силу своей низкой плотности построения не могли. С военной точки зрения главная причина поражений 1941 г. — это разорванность РККА на три эшелона без оперативной связи друг с другом. Над каждым из эшелонов (войска у границы, выдвигающиеся к границе «глубинные» дивизии округов и, наконец, второй стратегический эшелон) немцы имели численное превосходство. И каждый из эшелонов имел плотность построения, непригодную ни для обороны, ни для наступления. Соответственно вермахт поочередно перемалывал эти три «забора» на своем пути. То есть сначала войска у границы, потом, пройдя 200–300 км, «глубинные» дивизии округов, потом второй стратегический эшелон на рубеже Зап. Двины и Днепра. Каждый из эшелонов в силу расстояния в несколько сотен км от других эшелонов ничем помочь им не мог, как и не могли помочь дивизии ВСЭ «глубинным» дивизиям особых округов, а «глубинные» дивизии, в свою очередь, ничем не могли помочь избиваемым у границы войскам «армий прикрытия». Научно это называется «упреждение в развертывании», по такому же механизму происходил разгром Польши в 1939 г. Был только один вариант противодействия: контрудары механизированными соединениями, которые можно было быстро рокировать на фланги танковых клиньев. Альтернативы контрударам с точки зрения оперативного искусства просто не было. Однако эффективность контрударов оставляла желать лучшего в силу несовершенства организационной структуре мехсоединений, их неотмобилизованности. Усугублялась ситуация проблемами с разведкой как воздушной, так и силами соединений и частей.

Было бы странно, если бы существовала какая-то альтернативная историография, описывающая все те же события как-то по-другому. В. Суворов красочно описывает форму, но умалчивает о содержании:

«А тут, за бронированной дверью, за стальными решетками, за несокрушимыми стенами, за широкими спинами вооруженных автоматами часовых, за звериным оскалом караульных собак, за бдительным взглядом «Особого отдела», защищенная допусками, пропусками, печатями, учетными тетрадями, инструкциями по секретному делопроизводству хранится совсем другая история той же войны. И тайные воспоминания генерала Сандалова тут вовсе не в единственном числе».

«Тайные воспоминания» стоило хотя бы открыть и убедиться в том, что жанр книги Л.М. Сандалова совсем другой. Это не мемуары, это историческое исследование, в котором автор не описывает свои личные впечатления и воспоминания, а сухо и деловито рассказывает о событиях, происходивших в 4-й армии Западного фронта перед войной и в ее первые дни. Часовые и собаки нужны не для защиты сведений об агрессивных советских планах, а для сохранения более жесткого и нелюбезного анализа событий войны от постороннего взгляда. Л.М. Сандалов написал свою книгу для офицеров Советской армии, людей, чья профессия «Родину защищать». И потому лукавить при их обучении военному ремеслу было бы преступлением. Задача поп-

истории — это воспитание подрастающего поколения на подвигах отцов и дедов. Массовое сознание зачастую черно-белое: или герой, или глупец — третьего не дано. Поэтому официальная историография предпочитала черно-белую версию событий, старательно обходя острые и спорные моменты. Например, трудно представить себе в книжке советских времен такую фразу: «В действиях 5-й армии вызывает недоумение нахождение 15 ск на правом фланге, где отсутствовал сильный противник с фронта. Перегруппировка этого корпуса на левый фланг существенно меняла бы положение 5-й армии на фронте Новоград-Волынский, Житомир и, весьма возможно, не позволила бы противнику так глубоко вклиниться на Киевском направлении и подойти вплотную к укреплениям Киевского УР». (Грецов М.Д. На юго-западном направлении (июнь — ноябрь 1941 г.). М.: Воениздат, 1965. С. 69.) Такие слова бросят тень на командующего 5-й армии М.И. Потапова, действительно одного из самых успешных командармов 1941 г. От нас хранили не какие-то ужасные тайны мировой революции, а горькие и страшные строки об ошибках, просчетах, потерях. И своя правда в этой политике была. Многие люди не понимают, что решения принимались не в спокойной обстановке с чашкой чая, а под аккомпанемент канонады и разрывов авиабомб после нескольких бессонных ночей. Принимались людьми, еще не имевшими опыта командования крупными войсковыми соединениями. Но, к сожалению, политика замалчивания суровой правды войны обернулась тем, что в последние 10–15 лет «смелые публицисты» реальные события подменяют выдумками, а иной раз и прямой ложью. Вместо веского слова профессионалов, как вышедшие в 1989 г. ранее секретные труды Л.М. Сандалова, А.В. Владимирского, на голову российских читателей вылили потоки совершенно дурацких измышлений: «трупам завалили», «одна винтовка на пятерых», «кровавые маршалы» и т.д.

Естественно, что довольно быстро эта унижительная для национального достоинства вакханалия надоела. Даже у мазохизма и самобичевания есть свои пределы. И В. Суворов, как флюгер, повернулся в нужном направлении, взяв на себя роль защитника национальных интересов. На страницах «Последней республики» появились слова о РККА, сражающейся с неуязвимыми ДОТами и двухметровым снегом в лютый мороз, чудо-танки и чудо-генералы. Владимир Богданович вообще очень любит рассказывать легенды вместо изложения реальных событий:

«Залога приводит еще пример. Как известно, германские танковые войска были разделены в начале войны на четыре танковые группы, которые вскоре преобразовали в танковые армии. Так вот: в июне 1941 года в Литве, в районе города Рассеняй, один советский КВ в течение суток сдерживал наступление 4-й германской танковой группы.

Танковая группа — это четверть всех германских танковых войск. Один советский танк против германской танковой армии. Неизвестный старший сержант против генерал-полковника Гепнера. Но удивляться тут нечему: старший сержант из той армии, которая готовилась к войне, у старшего сержанта — один тяжелый КВ, а германский генерал-полковник готовился к легким победам, к опереточной

войне, у германского генерал-полковника тяжелых танков...» (Суворов В. Последняя республика. Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую.)

На фоне упивающегося светлым образом Гудериана Г. Вадимова эта история смотрится неплохо: чудо-танк, дураки немцы. И одновременно В. Суворов заставляет эту лстящую национальному самолюбию легенду работать на себя. Читатель нежно подводится к мысли, что только экстраординарные условия подготовки к «Грозе» могли привести чудо-танки в такое состояние, что они не остановили все четыре танковые группы, просто встав у них на пути. Замечу, что у Владимира Богдановича была прекрасная возможность не пересказывать эту красивую легенду, а узнать, что на самом деле случилось. Стивен Залога — это в первую очередь историк техники, пытаться найти в его книгах исчерпывающую информацию о боевом применении этой техники нельзя. Я нашел подробности боев у Рассеня в книге, выдержавшей три издания за рубежом, *The initial period of war on the Eastern front 22 June — August 1941* под редакцией Дэвида Гланца. Имеющийся у меня экземпляр книги имеет надпись на обложке *Printed in Great Britain*. Думаю, что для знакомства с этой книгой Владимиру Богдановичу нужно было затратить куда меньше труда, чем мне для ее получения из Туманного Альбиона через Францию. Книга представляет собой материалы 4-го симпозиума по оперативному искусству, проходившего в 1987 году. Бои у Рассеня описывают непосредственные участники тех событий с немецкой стороны.

Что же происходило у небольшого городка Рассеня и в чем ошибка В. Суворова и других историков, описывавших это сражение? Как обычно, мило забылся пространственный фактор. Танковая группа наступала не по одной дороге, на которой притаился КВ, а по нескольким параллельным, на достаточно широком фронте. И если боевая группа одной дивизии (в данном случае 6-й танковой) 4-й танковой группы могла быть задержана на сутки одним КВ, блокировавшим дорогу к мосту через реку Дубисса, то остальные танковые дивизии продвигались по соседним дорогам в глубь СССР, даже не подозревая о существовании этого самого КВ под Рассенем. Например, весь 56-й моторизованный корпус Манштейна, безостановочно продвигавшийся в это время к Двинску (Даугавпилсу). Слева от него двигался немецкий 41-й моторизованный армейский корпус, 1-я и 6-я тд которого оказались атакованы, и 12-й МК, и 2-я тд 3-й МК, которой принадлежал этот самый КВ. 1-я танковая дивизия немцев наступала от границы через Скаудавиле, Кельме и далее на Шауляй. 1-й тд 41-го армейского моторизованного корпуса, так же как 36-й моторизованной дивизии этого же корпуса, одинокий КВ у моста через Дубиссу не мешал, этот мост оставался в стороне от направления движения остальных двух дивизий 41-й АК (мот). У 1-й тд был другой интерес: захват железнодорожного моста через Дубиссу. Этот мост находился внизу по течению реки от моста, который удерживал рассеняйский КВ. Захвачен он был специальной группой 1-го пехотного полка дивизии совместно со спецподразделением Вермахта, полком 800 Бранденбург. Мост был захвачен вечером 23 июня. Захват 300-метрового железнодорожного моста снимал для 1-й тд проблему преодоления реки Дубисса и пути продвижения в глубь Прибалтики. Тем более что вторая кампфгруппа (боевая группа) форсировала реку в другой точке вниз по течению. 6-я танковая дивизия 41-го моторизованного корпуса немцев была разбита на две боевые группы,

кампфгруппу Раус и кампфгруппу Зекедорф. В 15.00 23 июня кампфгруппа Зекедорф захватила Рассеняй и небольшой плацдарм на правом берегу Дубиссы. Однако в течение вечера и ночи немцев с этого плацдарма выбили. Судя по всему, это сделал 2-й мотострелковый полк 2-й танковой дивизии 3-го МК. Цитирую воспоминания Д.И. Осадчего, командовавшего 5-й танковой ротой 3-го танкового полка 2-й танковой дивизии: «На подступах к Рассеняю часть вышла к намеченному рубежу развертывания. В нескольких километрах от нас на западном берегу реки Дубисса сражался с противником 2-й мотострелковый полк нашей дивизии». (ВИЖ. 1988. № 6. С. 54.) На следующее утро с первыми лучами солнца танки и мотострелки 2-й тд 3-го механизированного корпуса перешли реку Дубисса и атаковали в лоб кампфгруппу Зекедорф 6-й тд. По словам участника вышеупомянутой конференции полковника Гельмута Риттена, танки КВ произвели неизгладимое впечатление, но довольно быстро немцы приноровились выбивать их концентрацией огня артиллерии сначала на одном, потом на другом. Один из КВ в ходе сражения 24 июня повернул влево и занял позицию на дороге, параллельной направлению наступления кампфгруппы Зекедорф, оказавшись за спиной кампфгруппы Раус. Это КВ и стал основой для легенды об остановленной 4-й группой немцев. Журнал боевых действий 11-го танкового полка 6-й тд гласит: «Плацдарм кампфгруппы Раус был удержан. До полудня, в качестве резерва, усиленная рота и штаб 65-го танкового батальона были стянуты назад по левому маршруту к перекрестку дорог северо-восточнее Рассеня. Тем временем русский тяжелый танк блокировал коммуникации кампфгруппы Раус. Из-за этого связь с кампфгруппой Раус была прервана на всю вторую половину дня и последующую ночь. Батарея 8,8 Флак была направлена командиром для борьбы с этим танком. Но ее действия были так же неуспешны, как и 10,5-см батареи, которая стреляла по указаниям передового наблюдателя. Кроме того, провалилась попытка штурмовой группы саперов подорвать танк. Было невозможно приблизиться к танку из-за сильного пулеметного огня». (Thomas L. Jentz Panzertruppen, Schiffer Military History, Atlegen, PA, page 198, перевод мой). Кампфгруппа, или примерно половинка дивизии, тем более уменьшенная на оттянутую в резерв роту, это все же не целая танковая группа. Одиноким КВ, о котором идет речь, сражался с кампфгруппой Зекедорф. После ночного рейда саперов, только поцарапавшего танк, по второму разу им занялись с помощью 88-мм зенитки. Группа танков 35(t) отвлекла своим движением КВ, а расчет 88 Флак добился шести попаданий в танк. Одним словом, немцам пришлось повозиться, но речи об остановленной танковой группе не было.

Один КВ на путях снабжения кампфгруппы Раус был не самой большой заботой 6-й тд. Весь день 24 июня шел встречный бой, в ходе которого 2-я тд 3-го МК была вытеснена за Дубиссу, а ее пути снабжения с севера были перехвачены 1 танковой дивизией немцев. Попытки 2-й тд прорваться к своим у Скаудавиле были безуспешными. С юга кольцо окружения замыкала 269-я пд немцев. Один мост и один танк КВ в такой ситуации погоду не делали. Вся 2-я тд, в составе которой был не один десяток КВ-1 и КВ-2, погибла в тех боях, как честно докладывал начальник автобронетанкового управления Северо-Западного фронта полковник Полубояров 11 июля 1941 года: «3-й механизированный корпус (Куркин) погиб весь.[...] Выведено пока и уже собрано до 400 человек остатков, вышедших из окружения, из состава 2-й танковой дивизии (Солянкина)». Танки советских

мехкорпусов действовали без поддержки пехоты, артиллерии в достаточном количестве. Немецкой 6-й танковой дивизии, оснащенной чешскими танками 35(t), удалось остановить наступление советской 2-й танковой дивизии, имеющей в своем составе три десятка KB-1 и KB-2, а затем при поддержке контрудара второй дивизии 41-го корпуса Рейнгардта — 1-й танковой — заставить отступить, в конечном итоге советская танковая дивизия оказалась окружена. Ни о какой остановке 4-й танковой группы не было и речи, во всяком случае, немцы о том, что их остановили, не знали. Франц Гальдер записал в своем дневнике 23 июня: «Войска группы армий «Север» почти на всем фронте (за исключением 291-й пехотной дивизии, наступающей на Либаву (Лиепаяу), отражали танковые контратаки противника, которые, предположительно, вел 3-й танковый корпус русских при поддержке нескольких мотомеханизированных бригад (3-й танковый корпус дислоцировался здесь еще в мирное время). Несмотря на это, усиленному правому крылу группы армий удалось продвинуться до Вилькомира (Укмерге). На этом участке фронта русские также сражаются упорно и ожесточенно», а 24 июня в истории с контрударом у Рассеня в дневнике Франца Гальдера была поставлена точка: «Ясно лишь, что только 3-й танковый корпус противника, с самого начала находившийся в этом районе, разбит танковым корпусом Рейнгардта и что танковый корпус Манштейна настолько далеко продвинулся на восток, что вынудил русских начать отход за Западную Двину». То есть понимание принципов организации контрудара присутствовало, наши танковые дивизии старались бить во фланг танковых клиньев немцев, но изрядно хромала техника выполнения этих контрударов, не получалось нащупать тонкую «шею» танкового клина, мешал разрыв между шагающими на своих двоих пехотными и полностью механизированными танковыми дивизиями. В некоторых случаях удар приходился по пехотному прикрытию флангов танкового клина, по такому сценарию развивался контрудар 6-го и 11-го механизированных корпусов у Гродно и 15-го механизированного корпуса у Радехова. В случае 2-й танковой дивизии 3-го механизированного корпуса контрудар вылился во встречное сражение, невыгодное по определению, воздействие оказывалось не на слабое место противника, а на сильное. Хотя изначально контрудар задумывался как классические «канны»: в центре сильная оборона артиллерийской противотанковой бригады и две фланговые ударные группировки из 12-го механизированного корпуса и 2-й танковой дивизии 3-го механизированного корпуса. Начальник автобронетанкового управления Северо-Западного фронта Полубояров докладывал о задачах 2-й тд 3-го МК: «Принял решение и поставил задачу Куркину: наступать из района Россиены в западном направлении до дороги Таураге — Шяуляй». (ЦАМО. Ф. 221. Оп. 3928сс. Д. 28. Л. 8.) Если исходить из тезиса, что нужно ударить во фланг ударной группировки,двигающейся на Шяуляй, то решение правильное. В оперсводке штаба Северо-Западного фронта № 02 к 10.00 23.06.1941 г. говорилось: «силами трех танковых дивизий и одной моторизованной (3-й и 12-й механизированные корпуса) наносят концентрический удар по основной группировке противника, действующей на шауляйском направлении, с целью ее разгрома» (ЦАМО. Ф. 221. Оп. 3928сс. Д. 6. Л. 27.) Но в суровой реальности оказалось, что через ту точку, которая предполагалась как исходное место контрудара, город Рассеняй (Россиены), проходил путь наступления 6-й тд 41-го моторизованного армейского корпуса

немцев. Фронт наступления ударной группировки немцев оказался шире, чем предполагало руководство Северо-Западного фронта.

Если рассуждения Владимира Богдановича о военной теории — это поток сознания домохозяйки, то от его рассказов о реальных событиях глаза на лоб лезут:

«Концентрация двух советских армий в Восточных Карпатах имела катастрофические последствия. Никто эти армии, конечно, с фронта не атаковал. Но удар 1-й германской танковой группы на Ровно ставил перед советским командованием дилемму: оставить две армии в Карпатах, и они погибнут там без подвоза боеприпасов и продовольствия, или их срочно отводить из этой мышеловки. Было принято второе решение. Две горные армии, не приспособленные для боя на равнинах, имея облегченное вооружение и множество ненужного на равнинах снаряжения, побежали с гор и тут попали под фланговый удар германского танкового клина. Легко разгромив бегущие с гор советские армии, 1-я танковая группа германских войск устремилась вперед, заходя в тыл 9-й (сверхударной) армии».

Стоп! Какой фланговый удар на Ровно? Удар на Ровно никак 6-й и 12-й армиям не угрожал. Направление граница — Ровно ведет к Киеву, а не во фланг «сверхударным горным армиям». 6-я и 12-я армии попали в Уманский «котел», будучи окруженными 1-й танковой группой. Танковая группа Эвальда фон Клейста взломала оборону обычной, не «горной ударной» 6-й армии в Новоград-Волынском УРе, дошла до Бердичева и вышла на коммуникации этой и 12-й армий. При этом горные дивизии уже не составляли ядра этих двух армий. На 21 июля 1941 г. 6-я и 12-я армии состояли из 24 дивизий, 1 воздушно-десантной и двух противотанковых артиллерийских бригад. С запада фронт окружения 6-й и 12-й армий замыкали 1-я и 4-я горнострелковые дивизии немцев. То есть и с немецкой стороны были дивизии с «облегченным вооружением». Поражение 12-й и 6-й армий никак не связано с наличием или отсутствием в их составе горнострелковых дивизий. При выходе 1-й танковой группы на тыловые коммуникации 6-й и 12-й армий состав армий никакой роли не играл, к окружению одинаково чувствительны любые дивизии, что стрелковые, что горнострелковые, что моторизованные.

Рассказав нам про «горные» армии, Владимир Богданович начал заламывать руки и разрывать одежды по поводу судьбы 9-й «сверхударной» армии:

«Участь ее была печальной. После этого перед германскими войсками открылись пути к незащищенным базам советского флота, к Донбассу, Харькову, Запорожью, Днепропетровску — промышленным районам колоссальной важности». («Ледокол», глава 17.)

Естественно, назвав 9-ю армию «сверхударной», способной сокрушить весь Вермахт одним щелчком, нужно было придумать что-нибудь страшное и

ужасное, что могло помешать этой армии сыграть весомую роль в событиях 1941 г. Поскольку ничего ужасающего с 9-й А не произошло, В. Суворов напустил тумана про печальную участь. В реальности 9-я армия благополучно отошла сначала на Днестр, потом на Днепр и была окружена только в октябре 1941 года, когда в ее сторону повернулась 1-я танковая группа после завершения окружения войск Юго-Западного фронта под Киевом. Если бы 9-я армия была «сверхударной», то ей бы ничего не стоило ударом на север деблокировать вышеупомянутые 6-ю и 12-ю армии в Уманском «котле». Но армия была растянутой на широком фронте завесой, которая постепенно отходила назад, заботясь только о целостности своего фронта.

Из сказок и легенд, рассказанных В. Суворовым, наиболее поэтично выглядит история «черного корпуса». Описание этой истории начинается так:

«Разговор шел в своем кругу, без посторонних, и потому довольно откровенно. Слушатели-офицеры и генералы штаба округа, которые данный вопрос знают не только по мемуарам отставных генералов, заспорили. В пылу спора бойкий полковник генералу Ремезову вопрос поставил прямо: «Отчего 63-й стрелковый корпус вашей 20-й армии немцы в документах называют «черным корпусом»? Вразумительного ответа генерал Ремезов не дал». («Ледокол», глава 24.)

Читатель как бы вводится автором в круг «своих» и польщенный такой честью, он не замечает очевидных нестыковок фактов. Почему это Ремезов привязывает такое название к цвету униформы, железнодорожные шинели вместо обычных армейских? В. Суворов вслед за Ремезовым почему-то тоже привязывается к цвету формы, отмечая предположения о том, что корпус могли назвать «черным» вследствие каких-то других причин. Например, другая распространенная легенда, название Ил-2 немцами «Черная смерть», вовсе не означает, что советские штурмовики красили в черный цвет. Вместо рассмотрения различных версий Владимир Богданович, по своему обыкновению, передергивает:

«Германские войска, обнаружив и опознав на поле боя труп Петровского, по приказу вышестоящего командования похоронили советского генерала со всеми воинскими почестями. На его могиле был установлен огромный крест с надписью на немецком языке: «Генерал-лейтенант Петровский, командир «черного корпуса».

И дается ссылочка на источник сведений:

«Подробно о действиях 63-го «черного корпуса» можно прочитать в ВИЖ, 1966, № 6».

Если потрудиться сходить в библиотеку и проверить, что написано в этом номере ВИЖа, то легенда о «черном корпусе» начинает рассыпаться как карточный домик:

«До 1944 года Л.Г. Петровский считался пропавшим без вести. Когда советские войска вернулись, по указаниям местных жителей могила комкора была найдена. Во время оккупации по распоряжению командования немецких войск на могиле был установлен крест с надписью на немецком языке: «Генерал-лейтенант Петровский».

То есть приставка про «черный корпус» на кресте — это выдумка В. Суворова. На самом деле немцы называли 63-й ск «черным» в честь Schwarze Korps (или Schwarze Schar), немецкого добровольческого формирования (Freikorps) в период освободительной войны 1813–1814 года. Униформа у них была черная, отвороты, выпушки и пр. — желтые и красные (именно к этой униформе и восходит, кстати, современный немецкий флаг). Причем название «корпус» достаточно условное. У каждой добровольческой части была своя униформа. Но была одна часть, которая носила только черную форму, — это воспетый в поэмах Freikorps Лютцова численностью 3000 человек и состоявший из 4 пехотных батальонов и 5 эскадронов кавалерии. В марте 1815-го они стали 25-м пехотным полком, 6-м уланским и частью 9-го гусарского. 63-й ск получил такое название не за цвет униформы, а за доблесть в бою. Примерно так же, как наши могли назвать хорошо сражавшуюся немецкую часть «батареей Раевского». Логика реальных событий всегда оказывается сложнее, чем прямые, как стрела, рассуждения: «черный — значит, черного цвета при построении на плацу».

Реальная история войны гораздо интереснее рассказанных Владимиром Богдановичем сказок. К сожалению, мы о ней мало знаем, поскольку в период повышенного интереса к этой теме широкому кругу читателей подсовывали мусор, из которого с трудом вылавливались данные об оперативной картине событий, боевом и численном составе частей. Действительно глубокие работы оказывались отделены от массового читателя пресловутыми спинами часовых и цепными собачками. Результат не заставил себя ждать, на унавоженной главпуровскими историками почве вырос В. Суворов.

ГЛАВА 17.

КОЧЕГАР С ПАРОВОЗА «ВЕЛИКОЙ ФИНЛЯНДИИ»

Позвольте немного отвлечься от обсуждения серьезных вопросов и добавить в мой труд долю шутки. Как я уже говорил, «Ледокол» можно написать про любую страну. Про Францию и Россию перед Первой мировой писать неинтересно, факты сами ложатся в нужном направлении.

Поэтому попробую вкратце набросать «Ледокол» о... Финляндии и Зимней войне.

Итак, неизвестная рукопись. Мауно Энkvист «Талви укконэн». (Зимняя гроза. — *Прим. пер.*) Фамилия Энkvист была у командира финского пехотного корпуса (*Прим. ред.*).

Как-то раз я отдыхал с друзьями зимой в Карелии. Остановились мы на ночлег в небольшой деревне. Наша шумная компания собралась вечером в клубе, свалив в углу лыжи и рюкзаки. Сидевший в углу старик вдруг сказал: «Прям как тогда, в 1939 г.»

— Что как тогда?

— Лыжи. В 1939 г. тоже вот так были свалены лыжи у границы.

Так мне ответил старый финн и задумчиво закурил трубку. Весь остальной вечер он отмалчивался, односложно отвечая на наши вопросы. Потом он вдруг закрыл лицо руками и горько заплакал, размазывая слезы по чумазой физиономии: «Ы-ы-ы!».

И с этого момента я начал исследовать историю Зимней войны, поняв, как все мы ошибались, как все мы были слепы. Как мог Сталин, который сам на заседании ВЦИК 4 января 1918 г. выступал с развернутой мотивировкой признания независимости Финляндии, вдруг вторгнуться в эту страну для ее «советизации»? Иосиф Виссарионович в 1918 г. говорил, что обвинение советского правительства в том, что оно «потеряло Финляндию», несостоятельно, поскольку та «фактически никогда не являлась нашей собственностью». И вдруг разительная перемена, СССР начинает войну с финнами. Что-то здесь не так. Да и сами финские граждане задавали себе вопросы, на которые не могли найти ответа. «Именно тогда мне пришло в голову: а так ли необходимо воевать? Я знал, что СССР осенью требовал финские территории для своей безопасности. Исходя из того, что финское правительство выбрало войну против огромного народа, а не территориальную уступку, видимо, советские предложения были чрезмерны. Как я позже узнал, эти предложения были приемлемы». (Военный дневник Мартти Салмиена, GUMMERUS, 1999 г.). И меня озарила идея: война СССР против Финляндии была превентивной! Позвольте мне теперь писать «зимняя война» с маленькой буквы.

Из выпуска новостей будущего: «А теперь новости с Урала. На финско-китайской границе все спокойно...»

ГЛАВА 1. ВОЙНА ЗА «НЕЗАВИСИМОСТЬ»

Финляндию Россия приобретала долгих два столетия, сражались в ее лесах и солдаты Петра, и Екатерины II, один из полков был даже назван Кексгольмским в память о боях в негостеприимном «приюте убогого чухонца», как высокомерно назвал Суоми А.С. Пушкин. Мечтой финского народа была независимость, и для достижения этой цели все средства были хороши. Известный революционер Н.Е. Буренин в своих воспоминаниях писал: «Трудно перечислить всю массу революционных услуг, которые были нам оказаны в то время финнами». Все мы знаем про шалаш в Разливе, в котором укрывался Ленин, но не все знают, что было дальше, хотя все это написано тысячу раз в советских книжках. Наступала осень, сенокосная пора закончилась, скрываться под видом косца становилось опасно. ЦК принял решение укрыть своего вождя в Финляндии, и в начале августа 1917 года под видом кочегара Ленин на паровозе переехал в Финляндию. В начале октября 1917 г. Ленин нелегально вернулся в Петроград. Хотя финны могли схватить его и выдать законной власти, но это было не в их интересах, и мы дальше увидим, почему. Продолжение истории мы знаем — возвращение из Финляндии, переворот, захват власти большевиками, и Финляндии даруется независимость. 21 ноября 1919 г. в записке А.С. Енукидзе Владимир Ильич указывал: «Финны нам помогали до 1905 г. сильно. Теперь наш долг помочь им». Но этого было мало, финны хотели безраздельного господства в Карелии, захвата новых плодородных земель. Вооруженные финским правительством отряды добровольцев вторглись в Восточную Карелию. И все это время рядом с Лениным находился финский шофер Рахья, ставший серым кардиналом большевистского вождя. Про это я напишу в следующей книге.

Советское правительство было выгодно Финляндии: ни Временное правительство, ни сторонники монархистской России не допускали и мысли о возможности отделения северо-западной территории империи — Великого княжества Финляндского. Поэтому во время похода Юденича на Петроград ставший президентом Финляндии К.И. Стольберг воспротивился участию финских войск в этом наступлении. Тем самым финны отказались поддержать законную власть и фактически воткнули нож в спину Белого движения. Сдержанность Финляндии и балтийских государств в той ситуации позволила большевикам удержать Петроград. Финны берегли паровоз «Великой Финляндии». И снова лапы финской военщины потянулись к Карелии. В марте — мае 1918 г. несколько отрядов финских войск и «добровольцев» вторглись в Восточную Карелию. Бои то разгорались, то затухали, и закончились они только в 1922 г. Дальше наступила пауза, которую финны использовали для подготовки к новому броску в Карелию. После того как стало ясно, что реставрация царского правления в России маловероятна, Финляндия стала показывать свои мелкие острые зубки. П.Х. Свинхувуд, президент Финляндии в 1931–1937 гг., говорил: «Любой враг России должен всегда быть другом Финляндии».

ГЛАВА 2.

БОЛЬШАЯ БЕТОННАЯ ФИКЦИЯ

Начали финны с имитации бурной деятельности по укреплению Карельского перешейка. В литературе принято возвеличивать «Линию Маннергейма». Вот типичное высказывание о ней. Старший инструктор бельгийской «Линии Мажино» генерал Баду, работавший техническим советником Маннергейма, писал: «Нигде в мире природные условия не были так благоприятны для постройки укрепленных линий, как в Карелии. На этом узком месте между двумя водными пространствами — Ладожским озером и Финским заливом — имеются непроходимые леса и громадные скалы. Из дерева и гранита, а где нужно — и из бетона построена знаменитая «Линия Маннергейма». Величайшую крепость «Линии Маннергейма» придают сделанные в граните противотанковые препятствия. Даже двадцатипятитонные танки не могут их преодолеть. В граните финны при помощи взрывов оборудовали пулеметные и орудийные гнезда, которым не страшны самые сильные бомбы. Там, где не хватало гранита, финны не пожалели бетона». Почему же тогда эту несокрушимую линию обороны прорвали? Почему ее прорвала расшатанная кровавыми сталинскими репрессиями Красная Армия, вооруженная артиллерией времен Первой мировой и легкими устаревшими танками Т-26 и БТ? Может быть, Баду в сговоре с финскими военными? Я искал, это была долгая кропотливая работа. И вот в открытом источнике, в мемуарах Маннергейма нашел: «Вдоль оборонительной линии протяженностью около 140 километров стояло всего 66 бетонных ДОТов. 44 огневые точки были построены в двадцатые годы и уже устарели, многие из них отличались неудачной конструкцией, их размещение оставляло желать лучшего. Остальные ДОТы были современными, но слишком слабыми для огня тяжелой артиллерии. Построенные недавно заграждения из колючей проволоки и противотанковые препятствия не вполне отвечали своей функции». (Маннергейм К.-Г. Мемуары. М.: Вагриус, 2000. С. 263.) Кроме того, сооружения первого периода постройки (1920–1924), так называемая Линия Энкеля, отличались невысоким качеством бетона, практически полным отсутствием гибкой стальной арматуры и большим объемом наполнителя — песка, гравия и камней. Ну скажите мне, кому в голову придет строить ДОТы не из бетона, а из «наполнителя»? Очевидно, что ДОТы «Линии Энкеля» фальшивые, «потемкинские деревни», призванные изображать долговременные сооружения. Это была не линия укреплений, это была фикция, гнилая стена, способная рухнуть от первого порыва ветра. Она была построена для успокоения СССР, чтобы руководителям советского государства казалось, что финны готовятся к обороне. ДОТы «Линии Маннергейма» не были способны противостоять танкам, львиная доля сооружений была вооружена только пулеметами. ДОТы в отличие от сооружений на чехословацких, немецких линиях укреплений не соединялись подземными галереями. Большинство ДОТов представляло собой одноэтажные бетонные коробки, слегка заглубленные в землю. Когда же линии пришлось выполнять свою действительную задачу, она была прорвана в феврале 1940 г.

ГЛАВА 3.

У кого союзники лучше?

Какие союзники были у СССР? Монголия и Германия. И от того, и от другого союзника мало толку. Никакое вооружение союзники эти поставить не могли. А в

союзниках у Финляндии оказались развитые в промышленном и военном отношении страны, Англия, Франция, Америка. Англия поставляла в Финляндию лучшие в мире противотанковые ружья «Бойс», легкие 114-мм гаубицы, Франция — истребители «Моран-Солнье» и легкие и скорострельные 25-мм противотанковые пушки. В 1940 г. страницы газет обойдут фотографии с немецкими танками, буквально изрешеченными этими орудиями. Финляндия получала лучшее европейское оружие. Но все эти поставки уже безнадежно опаздывали. Если бы финны вместо постройки ДОТов из наполнителя производили или закупали противотанковые пушки и противотанковые ружья, трагедии бы не случилось. Трагедии, когда храбрые финские солдаты, сражавшиеся с советскими легкими и устаревшими БТ-5 советской 34-й танковой бригады, не имели в достаточном количестве противотанковых средств. Противотанковые пушки, обозначенные формально в штатах финской пехотной дивизии, существовали в большинстве своем только на бумаге. Об этом тоже можно прочесть в мемуарах Маннергейма. Из-за этого финские солдаты были вынуждены останавливать советские танки бутылками с зажигательной смесью, прозванными «коктейлем для Молотова». Затем название переименовали, и теперь мы знаем это оружие как «коктейль Молотова».

Финские военные не удосужились прикрыть свои города сколь-нибудь сильным зенитным щитом, и в финском небе безраздельно господствовала советская авиация, плохо подготовленные летчики на устаревших тихоходных самолетах терроризировали города и порты Финляндии, засыпали тысячами бомб хилые укрепления «Линии Маннергейма».

ГЛАВА 4.

СПАНИЕЛЬ? НЕТ, ШАКАЛ!

Казалось бы, маленькая миролюбивая страна должна была бы вооружить свои военно-воздушные силы новейшими истребителями. Но финны пошли по другому пути. Самыми совершенными самолетами финских ВВС были английские бомбардировщики «Бленхейм» (Спаниель. — *англ.*). История этого самолета началась в начале 30-х годов, когда военная авиация была в загоне договоров и ограничений. Типичный военный самолет тех лет — это «договорной» «Веллингтон», во имя экономии веса фюзеляж этого бомбардировщика представлял собой пространственный каркас, обтянутый тряпочками. Французские бомбардировщики тех лет были антиэстетичны, нагромождение расчалок, уродливых пулеметных башен. Экономика Европы и США только-только отходила от экономического кризиса. Военная авиация сморщенных армий довольствовалась летающими сараями. В то же время эксцентричный газетный магнат, владелец лондонской газеты «Дейли Мейл», лорд Ротермир обратил внимание на изящный опытный самолет «Бристоль 142». Миллионеру был нужен скоростной самолет для богачей, тогдашний «Конкорд», самый быстрый, самый комфортабельный. Но одновременно на эту машину обратили внимание финские военные. Именно они проявили интерес к детищу лорда Ротермира еще до того, как самолетом заинтересовались британские ВВС.

Английские летчики считали «Бленхейм» самой скоростной машиной в своем классе: по максимальной скорости бомбардировщик превосходил более чем на 50 км/ч состоявший на вооружении в те годы истребитель «Гладиатор». Для своего

времени он был, несомненно, быстроходен: при нормальной взлетной массе в 5600 кг самолеты первых серий развивали максимальную скорость 459 км/ч. На высоту 4570 м машина поднималась за 9 мин. 12 сек, а ее рабочий потолок составлял 9200 м, дальность полета при наивыгоднейшей скорости в 265 км/ч равнялась 1570 км. После начала серийного производства машина была предложена на экспорт, и самым многообещающим стал заказ Финляндии, военные которой следили за уникальным самолетом с рождения. Одновременно финны приобрели лицензию на производство этих машин на новом заводе, который строился в Тампере. Да, да, финны собирались серийно производить бомбардировщики. Не истребители для обороны своей страны, а именно бомбардировщики. И не просто бомбардировщик, а роскошный цельнометаллический лимузин высшего класса. Парк финской истребительной авиации был устаревшим даже в сравнении с советскими «ишаками» и «чайками». Если бомбардировочная авиация вооружалась новейшим монопланом, то в истребительной было много бипланов «Бристоль», «Бульдог», Глостер «Гладиатор». Даже лучшие финские истребители, монопланы Fokker D XXI, уступали И-16 последних серий. Поэтому финское командование запретило на «фоккерах» ввязываться в бои с истребителями противника. Наоборот, бомбардировщики «Бленхейм» часто за счет превосходства в скорости без труда отрывались от «ишаков» и «чаек».

Не для обороны финны приняли на вооружение один из лучших бомбардировщиков своего времени. Он был нужен для наступательной войны, для внезапных скоростных ударов по советским войскам. Когда этот скоростной шкал, завывая своими тысячесильными двигателями, должен бы расчищать дорогу финским лыжным отрядам, разрушая дороги и мосты, рассекая на части колонны советских дивизий, превращая их в изолированные и деморализованные «котлы»-*motti*. В реальной оборонительной войне они оказались не нужны. В воздухе господствовала советская авиация, даже удар по льду Финского залива, который советские войска использовали для обхода укреплений «Линии Маннергейма» был неудачен. Хотя казалось, достаточно одной бомбы, упавшей на хрупкий лед, и советское наступление остановлено. Но финские «Бленхеймы» были перехвачены советскими истребителями, и 5 машин было сбито в одном бою. Ни одной бомбы не упало на наступающие по льду советские войска.

ГЛАВА 5.

СТАЛИН В АПРЕЛЕ

Объяснению неудач Красной Армии в Зимней войне посвящены тысячи книг и статей. Говорят и о страшных морозах, и о глухих лесах, и о неприступной «Линии Маннергейма». Чего стоит «Линия Маннергейма», мы уже поняли. Но почему-то никто не обратил внимания, что самая сильная советская армия была сконцентрирована не на Карельском перешейке! Если на Карельском перешейке была всего одна армия, 7-я, то севернее, между Ладожским и Онежским озерами и в Карелии было целых три армии. Это 8-я армия в составе 56-й, 75-й, 139-й, 155-й, 18-й и 168-й стрелковых дивизий и 34-й легкотанковой бригады. Севернее 8-й армии действовала 9-я армия в составе трех дивизий — 122-я и 163-я стрелковые и 54 горнострелковая дивизия. Еще одна, четвертая дивизия, 44-я стрелковая прибыла в середине декабря, помимо этого армия могла быть усилена частями 88-

й стрелковой дивизии. В Заполярье наступала еще одна армия, 14-я. Коммунистические историки не дают объяснения этому факту, когда на второстепенном направлении концентрируются три армии, а на главном — всего одна. Когда в феврале РККА наступала, то главные силы были сконцентрированы на Карельском перешейке. Операцию планировали те же люди, и неужели мы будем считать их впавшими в идиотизм в декабре 1939 г.? Ну кто поверит официальной версии, согласно которой огромная страна не смогла справиться с маленькой Финляндией? Маленькие миролюбивые страны падали одна за другой под ударом больших и малых агрессоров.

Ответ нашелся неожиданно. До меня тысячи исследователей читали речь Сталина на совещании начальствующего состава по обобщению опыта боевых действий против Финляндии 17 апреля 1940 года. Но никто не обращал внимания на повторяющиеся рефреном слова о неожиданностях: «колонна наших войск была на Карельском перешейке для того, чтобы создать невозможность для возникновения всяких случайностей против Ленинграда со стороны финнов». И буквально в следующем абзаце: «что могло прежде всего обеспечить Ленинград от всяких возможных случайностей». О каких случайностях может идти речь? И я понял! Неожиданностью было финское наступление. Это открытие потрясло меня, я всю ночь катался в снегу, взбирался на высокие ели, выл на луну. Все испуганно от меня шарахались, и некому было поведать об открытии. Утром я решил доказать свои выводы. Если бы Красная Армия собиралась завоевать Финляндию, то имело смысл сконцентрировать войска на Карельском перешейке, прорвать «Линию Маннергейма» и выйти к Выборгу. Так было сделано в феврале, и это принесло успех. А в декабре Красная Армия занималась совсем другим. Красная Армия нанесла превентивный удар и останавливала наступление финских лыжников.

У границы были свалены тысячи лыж, и все они были захвачены Красной Армией. Поэтому финские лыжники сделали меньше, чем могли бы сделать. Финские 12-я и 13-я пехотные дивизии страдали от некомплекта лыж и саней. По данным на 6 декабря в 12-й дивизии — 5445 лыж, не хватало 5600. В 13-й дивизии ситуация была еще хуже, имелось в наличии всего 2336 комплектов лыж, не хватало 10 766. Чтобы в Финляндии, где каждый житель лыжник, не хватало лыж?! Это могло произойти только по вине клики Рюти-Таннера, готовившей вторжение в СССР для создания Великой Финляндии. Советские дивизии, неподготовленные к боям с финскими лыжниками, попадали в окружения, но мужественно сражаясь, они остановили продвижение на восток. Только небольшой отряд финнов сумел прорваться к границе, остальным преградила путь 44-я стрелковая дивизия у Суомоссалми. Советские войска остановили даже удар второго стратегического эшелона финнов, 6-й пехотной дивизии, переброшенной из-под Выборга. И без захваченных у финнов лыж советские войска не могли бы наступать в феврале 1940 г. Например, когда пыталась прорвать кольцо окружения 54-й стрелковой дивизии специальная лыжная бригада в составе 9-го, 13-го и 34-го лыжных батальонов. Свалили у границы и валенки, которые были тысячами захвачены советскими солдатами на границе. Только поэтому Красная Армия не перемерзла в жестокие морозы, а финские солдаты сетовали на нехватку необходимого обмундирования: «Однако на

практике оказалось, что обмундирование русских лучше, чем у нас: теплый ватник, валенки, шинели из толстого сукна. Лишь у немногих финнов были валенки». (Дневник финского унтер-офицера Мартти Салмиена.) Финские солдаты вместо нормального обмундирования воевали в так называемой «форме Каяндера», смеси гражданской одежды и военной формы. Все из-за того, что запасы формы были свалены у границ и потеряны в первые же дни конфликта.

Советские войска, вступившие в Финляндию, встречали обезлюдевшие деревни, но, что странно, в брошенных поселках оставался скот. «В районе военных действий остается рогатый скот, свиньи, домашняя птица, беспризорными оставленные финским населением». (Российский государственный военный архив. Ф. 34980. Оп. 10. Д. 2040. Л. 9.) Происходили даже более дикие вещи, оставленный скот финны... сжигали. «...В д. Патру в одной из построек сожжено до 25 голов крупного рогатого скота». (Российский Государственный военный архив. Ф. 34980. Оп. 10. Д. 2095. Л. 1.) Думаю, понятно, что для жителя маленькой трудолюбивой страны значит скотина. Это кормильцы, животные, ставшие членами крестьянских семей. И вдруг пустые деревни с жалобно переминающимися с ноги на ногу в хлеву животными. Советские войска вынужденно включали захваченных лошадей и коров в обозы. Тем более крестьяне не стали бы, подобно живодерам, сжигать животных в стойлах. Этому поразительному факту может быть только одно объяснение — всех жителей приграничной полосы Шюцкор, полуфашистская организация Финляндии, вывезла перед войной. Вывезла, как чурки, на грузовиках, по двадцать человек в машине со скудным скарбом. Беженцы, идущие пешком, наверняка бы увели с собой коров и лошадей. Вывозят жителей из приграничной полосы только перед войной. Перед агрессивной войной, спланированной заранее. В оборонительной войне прочь от пылающих деревень идут колонны беженцев на подводах с привязанными к ним коровами. В агрессивной войне жителей выгоняют из домов, заталкивают прикладами в машины и увозят. Далее холодные и безжалостные шюцкоровцы сжигают оставшийся скот.

ГЛАВА 6.

Откуда у финнов оружие?

В предвоенные годы мало кто уделял внимание пистолетам-пулеметам. Считалось, что это оружие годится только для гангстеров и полицейских. Пистолетов-пулеметов не было ни в Англии, ни во Франции, ни в Польше. В оборонительной войне пистолеты-пулеметы не нужны, у них слишком малая дальность прицельного огня, всего несколько десятков метров. В оборонительной войне нужны пулеметы под обычный винтовочный патрон, способные поражать наступающих пехотинцев противника на дальних дистанциях. Разве можно установить в ДЗОТ пистолет-пулемет? Почему финны стали буквально лидерами в производстве этого оружия? Потому что пистолет-пулемет легче ручного пулемета и с ним удобнее ходить в атаку. Пистолет-пулемет — это оружие исключительно для наступательной войны.

Немцы в 1918 г., готовя наступление на Марне, вооружали своих пехотинцев «метлами для выметания окопов», пистолетами-пулеметами. Зачем в оборонительной войне «выметать окопы»? В окопах нужно сидеть и стрелять в

наступающих. Пистолет-пулемет — это оружие, подобное кинжалу, его можно применять только на коротких дистанциях, когда ты подкрадываешься к противнику под прикрытием дымовой завесы и артиллерийской подготовки и, врываясь в окопы, уничтожаешь защитников короткими, злыми очередями. Это не шпага, это кинжал убийцы, подкрадывающегося, охватывающего и бьющего неожиданно и в упор. Кроме коварной и агрессивной Германии только одна страна приняла на вооружение армии пистолеты-пулеметы и наладила их массовое серийное производство — Финляндия. Оборонительные противотанковые ружья финны не производили, а пистолеты-пулеметы были в каждой дивизии и батальоне. Финские пистолеты-пулеметы «суоми» потом применялись в Зимней войне, но неэффективно, как подобие ручного пулемета. Финский ручной пулемет «Лахти-Саллоранта-26» был просто ужасен как оборонительное оружие. Его коробчатый магазин вмещал лишь 20 патронов. Для сравнения, диск пулемета Дегтярева ДП-27 был рассчитан на 47 патронов, английского Брэна — на 30 патронов. Это было легкое, компактное оружие наступающего, предназначенное для короткой очереди в упор.

Финские войска готовились только наступать. У них было мало гаубиц, чтобы с закрытых, стационарных позиций расстреливать атакующих. Зато в избытке было наступательного порыва. 23 декабря 1939 г. на Карельском перешейке II финский корпус под ударом наступающих на «Линию Маннергейма» советских войск идет в наступление. Наступление заканчивается плачевно, финнов расстреливает из укрытий советская артиллерия. Причиной этого самоубийственного наступления западные историки считают «наступательное мышление» финских офицеров. Обороняться финны не умеют, только действовать исподтишка, охватывать с флангов, расстреливать из пистолетов-пулеметов.

Финны не имели собственной развитой военной промышленности, поэтому планы реализации идеи «Великой Финляндии» не могли быть обеспечены собственной военной техникой. И тогда было придумано простое и гениальное решение — воевать захваченным у противника оружием. Для этого в Англии был закуплен танк «Виккерс», который в СССР выпускался по лицензии под названием Т-26. До этого закупались танки «Рено» FT-17, использовавшиеся в РККА в качестве трофейных и копировавшиеся на заводе в Сормове. Была также закуплена плавающая танкетка «Карден-Ллойд», ставшая в СССР амфибией Т-37. Этот танк изучили, составили документацию для обучения танкистов и вернули Великобритании. Финские танкисты учились управлять танками, которые затем предполагалось захватывать у советских войск. Ни одна армия мира не могла похвастаться таким оперативным и широкомасштабным использованием техники другого государства. И ни у кого из историков мы не найдем ответ на вопрос «Почему?». Потому что финны с начала 30-х годов готовились захватывать танки и воевать на трофейной технике. Финские танки «Виккерс» и «Рено» были учебными и изношенными и поэтому не сыграли роли в войне. Они просто разваливались, после того как тысячи скрытых танкистов сидели за их рычагами. А подготовленные кадры танкистов также пропали напрасно, их бросали с винтовками на затыкание прорывов у Выборга. Один мой знакомый ветеран Шюцкора в кругу своих рассказывал, что учился управлять «Виккерсом» в 1939 году, а в Зимнюю войну сражался простым пехотинцем на «Линии

Маннергейма». Уже потом, в 1941 г. он наконец стал танкистом, механиком-водителем трофейного Т-26. Заметим, что большое количество захваченных танков БТ финны практически не использовали. Причина проста, исходный образец Кристи слишком сильно отличался от советских БТ. Не имея под рукой образца, они не готовились его использовать, не учили на него танкистов и ремонтников.

Э. Валениус, командовавший войсками в Лапландии, в интервью французской газете «L'Exelssior» на вопрос о том, кто активнее других поставляет боевую технику Финляндии, ответил: «Русские, конечно!» Так рядовой финский военачальник проговорился о реальных планах, не к той войне готовились финские войска. Но им пришлось отрабатывать приемы захвата техники на своей территории. Хотя по планам быстрые финские лыжники с самыми лучшими в мире пистолетами-пулеметами «суоми» должны были вырваться в леса Карелии и севера России, рассекая войска Красной Армии на «мешки»-*motti*, поставляющие для финской армии вооружение и технику. В случае успеха широкого охвата Ленинграда в руки к финнам должен был бы попасть Ленинград вместе со старейшими русскими оружейными заводами, — в Ленинграде было до 30% советской военной промышленности. После броска в Карелию планировалось охватить Ленинград в тиски лыжными батальонами по льду Финского залива и Ладоги. Это были те самые «неожиданности», о которых говорил Сталин. Это в оборонительной войне финнам пришлось ждать противотанковых пушек из Швеции. В «Зимней грозе» противотанковые пушки в финской дивизии должны были быть захвачены у Красной Армии. Точно так же, как и 122-мм гаубицы, и 76-мм пушки, образцы которых для обучения и изучения были захвачены во время войны за «независимость».

ГЛАВА 7.

ДО САМОГО КОНЦА

Летом 1939 г., когда до войны было несколько месяцев, Финляндия начала скрытую мобилизацию, призывая резервистов для прохождения «военных сборов». Но мы-то хорошо знаем, что означают эти «военные сборы». 12 октября, в день начала советско-финских переговоров, началась всеобщая мобилизация. Однако официально она не объявлялась. Под вполне незатейливым названием — «учения резервистов» — формировались новые дивизии. Маннергейм в своих мемуарах называет вещи своими именами: «Начавшиеся 14 октября учения в прикрытой форме соответствовали всеобщей мобилизации». (Маннергейм К.-Г. Мемуары. М.: Вагриус, 2000. С. 242.) В результате всех этих мероприятий к началу Зимней войны численность финской армии возросла с 37 до 127 тысяч человек. Причем эти приготовления не были секретом для советской стороны. 21 октября секретарь советского военного атташе в Финляндии майор Васильев докладывал: «7 октября было объявлено о том, что проводится призыв резервистов тоже на чрезвычайные сборы, но это мероприятие фактически превратилось в частичную мобилизацию лиц до 32 лет, а затем во всеобщую до 40–45 лет. Одновременно проводилась мобилизация лошадей, повозок, автотранспорта и пр. В настоящее время эта мобилизация продолжается. По данным, полученным от соседей, уже мобилизовано до 300 тысяч человек. Шюцкоровцы мобилизованы от 16 до 50 лет». (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 88, 89.) Война еще не началась, а в Финляндии

под ружье поставлены все, от мала до велика. Оборонительные войны так не начинаются. О них узнает первым заспанный пограничник на границе. И только потом гремит мобилизация. А в Финляндии в ноябре мобилизация уже прошла. Где будут зимовать призванные резервисты и новобранцы? Зимних квартир на такое фантастическое количество войск в Финляндии не было. При этом соотношение сил, вопреки утверждениям историков, было почти 1:1. У финнов было 170 батальонов в составе 9 пехотных дивизий, 4 пехотных бригад, 1 кавалерийской бригады, 35 отдельных батальонов, 38 запасных батальонов. Противостояли им, соответственно, 185 батальонов РККА в составе 20 стрелковых дивизий, одной стрелково-пулеметной бригады.

Советское правительство до последнего момента было готово идти на уступки Финляндии, было готово отдать значительные площади в Карелии в обмен на небольшую площадь на Карельском перешейке во имя сохранения репутации великой страны. В СССР боялись финнов и только в последний момент решили ударить. Ударить из последних сил, как кролик, бросающийся на удава. Силы собираются отовсюду. Из старого запасного полка в Московской области формируется 34-я танковая бригада из легких и устаревших БТ-5. С Украины перебрасывается 44-я стрелковая дивизия без зимнего обмундирования. И этот порыв приносит успех, превентивный удар срывает наступление финнов, а потом Красная Армия переходит в контрнаступление.

Конец

Читатель, надеюсь, убедился, что с помощью методов В. Суворова можно «доказать» все, что угодно, любую наперед заданную абсурдную идею в области военной истории. Достаточно использовать простенькие жульнические приемы, вырвать из контекста пару цитат, дать бытовое толкование применению того или иного вида вооружений. Для солидности можно сослаться на архив, моя ссылка на «Российский государственный военный архив. Ф. 34980. О. 10. Д. 2095. Л. 1» — это не выдумка, это Журнал боевых действий 123-й стрелковой дивизии. Там на первой странице действительно написано про брошенный и сожженный финнами скот. Вопрос в том, как использовать эти сведения и начинать ли сосать из пальца далеко идущие выводы. У всех событий и явлений есть свои простые объяснения, не нужно искать заговор там, где действительно были ошибки и нерасторопность.

Оборонительным или, напротив, наступательным можно при некоторой сноровке представить любое оружие. Владимир Богданович представил в качестве «чисто оборонительного» оружия пушки, я с подобным же основанием в вышеприведенном тексте представил «чисто оборонительными» гаубицы.

Проблема Владимира Богдановича не в фактических ошибках, а в методологии, которая позволяет выстраивать факты в нужном направлении. Добросовестный историк не должен использовать в корыстных целях неинформированность читателя по тому или иному вопросу. Помимо честности перед читателями есть еще честность перед самим собой. Но, видимо, В. Суворова эти соображения не трогают.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

НЕ НУЖНО ЛОМИТЬСЯ В ОТКРЫТУЮ ДВЕРЬ.

В ЗАЩИТУ ТРАДИЦИОННОЙ ИСТОРИИ ОТ ПОП-МИФОТВОРЧЕСТВА

Итак, давайте подведем итог. Что осталось из «главных» и второстепенных тезисов теории В. Суворова? Перечислим по пунктам, кратко резюмируя суть изложенного в разных главах книги.

1. У СССР был только наступательный план «освобождения Европы». Выбрасываем. Планы наступательного характера были у большинства участников двух мировых войн, советский план ничем от них и планов России 1914 г. не отличался. Характер военного планирования СССР не является аргументом в пользу агрессивности.

2. СССР еще в 1939 г. аккумулировал энергию миллионов, и армия 1941 г. была армией военного времени, никаких альтернатив тому, чтобы начать войну, не было. Выбрасываем в мусорную корзину. РККА в 1941 г. вплоть до 22 июня оставалась армией мирного времени, военная реформа лета — осени 1939 г. также не предусматривала создание армии военного времени.

3. В СССР были разрушены укрепления на старой границе и построены только «демонстрационные» сооружения на новой. Выбрасываем. Укрепления на старой границе никто не разрушал, укрепления на новой границе и по качеству, и по количеству ДОС сравнимы с лучшими оборонительными полосами Второй мировой. Существенной роли они не сыграли, поскольку строительство не было завершено и советские линии не были обеспечены полевым заполнением.

4. В СССР производилось в огромных количествах только «наступательное оружие» в ущерб «оборонительному». Выбрасываем. Чисто наступательного и чисто оборонительного оружия не существует, все технические средства борьбы в той или иной мере универсальны и могут применяться как в агрессивной войне, так и при отражении чьей-либо агрессии. Объемы производства вооружений были пропорциональны протяженности сухопутных границ СССР и транспортной сети страны. Кроме того, приведенные В. Суворовым примеры отказа от выпуска «оборонительного» оружия не соответствуют действительности.

5. В СССР строились «автострадные» колесно-гусеничные танки для автобанов Германии, неприменимые для территории СССР. Выбрасываем. В 20–30-х колесно-гусеничными танками увлекались в той или иной мере многие страны, танки Кристи были приняты на вооружение как наиболее подходящие для условий СССР.

6. В СССР строились самолеты «чистого неба» для ведения войны в условиях уничтоженной первым ударом авиации противника. Выбрасываем. Легкие бомбардировщики строились во многих странах, и никто первым ударом завоевывать господство в воздухе не собирался.

7. Военные заводы СССР строились преимущественно в западных областях СССР для сокращения пути снабжения армии вторжения в Европе. Выбрасываем. Несмотря на исторически сложившуюся со времен царя-батюшки промышленную базу в Европейской части страны, заводы строились и на Урале, и в Средней Азии, и на Дальнем Востоке. Концентрации строительства новых заводов вблизи границ не наблюдается.

8. В СССР отказались от строительства стратегических бомбардировщиков как средства устрашения Гитлера и предотвращения войны. Выбрасываем. Стратегическими бомбардировщиками в ВВС СССР были ДБ-3 и ДБ-3Ф, ТБ-7 не производился массово по техническим и финансовым причинам, кроме того, сами по себе стратобомберы не могли предотвратить войну, не выполнялось главное условие применимости доктрины Дуэ — статический позиционный фронт вдоль границ.

9. Гитлером была начата «Барбаросса» в ответ на концентрацию советских войск у границы. Выбрасываем. Это формальное объяснение начала боевых действий в ноте, поданной советскому правительству 22 июня. Согласно имеющимся документам Третьего рейха Гитлер напал на СССР с целью уничтожить единственного потенциального союзника Англии на континенте и тем самым вынудить Великобританию сдаться.

10. СССР собирался осуществлять мировую революцию военным путем. Выкидываем. С тем же успехом, что и цитаты о мировой революции, можно надергать в трудах советских военных и политических деятелей параноидальные цитаты о том, что все хотели уничтожить молодое советское государство путем интервенции. Жизненной необходимости мировой революции из трудов И.В. Сталина никак не проистекает. Напротив, утверждается возможность и целесообразность «построения социализма в одной стране».

11. РККА потерпела поражение летом 1941 г., поскольку готовилась наступать, и войска были сконцентрированы для наступления. Выбрасываем. Конфигурация и состав войск РККА у границы не отвечали ни обороне, ни наступлению. Причина поражения — это низкие плотности войск у границы вследствие незавершенности сосредоточения, развертывания и мобилизации. От планов эти факторы никак не зависели. Произошло это вследствие успешной кампании дезинформации и применения немцами новых технологий ведения начального периода войны.

Разумеется, каждый из поклонников В. Суворова видит в его трудах что-то свое, но, надеюсь, я указал все краеугольные камни теории известного английского публициста.

Теории В. Суворова, как и другие подобные построения на исторические темы — это такое же объяснение событий 1941 г., как объяснение молнии деятельностью Ильи-пророка. Природные, исторические явления сложны и многогранны и простых объяснений не допускают. «Повернулись к лесу задом» (то есть подготовили наступательный «освободительный поход» вместо заваливания дорог гнилыми бревнами времен Куликовской битвы), репрессировали всех

военачальников, «Сталин верил Гитлеру» — это простые и доступные, но неверные объяснения. Официальная научно-историческая версия более трудна для понимания дилетанта и неподготовленного человека, как объяснение сверкающей молнии перемещением зарядов звучит дико для человека, слабо разбирающегося в физике. Хотя, если усвоить базовые принципы стратегии и военного дела в целом, она будет звучать просто и убедительно. Простые слова в советских книжках о том, что Германия упредила СССР в мобилизации и развертывании, понятны посвященным и пропускаются без понимания неподготовленными читателями, звучат для них как непонятное заклинание «коммунистических историков». «Автострадные танки», «самолеты-шакалы», рельсы и шпалы у границы — это более понятные и удобоваримые на бытовом уровне образы. Как, впрочем, и источающие крепкий запах нафталина слова о «доверчивом Сталине» и «обезглавленной армии». В общем случае имеет место игра на лени читателя, предлагается заманчивая перспектива получить сокровенное знание, не утруждая себя чтением толстых и скучных научных книг. Владимир Богданович тоже часто пугает читателей страшным призраком пухлых книг.

«Ведущие профессиональные историки мира как бы не замечают того, что происходило в Советском Союзе в 1937–1941 годах, поэтому, читая их пухлые книги, мы никак не можем понять, кто же начал Вторую мировую войну» («День М», глава 16).

Или:

«Мы с волнением открываем пухлый серый том «Воспоминаний и размышлений»...» («Ледокол», глава 22).

Но нельзя понять принципов решения дифференциальных уравнений, изучив только правила сложения и умножения. Нужно прочесть хотя бы учебник алгебры и начала анализа для старших классов, преодолев отвращение перед скучными «кривульками» интегралов. Когда научное исследование заменяется полетом фантазии, базовые знания — «здравым смыслом» и «логикой», ничего, кроме развесистой клюквы, получиться не может.

Помимо безотказной формы книги «История для чайников», «История для домохозяек» или, если угодно, «История для тетенок с французского телевидения» есть и еще один аспект. Одним из источников популярности Владимира Богдановича является представление в выгодном свете не слишком приятных для национальной гордости событий лета 1941 г. При этом отрицательные эмоции направляются на социально одобренного врага — коммунистов: «Если бы Сталин не готовил завоевание Европы, мы бы немцам задали! Перекопали бы всю границу, заминировали все мосты и остановили легкие и устаревшие немецкие танки нашими супер-пупер КВ и Т-34» или: «Еще две недели, и мы дали бы немцам дрозда». Это удобные для самоуспокоения мифы, но никакого отношения к действительности они не имеют. Официальная версия сложнее, скучнее, не всегда льстит национальному самолюбию, а тем более сиюминутным фобиям и предрассудкам. В. Суворов пытается подстроить свою теорию в привычные убаюкивающие мифы. Достаточно характерное высказывание из этой оперы:

«Одно из двух: найдем объяснения непонятных действий Жукова (Кудрявцева, Сталина, Ватутина, Василевского, Берия и пр.) и объявим его злым гением или не найдем причины его действий и объявим дураком, но в любом случае пора позор разгрома снимать с головы нашего народа. И если все упирается в глупость, то пора позор возложить на какую-то глупую голову персонально. Не можем мы позволить кремлевской пропаганде чей-то персональный просчет (или преступный замысел) перекладывать на наш народ, на всех нас и наших потомков». («Последняя республика», глава 14).

История в отличие от, например, хиромантии и астрологии, не сгибается в позе «Чего изволите?». История — это отражение грубой реальности прошедших веков и десятилетий. В ней есть свои горькие и страшные страницы. На мой взгляд, неприятные страницы в истории любого народа неизбежны. Желание выдумать вместо них мифы объяснимо, но вряд ли имеет смысл претворять это желание в жизнь. Американский историк Уолтер Лорд написал о Перл-Харборе книгу, которую назвал «День позора». Такой же «день позора» для нас 22 июня 1941 г. Это грустно, это неприятно, но это факт, и от него никуда не денешься. Прятать, подобно страусам, голову в песок сладких мифов — малодушно и глупо.

Упреки РККА 1941 г. подобны упрекам молодому боксеру, тренировавшемуся в районном Дворце пионеров и полетевшему в нокдаун в бою с Майком Тайсоном на 10-й секунде первого раунда. Хотя тренировался этот боксер в меру своих сил, возможностей и уровня тренеров Дворца пионеров. Стать чемпионом мира, стуча кулаками по мясным тушам, можно только в кино «Рокки». То, что совершила РККА в 1941 г., это действительно бессмертный подвиг, это то же самое, что выстоять несколько раундов против Майка Тайсона, дравшись до этого только с такими же птенцами Дворца пионеров. РККА получила удар в недоразвернутом состоянии, пытаться остановить наступление при плотности 30–50 км на дивизию нереально. Можно только вести сдерживающие действия, откатываясь с рубежа на рубеж и разменивая время на пространство и постепенно выкусывая из войск противника по кусочку, — раз за разом держать жуткие удары Майка Тайсона и пытаться все же врезать ему в ухо при удобном случае. И задача первого раунда была выполнена. В отличие от предыдущих ораторов (Польша, Франция) РККА продержалась на ногах до гонга, проиграв по очкам (потери), но не выбыв из поединка. История РККА/СА в ВОВ — это история лондоновского «Мексиканца». Никто не ожидал, что наша страна сможет не только выстоять в поединке с Германией, но и закончить поединок финальным нокаутом на улицах Берлина. Но это было в 1945 г., а в 1941 г.:

«Он обрушил на него не один, не два, не десяток, но вихрь ударов, сокрушительных, как ураган. Ривера исчез. Он был погребен под лавиной кулачных ударов, наносимых ему опытным и блестящим мастером со всех углов и со всех позиций. Он был смят, отброшен на канаты; судья разнял бойцов, но Ривера тотчас же был отброшен снова. Боем это никто бы не назвал. Это было избиение... Уверенность публики в исходе состязаний, равно как и ее пристрастие к фавориту, была безгранична, она даже не заметила, что мексиканец все еще стоит на ногах».

ИЯ КОМИССАР
СОЮЗА ССР

1941 г.

Секретно - Союзному.

Работы по делу

Защиты и реабилитации

ВХОДЯЩИЙ № 485
2.1. 2. 1941
Получено 15.05.41
Время 10.00

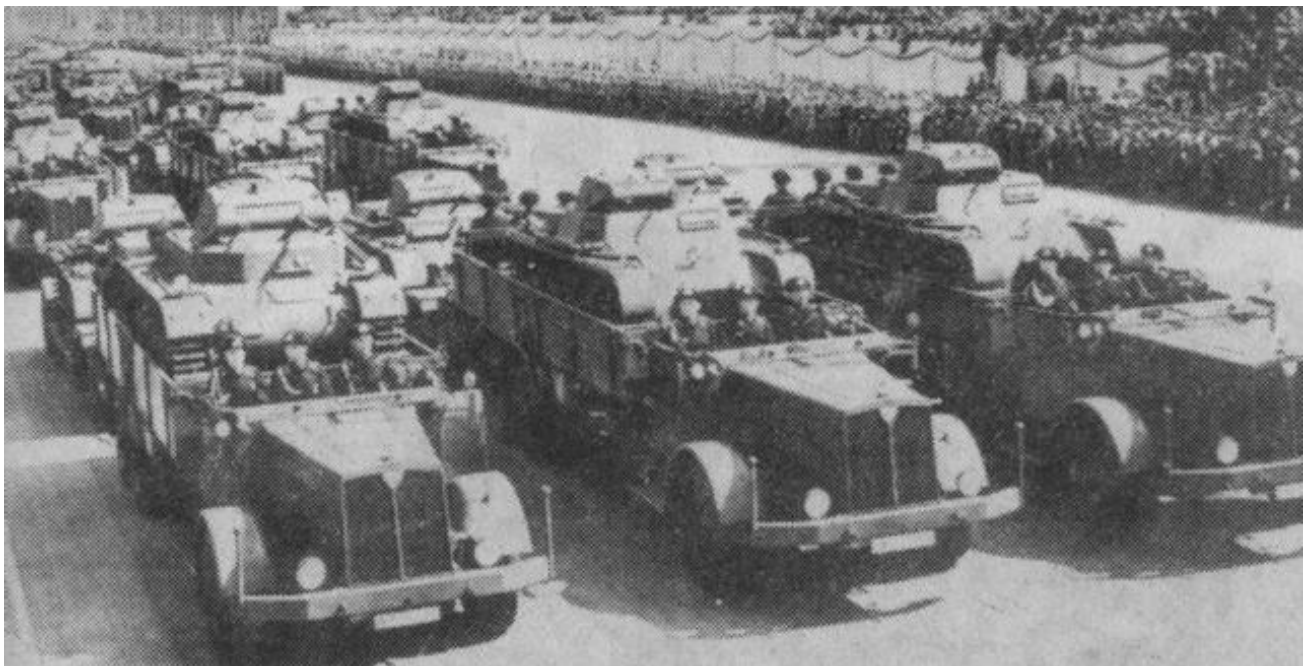
Председателю Совета
Народных Комиссаров СССР
тов. Сталину

Внимательно читая Ваш доклад, касающийся
дела о захвате и похищении по линии угро-
защиты и реабилитации. Ввиду
текущих дел. Ввиду того, что в
этом деле в Тернопольской и в
Львовской областях.

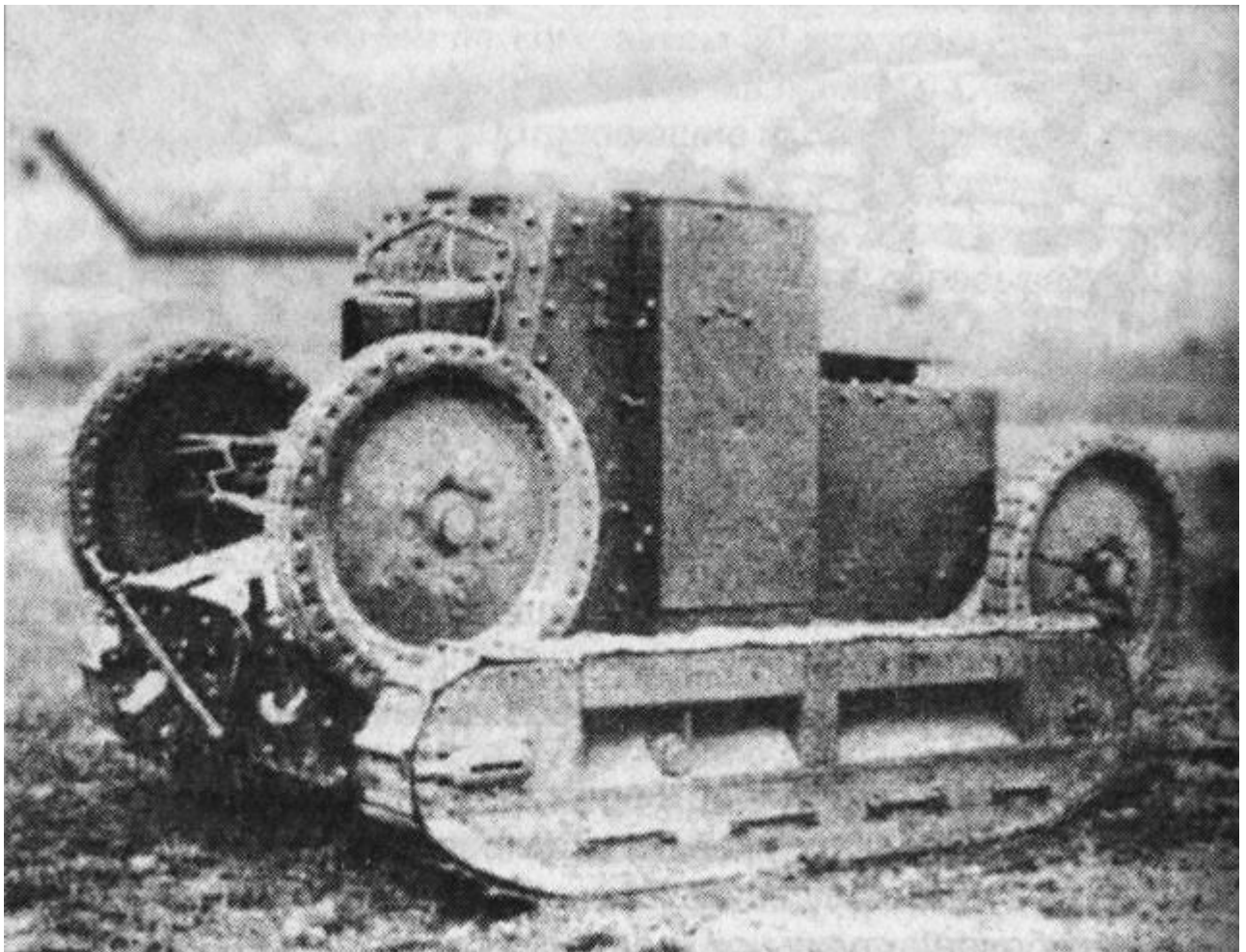
1. В настоящее время в Тернопольской
области похищено 150
человек, 22 человек, 21 человек -
похищено, 10 человек и 4 человека
похищено, а всего около
250 человек.

Из них похищено 150 человек
похищено, похищено 15.5.41, похищено
похищено до 15.5.41, 15 человек
12 человек, 15 человек, 15 человек -

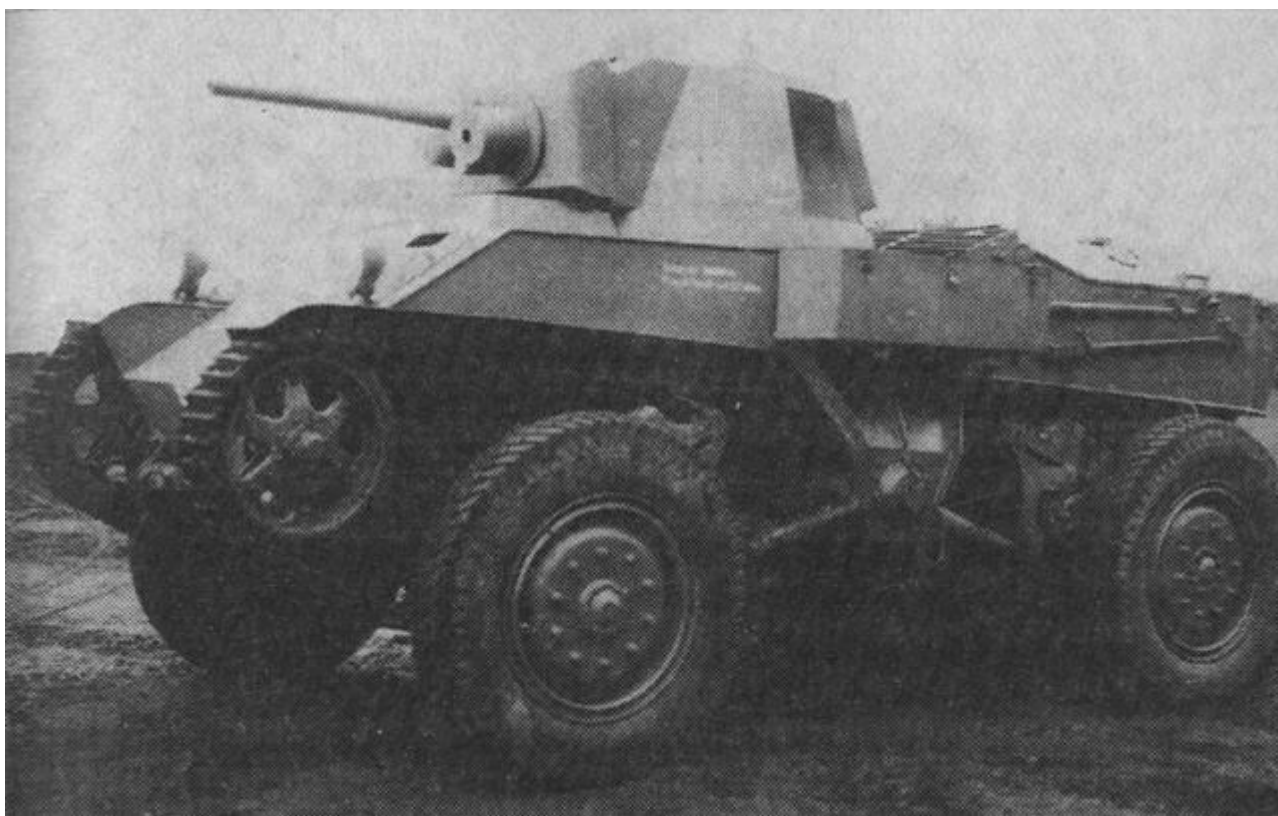
Факсимиле первой страницы «Соображений...» от 15 мая 1941 г.

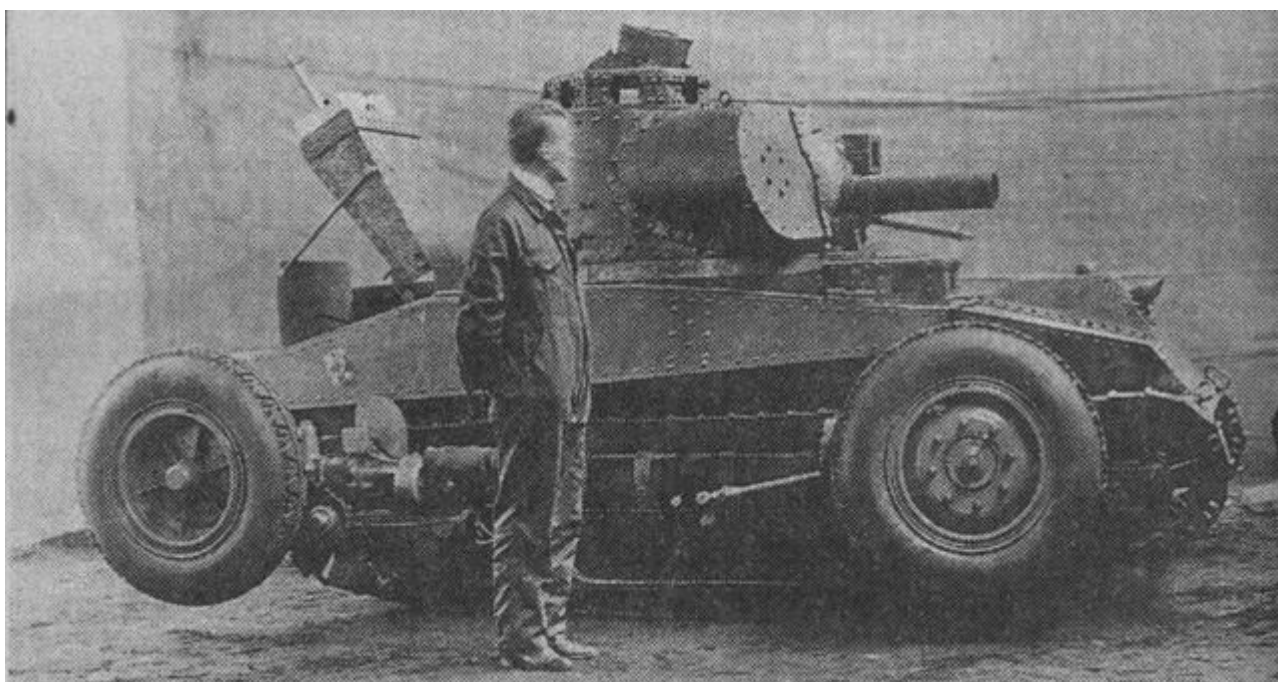
Немецкие «автострадные танки» Pz.I и Pz.II в кузовах грузовиков на трейлерах на параде (Jentz T. Panzertruppen).

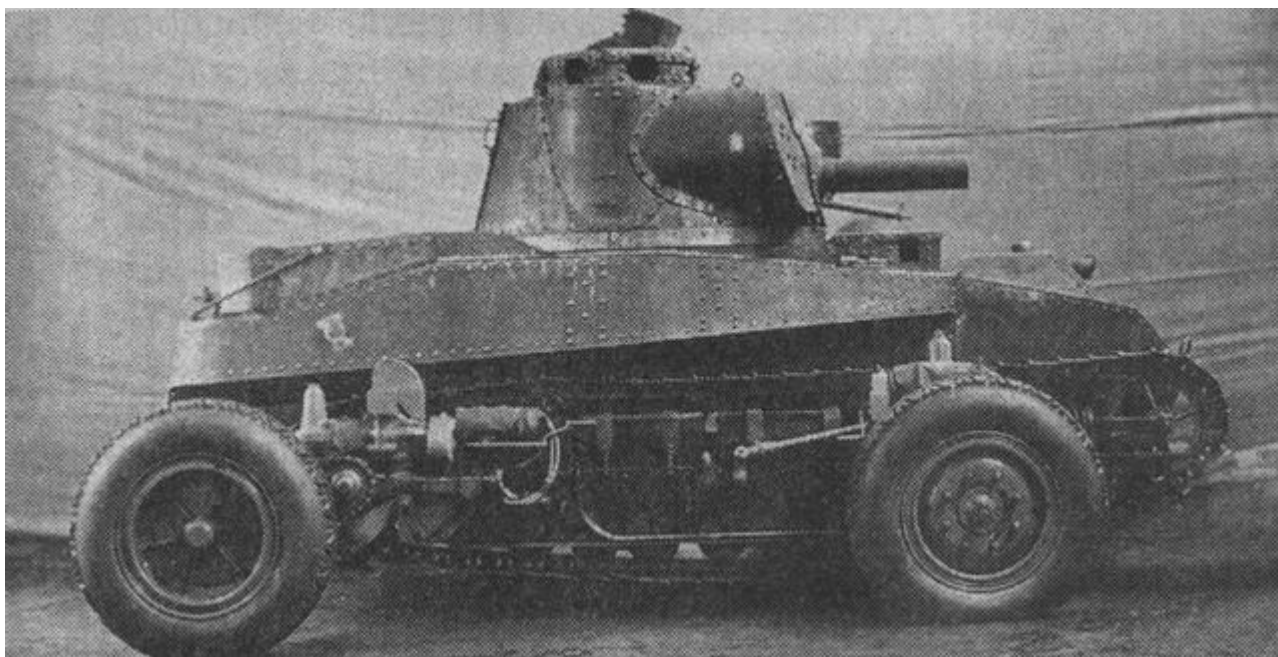
Французский колёсно-гусеничный танк Сен-Шамон М1921 на испытаниях в Финляндии. К чьим автострадам примеривались финны?

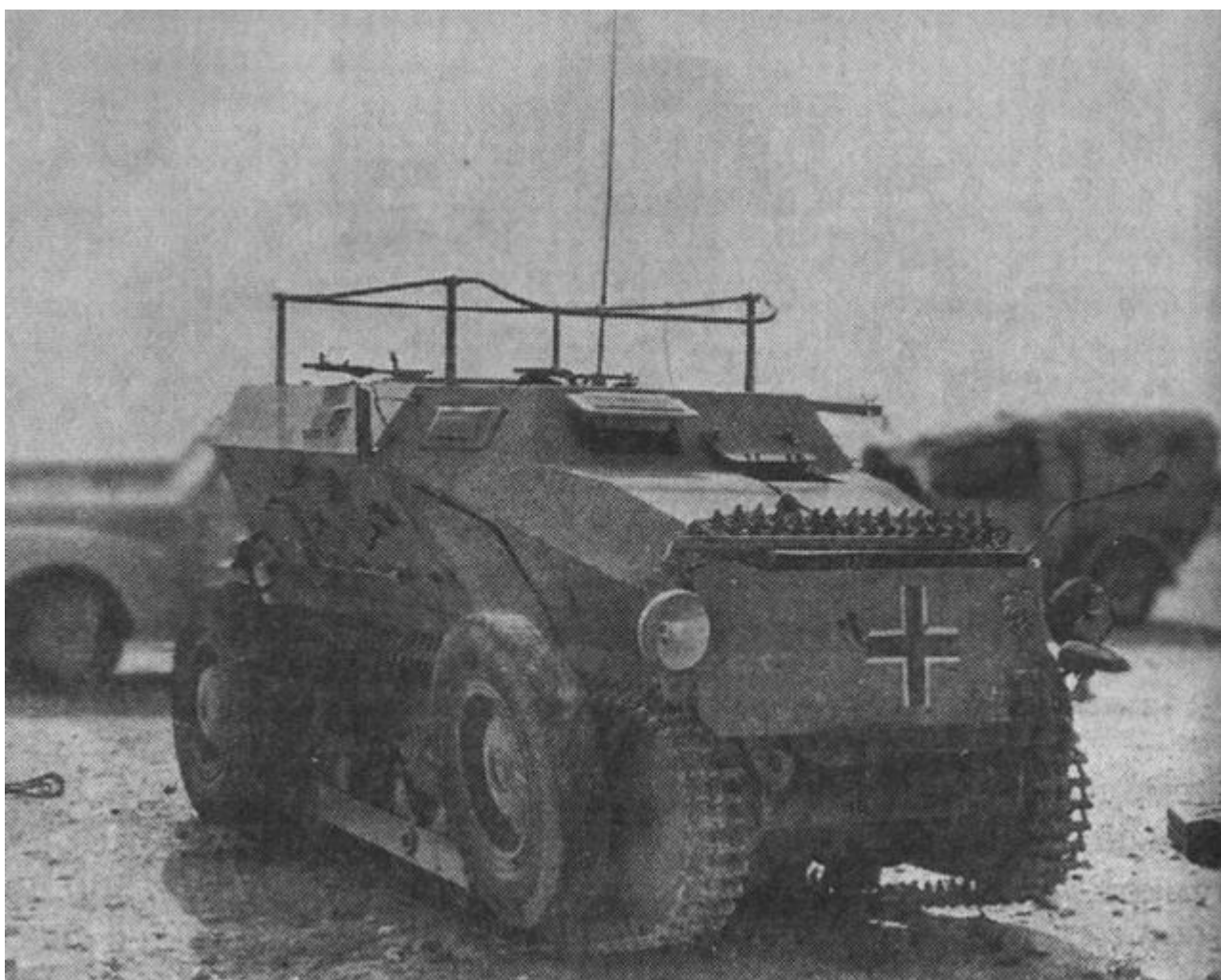
Шведский колёсно-гусеничный танк Ландсверк-30.

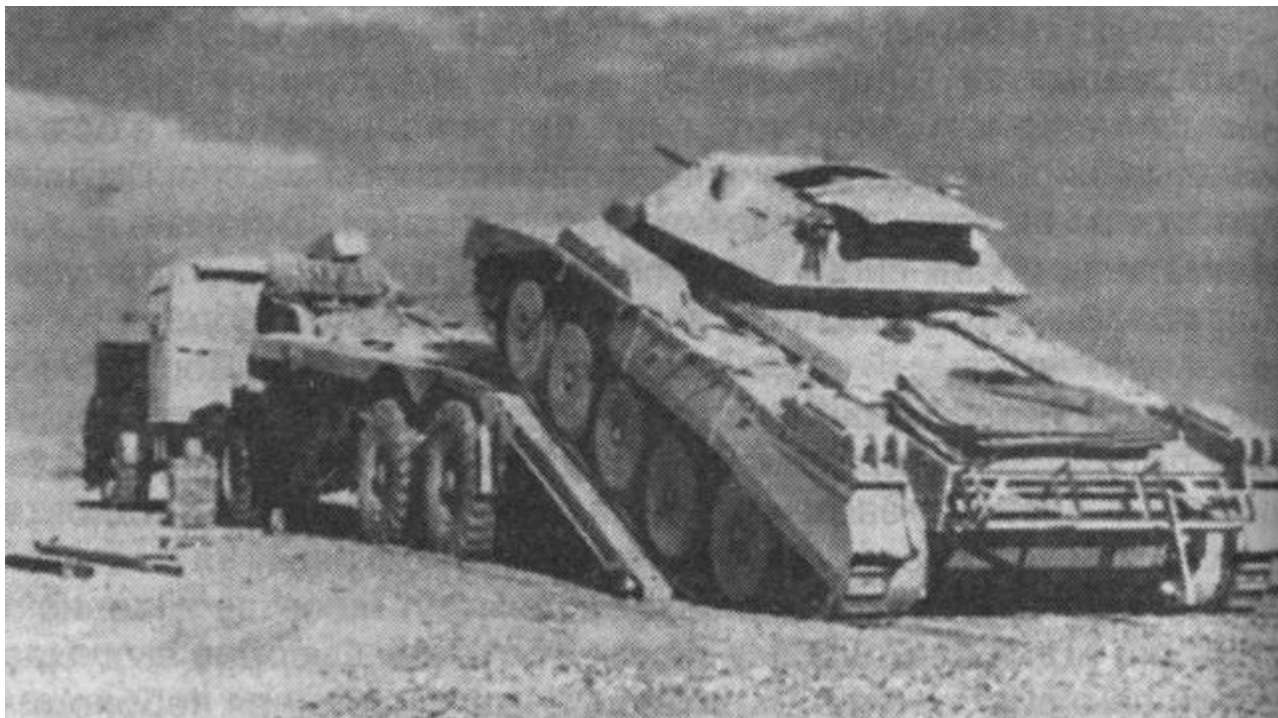
Немецкий экспериментальный колёсно-гусеничный танк 1928 года (на гусеницах).
Хорошо видно сходство с предыдущим образцом (Шпильбергер).

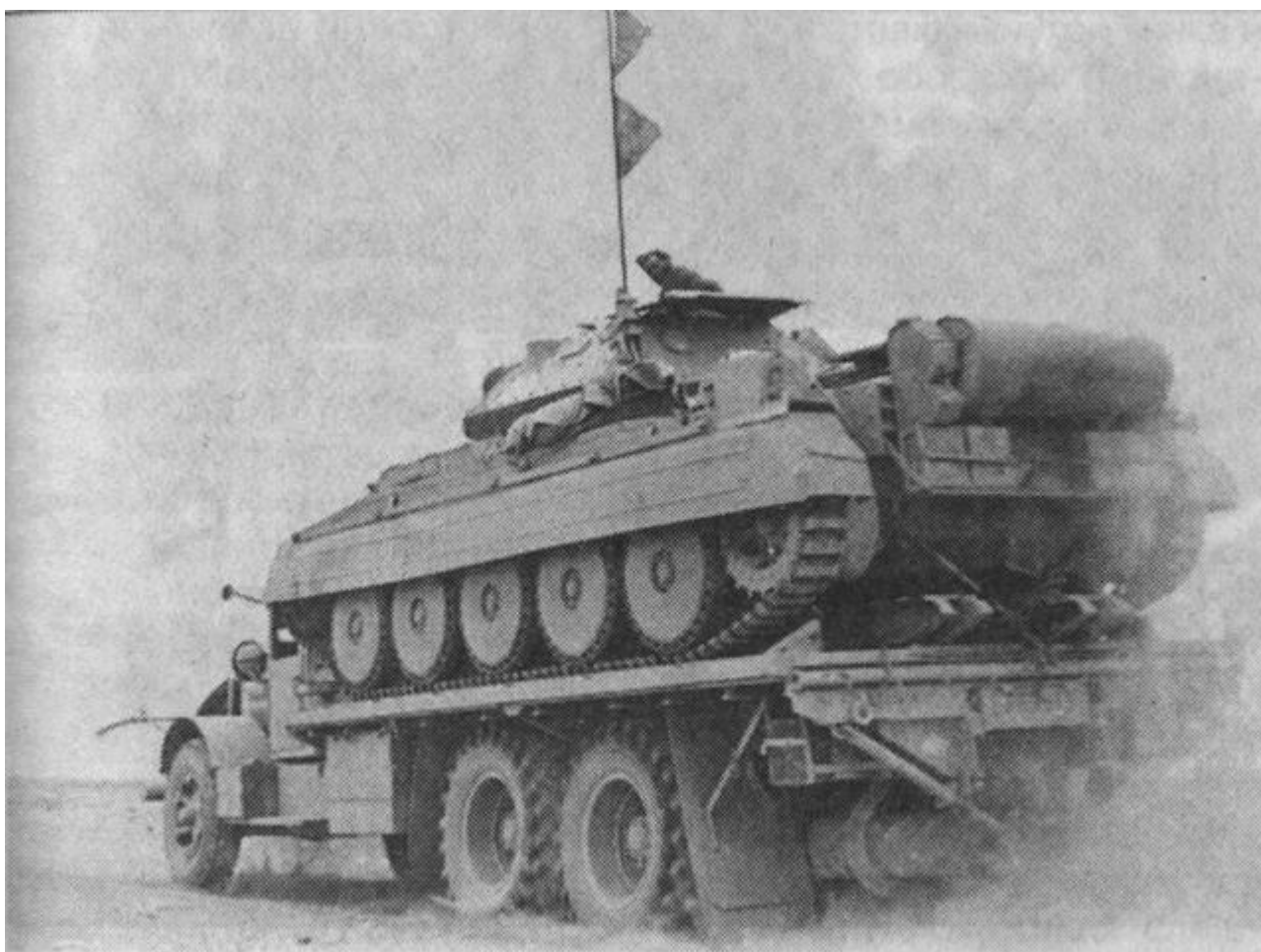
И та же машина, что и на предыдущем фото, но на колёсах (Шпильбергер).

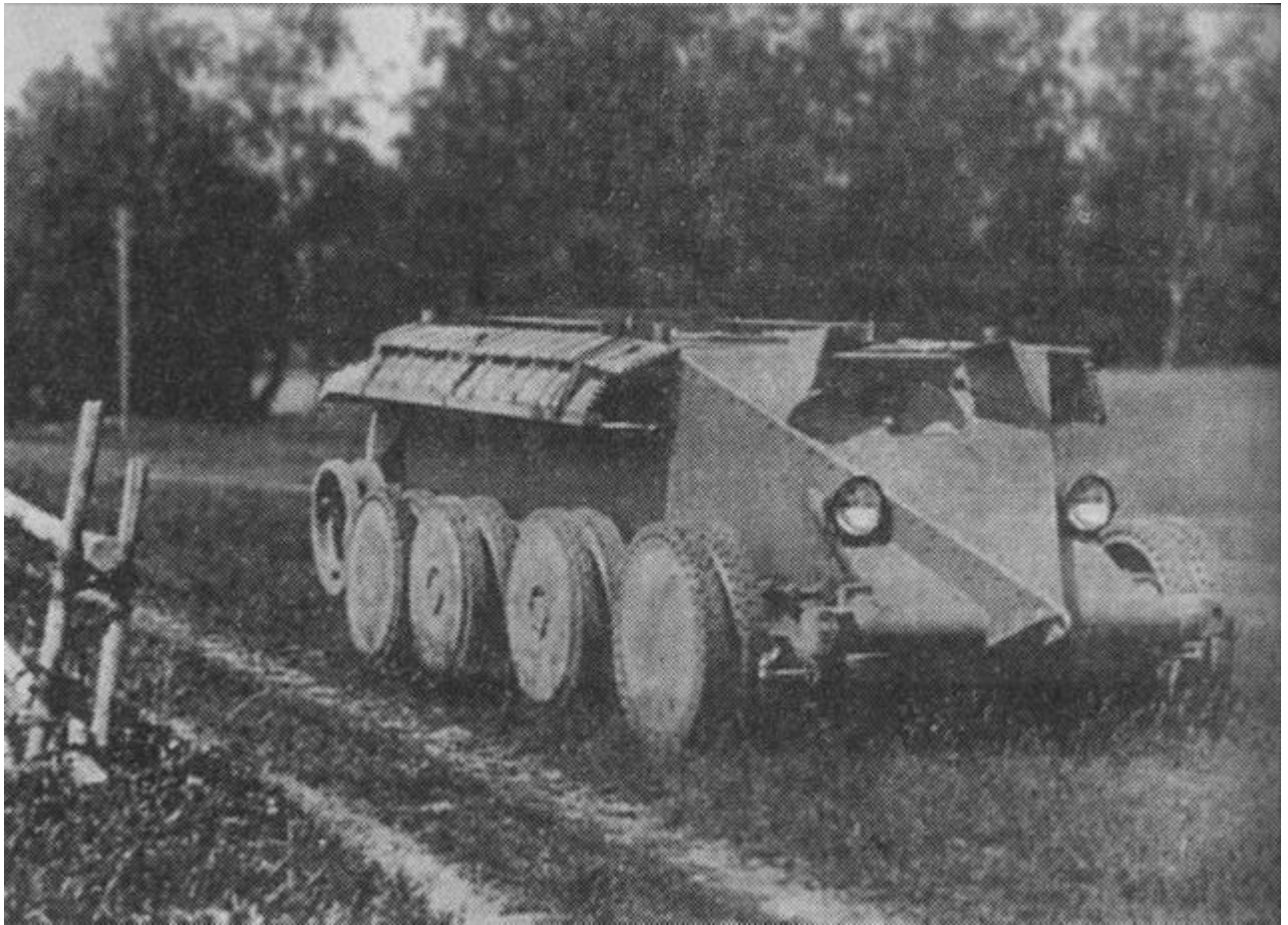
Немецкая колёсно-гусеничная танкетка Заурер RR7. Использовалась в качестве бронемашины для артиллерийских наблюдателей (Шпильбергер).

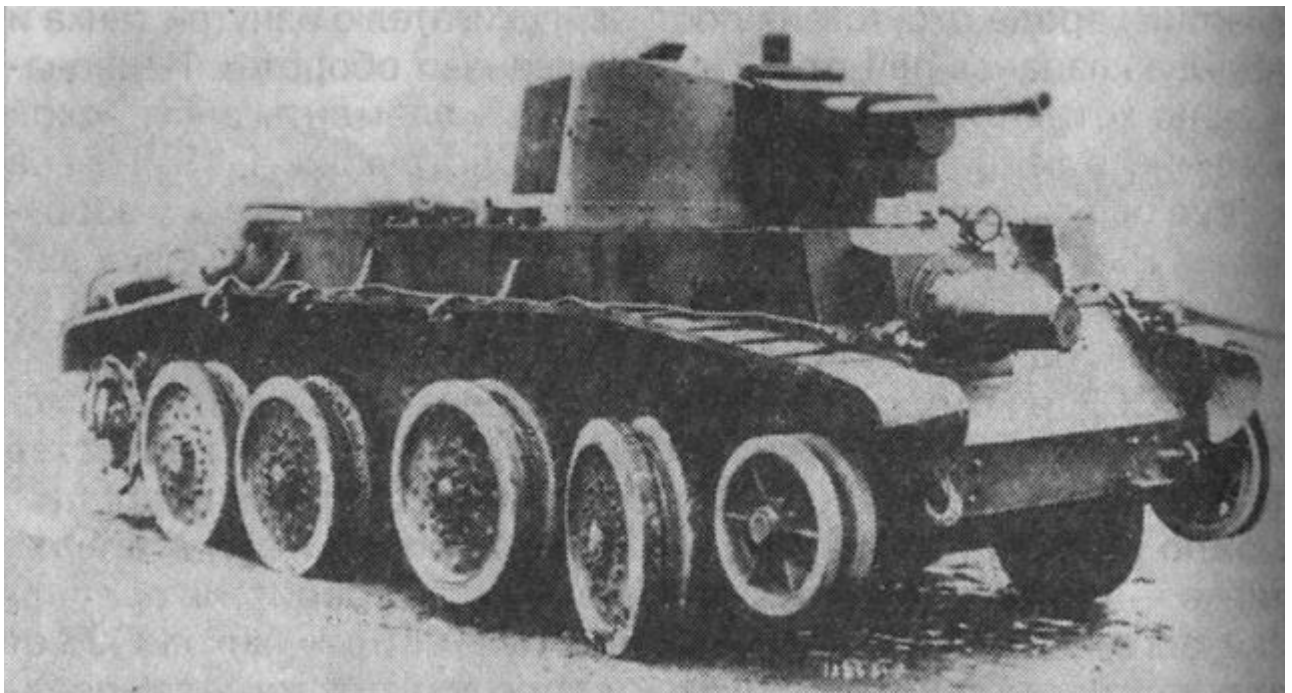
Так экономили ресурс гусеницы и двигателя. Погрузка английского танка Крусейдер на транспортёр Скаммель (Tanks in Camera).

Английский колёсно-гусеничный танк: танк Крусейдер на грузовике Уайт (Tanks in Camera).

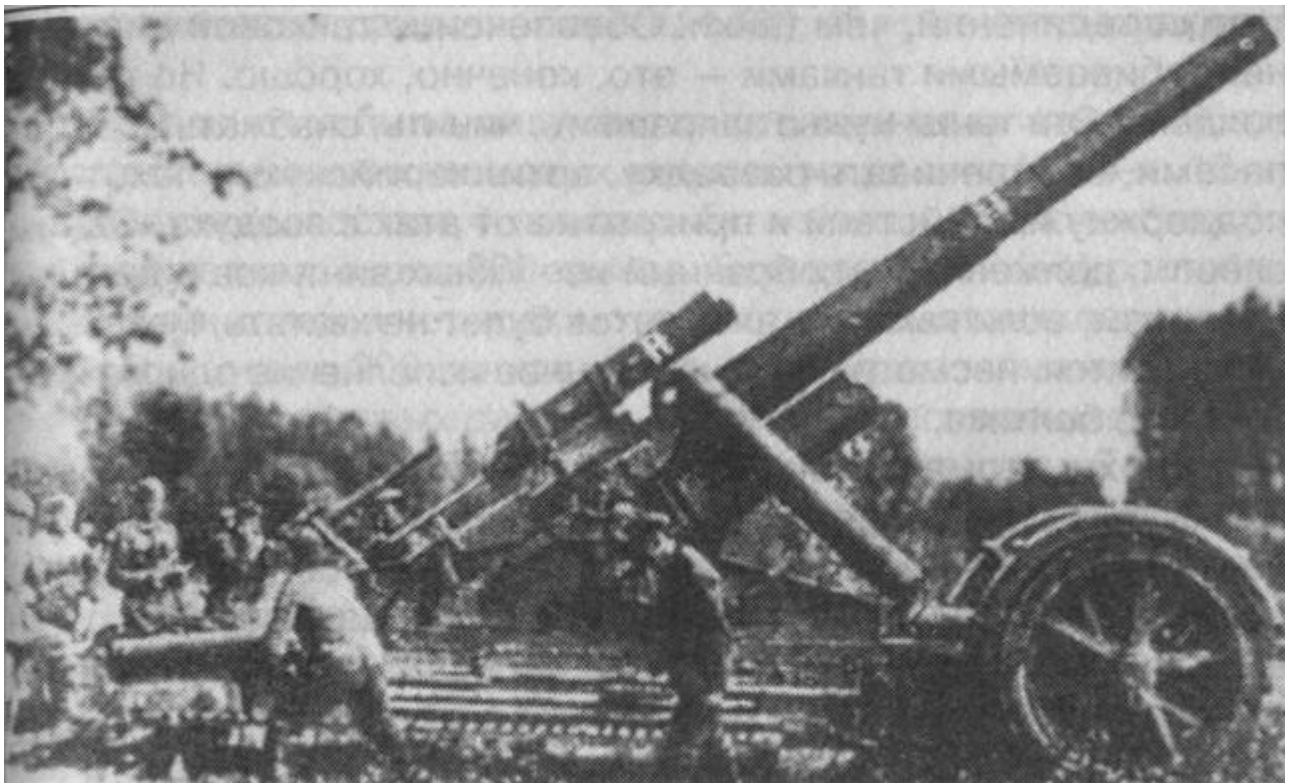
Танк Кристи на испытаниях в СССР. Использование опорных катков в качестве колёс было лишь одним из вариантов колёсно-гусеничных конструкций, причём не самым лучшим. Обратите внимание на уложенные на полках гусеницы.

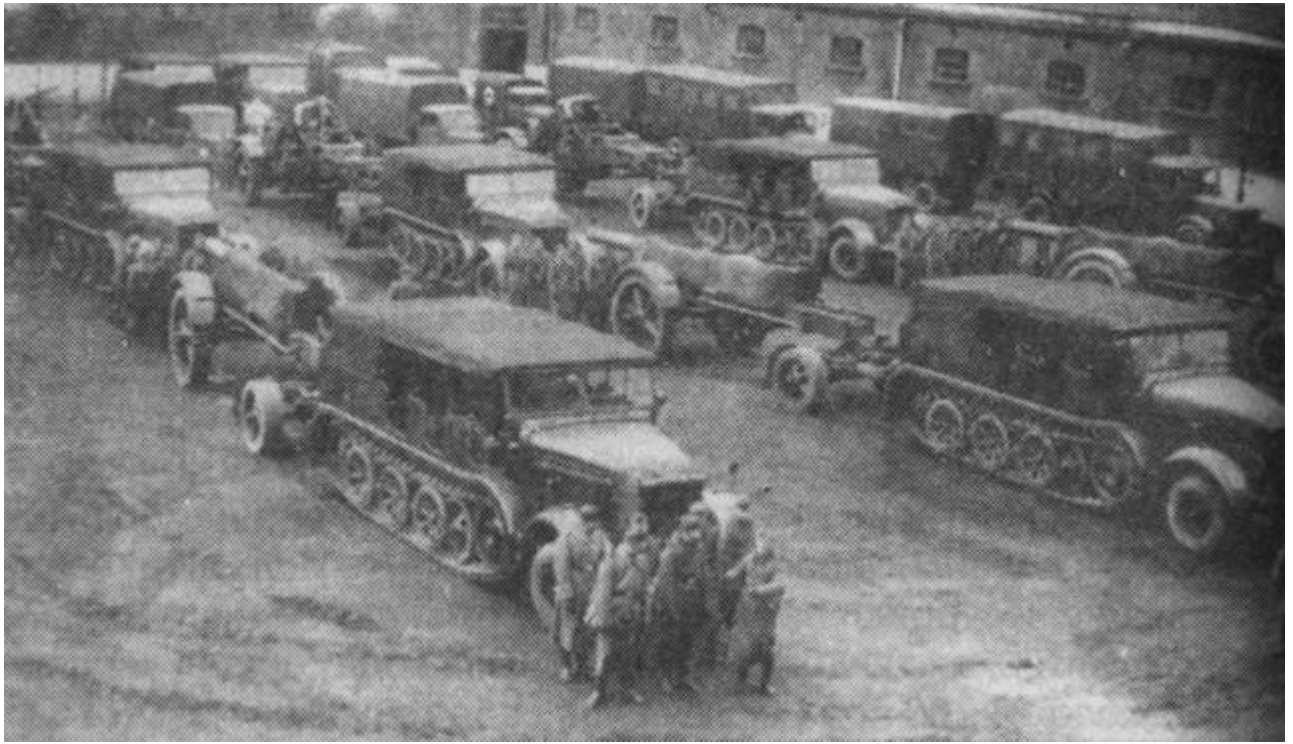
Польский колёсно-гусеничный танк 10ТР (из книги Шмелёва по БТ).

Немецкая 105-мм корпусная пушка 10cm К 18. Это орудие Франц Гальдер поставил на 1-е место в качестве средства борьбы с танками КВ.

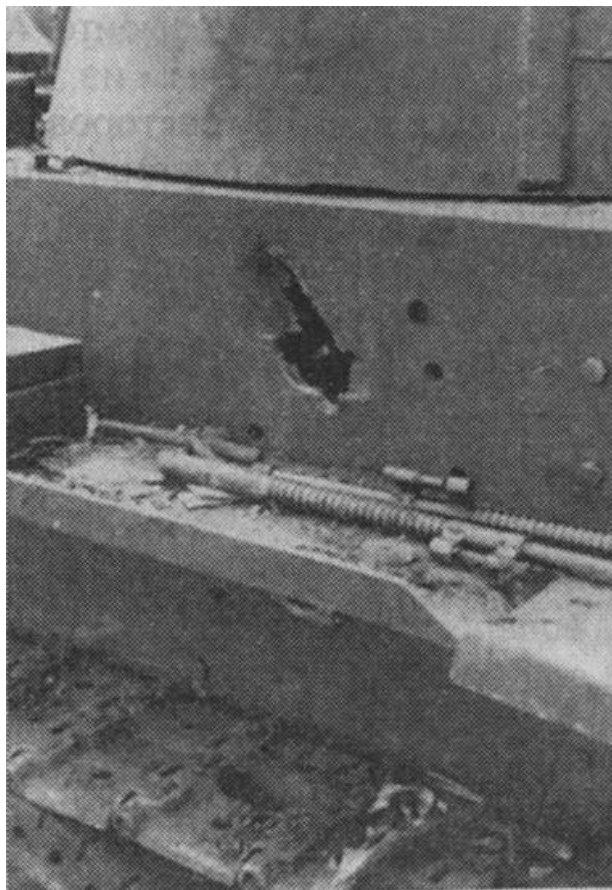
Немецкая 210-мм тяжёлая гаубица Moerser 18. Эти внушительные орудия сопровождали боевые группы немецких танковых дивизий, давая им возможность сокрушать любые укрепления. (Hogn I. German artillery of World War Two)

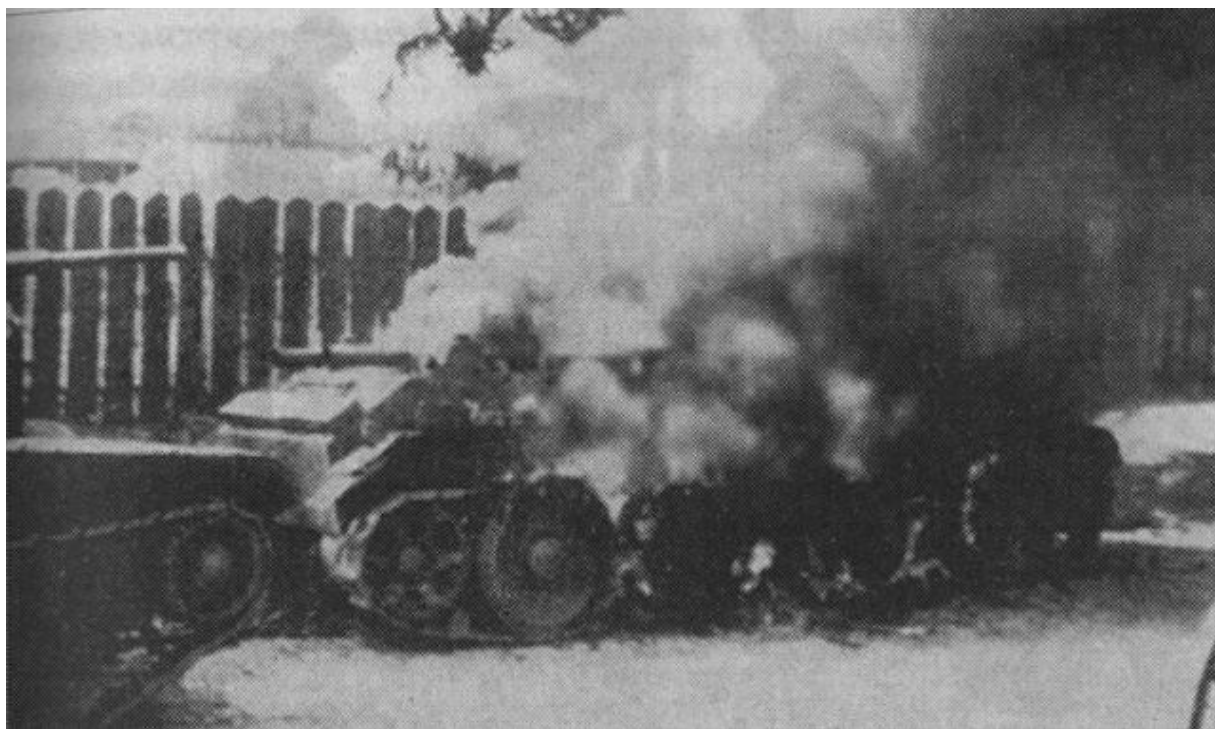
Они шли за «легкими и устаревшими». Подразделение немецких 210-мм мортир на буксире скоростных полугусеничных тягачей готовится к маршу.

Их никто не считал. Немецкие грузовики Опель «Блиц» где-то на бескрайних просторах России. Автомашины были не менее важным компонентом танковых дивизий немцев, чем Pz.III и Pz.IV.

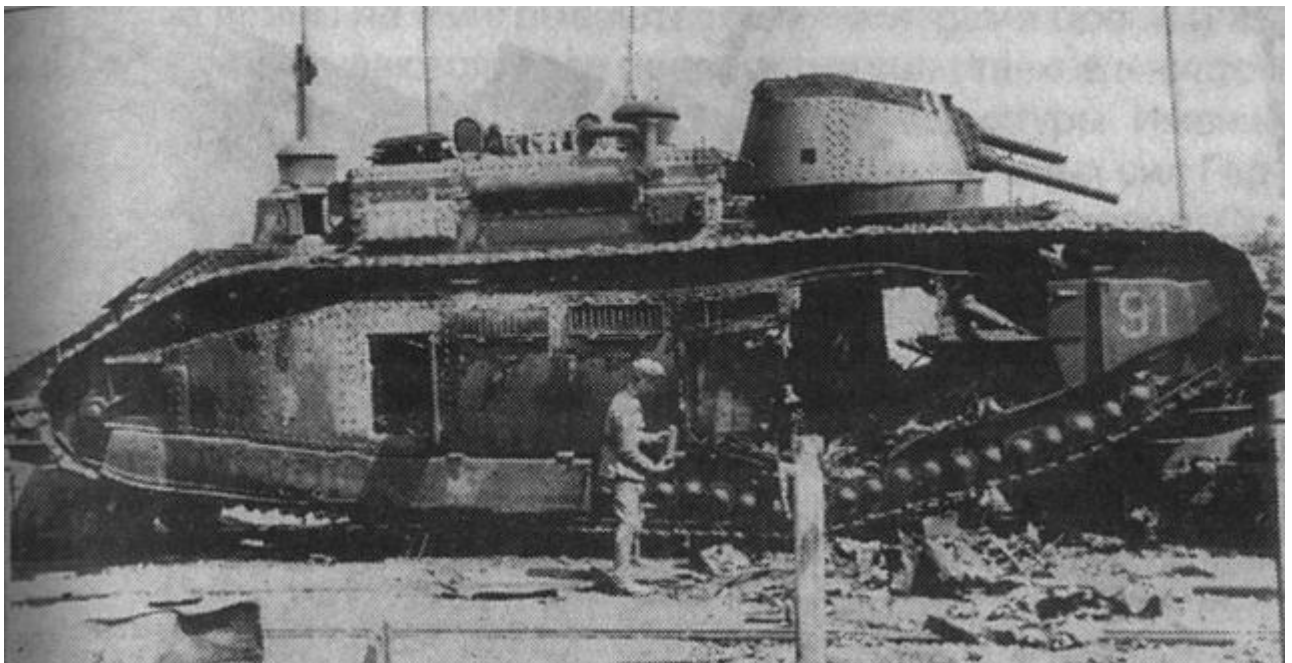
Броню БТ даже снаряды сравнительно небольшого калибра просто проламывали. Это вкупе с несовершенной организационной структурой мехкорпусов вызывало большие потери танков этого типа. На снимке - пробоина от снаряда 50-мм противотанковой пушки ПАК-38.

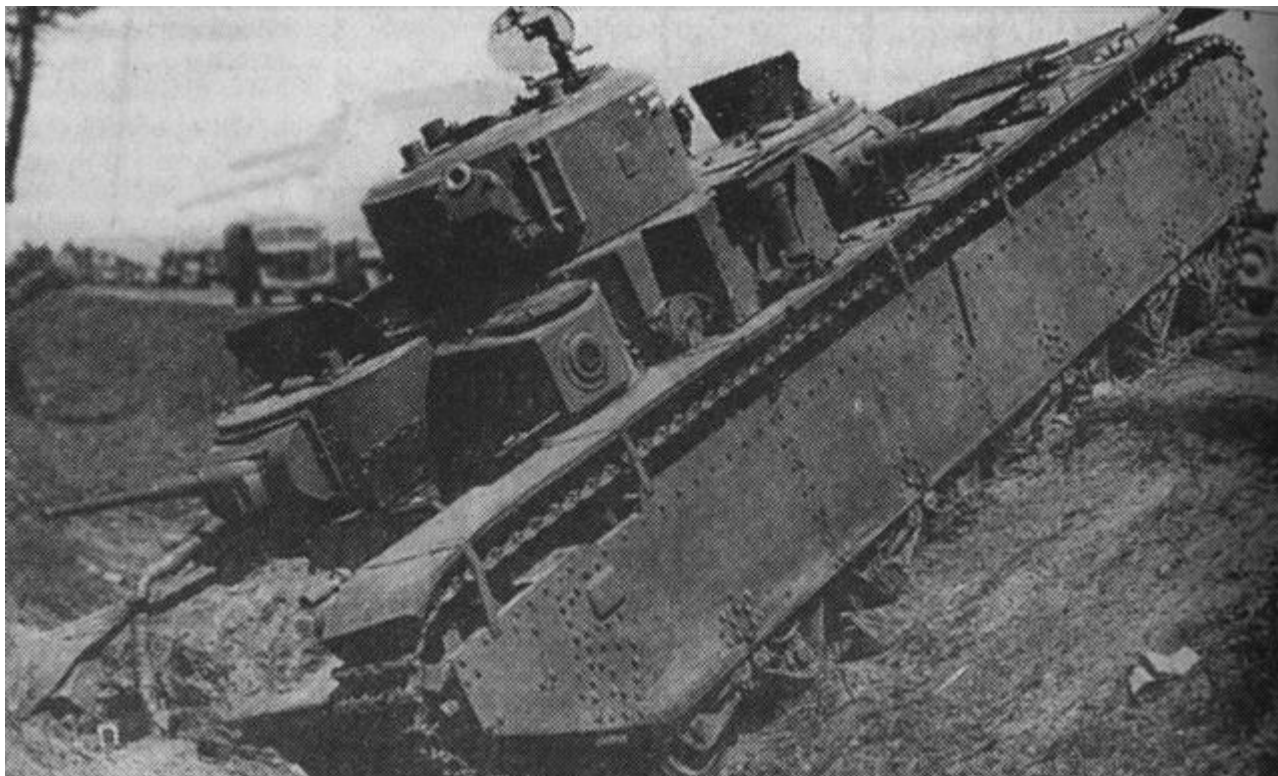
Горящий советский танк БТ. Украина, 1941 г.

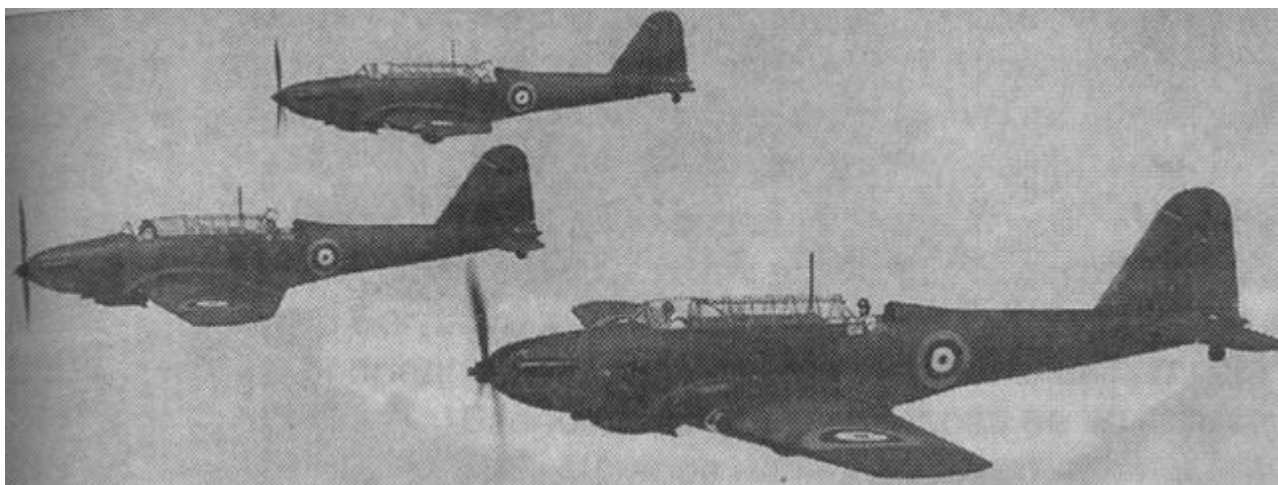
Картины катастроф всегда похожи друг на друга.
«Сводный брат» БТ - английский «Крейсер», брошенный во Франции. 1940 г.

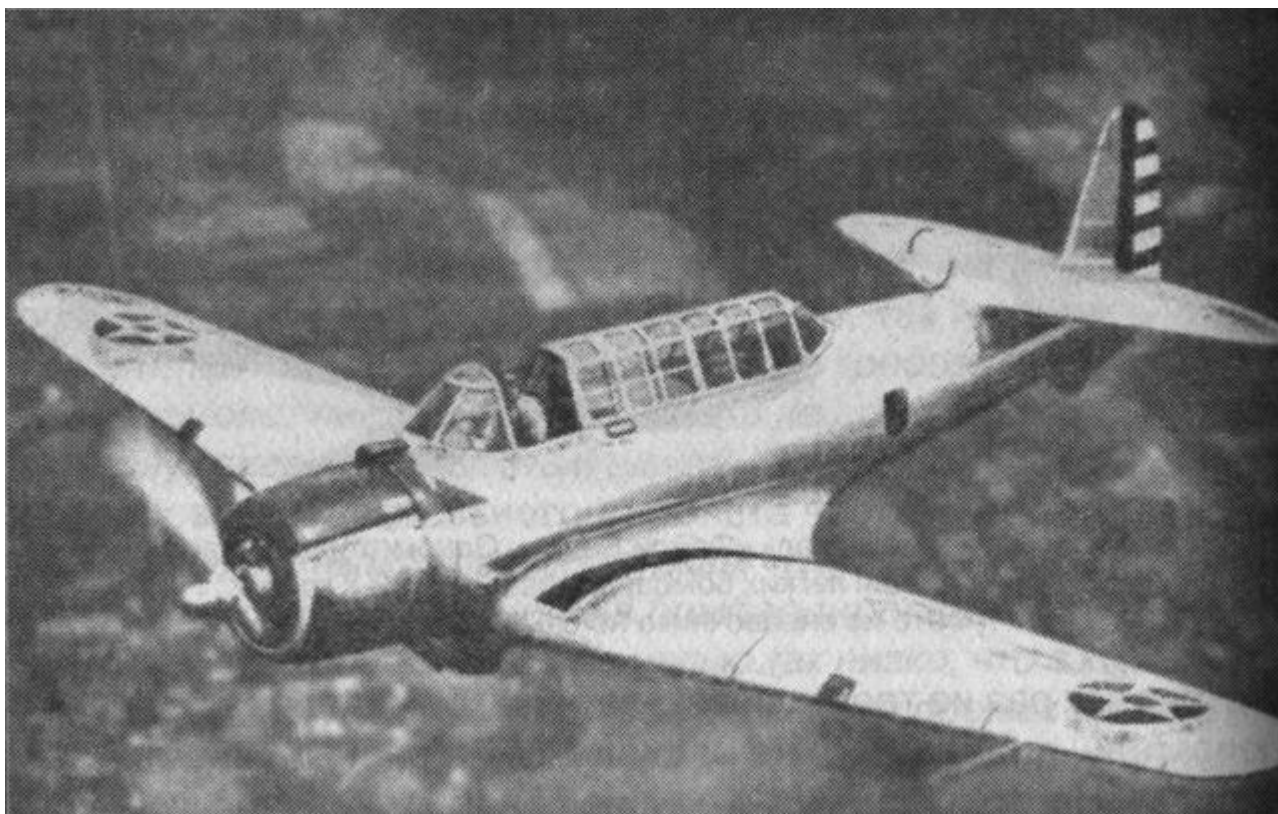
Поверженный гигант, не оправдавший надежд.
Взорванный французский тяжёлый танк 2С. (Танкомастер)

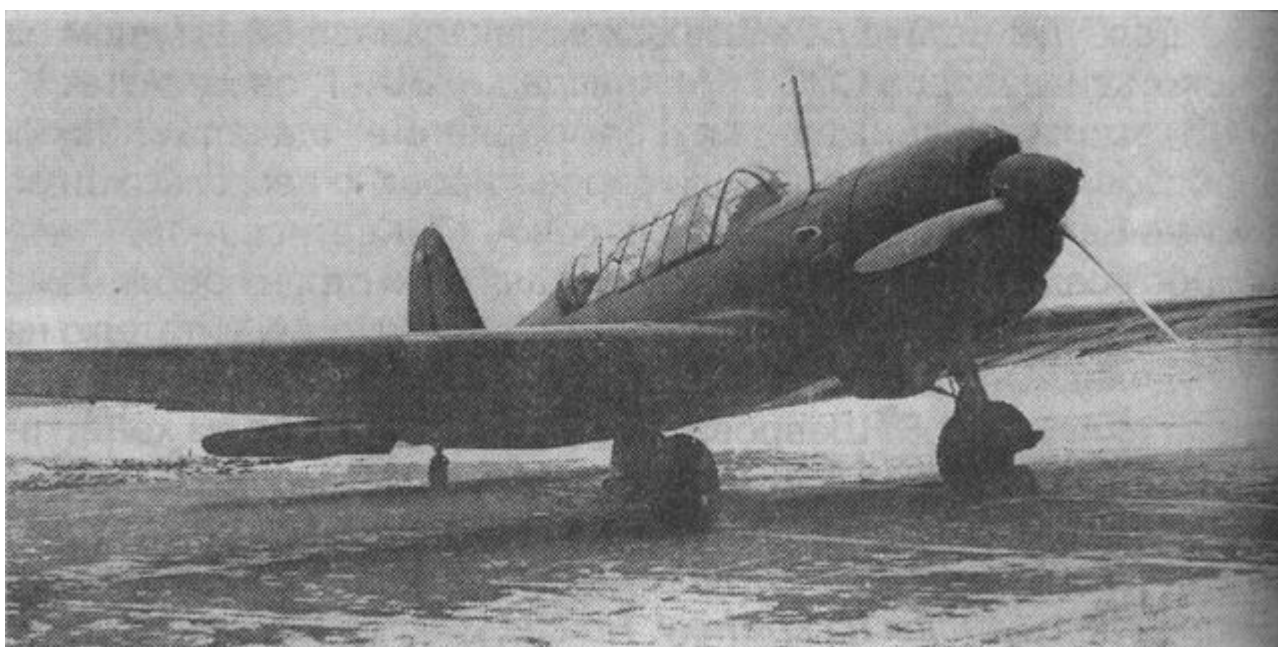
Повторивший судьбу французского колосса. Брошенный танк Т-35.

Английский «самолёт-шакал» «Фейри Бэттл». Одномоторная схема была типичной для лёгких бомбардировщиков 30-х годов (Фото из справочника по самолетам RAF)

Американский «самолёт-шакал».
Лёгкий бомбардировщик и штурмовик фирмы Вальти.

Один из многих. Советский лёгкий бомбардировщик Су-2.
(Фотография из книги Дм. Хазанова)

«Ныряющий танк». На берег выбирается Tauchpanzer III.

Танки с оборудованием подводного хода были альтернативой плавающим танкам.

По мнению В. Суворова, взрыв мостов мог остановить вермахт.
Взорванный мост через реку Великая (район Острова, 1941 г.).

Пример быстрого восстановления моста. Взорванный мост через реку Ирпень, восстановлен сапёрами 13-й танковой дивизии с помощью все того же K-Geraet.

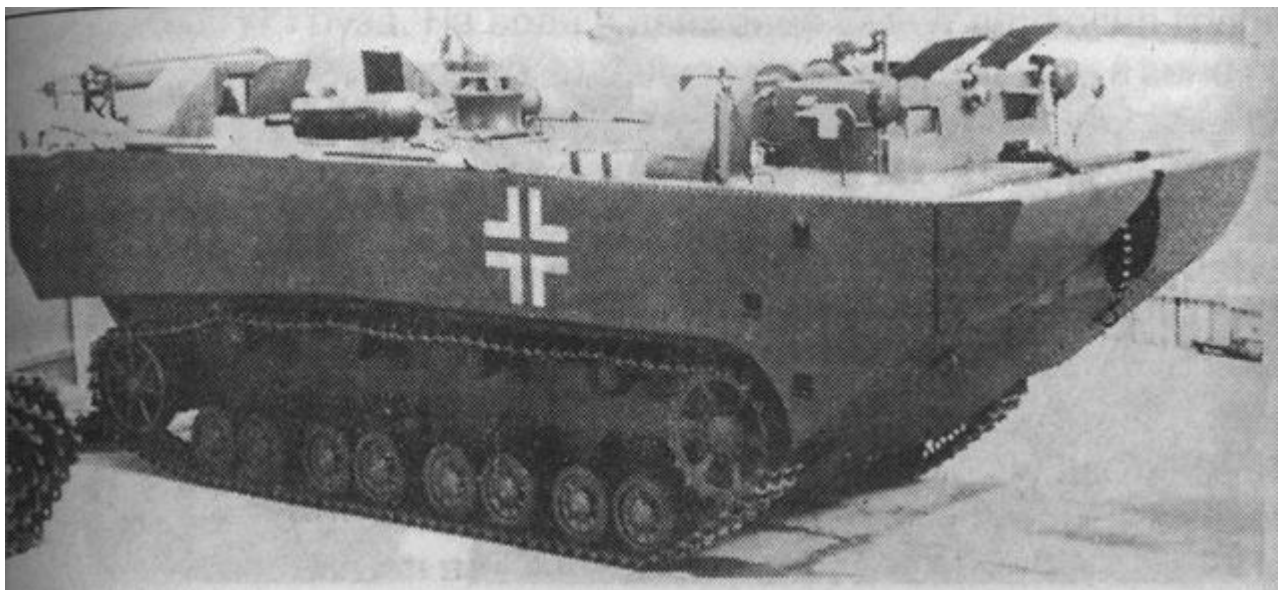
Не все воюют с автоматами в руках.
Немецкие сапёры с полупонтоном (Waffen Arsenal).

Результаты работы понтонно-мостового батальона.
Построенный параллельно взорванному советскими войсками наплавной мост через Днепр в Кременчуге (Waffen Arsenal).

Английский прототип советских плавающих танков.
Плавающая танкетка «Карден-Ллойд».

Немецкое «земноводное» - транспортёр-тягач LWS фирмы «Магирус». Хорошо видно, что конструкция шасси машины позаимствована от танка Pz.IV (Шпильбергер).

LWS в действии. Два транспортёра перевозят через реку танк Pz.IV (Шпильбергер).

1941 год. Слушатели Академии им. Ф.Э. Дзержинского изучают орудия, оставшиеся от царской армии -122-мм гаубицу обр. 1910/30 гг. и 152-мм гаубицу обр. 1909/30 гг. Такие орудия составляли ядро советской артиллерии в 1941 г. (Военная летопись).

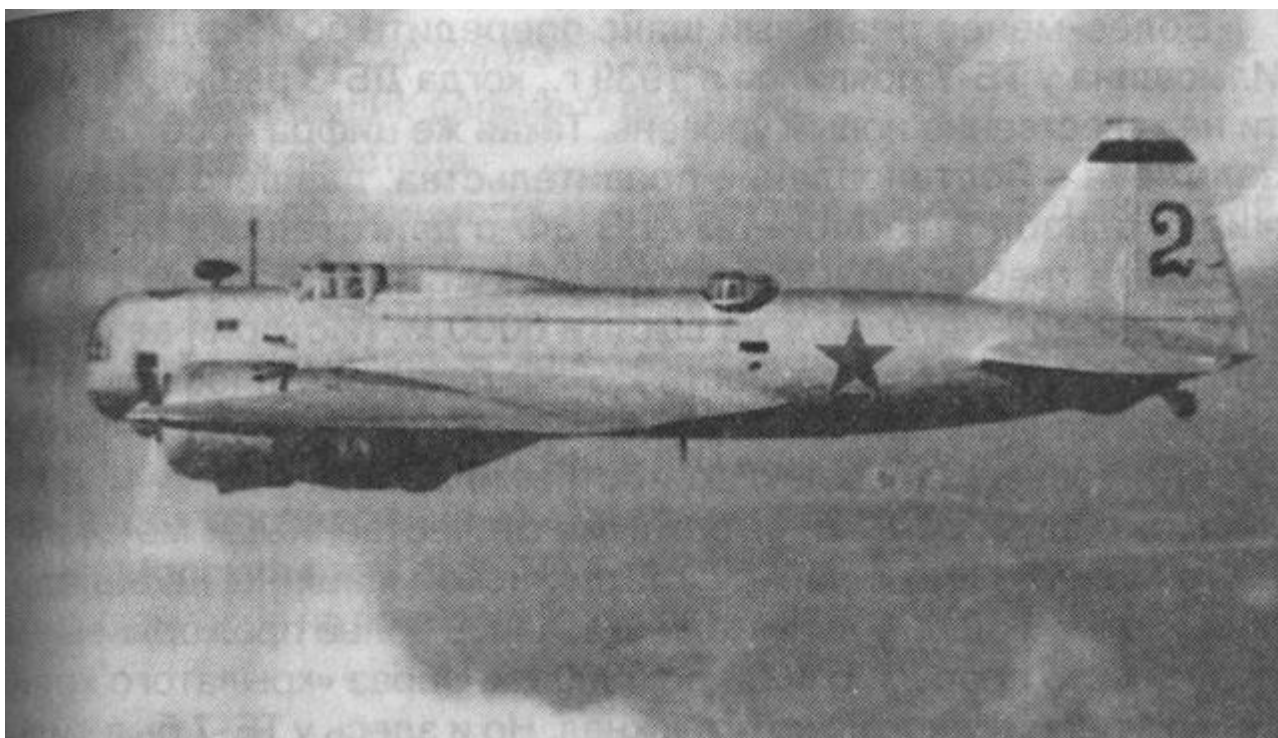
Необсыпанный «демонстративный ДОТ».
«Линия Молотова»? Нет, польская Млава.

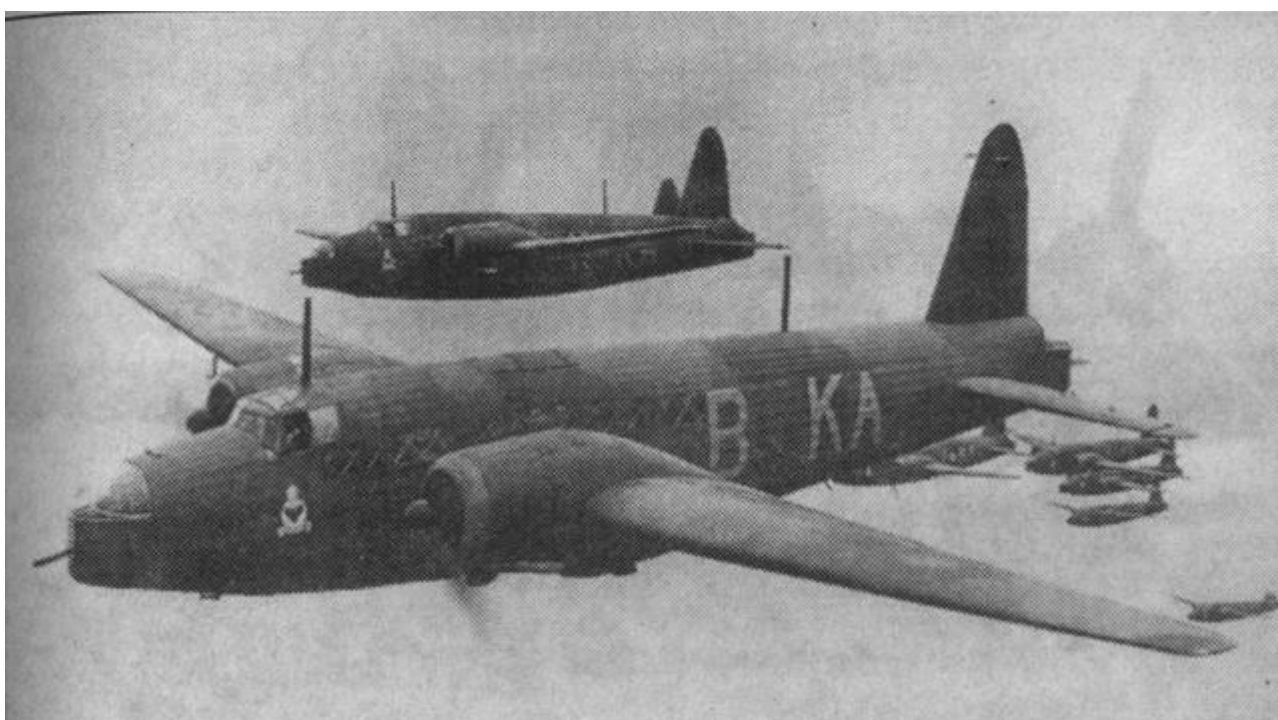
«Демонстративные» ДОТы, на сутки задержавшие продвижение 44-й пехотной дивизии. Немецкие солдаты осматривают захваченные ДОТы «Линии Молотова».

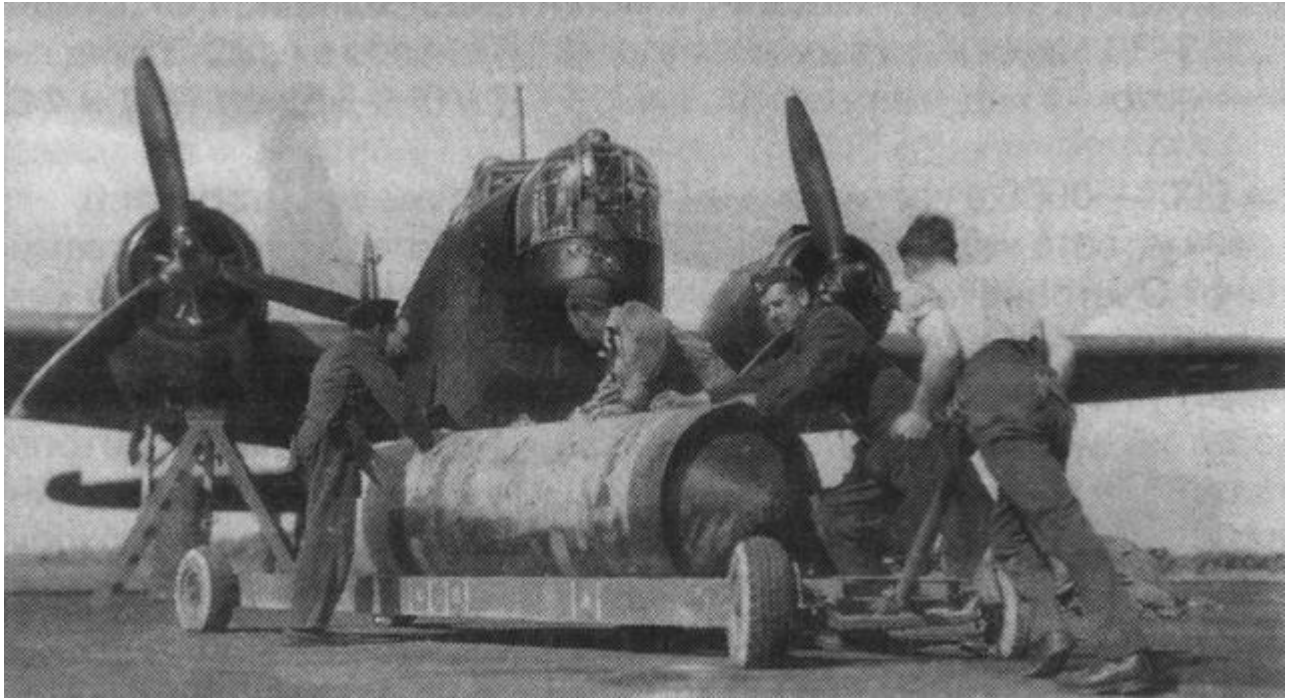
Эти мрачные молодые люди преодолели позиционный кризис Первой мировой. Штурмовые группы с дымовыми шашками, гранатами, зарядами взрывчатки, ножницами для резки проволоки сокрушали ДОТы «Линии Мажино», «Линии Сталина», «Линии Молотова» и Лужского рубежа (Military Illustrated).

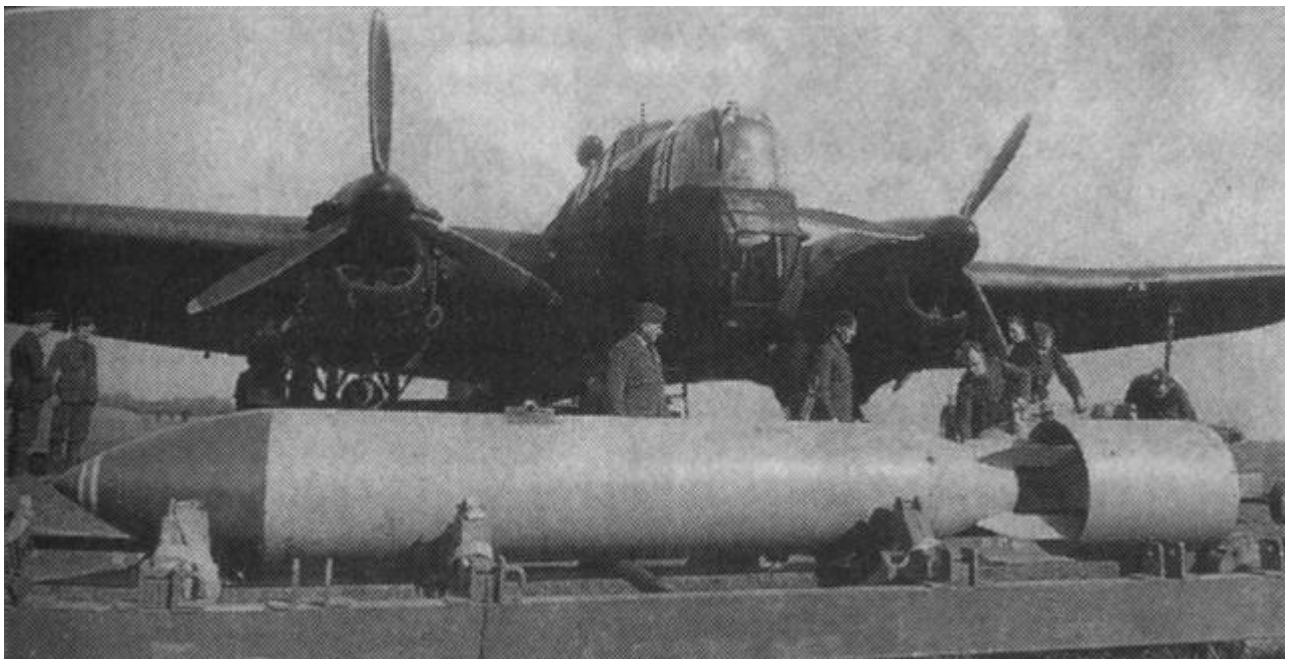
Крылатый крейсер империи. Двухмоторный «стратег» ВВС РККА ДБ-3. Они летали на Берлин и Плоешти (История авиации).

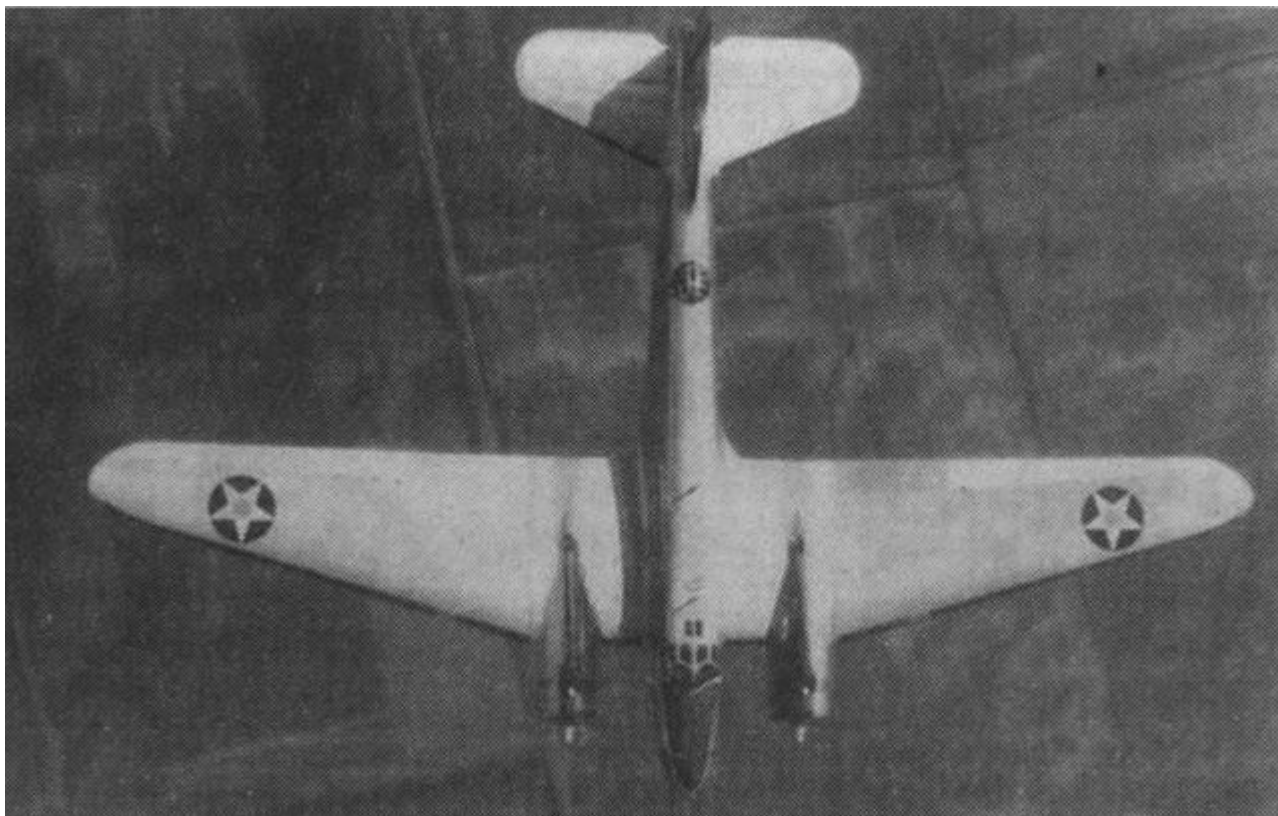
Двухмоторные самолеты стратегической авиации. Английский Виккерс «Веллингтон» был ночным кошмаром немецких городов в первом периоде Второй мировой войны (фотография из справочника по RAF)

Большая бомба для стратегических целей. Загрузка 4000-фунтовой (1814 кг) бомбы в бомбардировщик «Веллингтон» (фотография из справочника по RAF).

Двухмоторные самолеты стратегической авиации. Английский бомбардировщик Армстронг-Уитворт Уитли. На переднем плане - 7000 фунтовая (3175 кг) бомба, которую нёс этот самолёт (фотография из справочника по RAF).

Двухмоторные самолеты стратегической авиации.
Американский Дуглас Б-18 (фотография из In Action).

«Рассеняйский КВ» не был «первенцем» у 6-й танковой дивизии. Соединение уже имело опыт боев с тяжелыми танками во Франции. На снимке: подбитый французский тяжёлый танк В 1 bis.

Он не остановил танковую группу. Подбитый немецкими зенитчиками танк КВ-2. Из надписи на башне следует, что он был подбит в районе Дубно 30 июня 1941 г.